

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

6' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 731118, 429118, 993336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSE.RU/ESLI.

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ
ЭЛЬ КОРАСОН

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
ВЕРНОР ВИНДЖ
СЕРГЕЙ СИНЯКИН
КАРЛ ФРЕДЕРИК

СЕРГЕЙ НЕКРАСОВ:
ТУЗЕМЦЫ
И КОНКИСТАДОРЫ

Интервью с «отцом космического лифта» Юрием АРЦУТАНОВЫМ читайте на стр. 277

*Космический лифт
в представлении художников
А.Аеонова и А.Соколова (1967)*

*...один смелый
русский инженер
придумал
систему, которая
сделает ракету
устаревшей.*

Артур Кларк

*Артур Кларк (справа) и Юрий Арцутанов
в Космическом музее ГДЛ
в Петропавловской крепости (1982)*

*Оригинальная
публикация первой
статьи Юрия
Арцутанова о
космическом лифте
(1960)*

*Космический лифт НАСА
(современная реконструкция)*

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРИСПИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail:marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2006

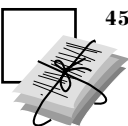

3 Владимир МИХАЙЛОВ ПОВЕСТЬ О ЛАЗУРНОЙ ПРИНЦЕССЕ

Привилегия принцессы — питать надежды
и честолюбивые мечты соискателей, и ее
же горькая судьба — убедиться в корысти
и даже коварстве этих замыслов.

127 Кирилл БЕНЕДИКТОВ ЭЛЬ КОРАСОН

Поскольку жанр этой повести не поддается
определению, упомянем ее ингредиенты.
Щепотка альтернативной истории,
пряный запах любовного романа, толика
мистики (в облике НФ) и много детектива.

45 Карл ФРЕДЕРИК МОЛИТВА О ПОГИБШЕЙ ПАРАМЕЦИИ

Не спрашивайте, только ли по инфузории
она звучит.

59 Вернор ВИНДЖ КОМПЛЕКСНАЯ ИНТУИЦИЯ

На уроке труда ученики занимаются... нет,
не синхрофазотроном. Они пытаются най-
ти свое место в жизни.

91 Майкл ДЖАСПЕР РАБОТА В ИГРЕ

От зари до зари, без отдыха и выходных
они вкалывают, чтобы заработать поболь-
ше очков.

105 Сергей СИНЯКИН СТРАНСТВУЮЩИЕ ГОСТИ ТАБОРА

Они приходят ниоткуда и уходят в никуда.
И не пытайтесь узнать их историю...

79 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**

ВЕНДЕТТА ЮБЕР АЛЛЕС

Новый Монте-Кристо цитирует Шекспира и мстит в масштабах целой антиутопии.

85 **Вл. ГАКОВ**

ЗАТЕРЯННЫЙ НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ

Непризнанный отец Терминатора, вечный бунтарь и новый Гранд-мастер фантастики.

81 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Победят ли анимационные сиквелы свои оригиналы? Победит ли Милла Йовович своих врагов? Победит ли суперняня толпу маленьких негодяев?

257 **Марина и Сергей ДЯЧЕНКО**

НАШЕ ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ БУДУЩЕЕ

Анализируя последний опрос посетителей сервера «Русская фантастика», известные фантасты призывают читателей вернуться в светлое будущее.

259 **РЕЦЕНЗИИ**

После трудового дня не забудьте заглянуть в книжный магазин!

281 **КУРСОР**

«Еврокон-2008» — в России!

267 **Сергей НЕКРАСОВ**

...И ТУТ ВЫХОДЯТ ОНИ, ВСЕ В БЕЛОМ

В нынешних бедах отечественной фантастики виновата самонадеянность пишущей братии. С автором этих эмоциональных заметок можно, конечно, и поспорить...

272 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Жанровая критика вырождается! — единодушно считают эксперты.

277 **Юрий АРЦУТАНОВ**

**«АРТУР КЛАРК ПРИЕЗЖАЛ
НЕ К ЧИНОВНИКАМ, А КО МНЕ»**

Человек, придумавший космический лифт.

284 **ПЕРСОНАЛИИ**

Как известно, плох тот фантаст, у которого нет богатого жизненного и профессионального опыта. Авторы этого номера нарабатывали опыт в самых разных областях: один в математике, другой в физике, третий в правозащитных организациях, а кое-кому довелось поработать буфетчиком.

В Л А Д И М И Р М И Х А Й Л О В

ПОВЕСТЬ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

О ЛАЗУРНОЙ ПРИНЦЕССЕ

Часто приходится слышать о сложности мира. На самом деле он устроен очень просто — во всяком случае, в пределах нашей Галактики, а относительно других есть основания полагать, что и их структура такова же — с небольшими, может быть, отклонениями.

Речь, как вы понимаете, идет не о физике — с ней все (в доступных нам пределах) более или менее ясно, а о той стадии развития материи, которую мы называем жизнью. Ошибочно считать, что существует нечто, не являющееся живым. На самом деле все живо, только проявляется жизнь для разных структур по-разному, одно лишь людское высокомерие не позволяет нам понять это. На деле, повторяем, все устроено разумно и просто. Существует система конструирования жизнеспособных моделей (ее адрес — Срединные миры, или Ядро, с наших задворков не наблюдаемое), затем — полигоны, числом тридцать восемь (всего-то!), расположенные в разных витках туманности, в которой мы обитаем. Восемь из них составляют первую группу — по многообразию существующих на них природных условий, которые позволяют подвергать новые модели живых существ испытаниям в широчайших диапазонах. Остальные три десятка обладают более ограниченными возможностями.

А далее — небесные тела, на которых жизнь (мы намеренно ограничиваем себя, говоря только и исключительно о жизни белковой) может существовать и развиваться, пусть и в разных формах. Из боязни ошибиться не станем называть точного их числа — но, во всяком случае, их на многие порядки больше, чем мы привыкли считать. Каждая новая конструкция жизни проходит испытания на одном из полигонов в условиях, какие существуют в том мире, для которого новая модель предназначена. Если испытание пройдено, конструкторы переходят к формированию пакета для этого небесного тела, поскольку любая модель может существовать только в гармонизированной среде: скажем, плотоядные не могут жить там, где нет травоядных, а тем нужна растительность, а ей... ну, и так далее. Когда такой пакет удастся собрать — происходит освоение намеченного тела, и во Вселенной становится одним обитаемым миром больше. В дальнейшем он станет совершенствоваться, конструкции — развиваться, туда будут подселяться новые модели, некоторые же, напротив, изыматься, но это уже детали. В общем же население таких миров весьма стабильно.

Что же касается полигонов, особенно первой восьмерки, то там движение живых конструкций происходит постоянно. Испытание одних завершается — и, значит, в скором (геологически) времени они (не

все особи, конечно, поскольку за время обкатки конструкции успевают размножиться иногда весьма значительно) переносятся туда, куда и предполагалось, остальные же, оставшиеся на полигоне, достаточно быстро вымирают — поскольку конструкторы отключают у них репродуктивную функцию (как это произошло, к примеру, с динозаврами на Полигоне-шесть; сейчас эти конструкции живут в свое удовольствие в другом витке нашей Вселенной). А освободившееся после них место занимает новая модель, намеченная совсем для другого мира.

Модели могут обладать любой степенью сложности, от простейших до тех, что (по нашей терминологии, не Конструкторов!) наделены разумом; таких моделей — «разумных» — на сегодня насчитывается двадцать семь, и двадцать одна из них конструктивно имеет очень мало общего с нами — и между собой тоже. Мы с вами в списке Сущностей числимся под номером восемнадцатым. Не потому, что были созданы и запущены раньше чем, скажем, тысячные номера, но по той лишь причине, что первые сто позиций на Большом листе заранее отведены для моделей разумных, и семьдесят три из них еще никем не заняты. Вот так все просто на самом деле, но простые вещи часто оказываются самыми сложными для понимания.

В результате мы об этом ничего не знаем и знать не желаем: всякому разуму свойственно считать себя единственным и главным, вот почему он нередко ведет себя так, словно ему все дозволено. С этим недостатком даже сами Конструкторы до сих пор не могут справиться, хотя ощущение своей созданности заложено ими в разум изначально. Дело в том, что Конструкторы не Боги, сам же Верховный Творец предпочитает не вникать в детали. А любой материал всегда сопротивляется обработке.

По этой причине нередко в процессе обкатки моделей возникают неприятные ситуации, в частности — когда одна конструкция начинает угрожать другой, рискуя сорвать испытание. Как это получилось, например, с Тригом Егером на полигоне номер шесть, известном нам как планета Земля.

Не слышали эту историю? Ну, вот она.

* * *

И все-таки одно место еще оставалось свободным. Это было досадно. Это было обидно. Даже более: трагедией это было — или во всяком случае могло обернуться подлинной драмой. Это мешало жить. Настолько, что чем дальше, тем меньше хотелось заходить в комнату, которую Трилогий про себя называл не иначе как Залом Славы, хотя

официально она именовалась всего лишь большой гостиной. До того не хотелось, что он приказал даже пробить еще одну дверь в соседней столовой, чтобы можно было входить туда прямо из холла, минуя Зал. Потому что стоило ему переступить порог, как голова невольно поворачивалась и взгляд, сколько ни удерживайся, сам собой обращался к зияюще пустому месту на противоположной двери стене; месту, давно уже предназначенному для того, чего хозяину не хватало для полного счастья, для сознания, что жизнь прожита не зря и его предназначение в этом мире выполнено наилучшим, мало того — единственно возможным способом.

Правда, достаточно было в этот миг закрыть глаза — и внутреннее зрение Трига Егера мгновенно позволяло увидеть эту пустоту уже занятой.

Конечно же — ею, головой Лазурного слона.

Пока она не займет предназначенной ей части стены, задачу жизни никак нельзя будет считать выполненной.

* * *

Трилогий Егер с молодых лет мечтал о славе.

Он не то чтобы надеялся; нет, был совершенно уверен в том, что именно для нее, всемирной, всеобъемлющей, небывалой, он и был прислан в этот мир. Пожалуй, только этим могло оправдываться само существование этого мира, у которого, право же, не имелось других оснований считаться лучшим из миров, как издавна уверяли некоторые.

Трилогий не только мечтал о славе; он к ней готовился. Первый шаг на тернистом пути он сделал еще в ранней юности: унаследованную от родителей фамилию Пончик сменил на Егер. Новое сочетание звуков уже само собой говорило о твердом и решительном характере (краткость), сильной воле (сочетание звуков «Г» и «Р»: гора, грубость, гром, гранит, грандиозность, да мало ли), а незримый, но ясно слышимый острый звук «Й» в самом начале указывал на концентрированность и точность каждого действия — как острие шпаги или, современнее, летящая пуля. С предстоящей всемирной славой Пончик никак не монтировался, слово это не вызывало ни почтения, ни страха, ни безоговорочной преданности — ничего, кроме снисходительной улыбки. Егер — другое дело. Трилогий не представлял себе толпу, самозабвенно возглашающую: «Слава тебе, Пончик!». Зато «Великий Егер» — звучало ничуть не хуже, чем «Аве, Цезарь» или, скажем, «Да здравствует товарищ Сталин!». Ничем не хуже.

Имени своего он менять не стал, но вдвое сократил его, из Трилогия превратившись в Трига. Триг Егер — так вполне мог называться глава государства, великий полководец либо, на худой конец, экранная или эстрадная звезда.

Неизбежность такой судьбы ощущалась настолько точно, что Триг Егер (пусть уж будет так, как ему хочется) далеко не сразу стал задумываться — а на какой, собственно, стезе его эта слава поджидает? Отчего-то долгое время ему казалось, будто все, что он должен делать, это — ждать. Возникнув где-то в глубине пространственно-временного континуума, Слава, следуя предначертанным путем, придет к нему, крепко обнимет и вознесет на своих мощных крылах так высоко, как никого и никогда раньше.

* * *

Мир, называемый Инола (это мы так придумали, на самом деле у него совершенно другое имя, но мы не уполномочены раскрывать его, как и его галактические координаты; впрочем, и выговорить его правильно нам было бы не под силу), уже заселенный очень неплохим гармоничным пакетом живых конструкций, созрел наконец для принятия в свои пределы модели, наделенной разумом.

С этим никто в Ядре не спорил. Однако при выборе конкретной модели у Конструкторов возникли некоторые разногласия. Чуть ли не третья часть их выступала за использование конструкции с внешним скелетом, еще примерно столько же стояло за внутрискелетных — хищников или, на худой конец, всеядных. Однако сыграло роль существенное возражение. А именно — такие конструкции уже существовали, и по большей части испытания их заканчивались неудачей: всеядность предполагает минимум самоограничений, следовательно — максимум нарушений, исповедуемых Ядром Принципов. Поэтому в конце концов восторжествовало третье мнение: внутрискелетный, травоядный, четвероногий. Двунogie модели успели уже зарекомендовать себя далеко не с лучшей стороны, поскольку у них руки, как правило, быстродействием опережали мозг, что приводило ко многим бедам.

Сторонники хищников опасались того, что такая модель окажется слишком уязвимой, поскольку хищные, в том числе достаточно крупные, на Иноле были уже внедрены. Однако сторонники вегетарианства нашли выход из положения, остановившись на конструкции весьма крупной и физически мощной. И не только потому, что это гарантировало надежную защиту, но еще и по той причине, что крупное и потому уверенное в себе существо не станет употреблять разум во зло

другим, ведь разум употребляют во вред лишь те, кто далеко не уверен в себе и живет в постоянном страхе. Кстати, еще и по этой причине, а не только вследствие всеядности, была отвергнута конструкция мелких грызунов, весьма жизнеспособная и в прочих отношениях очень выгодная.

Все это случилось, по нашему исчислению, за три с лишним года до того, как произошли события, о которых мы уже начали рассказывать.

* * *

Триг был трудолюбив и усерден. Поэтому он без особых усилий закончил школу. Слава первого ученика была настолько ничтожной, что завоевывать ее совершенно не стоило, да он и не старался, помня о том, что многие люди, которых позже называли великими, сэр Уинстон, например, или Эйнштейн, в школе успехами не выделялись, совсем наоборот. «Кто был ничем, тот станет всем», — повторял Триг про себя где-то услышанные слова. И усмехался. Именно тогда он научился такой усмешке — снисходительно-доброжелательной, как бы говорящей: «Ладно, человечки, занимайтесь своими делишками, ни на что большее вас не хватит, суетитесь себе и дальше, а великие дела оставьте другим — тем, кто для них создан». Хотя кое-кто из злоязычных приятелей утверждал, что такое выражение лица вызывалось лишь несварением желудка. Триг старался на это не обижаться: знал, что чем дальше, тем зависти людской будет больше, слава порождает ее неизбежно, как ярко освещенный предмет не может не отбрасывать тени. Но великие люди должны прощать заунывным их недостатки.

Зная, что слава отыщет его, где бы он ни находился, Триг, получив школьный аттестат, не сразу задумался о том, что, может быть, человек, взыскующий славы, все же не должен находиться в неподвижности. Слава идет к нему — да, бесспорно; но ведь если и он будет делать какие-то шаги ей навстречу — свидание их состоится раньше, не так ли? Существует, надо полагать, некая точка, в которой они должны встретиться; и к этому пункту ведет не одна какая-то дорога, но множество, во всяком случае — несколько. Так что приходилось решать: какая же из них окажется самой короткой и потребует меньших затрат энергии (потому что как можно больше этой энергии следовало сохранить для тех времен, когда слава и Триг Егер станут синонимами; тогда-то ей и найдется достойное применение).

Казалось, выбрать дорогу — дело несложное.

Углубленное изучение истории убедило Трига в том, что, несомненно, высшая слава осеняет тех, кто — своими ли, чужими ли руками —

ухитрился прервать как можно больше других жизней. Потому что иначе убьют тебя самого. Слава в данном случае окажется посмертной. А это как-то сразу снижало ее привлекательность. Лучи славы (Триг употребил именно такое, очень не новое выражение) должны озарять тебя самого, а не твою могилу. Там они тебя уже не согреют.

Убивать как можно больше других. И при этом — совершенно, или почти совершенно, не рисковать собственной жизнью. А для этого — не врагов наживать среди себе подобных, но лишь славу в чистом виде. Должен же существовать такой способ!

Ответ, как это порой бывает, пришел как бы случайно. Он обнаружился в заграничном, богато иллюстрированном, почти научном журнале. На центральном развороте. И оказался настолько простым и убедительным, что можно было лишь удивляться: как это до сих пор никто не ухватился за такую возможность по-настоящему, всерьез, масштабно? И практически с минимальным риском для себя?

Люди часто не замечают того, что лежит у них под самым носом.

А вот Триг Егер заметил. Оценил. И сразу же принял к исполнению, поняв: это ему по силам.

При этом он подумал о том, что явно не зря, меняя фамилию, выбрал себе именно такую. Видно, подсознание уже тогда понимало, что именно станет смыслом его жизни. Но не спешило открыть это его сознанию. Теперь пробил час.

Охота. Сафари. И ничто другое.

* * *

Как мы уже убедились, жизнь в нашей Вселенной — конструкция хотя и весьма простая, но достаточно разветвленная. И, как всякая централизованная структура, она не может обходиться без системы постоянного наблюдения, контроля и — в случае необходимости — вмешательства.

Такая система действительно существует. В переводе на язык наших (то есть доступных нам) понятий ее можно, пожалуй, назвать Галактической патрульно-постовой службой. Такова функция данной службы, но на этом сходство и кончается.

Те, кто занимается этой деятельностью (мы чуть было не обмолвились, до того хотелось назвать их людьми, но на самом деле это не так, поэтому чисто условно назовем их «глитами», предупреждая, что это всего лишь произвольное звуко сочетание, лишенное конкретного смысла), вовсе не раскатывают по Галактике на каких-то небывалых транспортных средствах. Достаточно того, что они постоянно просматривают

Вселенную и приходят в движение лишь тогда, когда получают из какой-то точки сигнал неблагополучия — если это неблагополучие действительно серьезно. Лишь тогда патрульная группа (чаще всего она состоит из двух глитов) мгновенно перемещается в точку нарушения Принципов и принимает нужные меры. Перемещение производится без использования каких-либо механизмов, потому что куда проще произвести локальное искривление пространства, и, как принято говорить у нас, одна нога здесь, другая — там.

Мы остановились на этом потому, что нам вскоре придется встретиться (надеемся, что только на этих страницах) с одной такой группой. А как говорится: «Предупрежден, значит, вооружен».

* * *

«Еще одно чудо природы!» — статейку под таким названием Триг выудил в красивом журнале. Она-то и помогла ему принять решение.

Говорилось же в ней о том, что в одной из южноафриканских стран обнаружено совершенно сказочное животное. То есть не порода его была сказочной, это не был какой-нибудь трех- или хотя бы двухголовый монстр, а всего лишь нормальный слоненок. Но, в отличие от пока еще уцелевшего множества особей двух видов, азиатского и африканского, юная слонишка обладала голубым окрасом. Лазурная слониша! Единственная, судя по всему, в природе. Первая и последняя.

То есть единственный и неповторимый охотничий трофей.

Воистину — цель, достойная славы.

При условии, конечно, что слонику удастся поймать еще до того, как она начнет порождать себе подобных, потому что в таком случае она перестанет быть уникальной.

Правда, в ближайшие два-три года такое вряд ли случится. То есть времени достаточно для того, чтобы освоить искусство большой охоты и в нужный час выступить во всеоружии.

Триг это понял. И сразу же принялся за дело.

Было это, напоминаем, три года назад.

* * *

Ас Орум Иг Орум занимал высокий пост Первого лица строгой ответственности в патруле Охраны Принципов Третьего стерадиана Творения. Назначение на столь важный пост свидетельствует о том, что Ас Орум был глитом серьезным, опытным, на которого можно положиться в любой обстановке. Он и действительно являлся таким, а то, что степень его достоинства обозначалась тремя шестипалыми листьями и

двумя большими наконечниками, неоспоримо свидетельствовало о немалом авторитете, каким пользовался он как в обществе, так и в Сферах Управления, а также о серьезности задач, какие ему приходилось решать при исполнении служебных обязанностей.

Ему полагалось просматривать вверенное вниманию патруля пространство четырежды за каждое кольцо времени; всякое дежурство — его и всей его команды (состоявшей кроме Ас Орума еще и из Второго лица) — должно было длиться тридцать таких колец, а затем еще столько же времени находиться в состоянии ослабленной готовности, чтобы в случае какой-либо необходимости — то есть нарушения равновесия, свойственного всему мирозданию — немедленно оказаться в нужном месте и навести должный порядок, как предписывала соответствующая инструкция, при «минимальном применении действий, не имеющих возвратного движения». У нас на Земле сказали бы «с минимальным применением силовых методов» или, еще проще, «без излишнего кровопролития».

Ему полагалось — и не было еще случая, чтобы Ас Орум позволил себе просмотреть пространство как-нибудь поверхностно, отвлекая внимание на что-то другое. Даже тогда, когда прокручивались уже последние кольца служебного времени и восприятие невольно притуплялось, когда все в организме просило если не отдыха, то во всяком случае перемены действий (которая, как считают многие, и является лучшим отдыхом), и мысли невольно старались убежать вперед, во время, которое настанет после окончания вахты, Ас Орум усилием воли заставлял себя оставаться в рабочей частоте восприятия и реагирования. Таким уж он был — не то чтобы служакой, но, скажем, почитателем долга и чести. Чего, кстати, и вам желаем.

Такое отношение к делу, как правило, приносит плоды. Так получилось и на сей раз. Когда до смены оставалось уже меньше одного кольца, лишь предельная концентрация усталого внимания позволила Первому лицу заметить пришедший из очень удаленных координат сигнал. Настолько слабый, что его мог уловить только хранитель с таким опытом, каким обладал Ас Орум.

Сигнал заставил его насторожиться. А затем и огорчиться — настолько, что Ас Орум не смог удержаться от приглушенного стога.

— Что? — сразу же откликнулся на этот звук стоявший по соседству Мино Пал, Второе лицо в составе патруля.

— Опять Полигон-6!..

— Великие Силы! И, конечно же, снова модель восемнадцать?

— А кто же еще?

— Что там на этот раз?

— Кажется, пока ничего особенного, но увидим на месте.

Сигнал был не только очень слабым; он к тому же свидетельствовал не о происшедшем или совершаемом нарушении Принципов, но лишь о возникновении предпосылок к нарушению, с вероятностью три пятых. Впрочем, почти сразу оценка изменилась, возросла до четырех пятых. И это было уже достаточно серьезно. Поскольку если нарушение произойдет, то будет существенно искажена линия развития жизни в мире Инола.

Поэтому охранитель без малейшего промедления объявил своему подчиненному о переходе от «рабочего внимания» к «вниманию напряженному». После этого еще могла, конечно, последовать команда «возврат», и оба вздохнули бы с облегчением; однако куда вероятнее было, что придется отдать другое распоряжение. А именно: «Операция».

* * *

Итак, Триг Егер однажды нашел наконец подлинное предназначение. Свой путь к величию и славе, удовлетворявший двум главным требованиям, какие выдвигал он, все еще пребывая бизнесменом средней руки, производителем запчастей к отечественным автомобилям — а это путь, на котором, как все понимают, всемирная слава не валяется. Найденное решение вопроса понравилось ему еще и потому, что помимо названных основных требований удовлетворяло и весьма приятным дополнительным, так сказать сопутствующим пожеланиям.

Перед тем как приступить к выполнению замысла, Триг Егер учинил последнюю проверку своего плана. Он задавал жизни прямые вопросы и отыскивал на них точные и откровенные ответы.

Первым из вопросов было: «Достигается ли таким путем подлинное величие, всемирная и долгая слава?»

Ответ был предельно кратким: «Вспомни Нимврода. Он был равен богам, и о нем помнят даже сейчас, хотя с той поры миновали тысячелетия».

Триг признал ответ вполне удовлетворительным.

Затем последовал второй вопрос: «Придется ли на этом пути сталкиваться с сопротивлением, конкуренцией, опасностью со стороны других людей?»

Ответ: «Со стороны людей — нет. Или почти нет».

Понимать это было очень приятно.

«По силам ли мне окажутся неизбежные расходы?»

«Уложишься».

Такое мнение можно было только приветствовать.

«Насколько благоприятным окажется сам процесс продвижения к славе?»

Ответ оказался неожиданно пространным: «Он будет приносить громадное удовлетворение, какого до сих пор тебе не приходилось испытывать. Стоит только пустить в ход воображение».

Это, безусловно, воодушевляло.

Остальное было понятно ему и без вопросов. То, что процесс завоевания славы отнимает сравнительно немного времени. Так что его бизнес не пострадает. Даже наоборот: чем славнее он будет становиться, тем известнее сделается и его производство. Реклама — двигатель торговли.

Только брэнд придется сменить на более выразительный. И романтический, что ли.

Как это там пелось в старинной песенке — «Малой кровью, могучим ударом...»?

Вот именно.

Удар будет весьма могучим.

Он принял решение уже три года назад. И прошли они не напрасно.

Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в ту комнату жилища Трига, которая размерами уступала большой гостиной, но была, пожалуй, единственной, не вызывавшей у хозяина ни малейших отрицательных чувств. А именно — в оружейную. Если бы вас туда впустили, конечно.

Здесь вдоль двух стен стояли пирамиды, где за толстыми непробируемыми стеклами покоилась коллекция, которой Триг отдавал практически все свое свободное время и немалую часть денег: лучшее, может быть, в Москве, да и во всей стране, собрание охотничьего оружия и вообще всего, имеющего отношение к большой, серьезной, респектабельной охоте. Не на уток каких-нибудь или зайцев и даже не на кабанов и вообще парнокопытных, чем тешится и простой народ, и тот, что посложнее. Никоим образом.

Здесь, в оружейной, ничто не раздражало, не вызывало досады. Ведь все, что можно было тут увидеть, за три года ни разу его не подвело, всегда честно выполняло свой долг. Любая винтовка, от легких, но убийных «двухсотсемидесятков» семимиллиметрового калибра, от соседствовавших с ними инструментов калибром 9,3 — и дальше,

вплоть до могучих, чье семейство начинается с модели 375H&H, тех, с которыми только и можно выходить на любого представителя Большой пятерки. А пока ты с нею не схватился, ни один серьезный охотник не будет считать тебя настоящим человеком.

Правда, Триг полагал, что на самом деле говорить нужно о шестерке: лев, слон, носорог, буйвол, тигр, леопард. Три хищника и столько же вегетарианцев — впрочем, ничуть не менее опасных, когда сталкиваешься с ними лицом к лицу. Где-нибудь в Кении, Ботсване, Зимбабве, Танзании или ЮАР — если ты предпочитаешь Африку Индии, где тоже хватает и слонов, и носорогов, и тигров; правда, буйвол там помельче африканского. Но Индия все же не Африка. Океан тот же, однако берег совсем другой.

Прохаживаясь взад-вперед вдоль застекленных пирамид, можно было с удовольствием вспоминать, а может быть, и с надеждой предвкушать уже не раз испытанное и, надо надеяться, еще предстоящее.

Все начинается с Питера, где оформляешь поездку в агентстве на Светлановском. В очередной раз убеждаешь себя в том, что полет — дело абсолютно безопасное, хотя летать ты никогда не любил и не станешь. На самом деле ничего страшного: каких-то два часа — и ты уже в Амстердаме. Здесь будет время прийти в себя: чуть ли не двенадцать часов. Потом еще одна нервотрепка: самолет до Найроби, полет куда более продолжительный, ночной, можно поспать — если нервы позволяют уснуть в воздухе. Сначала Тригу это не удавалось, но постепенно он научился расслабляться.

Это вовсе не лишнее: после посадки, когда с облегчением убеждаешься, что багаж прибыл одновременно с тобой, а не упорхнул куда-нибудь в другое полушарие, предстоит добраться до Лейтокитока: направление — юго-восток, время — часов пять или около этого. Там тебя поселят в Кибослопссафари-коттедже — и вперед, в национальный парк Амбоселли. Если ты «чайник», тут стрелять тебе еще не придется, будешь только смотреть, с непривычки ахать и удивляться: смотри-ка, они и на самом деле существуют, все эти звери! То же самое повторится и в национальном парке Тцавовест, где в Килагуни, в Лодж-отеле случайно встречаешь земляка, московского бизнесмена примерно твоего уровня, но компании с ним не получится: он собирается на ночное сафари, а оттуда утром — к морю, в Момбасу.

Но ты давно уже не новичок, через все это уже прошел и спешишь уехать отсюда на юго-запад, где неподалеку проходит граница с Танзанией, потому что лучшее охотничье сафари — именно там. А тебе

только оно, собственно, и нужно. Особенно если стены твоего дома еще не успели украсить головами, рогами, бивнями, а пол не закрывают ни полосатые, ни пятнистые, вообще никакие экзотические шкуры. А если уж ты решил добиваться славы охотника, то без них обойтись просто невозможно. Охотничье сафари, собственно, и есть настоящее сафари, что на суахили означает просто путешествие или, быть может, приключение.

Путешествие, обходящееся, прямо сказать, недешево. Не поездки, отели и прочие необходимые условия: это ясно заранее. За аренду ружья и патронов платить полсотни евро в день ты, разумеется, не станешь: арсенал у тебя свой, ты ощущаешь себя если и не вполне профессионалом, то во всяком случае отнюдь не начинающим любителем. В Танзанию ты приехал, чтобы убивать — по закону, с разрешения властей. То есть по лицензии. А вот это обходится в копеечку.

Если сейчас выйти из оружейной снова в большую гостиную, то там по стенам как раз и развешаны денежки: вот львиная шкура, за право добыть ее пришлось отдать ни много ни мало десять тысяч евро; вот рогатая голова буйвола, внушительная, прямо сказать, головенка — пять тысяч, а вот скалит зубы леопард — три с полтиной...

Оскал этой кошечки и сейчас вызывает неприятные ощущения. Хотя, строго говоря, у него, пятнистого, не было никаких шансов против винтовки с оптикой и лазерным прицелом, но принято все-таки считать, будто схватка происходила на равных, и воображение услужливо подсказывает, что могло бы случиться, если бы ружье дало осечку, а у джипа, достаточно уже послужившего на его веку, заглох мотор и расстояние между вами оказалось бы вдвое меньше, чем на самом деле... Брр! За подобное ощущение, пожалуй, трех с половиной тысяч не жалко. А уж о такой мелочи, как двести в день за само участие в охоте, и говорить не стоит. Согласен был бы и больше заплатить за возможность заглянуть в круглые пристальные кошачьи глаза. Правда, на таком расстоянии их не очень-то и замечаешь, не до того...

Да. Но всем этим воспоминаниям не под силу бороться с досадой, возникающей, как уже говорилось, при взгляде на пустое место на стене большой гостиной. И преодолеть ее можно, только напомнив самому себе: близок уже, совсем близок день, когда можно будет наконец закрыть пустоту, утвердив на этом месте то, что только и даст тебе право назваться самым настойчивым, самым умелым, самым метким — и так далее, и тому подобное — охотником века. А может быть, и всей истории, как знать?

Иными словами, укрепить на этом пустующем месте голову того самого — а точнее, той самой Голубой слонихи, единственной в мире, известной теперь под именем Лазурной Принцессы.

* * *

Мино Пал, Второе лицо, был очень недоволен.

— Хотел бы я знать, сколько еще придется мирозданию терпеть бесчинства восемнадцатой модели! — возмущенно говорил он своему коллеге и начальнику, пока оба они готовились к созданию короткого Черного коридора, что возникнет на несколько мгновений между базой Патруля и Полигоном-6, известным также, как Мир *238796, самоназвание — Земля. — Ведь давно ясно: эксперимент с ней вышел из-под контроля, конструкция не оправдала себя, все, что еще можно спасти, уже перемещено в места постоянного обитания, а остаткам все еще позволяют резвиться! И вот они собираются уже откровенно вмешиваться в нашу работу, угрожать Конструкторам Жизни! Эти плохие игры, чего доброго, приведут к тому, что мы вообще останемся без Шестого полигона — а ведь место редко-отно великолепное, и столько конструкций на нем еще и сейчас обкатывается. Неужели нельзя тихо, спокойно, не проявляя излишней жестокости, освободить Полигон от присутствия взбесившейся конструкции? А то они и до принцессы Инолы доберутся — с них станется, жидкомозгих... Послушай, не запросить ли тебе Ядро: может быть, нам позволят наконец закрыть модель-18 окончательно, раз и навсегда?

Что касается культур, существующих сейчас на Шестом полигоне, то, как отлично знал Ас Орум, эксперимент с восемнадцатой моделью был уже почти закрыт: эта конструкция, на которую некогда возлагались немалые надежды, оказалась чрезмерно активной и склонной к подавлению или уничтожению себе подобных, в ущерб сосуществовавшим с ней хронологически и территориально моделям 14, 15 (погибли), 19 (находится в латентном состоянии) и 17 (едва теплится). Модель-16, основная ее численность, была перенесена на Большой Вихрь и теперь там процветает.

В общем, сейчас у руконогой цивилизации было даже больше противников, чем сторонников, и этой серии моделей грозило окончательное закрытие по причине, как формулировали противники, полного отхода от главных принципов жизни. Такой отход критики усматривали в несомненной тенденции вытеснения белковых конструкций металлическими.

— Уже запрашивал, — откликнулся Ас Орум. — Ядро считает, что продолжение существования восемнадцатых еще представляет интерес. Напоминает, что отрицательные результаты тоже важны — они помогают не повторять ошибок. И заверяет: решительные меры будут непременно приняты, если возникнет угроза Полигону. А пока этого не происходит, решено ограничиться наблюдением. Я-то думаю, что на самом деле Ядро, как всегда, хочет избежать силового вмешательства, к тому же уверено в том, что восемнадцатые и сами уже вырыли себе достаточно глубокую могилу.

— Интересно. А кто сообщит Ядру, что угроза стала реальной?

— Мы, кто же еще?

— Так сделаем это сейчас!

— Сейчас у нас другая задача: сохранить принцессу Инолы. Всего лишь. Об остальном сможем судить на месте. Понаблюдаем некоторое время...

— К чему медлить? Ведь источник опасности известен?

— Ну, установить его не составит труда.

— Так обезвредим его сразу — и дело с концом.

— Нет, — возразил Ас Орум. — Конструкторы сочли, что это может оказаться интересной составной частью испытания. Потому что по замыслу на Иноле модель должна будет самостоятельно нейтрализовать все опасности, какие там только возникают.

— Это разумно. Но Полигон — не Инола.

— Потому мы и оказались тут. Поскольку на Полигоне довольно много таких опасностей, с какими на Иноле нашей модели просто не придется сталкиваться: их там не будет в принципе.

— Я понял. Все, что исходит от модели-18...

— Вот именно. Мир восемнадцатой модели относится к категории хищных. И жестокость там чаще преобладает над стремлением к красоте. Не хочу сказать, что эстетика чужда им, но слишком уж часто она служит при создании орудий убийства. В то время как при нормальной психике такие орудия должны вызывать чувство отвращения уже самим своим обликом. Но, в конце концов, не наша задача давать оценки окраинным мирам, их нравам и обычаям, какими бы отвратительными они порою ни были. Наша обязанность — обеспечить сохранность точки роста. Любыми средствами.

— Чужой идиотизм не должен нарушать гармоничность развития мира, — охотно согласился Мино Пал. — Но, может быть, не стоило создавать конструкцию для Инолы в таком облике, какой может привлечь внимание восемнадцатых? Я о цвете.

Ас Орум ответил собеседнику лишь неопределенным междометием. Он толком не помнил, в чьем мозгу зародилась такая идея. Но никто тогда не возразил, потому что это показалось красивым. А в Срединных мирах Галактики красоту ценят куда больше, чем на ее окраинах. Любая мыслящая конструкция принимает самое себя за эталон красоты и неизбежно старается по возможности привести окружающий мир в соответствие со своими представлениями. А девиз, под которым развивали Инолу, был именно таким: «Прекрасный мир».

— Видишь ли, — проговорил затем Ас Орум, — к Иноле в Ядре особое отношение: предполагается, что она сможет стать точкой роста целой новой линии миров. Потому что есть еще три тела, пока безжизненных, на которых впоследствии можно будет с успехом создавать именно прекрасные миры. Великолепный климат для белковых, много воды... Если бы жизнь возникала спонтанно, они, наверное, давно бы уже заселились. Но жизнь насаждаем мы — а Галактика велика, и руки сразу до всего не доходят. Для реализации замысла надо было создать точку роста. Вот мы ее и создаем.

— Создают Конструкторы, — поправил Мино Пал. — А мы лишь охраняем.

— Все равно, — сказал Ас Орум. — Охрана так же необходима Жизни, как и само ее создание. Ладно, мы слишком много говорим. Ты готов? Тогда не отставай. Полколечка на сборы — и в дорогу. Коридор уже прогнулся.

* * *

Речь у Лиц патруля, как мы слышали, шла о точке роста — в том понимании, какое вкладывают в это словосочетание насельники Срединных миров.

Собственно, оно не чуждо и нашим представлениям. Однако в наших широтах его значение куда более узко. Область его применения чаще всего ограничивается ботаникой. У нас точка роста еще называется конусом нарастания, или же апексом, и означает верхушку побега или корня растения, то место, откуда оно будет расти дальше.

Однако на самом деле точка роста имеется и в животном мире — у каждого биологического вида, и даже в мире людей — в обществе, у каждой нации, народности, у каждой страны. Это может быть один человек или группа, относительно немногочисленная. Человек или группа не обязательно ощущают свою роль, они просто выполняют миссию, часто даже не подозревая об этом, не задумываясь. Люди эти —

как и точки роста в мирах флоры и фауны (а может быть, и в той части природы, которую мы традиционно именуем неживой) — разумеется, время от времени меняются: ничто, как сказано, не вечно под Луной, да и над ней тоже. Но когда эта смена происходит естественным образом, все остается в порядке, преемники уходящих успевают созреть. Другое дело, когда точка роста гибнет катастрофически; это чаще всего становится началом деградации того сообщества, которому точка принадлежала. От трилобитов до народов и империй, не важно — больших или малых.

Вот и Лазурной Принцессе было предназначено стать такой точкой роста — роста разумной жизни на Иноле. Она была для этого абсолютно готова — вплоть до того, что уже носила в себе семена будущего потомства, заложенные в нее Конструкторами при создании данной модели. В дальнейшем это обстоятельство неизбежно приведет к возникновению на Иноле мифа о непорочном зачатии — легенды, в которой, собственно говоря, факты будут соответствовать действительности, объяснение же их надолго останется очень далеким от истины; ничего не поделаешь — разум, развиваясь, проходит множество стадий, он не в состоянии перепрыгнуть ни через одну из них. В любом процессе имеются свои издержки.

Но это все потом. А сейчас главное — защитить точку роста от той опасности, которая с каждым днем становилась все более реальной и угрожающей и для нее самой, и — что куда более существенно — для планов, разработанных в Срединных мирах.

Именно этим и были озабочены охранители, чей разговор нам удалось услышать. Дело в том, что в пределах Галактики в последних витках времени жизнь была занесена на десять новых, до сих пор необитаемых миров. А принцип равновесия требует, чтобы на каждый десяток оживленных миров приходился один, где жизнь достигнет уровня разума. Равновесие необходимо для развития мира; когда оно нарушается, последствия могут оказаться самыми печальными, часто с виду по своему размаху совершенно не соответствующими ничтожным, как может показаться, сбоям. Это сказано уже достаточно давно, но мало кем услышано по-настоящему.

— Все-таки каковы наши полномочия в этой операции? — так спросил Мино Пал, Второе лицо, когда патруль без всяких приключений оказался уже на поверхности Полигона-6 и Черный коридор закрылся до востребования. Точнее — так прозвучал бы его вопрос, будучи переведенным на язык наших понятий.

Ас Орум ответил:

— Никаких глобальных решений. Обеспечить безопасность, не более.

— А в отношении источника опасности?

— Уничтожение или иная мера — оставлено на наше усмотрение, как и вообще способ проведения операции. Уничтожение — крайняя мера. Если же в действиях источника угрозы окажется что-то любопытное для тех, кто продолжает наблюдать модель-18, то его придется изъять с Полигона и доставить в Ядро — для дальнейшей работы. Хотя вряд ли он сгодится на что-нибудь, разве только займет место в Музее Дурных Аномалий.

— Великие Силы, тащить его в Ядро — столько возни!..

— Служба, Мин, ничего не поделаешь. Постой. Нам, кажется, сюда.

— Думаешь?

— Уверен. Да, совершенно точно. Ныряем.

* * *

Слонов на Земле все еще достаточно много. Обычных, серых с желтизной. Те, которых называют белыми (хотя на самом деле они тоже серые, только ощутимо светлее), встречаются куда реже. Но голубой известен только один.

Замечен он был три года назад в стаде, кочевавшем по привычным местам в Нгамиленде, что в Ботсване, в землях Национального парка Чобе, и в Северном Матабеле, в парках Нцхале-Пан и Ванге (это, как известно, уже Зимбабве). Увидели его — а точнее, ее — случайно, почти сразу после внедрения, когда модель не весила еще и сотни килограммов и ее, доставив коридором, подложили к слонихе, чей детеныш только что погиб, нечаянно подстреленный неопытным охотником. Принятая стадом, Лазурная на переходе держалась под брюхом матери, бодро передвигая свои маленькие слоновьи ножки. Засекли ее, когда стадо вышло из леса к воде, от которой слоны стараются далеко не уходить. Мать принялась валяться в песке, и дочка осталась без укрытия. Тут она и попала на глаза находившемуся не так уж далеко и вооруженному непременно биноклем одному из зрителей парка.

О таком чуде было немедленно доложено дирекции парка. Работавшие там опытные люди мгновенно поняли: событие следует взять под строжайший контроль. Едва сведения об уникале распространятся в охотничьих кругах, сразу же найдется великое множество желающих завладеть именно этим трофеем. А охотничий азарт, как все

прекрасно понимали, может принимать невиданные размеры и порой становится столь мощной силой, что противостоять ей просто невозможно.

По этой причине в соответствующем департаменте правительства Ботсваны было решено: полностью закрыть — во всяком случае до поры до времени — любую информацию о появлении в стаде голубого слоненка. Постоянно отслеживать стадо, к которому он принадлежал, и ни в коем случае не допускать проведения сафари вблизи мест его обитания. Район этот закрыть для любых туристов, включая тех, кто охотой не занимается; любопытные глаза и болтливые языки могли бы натворить бед.

Так и поступили, и это уже само по себе было достойно некоторого удивления. То есть не то, что такое решение приняли, а то, что его удавалось выполнять на протяжении почти полных трех лет. Тайна сохранялась бы и дольше: никто из людей, причастных к деятельности парка, так и не проговорился, и секретная информация пришла в мир совершенно другим путем. А именно: голубая слониха-трехлетка была замечена со спутника, среди программ которого имелаась, кроме многих других, и экологическая. И голубое пятнышко среди трех с лишним десятков серо-желтых существ не прошло мимо внимания специалистов, занимавшихся дешифровкой этой программы. Камешек упал — побежали круги по воде, при активном содействии средств массовой информации.

Почти сразу же после первых сообщений о необычном животном в обществе развернулась кампания за безопасность Лазурной Принцессы, как ее успели окрестить. Было опубликовано подписанное множеством энтузиастов письмо, обращенное к правительствам известной Восьмерки, в котором выдвигалось требование изловить слониху и водворить ее в лучший из земных зоопарков. В письме утверждалось, что предлагаемая мера — единственный способ защитить животное от любителей охоты, и не столько законных, сколько браконьеров, которые неизбежно нахлынут в места обитания слонихи в таком количестве, с каким не то что обычная охрана, но и вся ботсванская армия не справится.

Однако страна, оказавшаяся родиной Лазурной Принцессы, с такой программой действий никак не соглашалась. Голубая слониха была уже признана национальным достоянием, обсуждалось предложение поместить ее изображение на государственный флаг Ботсваны или ее герб. Поскольку основным цветом флага этой страны является синий, нарушаемый лишь черной продольной полосой посередине, силуэт

слона предлагалось поместить в желтом круге, в черной же полосе сделать разрыв. Были приняты, как уже сказано, меры для охраны территории, по которой кочевало стадо. Правда, совершенно закрыть эти места для посторонних оказалось затруднительно: стадо находилось в основном все в той же дельте Окаванго на севере страны, а дельта эта представляет собой по сути одно громадное болото, населенное великим множеством зверья. Болото же — это такое место, где знающий человек всегда найдет возможность обойти препоны и пробраться туда, куда ему нужно. Незнающий же в лучшем случае войдет, но потом вряд ли кто-нибудь его еще увидит.

Теперь необходимые сведения можно было получить без особых усилий.

* * *

И Триг, естественно, их получил. Потому что он окончательно укрепился в мысли: смысл его жизни и миссия, которую ему следует выполнить в этом мире — это овладение Лазурной Принцессой. В оптимальном варианте — всей тушей: если бы из нее удалось сделать чучело, Триг, не жалея денег, построил бы для него специальный зал — куда, кстати, можно было бы пускать посетителей за умеренную плату, так что расходы окупились бы достаточно быстро. Хотя, разумеется, не ради этого требовался слон. Однако трезвая логика подсказывала Тригу: вывезти тушу целиком вряд ли представится возможным. Ведь убить слониху по закону не удастся: такую лицензию не выдадут ни за какие деньги. Значит, речь могла идти только о браконьерстве, и при этом риск был в полном смысле слова смертельным: пойманный с поличным, он будет линчеван на месте.

Однако Триг понимал очевидное: слава всегда пропорциональна риску, связанному с ее завоеванием. Всегда. И даже тогда, когда эта слава назначена тебе предрежащей властью и ты получаешь ее, не успев вспотеть, риск несомненно присутствует — хотя бы тот, что потомки, разобравшись, назовут тебя самым вонючим сукиным сыном и имя твое станет непристойной кличкой. Такой риск посерьезнее очень многих других.

Триг, однако же, славы от начальства не ждал. Он намерен был заслужить ее собственными руками, ногами, зоркими глазами и умением, стреляя, попадать в цель.

Но чтобы добраться до возможности прицелиться и нажать на спусковой крючок, требовалась громадная подготовительная работа, не

говоря уже о деньгах. Деньги, в общем, имелись, да и в случае нужды он получил бы кредит. Но вот всю работу надо было проводить самому: такое нельзя доверить никому.

И медлить с этим не следовало. Триг Егер не сомневался: идея добыть голубую слонику пришла в голову не ему одному. Он уже достаточно хорошо знал мир серьезных охотников и понимал, что готовится не одна подобная экспедиция. Без конкуренции и тут было не обойтись. Такова жизнь. Но в любой конкурентной борьбе кто-то выигрывает. Так почему не может выиграть именно он?

Может. И выиграет.

Важно — правильно начать. Если угадать начало, дальнейшие события будут разворачиваться как бы сами собой, по принципу цепной реакции. Тебе останется лишь ускорять или притормаживать их, в зависимости от обстановки. И в нужный момент оказаться в нужном месте. Все очень просто. Так с чего же начать?

Конечно, с разработки маршрута. Затем — опробовать трассу на практике, не переходя, конечно, той границы, за которой действия Трига станут подозрительными. Нет, пока всё строго в рамках закона. Да, немалая часть дельты сейчас закрыта для сафари. Но все-таки лишь часть. Значит, сперва надо освоить то, что доступно. Наверняка там уже рыщут конкуренты. Но не только... Найдутся простаки, которых можно будет использовать, так сказать, завербовать. Причем сами они наверняка ни о чем не догадаются.

Ну что же, начало вполне пристойное.

— Съезжу-ка я еще разок в Африку, — сказал он жене. — Продрог я что-то. А там согреюсь. Там сейчас лето.

— Не устал еще убивать? — спросила она уже не в первый раз.

Он даже не стал отвечать. Жене неведомы страсти. Ни в чем. Но это — ее проблемы. Не его.

* * *

— Мне хочется увидеть самому, — сказал Ас Орум.

— Это может оказаться опасным, — предупредил Си Гин, начальник Третьей глубинной базы Полигона, на которой Лица патруля сейчас находились.

— Нас это не пугает, не так ли?

Вопрос был обращен к Мино Палу. И сразу же прозвучал ответ:

— Ни в коей мере. Нужна лишь капсула. Здешняя среда для нас не слишком благоприятна. Да ты это и сам знаешь.

Разубеждать их Си Гин не пытался: такое не было принято, каж-

дый знает, что говорит, иначе бы его здесь и не было. Начальник базы сказал лишь:

- Я предупрежден. Капсула для вас готова. Маршрут заложен. Удачи!
- До скорого.

Разместились в капсуле, формой повторявшей двояковыпуклую линзу. Стартовали. В секунды пронизали пятикилометровую толщу слабого солевого раствора, заполнявшего низменные места Полигона-6. Вышли в атмосферу благополучно, то есть поблизости не оказалось никаких плавающих устройств, существовавших на Полигоне в изобилии. Поднявшись еще на пять километров, на миг зависли, включили режим незримости и доверились программе.

Она повела их заложенным маршрутом — на юго-восток, а уже через пятнадцать минивитков остановила машину и начала медленно снижать ее. Внизу отблескивали водоемы, растительность окрашивала все в зеленый цвет, недвусмысленно заявляющий о том, что мир этот богат жизнью. Но на полигонах и не бывает иначе.

- Вон там, пожалуй, сядем, — проговорил Ас Орум.

— А где наша модель? — поинтересовался Мино Пал. — Пока не вижу ее.

— Смотри на северо-запад. Видишь — листва волнуется. А ветра нет. Это они. И наша модель должна там быть.

— Да, да. Искатель за нее уже зацепился. Можем подтянуться поближе, дальше пойдем сами. Согласен?

- Пожалуй, нет, — сказал Ас Орум.

— Да почему?

— Посмотри на юг.

Мино посмотрел.

— М-да... — это было произнесено весьма выразительно. — Интересно... Постой, постой! Юго-восток, несколько дальше, на тропе. Увидел?

— Ну и что? Модели сорок восемь — триста двенадцать, нормальная группа. Что ж такого?

— Ты не туда смотришь. Ты сканируешь тропу, прими влево, видишь — мелькают в чаще.

— Ничего себе! Да тут восемнадцатых собралось больше, чем у нас на площади в день Спокойствия. Пожалуй, садиться нам рано и выходить из незримости — тоже. Давай-ка понаблюдаем.

— Думаю, ты не прав. Похоже, такая толкотня тут вызвана именно нашей моделью. И если станем отсиживаться на высоте, как бы с ней не приключилось чего-нибудь плохого.

— А знаешь, я до сих пор не верю, что кто-нибудь может сознательно нанести вред такому созданию, как наша модель.

— Мино, мы же на Полигоне-6!

— Но не могло же дойти до такого! Не могу поверить!

— Как бы тебе не пришлось убедиться. Ну что, выходим?

— Я готов.

Последовала безмолвная команда, в оболочке машины протаял выход. И оба охранителя ступили на мягкую, пружинящую под ногами почву.

* * *

Такой подготовки Тригу не приходилось проводить еще никогда.

Очередное сафари, в котором он принял участие, было гуманным, то есть без стрельбы, и он даже не взял в это путешествие никакого оружия — кроме камеры, которой немало снимал, усердно изображая безвредного любителя.

Но на сей раз виза его не ограничилась обычным сроком, Триг попросил и получил ее с таким расчетом, чтобы можно было посетить и другие места — с чисто познавательной целью, разумеется. Так что без каких-либо осложнений он, закончив свое пребывание в Найроби, где посетил и питомник жирафов, и крокодилю ферму, взял билет на самолет до Лусаки, что в Замбии. Могло показаться, что это не было самым целесообразным решением: одной границей и одной таможенной больше, чем если бы он летел прямо в Ботсвану, в Габороне. Но воспользоваться именно таким маршрутом его заставили два соображения.

Во-первых, из Габороне добираться до дельты Окаванго пришлось бы, двигаясь на северо-запад, то есть пересекать пустыню Калахари — а от одной только мысли о пустынях Тригу становилось не по себе. И во-вторых (это было главным), с тех пор как сведения о Лазурной Принцессе стали общим достоянием, в Ботсване не только досмотр, но и вообще присмотр за туристами стал намного строже: все понимали, что попытки завладеть голубым национальным достоянием страны будут неизбежно возникать, и это требовало усиленного внимания, а порой и применения крутых мер, более значительных и суровых, чем до сих пор, когда речь шла лишь о пресечении незаконного вывоза алмазов, издавна добываемых в бывшем Бечуаналенде. Об этом все прибывающие своевременно предупреждались. А вот в соседних странах подобные меры не принимаются: у них подобные принцессы пока не возникали. Хотя в случае, если бы стадо, куда входила Лазурная, пересекло границу с Намибией, или (что менее вероятно) с Зимбабве,

или даже, после пересечения Полосы Каприви, ушло бы в Анголу, то трудно сказать, как поступили бы соответствующие правительства, и не попытались бы они объявить знаменитое существо теперь уже своим национальным достоянием.

Правда, хотя вероятность такого события была слишком малой, власти Ботсваны ее предвидели и приняли соответствующие меры: стадо, оказавшись оно вблизи границы, столкнулось бы с неблагоприятными условиями — шумом, множеством людей, огней и так далее, — и оно наверняка повернуло бы назад. Впрочем, до сих пор таких попыток не замечалось: слонам и тут было хорошо, и уходить из привычных краев у них не было никаких причин. Но так или иначе сопредельные страны не принимали никаких мер к усилению пограничного режима, и это значило, что гость, ступивший на ботсванские земли с севера или северо-востока, чувствовал бы себя значительно спокойнее, чем прибывая через ботсванский столичный аэропорт.

И еще одно соображение связывалось с выбором маршрута. С самого начала было ясно: реализовать свой тщеславный замысел ни Тригу, ни кому другому не удастся без хорошей команды. Ее, конечно, проще было бы собрать еще дома. И, как Тригу стало известно, некоторые претенденты на мировую известность стали действовать именно так. Сам же он по зрелом размышлении от подобной идеи отказался: отлично представлял, каким инородным телом будет казаться хорошо сколоченная группа туристов-охотников, особенно когда выяснится пункт ее назначения. Конечно, прилетать можно было поодиночке и собираться вместе далеко не сразу и не на глазах у местных обитателей — однако без общего сбора не обойтись, и даже если организуются они вдали от дорог и деревень, хотя бы в той же Калахари, группу белых и хорошо вооруженных людей быстро заметят и постараются нейтрализовать. Нет, подобные варианты отпадали. Да и обошелся бы такой проект в копейчку.

Команду нужно собирать по привычке и из местного народа — вот к какому выводу пришел Триг. Местного, но не ботсванского. И коренные обитатели этих мест — сарва, они же бушмены, — а также все восемь племенных групп тсвана — нгвато и прочие, — различаясь во многом, без сомнения объединились бы в одном: в отказе от любых действий, направленных против чудесного животного, не принадлежавшего ни к одному из племен и потому считавшегося всеобщим. Людей надо искать на соседних территориях. То есть — поскольку Триг направлялся к цели через Замбию — среди тамошних бемба, тонга или малави. У всех этих туземцев, полагал Триг, Лазурная Принцес-

са если и вызывает какие-то чувства, то, скорее всего, лишь легкую зависть — и уж во всяком случае никакого преклонения. И если им прилично заплатить, они сделают то, чего от них потребуют.

В Европе же достаточно было найти одного, от силы двух человек, уже бывавших в тех местах и имеющих какой-то опыт общения с местным населением. В той же Москве, где, если хорошо поискать, можно найти что угодно и кого угодно — как, впрочем, и в любом мегаполисе.

И действительно, людей таких удалось найти, не покидая российской столицы. Парни были, что называется, тертые калачи, оба имели боевой опыт, и не где-нибудь, а в Африке. Один, Ефрем Залыга, ухитрился некоторое время послужить даже во французском иностранном легионе; о том, какая судьба его туда занесла, он никогда не распространялся, сразу же давая понять, что такой темы для базара просто не существует. Другого, уроженца жаркого острова Свободы, жизнь каким-то ходом коня занесла в Москву, где ему, как ни странно, понравилось, и он тут осел и даже обзавелся семьей. Он в свое время воевал в Анголе, и это было главным из его несомненных достоинств, а черная кожа — вторым. Оба этих мужичка время от времени пресыщались более или менее спокойной и устроенной жизнью, переживания молодости начинали все чаще возникать в памяти, и Триг со своей авантюрой ухитрился возникнуть сперва перед одним, а потом, совместно с Залыгой, и перед кубинцем (по имени Хесус Кабезито) как раз вовремя и увлечь обоих — не в последнюю очередь и приличным заработком.

И еще одно следовало сделать до начала реализации проекта. Недаром говорится: прежде чем куда-нибудь войти, хорошо подумай — как ты будешь оттуда выходить. Поскольку в жизни бывает множество ситуаций, в которых вход стоит рубль, а выход — два. Если не больше.

Проще всего, конечно, выходить налегке. Без багажа. Ничем не обремененный человек подобен воде: если есть хоть маленькая щелочка, он ее найдет и просочится. Но на сей раз такой вариант Трига никак не устраивал: возвращение с пустыми руками означало бы для него крушение всех планов и надежд. Его задача была не из тех, которые можно в случае неудачи отложить до следующего раза: другой такой возможности в жизни Трига не представится.

И не только потому, что вся система охраны Лазурной Принцессы в результате любой неудачной попытки будет многократно усилена; этого Триг как раз не очень боялся. Опасность крылась в другом: если ему не повезет, то этим воспользуется любой соперник, а в их су-

ществовании никак нельзя было усомниться, одного-другого можно было назвать уже сейчас, они известны каждому любителю сафари и уж подавно — менеджерам, егерям, которые работают с охотниками. Именно у персонала Триг, умевший располагать к себе людей, и получил достаточно информации, чтобы знать, какого конкурента и в какой степени следует остерегаться. Он понимал, что судьба дает ему один-единственный шанс, и использовать его следует на все сто процентов. Второй попытки не будет.

Действовать надо быстро и скрытно. К тому времени когда событие получит широкую огласку, трофей должен быть готов к вывозу. Вопрос состоял в том, каким же трофеем Триг пожелает удовлетвориться.

Проще всего и безопаснее было бы, конечно, ограничиться фотографиями — хотя бы в старой традиции: меткий стрелок красуется, попирая ногой поверженный объект охоты. Такой вариант Триг, конечно же, забраковал с самого начала. И потому, что на слона ногу не задерешь, а просто позировать на фоне туши было бы совершенно невыразительно; но главным образом потому, что современная электроника позволяет состряпать любые снимки: с подстреленным динозавром или монстром из глубин Галактики. Нет, доказательства признавались только вещественные. Голова с бивнями, хоботом, глазами и ушами была бы достаточно весомым аргументом. Но все же идеальным трофеем стала бы хорошо снятая шкура, в перспективе — то самое чучело, о каком Триг уже всерьез подумывал, как о памятнике самому себе.

Снять шкуру со слона в полевых условиях да еще с минимальными повреждениями — задача сама по себе архисложная, особенно если время для работы весьма ограничено. Но еще труднее потом вывезти этот трофей: сколько ее ни складывай и не пакуй, шкура эта, да еще в комплекте с головой, будет тюком достаточно громоздким и невольно станет объектом всеобщего внимания. Тут действительно было над чем поломать голову.

Трудно сказать, как удалось бы Тригу самому построить сколько-нибудь удовлетворительный план операции. Однако не зря же обзавелся он такими соратниками и советниками, как Залыга и Кабезито, чей опыт был куда многограннее, чем житейская мудрость столичного охотника.

— А может, заказать вертолет? — размышлял вслух Хесус Кабезито. — Чтобы с того места все перебросить не туда, откуда прилетели, не в Лусаку, а хотя бы в Хараре, в Зимбабве. А там заранее выправить

лицензию на отстрел слона. И предъявить — вот, значит, вывозим все по закону, все разрешено, все оплачено. Никаких претензий.

— Ну, а если там захотят посмотреть? Если к тому времени уже пройдет информация, что «голубки» больше нет?

— Откуда же они эту информацию возьмут? — немедленно возразил Залыга. — Вы представьте себе реально. Во-первых: вокруг — ночь. Вы же не собираетесь атаковать слониху среди бела дня? Да стадо вас вряд ли и близко подпустит. Только ночью, тем более, что у нас приборы ночного видения имеются, а у слонов их, понятно, нет. Предположим, утром кто-то наткнется на останки. Так по ним же не видно, что это за слон был: серый, белый, голубой? Кровь-то у всех красная (Хесус согласно покивал головой). Тревогу они поднимут лишь тогда, когда спохватятся: что-то Принцессы не видно. Но это когда еще случится: ее ведь охранники не сопровождают, чтобы стадо не беспокоить, заметили где-то раз в сутки, а то и двое — значит, порядок.

— Ну, — усомнился Триг, — думаете, она у них без чипа гуляет? Наверняка ее давно уже оснастили.

— Да? А вы пробовали когда-нибудь? — поинтересовался Хесус. — Это ведь не цирковые слоники дрессированные и не из зоопарка. Это дикие слоны, шеф. А они бывают очень, как бы сказать, суровыми. Если их рассердить. Вы не забудьте: эту девушку сейчас там обожествляют и осквернять всякими «жучками» не позволяют. Думаю, они спохватятся не сразу.

— Пусть так, — соглашался Триг. — А если на таможне потребуют предъявить?

— Ну, — протянул Залыга, — это, конечно, во сколько-то обойдется. Но можно и тут сфинтить. Потребуют — предъявим. Нормальную слоновью кожу. Желтую. Никакой лазури.

— Объясните.

— Элементарно. Снятую кожу — просто окрасить. Аэрозолем. Из баллончиков. А потом, дома — смыть.

— А что, — сказал Триг. — Это, пожалуй, мысль.

Не станем скрывать: в то же мгновение в голове его промелькнула, вильнув хвостиком, мыслишка о том, что ведь можно и наоборот — обычную кожу окрасить в голубое, и... Но эта идея была, понятно, тут же с негодованием отвергнута. Не таков был Триг Егер, величайший охотник всех времен.

— Ладно, — завершил он совещание. — Значит, вертолет. Пусть будет вертолет!

* * *

По ночам слоны, как и полагается, спят. Но из этого правила бывают исключения. Вы уже поняли, о ком идет речь.

Обладание разумом дает, как принято думать, многие преимущества. Но разум становится источником многих неприятностей. Например, среди известных нам видов человек, пожалуй, единственный, кто знает, что он рано или поздно умрет — и это отнюдь не прибавляет ему оптимизма. Или, например, продукт работы разума — мысль — порой не позволяет человеку уснуть, хотя организм его нуждается в отдыхе. Случается, бессонными ночами снисходит озарение, но чаще бывает наоборот: измотанный бесплодными думами, он встречает утро в мрачной меланхолии. Быть разумным вовсе не так весело, как это, возможно, кажется тем, кто находится лишь на подступах к овладению способностью мыслить.

Так обстоят дела не только у людей, но и у любых других разумных существ; мы, правда, полагаем, что никогда с такими не встречались, а следовательно, их и не существует. Что же, каждый имеет право на свое мнение. Но если вам удастся когда-нибудь встретиться с мыслящим слоном, вы быстро убедитесь в том, что и ему свойственны наши слабости и недостатки.

Именно по этой причине Лазурная Принцесса нынешней ночью не спала. Она была вроде бы в полном порядке, ничего не болело, она не испытывала ни голода (вокруг хватало прекрасной, сочной, молодой зелени, усеянных листьями веток, которые так весело и приятно было срывать хоботом и отправлять в рот), ни холода (даже ночью здесь было тепло, хотя, может быть, и чуть душновато), ни страха: хотя ей пришлось уже повстречаться со множеством разнообразных живых существ, ни одно из них ни разу не попыталось нанести Принцессе вреда. Наоборот, все были очень предупредительны, уступали дорогу и вообще старались держаться подальше.

Это было хорошо; но в то же время и плохо, потому что вызывало чувство, о котором она в первые годы жизни не имела даже представления: чувство одиночества и связанной с ним тоски.

И с этим все труднее становилось жить.

К тому же каких-то вещей она так и не могла понять.

Вокруг — хотя и на почтительном расстоянии — почти всегда можно было заметить некрупные создания, передвигавшиеся на задних ногах и использовавшие передние так, как слоны используют свой хобот. Но даже не это было самым интересным. А то, что существа эти, в отличие от других обитателей здешних мест, обладали какой-то фор-

мой разума. Лазурная знала это точно, поскольку была наделена свойством чувствовать работу чужой мысли на расстоянии. Но по какой-то необъяснимой причине загадочные существа никогда не приближались к ней и вообще к стаду. Раз-другой она пробовала сама подойти к ним, но безуспешно — они убегали.

Она старалась понять, но не могла. И тосковала все сильнее.

* * *

Наверное, каждому приходилось переживать такие прекрасные — кому дни, а кому и годы, — когда что ни задумаешь, за что ни возьмешься, все получается наилучшим образом. И мечтаешь лишь об одном: как бы ненароком не нарушить это чудесное состояние мира.

Вот такая полоса сейчас была в жизни Трига Егера, когда он шаг за шагом подходил к исполнению главной своей мечты.

Обычно в реальности все оказывается куда сложнее, чем замысливалось. Например, нанять восемь замбийцев; издали это казалось делом легким, на деле же получилось далеко не так просто. Конечно, безработных в этой стране, как и в любой другой, вроде бы хватало, однако обитали они не там, где было бы удобно, то есть, скажем, не на юго-западе этой страны, где-нибудь по соседству с национальным парком Сиома-Нгвези, откуда добираться до нужного Тригу места было ближе всего, а в Цетральной провинции, в окрестностях Ндоло, Ливингстона и Лусаки, там, где добывается медь или выращивается табак. Можно было, конечно, попытаться и там, но Хесус Кабезито предостерег своего нанимателя:

— Это сразу обратит на себя внимание, потому что обычно так не делают: если приедем нужно нанять людей, их ищут поближе к месту работы, а не тащат почти через всю страну. Давайте-ка лучше сделаем так: из Хараре направимся совершенно открыто на запад, в нацпарк Кафу, покажемся там, оттуда, как многие делают, доберемся в парк Лиува-Глейн и уж потом — в Сиома-Нгвези. Может быть, даже водой, по Замбези, это интересно, уверяю. И в каждом из этих парков найдем, я думаю, человека по два-три; нам ведь они понадобятся ненадолго — на пару дней. Зато это будет народ, привыкший к сафари, можно сказать, специалисты.

— Боюсь, что в парках нас заметят конкуренты, — возразил Триг. — А это нам совершенно не нужно.

— Наоборот, — вступил в обсуждение Ефрем. — Чем раньше заметят, тем лучше. Мы сами постараемся, чтобы так оно и получилось.

— Объясни, пожалуйста.

— Тут все просто. Мы не одни идем к поставленной цели, так? Из всех, кто этим занят, половина наверняка станет пробираться через Замбию, другая — через Зимбабве. Мы — в первой половине. И всем, включая нас, надо будет решить две задачи: первая — собрать команду, и вторая — как можно точнее определиться на местности, то есть выяснить, где именно окажется стадо в нужный день и даже час. Поэтому что на ботсванской территории нельзя будет находиться слишком долго. Это должна быть мгновенная атака, своего рода выпад: нагрянули — сработали — убрались. Тот, кто начнет тыкаться туда-сюда, обязательно засветится и заработает кучу неприятностей.

— Ну, и чего ради мы должны себя обнаруживать?

— А вот почему: только нам будет известно, где находится стадо с Принцессой. И мы первыми двинемся туда.

— Ну да. И вся колонна ломанется за нами.

— Вот именно.

— Ты меня совсем запутал. Слишком много неясностей. Во-первых, откуда мы узнаем, где пасется стадо?

— Очень просто. Надо, чтобы уже завтра в Ботсвану отправился Хесус. Один. Через Анголу. Он неплохо болтает на овимбунду, верно, Хесус?

— Научился. Я ведь был у них в плену, хотя и не очень долго.

— Один африканец, появившийся на берегах Окаванге, никаких подозрений не вызовет. Даже если окажется близ запретных мест. Он найдет стадо. И сообщит нам по радио. Конкуренты будут присматривать за каждым, и за нами в том числе. И когда мы двинемся в путь, перед тем позволив просочиться информации о том, что получили нужные координаты — колонна действительно устремится за нами. Может быть, они даже прознают эти координаты...

— Ну спасибо тебе! Хотя, скорее всего, они это сделают и без нашей помощи. Там окажется не меньше половины американцев; и хотя бы один из них будет владеть спутниковой информацией, самой свежей. Так что...

— Не сомневаюсь. У них будет много информации. Самое малое о шести стадах. Но никакой спутник не даст им сведений о том, в каком именно находится Лазурная, не так ли? Стада ведь не стоят на месте, так что они окажутся перед проблемой выбора. А мы — нет. И мы уверенно двинемся, и пусть все бегут за нами.

— Не понимаю, на кого ты работаешь.

— Я могу обидеться, босс. Но сперва все-таки закончу. Я еще не сказал главного: мы пойдем вовсе не в том направлении, какое даст

нам Хесус. До границы с Каприви, до Сешеки, мы всех честно доведем. И — исчезнем.

— Наденем шапку-невидимку, да?

— Проще, куда проще. Погрузимся в вертолет — и поминай, как звали. Когда будете нанимать эту машину, то именно так: он берет нас в Сешеке, отвозит на место работы, потом там забирает с грузом — и везет в Хараре, как и намечено. Пока все прочие выйдут на то стадо, которое мы им укажем, и сообразят, что их обвели вокруг пальца — мы уже будем на пути домой. Такие вот соображения.

— Осталось найти вертолет. Они вообще там имеются — хоть у кого-нибудь, кроме армии или полиции?

— Есть у всех армий, и этого достаточно. Думаете, тамошние военные не желают заработать?

Этот вопрос явно не требовал ответа.

Так вот, счастливая полоса привела к тому, что все именно так и получилось. И людей наняли, хотя поторговаться пришлось изрядно. И Хесусу удалось в кабачке свести дружбу с военным — сержантом, водившим вертолет. Сержант не устоял перед искушением получить за одну ночь годовое жалованье.

Даже самое сложное, и то получилось: ввести в заблуждение конкурентов. Поскольку укрыться от них оказалось практически невыполнимым: тут собрался народ, давно знавший друг друга, хотя все старались делать вид, что никого никогда и в глаза не видали. Дезинформация выпорхнула — и пошла гулять.

Вылетели вовремя и без проблем. И по маршруту прошли без всяких приключений. Никто ни к чему не придрался, расходы пришлось понести, можно сказать, в нормальном размере — для того, чтобы и сейчас, и в дальнейшем обеспечить благосклонное к себе отношение.

Хесус Кабезито нашел нужное стадо даже быстрее, чем предполагалось. Не зря он слыл прекрасным следопытом. Лазурную Принцессу он увидел совсем близко. Похоже, он ей понравился, так что слониха даже стала приближаться к нему. Пришлось спасаться бегством: ему не поручали вступать с ней в контакт.

Так что поздно вечером вся команда во главе с Тригом пробралась слоновьей тропой и остановилась в лесу на расстоянии примерно двух километров от места, где располагалось стадо. Теперь даже если бы слонам захотелось среди ночи тронуться в путь, стадо обязательно прошло бы мимо группы, и объект атаки сам подставился бы под выстрел. Триг полагал, что слоны в таком случае пустились бы наутек; скорее всего, так оно и оказалось бы.

Но стадо оставалось на месте, и сейчас надо было лишь дожидаться, пока все животные уснут. Сторожевой, конечно, останется. Но на винтовке Трига — той, которой он решил воспользоваться — был великолепный глушитель.

* * *

Покинув капсулу, оба охранителя немного постояли на месте, привыкая к окружающей среде, к Полигону-6. Как бы хорошо они ни представляли себе эти условия по докладам и описаниям, сколько раз ни оказывались тут в своем воображении, однако умозрительные представления — одно, а практическое соприкосновение — совсем другое, и нередко совершенно непохожее на картинку, существующую в уме. Начиная с окружающего их теперь воздуха: он почти ничем не походил на их привычную атмосферу, был, как показалось, более густым, влажным, ароматным. Округа наполнилась звуками, негромкими и потому еще более таинственными — что-то посвистывало, стрекотало, шуршало, откуда-то доносился вой, высокий и печальный. Всюду незримо царила жизнь, и прежде всего надо было убедиться в том, что она не представляет опасности для двоих высадившихся и патруль может выполнять ту работу, ради которой здесь оказался.

Мало-помалу прибывшие начали адаптироваться.

— На Иноле атмосфера похожа, — высказал соображение Мино Пал. — Только там посуше. Пожалуй, у нашей модели будут трудности с привыканием.

— Да они все похожи, миры третьего стандарта, — ответил Ас Орум. — А что касается влажности, то в эту конструкцию заложен широкий диапазон приспособляемости. Помнишь, возникали такие опасения, когда мы укореняли на Шиххисе рептилий — они ведь тоже проходили большие испытания на этом Полигоне, тогда даже возник спор, надо ли их вообще выводить отсюда: им здесь жилось вовсе не плохо. Решило большинство в один голос.

— Ну, сейчас они там просто блаженствуют. И, наверное, всегда будут процветать: похоже, кого-то из них даже собираются приспособивать под разум. Ну как, ты освоился?

— Я в полном порядке. Готов. Машину оставим здесь?

— Я подниму ее на два звука, пусть висит в незримом режиме. Твой вызов настроен? Треугольник связи?

— Лишний вопрос.

— Извини, порядок требует. Ну тогда... Великие Силы!

Это неожиданное восклицание было вызвано тем, что все время

молчавшая линия связи с Глубинной базой вдруг ожила — очень не ко времени. Что за срочность?

— Ас Орум здесь.

— Си Гин. Сообщаю: для вас поступила команда из дома.

— Слушаю.

— Читаю: *Тщательно оцените обстановку. Возможна мультипликация известной вам угрозы. Если это предположение подтвердится, немедленно заберите защищаемую конструкцию с Полигона. Вам будет предоставлен соответствующий коридор на Инолу. Позаботьтесь о сохранении скрытности действий.* Подписал дежурный координатор стериана, как тут сказано: по распоряжению Ядра.

— Принял.

— Что будете делать?

— Выполнять, — сообщил Ас Орум лаконично.

— Помощь нужна?

— Да. Защита от многословия, — проговорил Ас Орум, отключаясь.

— Что делаем? — спросил Мино Пал.

— Ты — ждешь открытия коридора и держишь его, пока все не закончится. Я иду к Лазурной. Придется ввести ее в обстановку. Шутка ли — внезапно такое изменение в жизни, такой удар по психике!

— Ну да, ты ведь у нас мастер вести разговоры с глитами...

— Вот я ей и пожалуюсь на твою глупость. А слоны, как ты знаешь, рассердившись, бывают очень опасными.

— Ну, она-то не просто слониха. Разумное существо!

— Тебе от этого легче не будет. Чем обиженный разумнее, тем опаснее...

Такими репликами перебрасывались Лица патруля. Это вовсе не значит, что они теряли время: они, разумеется, не оставались на месте — каждый уже двигался в своем направлении. Для глитов расстояние не служит препятствием при обмене мыслями. Так что упрекать их тут не в чем. Можно было бы сказать, что они тут же исчезли. Но поскольку они и так были недоступны ни для какого взгляда, продолжали соблюдать незримость, то это слово вряд ли подходит. Разошлись по намеченным местам, так будет точнее.

* * *

Вроде бы странно испытывать одиночество, находясь среди существ, почти таких же, как ты. Пока Принцессе казалось, что она отличается от других всего лишь цветом кожи, никакой тоски не возникало. Играть со своими однолетками было весело. Но чем дальше, тем

яснее она понимала: как только ей хотелось обменяться с друзьями какими-то возникавшими у нее мыслями, соображениями, даже просто чувствами, она как бы наталкивалась на стену — никто ее не понимал и не откликался, а чувства свои все они выражали очень уж примитивно. Ни один посланный ею сигнал (только так она и могла общаться; членораздельной речью ее не наделили, и потому она объяснялась не словами, а образами, картинками, как это свойственно и самим обитателям Срединных миров) так и не получил отклика. Наоборот, чем больше старалась она вовлечь окружающих в такое общение, тем сильнее они отчуждались, как бы чувствуя, что с ней что-то не так. Поняв это, Принцесса и сама стала держаться особняком и даже во время переходов теперь шла не в стаде, как полагалось бы, а поодаль. И от этого становилось только грустнее, и все чаще вместо того, чтобы ночью спать, она размышляла, пытаясь понять происходящее.

Эти ощущения усиливались еще и потому, что Принцесса никак не могла понять — почему она вообще находится здесь, а не у себя дома, в том (совершенно другом) мире, где все было иначе и намного лучше, чем здесь. На самом деле Принцесса, конечно, никогда там не бывала, это ей только предстояло, однако Конструкторы заложили в ее память очень четкие представления об Иноле и будущей жизни на ней, и Лазурная воспринимала их как воспоминания о прекрасном прошлом. Оттого ей делалось еще грустнее.

Вот и нынешней ночью очередная бессонница подкараулила слонику, и, не умея справиться с нею, Принцесса вслушивалась в множество звуков, которые издавали и ночной лес, и недалекая отсюда река — звуки, в которых она уже хорошо умела разбираться, но слушать которые ей не надоедало, потому что она понимала: когда-нибудь ей суждено будет встретить другое существо, с которым она сможет общаться, как с равным. Ей почему-то казалось, что существо это появится именно ночью; быть может, потому, что слоны вообще охотно передвигаются ночами, а такие большие привалы, как на этот раз, позволяют себе лишь время от времени.

Она слушала, иногда пошевеливая своими огромными плоскими ушами. Она ждала каких-то незнакомых звуков, таких, какие еще не приходилось слышать.

И вдруг ей показалось, что такой звук возник.

* * *

Ас Орум, приближаясь к нуждающейся в защите модели, включил ее телеметрию. Лазурная была чем-то слегка обеспокоена, но, похоже,

непосредственной угрозы не замечала. Скорее, что-то ей просто не нравилось. Ну, это ненадолго. Скоро ты окажешься уже в другом, новом для тебя мире — твоём мире. Ас Орум удовлетворенно улыбнулся.

Он был уже совсем рядом, и теперь приходилось быть предельно внимательным, маневрируя между спящими слонами. Будить их было совершенно незачем. Ас Орум надеялся, что всю операцию удастся провести беззвучно. Он все еще не верил всерьез, что хищничество может дойти до такой степени. Если окажется, что это действительно так — к совокупности восемнадцатых моделей придется и в самом деле принимать крутые меры.

Ага, вот и она. Малютка расположилась в отдалении от собратьев по стаду — чувствует, вероятно, что чем-то от них отличается. В недалеком будущем Принцессе предстоит стать родоначальницей большой популяции ей подобных; до сих пор в том мире эта ниша не была заполнена, а принцип равновесия, при котором только и возможно нормальное развитие Вселенной, требует, чтобы на могучем древе жизни развивались все ветви и веточки. Уж так устроен этот мир.

И вдруг он насторожился. Застыл на месте. Потому что уловил звук, какого до сих пор тут не возникало. Звук казался чуждым для здешней среды. Он был, правда, очень негромким. Но сама структура его была чужой. Звук был связан с металлом. Был вызван его вибрацией. Металла, а не травы, ветвей, крыльев или голосовых связок.

Ас Орум понимал, что это за звук. Явление, хотя и искусственно ослабленное, сопровождающее применение распространенного среди восемнадцатых моделей оружия.

Опоздал? ОПОЗДАЛ?

* * *

Триг прослушивал окрестности. Аппаратура работала безотказно и доносила каждый звук без малейшего искажения. Все же цивилизация — не самое бесполезное достижение человечества. Техника была хороша и ни в чем не виновата, поскольку она отвечает за качество звука, но не за его содержание. Однако именно сейчас звуки перестали нравиться охотнику.

— Черт, — пробормотал он сквозь зубы. — Они, кажется, расчихали все-таки, что к чему. Судя по звукам — все четыре банды теперь направляются сюда. Пожалуй, придется поторопиться.

Наверное, излишне говорить, что бандами он именовал команды своих конкурентов, а их самих — главными бандитами.

— Пожалуй, пора мне выдвигаться на место.

— Давай, — согласился Ефрем.

Где находится нужное место, было известно: Хесус успел уже сходить на разведку. Он без труда нашел Лазурную и тут же повернул назад, боясь снова вызвать ее интерес.

Триг встал. Внимательно проверил все, что следовало взять с собой. Подпрыгнул раз-другой, убедился: ничто не брякает, двигаться можно будет совершенно бесшумно.

— Стадо обходи слева, — посоветовал Хесус. — Так быстрее доберешься до нее. Если сторож не заметит, ты его не трогай.

— Сам знаю, — проворчал Триг, пускаясь в путь. — Вы тут не очень прохлаждайтесь: пусть эти готовятся шкуру снимать. А ты, чем объяснять, сам проводи меня на номер. Давай, давай.

Хесус пожал плечами и кивнул.

— Винтовку возьми. Нет, не эту. Третью.

Медлить было больше нельзя: соперники приближались, и все надо закончить и исчезнуть отсюда еще до того, как кто-нибудь из них вынырнет из зарослей.

* * *

Лазурная Принцесса переживала очередное разочарование. Существо из числа разумных, чью поступь она слышала, явно хотело приблизиться к ней — но опять чего-то испугалось и, не дойдя, поспешно отступило, исчезло в зарослях кустов. Ну почему, почему?..

И насторожилась снова.

Потому что снова услышала шаги. Немного не такие, какие были раньше. Но похожие. Они приближались не очень быстро, но уверенно. Это ее обрадовало. Тем более потому, что на этот раз к ней шли двое.

Может быть, если она двинется им навстречу, они не станут убежать, как тот, первый? Во всяком случае один из них был совершенно другим. Он не издавал запахов, возникающих при страхе. И настроен был решительно.

А кроме того, он, кажется... кажется...

* * *

Нет, не опоздал. Слава Великим Силам. Вот он, источник опасности, и вместе с ним еще одна особь, из числа сопровождающих. Осторожно обходят спящее стадо. Ну что же, остается лишь контролировать их, чтобы в нужный момент предотвратить нарушение.

Ас Орум занял удобную и для наблюдения, и для возможных действий позицию. Теперь оставалось только ждать. Режим черного све-

та, на который он переключил свое зрение, позволял с выбранной высоты просматривать и спящее, за исключением сторожевого, стадо, и все вообще, находящееся в пределах восьми и даже девяти звуков. И тех, кто спал, и других, для кого пора черного света была временем активной жизни. Наблюдать, никак не вмешиваясь, разумеется.

Однако и сейчас он, принимая нужные меры предосторожности, все еще не верил, что даже у восемнадцатых может подняться рука на такое прекрасное создание, как Лазурная. Несомненно, приближающиеся будут стараться получить множество качественных изображений Принцессы для последующей демонстрации. Но уж не больше! Всем ведь известно, что это — единственный экземпляр! И всякое нанесение ей физического вреда, даже не будь она уникальным существом, не вызвано ведь никакой необходимостью: она никому не угрожает, никто здесь не страдает от голода, она не занимает ничего места...

Нет, даже восемнадцатые не могут проявлять столь бессмысленную, неразумную жестокость! И, вероятнее всего, действия Ас Орума ограничатся тем, что если приближающиеся станут слишком уж надоедать Лазурной модели, чрезмерно ее беспокоить — ему придется призвать их к порядку. Усовестить. Не более того.

Так он думал в то мгновение, когда его слух уловил слабый хлопок, легкий свист, вслед за которыми послышался и тяжелый удар о землю.

Выстрел был произведен в сторожевого слона и попал в цель. Паря слонов шевельнулись, но более ничто не нарушило тишины. И тревоги никто не поднял.

Только сейчас Ас Орум понял, что неудачная модель-18 еще более неразумна и жестока, чем представлялось даже самым рьяным ее критикам в Ядре.

Понял и почувствовал, как в нем закипает гнев — чувство, вообще-то не свойственное обитателям Срединных миров. А еще — порадовался тому, что не оказался тут с пустыми руками.

Потому что понятие охоты существует и в Срединных мирах. И основное ее правило звучит так: «Охота производится лишь на хищника, убивающего не для пропитания. Ибо так поступает лишь взбесившийся хищник, следовательно — опасный для всех».

Ас Орум тоже был охотником. Как и тот, что приближался сейчас, чтобы убить не ради пропитания. Просто принципы охоты у них были разными. Кстати, и оружие тоже. Оружие Срединных миров — Слово. У нас им пользоваться не умеют, давно разучились. И это — к счастью.

* * *

Выстрел не разбудил спящих слонов. Но из нанесенной убитому сторожевому раны все еще текла кровь. А у слонов очень острое обоняние. И в мозгу любого слона всегда имеется бодрствующий уголок. Впрочем, не только слона. Так что очередной вдох, сделанный ближайшим к месту происшествия слонем, донес запах крови до рецепторов обоняния, те передали сообщение дальше — и ощущение тревоги заставило слона проснуться.

Он подошел к лежащему. И увидел, что тот мертв.

Приподняв и распахнув громадные уши, слон принялся вслушиваться. И без труда услышал, как не очень далеко отсюда сразу с трех сторон сюда приближается, отчаянно (по его понятиям) шумя, множество людей.

Слон издал один лишь короткий и не очень громкий звук; но этого оказалось достаточно, чтобы стадо пробудилось и почти сразу же пришло в движение, следуя за вожаком.

Слоны, при всей их громоздкости, умеют передвигаться совершенно бесшумно даже в густой чаще.

И они же, считая себя обиженными, бывают очень жестокими.

К счастью для Трига Егера, стадо двинулось туда, где было много людей. Трига же и его команду, не двигавшуюся с места, они то ли не заметили, то ли не сочли достойными внимания.

В стаде никто не производит переключки, и потому отсутствие в нем голубой слонихи его не остановило. Тем более, что она все-таки была какой-то не такой, как все. Немного чужой.

* * *

— Ну вот, — прошептал Хесус Кабезито. — Теперь только не промахнись.

— Ты уверен, что это она? Голубая?

Вопрос был уместным: ноктоскоп цвета не показывал. Но животное было видно совершенно отчетливо. И до него не больше двадцати метров. На таком расстоянии не промахиваются даже новички. Однако...

— Отсюда неудобно, — пробормотал Триг. — Надо с первого выстрела. После него тут поднимется такая паника, что для второго времени не останется. А раненая, она уйдет. Я приму вправо, чтобы голову видеть как следует.

— Стой! Погоди! Видишь?

— Что?

- Погляди: она сама идет к нам! Как по заказу...
- Чует свою судьбу, — пробормотал Триг.

* * *

- Ас Орум! — позвал Мино Пал. — Слышишь меня?
- Похоже на то. Что у тебя?
- Коридор открыт. Большой.
- Вот и держи его.
- Вы скоро там? А то тут какой-то шум не очень далеко. Наша скрытность...
- За нее не бойся. Тем не до нас, у них возникли неприятности. Так что держи коридор — и все.
- Ас Оруму было не до того. Он был на связи с Лазурной и явственно ощутил вспыхнувшее в ней беспокойство.

* * *

- Лазурная Принцесса и в самом деле обеспокоилась.
- Впрочем, сначала была радость. Двое приближались к ней, а обрадовало ее то, что по крайней мере один из них обладал тем же разумом, что был и у нее самой. Он посылал ей сигналы, и она его понимала. Он просил ее ничего не бояться: все будет хорошо, и очень скоро она окажется у себя дома. Это было первое настоящее общение за всю ее жизнь!
- И она уверенно двинулась навстречу, своим коническим хоботом выражая приветствие так, как это принято у данного вида.
- А те, к кому она шла, остановились.

* * *

- Триг широко расставил ноги для устойчивости. Не сводя глаз со слониhi, сделал несколько медленных, глубоких вдохов, подавляя невольное волнение. «Нужно успокоиться, — сказал он себе. — Не думать о том, что будет потом. Не торжествовать заранее. Думать только о выстреле. Ничего другого на свете сейчас не существует. Только выстрел».
- Он сдвинул предохранитель. Вложился плечом в удобный, привычный приклад. Прицелом нашел жертву.
- На всякий случай еще прислушался. Ничего необычного не было, никаких опасных или хотя бы подозрительных звуков. Вся команда находилась в полусотне метров, но вела себя так, словно ее и не существовало: ни звука не слышалось с той стороны. Ничего удивительного: это не болельщики на стадионе, все они знали, как вести себя

на ночной охоте. Звуки возникнут после выстрела — Ефрем сразу же начнет вызывать вертолет, ожидающий команды на военном аэродроме. А сейчас — тишина.

И все-таки как Триг ни старался не допускать сейчас посторонних мыслей, на какие-то мгновения фантазия нарисовала ему великолепную картину: голубой слон, то есть теперь уже чучело — и он сам впереди, славный герой, с обычной усмешкой на губах — о ней еще будут писать, о его усмешке...

Слониха стояла в нескольких метрах. Выстрел в упор, по сути дела.

Все. Пора.

Он включил маркер, и красное пятнышко заскользило по темной массе, отыскивая глаз. Сам того не ощущая, Триг в это мгновение улыбался той самой своей улыбкой. Если бы ему сказали об этом, он удивился бы. Это получалось как-то непроизвольно.

Указательный палец медленно, плавно двинулся, лаская спусковой крючок...

* * *

Ас Орум завис над громадной тушей, еще только что бывшей сторожевым слоном. Да, животное убито. Без всякой надобности. Кровь сочилась из раны. Он проверил. Да, мертво. Больше никаких сомнений быть не могло.

Он вернулся на прежнюю позицию. И успел как раз вовремя. Хищник уже целился. Сейчас он легонько обработает спусковой крючок, для этого ему потребуется по здешнему счету секунда-другая.

Однако модель восемнадцать крайне медлительна по сравнению с обитателями Срединных миров. А дозволенное Охранителям оружие — Слово — срабатывает куда быстрее. И оно прозвучало:

— Выключен!

* * *

Тригу показалось, что он все еще спит, но вот-вот уже проснется. И уж тогда дождет спуск.

* * *

Лазурная в растерянности остановилась.

С теми, к кому она приближалась, снова что-то сделалось не так. Один вдруг ни с того ни с сего повернулся — как и раньше — и со всех ног кинулся прочь. Хотя никто и не собирался гнаться за ним.

Другой же вдруг сделался совершенно неподвижным, хотя находился в позе, очень неудобной для долгого в ней пребывания.

И — что самое странное — успокаивающие образы по-прежнему приходили к ней. Но теперь стало ясно, что идут они не от этого человека. Немного не с той стороны. И...

* * *

— Принцесса! Я здесь! Посмотри!

Ас Орум открылся лишь на миг. Он знал, что этого достаточно: в память Лазурной образы глитов заложены изначально, как образы своих. И она узнала. И поняла.

— Идем, Лазурная. Пора домой. Нас ждут. Мино! Иди сюда. Поташим этого вдвоем, быстрее получится. А хотя... Принцесса, ты можешь взвалить его на спину — так, чтобы не очень повредить? Со всеми его штуками.

Домой! Наконец-то пришла пора возвратиться в родные места!

Она даже продудела коротко в хобот, выражая тем свое удовольствие.

* * *

А Триг уже проснулся. И очень сильно удивился.

Потому как это ему только казалось, что под пальцем истекает терпением спусковой крючок. Не было крючка, не было винтовки. Голубой слонихи не было перед ним. Леса не было вокруг. И вообще, он не увидел ничего привычного. Совершенно ничего.

Потому что находился в чем-то, более всего похожем на большое прозрачное яйцо, в котором он, не чувствуя себя стесненным, был все же ограничен в движениях.

При этом он был не только жив, но и совершенно вроде бы здоров. И, как ни странно, продолжал улыбаться своей фирменной усмешкой.

Повернул голову налево, потом направо, тем самым еще не исчерпав всех своих возможностей: можно было еще посмотреть вниз и — в определенных пределах — вверх.

Он установил, что находится в огромном, по его представлению, зале или эллинге. И справа от него, и слева виднеются такие же прозрачные капсулы, и в каждой из них заключено какое-то живое существо. Хотя среди них ему не удалось заметить ни одного, кого он мог бы опознать и назвать. По соседству с некоторыми капсулами, прямо на стене, были размещены какие-то предметы. Повернув голову до

предела, Тригу удалось увидеть, что и рядом с его капсулой располагались вещи, хорошо ему знакомые. Две его винтовки. Ножи. И прочие принадлежности серьезной охоты.

В целом то, что он видел, напоминало ему нечто хорошо знакомое. Но думалось ему как-то с большим трудом, и он не сразу понял: это было похоже на его собственную большую гостиную с охотничьими трофеями на стенах. Только там трофеи эти были мертвыми, а здесь, похоже, их сохраняли живыми.

Окончательно он утвердился в этой мысли, когда, наклонив голову, перевел взгляд вниз. Метрах в пяти под ним оказался пол, и на нем толпились некоторое количество — десятка два с лишним — каких-то человекоподобных. Даже очень похожих, но все-таки не совсем таких. И все они смотрели на него. А один что-то объяснял, помахивая, похоже, лазерной указкой. Когда она утыкалась в Трига, он невольно вздрагивал, хотя на деле никакой боли не испытывал.

Он вообще не испытывал почти ничего: ни голода, ни жажды, никаких естественных потребностей и даже не мог дать себе отчета в том: дышит он или нет. Но, наверное, дышал все же. Потому что был, несомненно, жив.

А те, что толпились внизу, смотрели на него, и если их мимика соответствовала человеческой, то лица выражали у кого — отвращение, у кого — гнев. И ни на одном не было заметно сочувствия.

Время шло. Одни любопытные внизу сменялись другими. Триг по-прежнему чувствовал себя хорошо. Хотя из всех людских возможностей у него осталась лишь способность думать и понимать.

Он понял, что попал крепко. И, кажется, надолго. Может быть, навсегда.

Конечно, при желании это тоже можно было считать славой. При чем не одного лишь земного, но прямо вселенского масштаба.

Ему очень хотелось понять, что именно те, внизу, говорили.

Но, к сожалению, язык их — а может быть, языков было несколько — совершенно ему не знаком и даже не напоминал ничего.

Вот и хорошо; потому что иначе он услышал бы очень много неприятного в свой адрес.

Хорошо также, что он не мог видеть — а если бы и видел, то не мог бы прочесть и понять то, что значилось снаружи на стене этого помещения. А было там вот что:

МУЗЕЙ САМЫХ ГНУСНЫХ ХИЩНИКОВ МИРОЗДАНИЯ.

Что делать: слава, как и наука, требует жертв.

КАРЛ ФРЕДЕРИК

МОЛИТВА

Иллюстрация Владимира Овчинникова

О ПОГИБШЕЙ ПАРАМЕЦИИ

Ленивым утром — ведь до начала уроков еще целый долгий месяц, — жарким уже в десять часов утра, Ральф мог на минутку попытаться представить себя счастливым. Он наблюдал, как его младший брат резво скачет и шумно пинает по тротуару алюминиевую банку из-под газировки. Алекс, одетый в чистые белые шорты и голубую рубашечку-поло, действительно выглядел счастливым. Большие и важные вещи, казалось, обходили его стороной, не слишком задевая, и месяц назад он перенес ужасную весть гораздо спокойнее, чем кто-либо другой. Ральф испытал мучительный приступ зависти.

Далеко впереди, примерно в десяти минутах ходьбы, Ральф хорошо видел очень знакомое приземистое здание, соперничающее с утренним солнцем яркой белизной — Малый мировой аквариум. Сегодня, как и вообще по четвергам, детей туда пускали бесплатно.

Ральф прихлопнул комара, потом опустил взгляд на пропеченные солнцем плиты тротуара и постарался не наступать на стыки — хотя теперь это вряд ли что-нибудь значит.

Звук жестянки, с долгим грохотом выкатившейся на мостовую, привлек его внимание, и он увидел, что брат остановился у перекрестка в ожидании зеленого света. Наклонившись вперед и уперев руки в колени, Алекс изучал через окошко газетного автомата первую страницу свежего выпуска.

Ральф подошел и, не обращая внимания на заголовки статей про войну, взглянул на фотографию.

— Это вибрационно-энергетическая пушка, — указал Алекс на газетный снимок.

— Ага, — согласился Ральф. — Класса «Шива-2».

Алекс ткнул пальцем в пластиковое окошечко:

— А это бомбер-беспилотник Джи-7.

— Великоват он для Джи-7, — засомневался Ральф. — Думаю, это Джи-11.

Он изобразил ладошкой полет аппарата, сопровождая движение звуком падающей бомбы.

В этот момент в отражении на пластике окошка Ральф увидел зеленый свет.

— Пойдем, — сказал он.

Два ряда огоньков, утопленных в асфальте мостовой, замигали янтарными вспышками, обозначая пешеходный переход. Это было очень похоже на огни взлетной полосы на аэродроме, и Алекс, рас-

правив руки, словно крыло самолета, гудя, жужжа и обгоняя брата, побежал по улице.

Когда Ральф прошел через вращающиеся двери Малого аквариума, его охватило знакомое ощущение — будто он вдруг перенесся в открытый космос. После яркого летнего солнца за дверью его ждала темнота, он вглядывался в нее широко открытыми глазами, и по мере того как глаза привыкали к полумраку, мир тьмы постепенно открывался мальчику. Внезапная прохлада после жары заставила кожу покрыться мурашками, ведь он, конечно, был одет по-летнему, в тонкую рубашку и шорты. Ральф вдыхал резкий запах большого свежевымытого общественного здания и слышал тихое жужжание кондиционеров, похожее на звук далеких моторов.

После того как мальчики прошли через рамки металлоискателей и химических детекторов, они промчались мимо киоска сувениров и бросились в зал игровых автоматов. Все игры были бесплатными — и это хорошо, обучающие тоже — и это плохо. Но любимая игра Ральфа «Меткий стрелок» — самая замечательная, и то, что у нее нет прези для монет — настоящее чудо!

Зал был набит битком: притопала толпа скаутов, и они совершенно по-свински прибрали к рукам все игровые автоматы, а возле «Меткого стрелка» вообще выстроилась здоровенная очередь.

— Вот гады! — Ральф резко повернулся и двинулся из игрового зала, Алекс пошел за ним. — Мы вернемся позже, когда это стадо убежится отсюда.

— Да ну их, — сказал Алекс, — мне уже больше не нравится «Стрелок».

— Как хочешь.

Алекс указал через главное фойе на надпись «Простейшие» над одним из трех туннелей-павильонов Аквариума:

— Пойдем туда, там здорово!

— Точно. Пойдем.

Они прошли в арку павильона, обогнули перегородку, отделяющую более светлое фойе от затемненного зала, и оказались в большом, широком выставочном туннеле. Его потолок, изогнутые стены и даже большая часть пола были прозрачными, за ними — бескрайние водные глубины и какие-то камешки-ракушки, призванные изображать морское дно.

Иллюзия была совершенной. Как-то Ральф ходил в этот музей с классом на «закулисную» экскурсию, где рассказывали, что все экс-

понаты в этом зале представляют собой трехмерные голографические проекции. Основой служил крошечный аквариум с загадочными подземными водами и таким же таинственным фазоконтрастным микроскопом в середине. Но Ральфу было все равно. Стены зала изобиловали животными: пресноводными одноклеточными организмами.

Парамеция размером с акулу, размеренно шевеля ресничками, летела через всю стену, затем проплыла над головами мальчиков и нырнула ко дну. Глядя вниз сквозь пол, Алекс и Ральф увидели огромное существо, завтракающее чем-то непонятным. Ральф улыбнулся: казалось, эта громада могла зараз проглотить его брата.

Мальчики часто бывали в этом зоомузее-аквариуме. Алекс бегал по коридору, показывал пальцем на разных одноклеточных и выкрикивал их названия. На мгновение он остановился:

— Смотри, это амеба, и она что-то ест. — Тут другое существо привлекло его внимание: — Это сактория, она втягивает щупальца! — И он запрыгал дальше по коридору, указывая представителей фауны: — Дилептус. Литонотус. Эвплотец. Логофиллум.

Алекс снова замер у стекла, его взгляд приковала не слишком большая парамеция, которая медленно и спокойно курсировала туда-сюда почти на уровне глаз.

— Вот этот парамеций мне больше всех нравится, — сказал Алекс. — Смотри, какой чудесный.

Парамеция скользила вдоль стены, ее реснички двигались плавными и красивыми волнами, и Алекс следовал за ней, бесшумно ступая резиновыми подошвами теннисных туфель, а кончик его носа, слегка потёкшего от волнения, чертил дорожку на стекле.

— Ага, — сказал Ральф, проходя мимо, — просто классный.

— Я назову его Парри, — Алекс оторвался от стекла. — Привет, Парри!

— Он тебя не слышит, — объяснил Ральф. — Он просто малюсенькая точка в банке с водой. Он такой маленький, что ты даже не увидишь его.

— Я знаю, — сказал Алекс, но казалось, сам он в это не верит.

Ральф окончательно заскучал, хотя и был очарован существом, похожим на огромную живую каплю серебра.

— Пойдем обратно к автоматам, — он схватил Алекса за запястье и потащил его к выходу. Алекс знал, что протестовать бесполезно.

Когда ребята пришли в игрозал, отряд скаутов уже исчез. Возле самых хороших игрушек по-прежнему толпились в ожидании дети, но

очереди были недлинными. Ральф, все еще держа брата за руку, встал в очередь к «Стрелку».

Ральф часто играл в эту игру: пилотируя свой корабль-разведчик в океанских глубинах, он разыскивал монстров — гигантских парамеций — и уничтожал их. Парамеции были настоящими, и игрок поразил их настоящим лазером. А если попадал в самый центр ядра клетки, существо взрывалось.

Очередь двигалась медленно, но все же двигалась. У каждого игрока было три минуты на охоту, а за каждую убитую парамецию давались дополнительные пятнадцать секунд — но не более десяти минут всего. Однако мало кому удавалось продержаться в игре достаточно долго, и примерно через каждые четыре минуты место за пультом занимал очередной счастливый мальчуган. Девчонки «Стрелком» не очень-то интересовались.

Через несколько минут ожидания Алекс отступил в сторону от плотной кучки ребят и заявил:

— Я хочу пойти к Парри.

— Ты пропустишь свою очередь, — ответил Ральф.

— Ну и что? — заупрямился Алекс. — Я все равно не хочу играть в эту дурацкую игру.

— А мне не нравится, что ты куда-то пойдешь один.

— Ха! Ты прям как мама говоришь! — поддел брат.

— Ну да, — потупился Ральф, — мама сказала, чтобы я за тобой присматривал.

— Ничего подобного! — возмутился Алекс, и его звонкий голос рассерженно задрожал. — Мне уже почти девять!

Ральф задумался на минутку — ну не пропускать же свою очередь! — и сдался:

— Ладно, тогда все время будь у простейших или сразу возвращайся сюда. Больше никуда не ходи. Договорились?

— Ага.

Ральф проводил взглядом Алекса и глянул вперед, где из-за суетливо маячивших плеч уже виднелся экран «Стрелка».

Минут через пятнадцать он уже был почти в самом начале очереди, уже мог не только слышать звуки, но и ясно видеть экран. Очередной счастливчик как раз схватил пульт и начал игру. Ральф прочитал яркие слова: «Спонсоры игры — очистительные системы «Источник» и Департамент военной разведки». Потом экран превратился в синие морские глубины, и стрелок отправился уничтожать злых парамеций — помогать «Источнику» в «битве за безопасность питьевой

воды». Из игрового автомата звучали великолепные шумовые эффекты, да и сам юный разведчик издавал радостные вопли вперемежку с боевым кличем, когда целился и стрелял по серебристым живым мишеням.

Наблюдая за побоищем, Ральф вдруг услышал отдаленный вопль, который вполне сошел бы за настоящий, если бы не был частью игры. Раздражающий звук становился все громче и громче, и уже определенно казалось, что он исходит не от автомата. А когда смесь крика, рыданий и всхлипов стала невозможной, Ральф с трудом оторвал взгляд от экрана. Он увидел бегущего к нему Алекса. Слезы застилали глаза брата, рыдания душили его, он просто разрывался от крика.

Ральф шагнул было навстречу, но тут же спохватился и отвел одну ногу назад, чтобы касаться своего места носком кеда и не упустить очередь.

— Алекс, — заговорил он скучающим тоном, словно этот шумный малыш — случайный знакомый. — Что там у тебя случилось?

— Ральфик, — крикнул Алекс сквозь всхлипы. — Пойдем со мной. — Он потянул брата за рубашку. — Тебе обязательно надо!

— Зачем? — Ральф глянул назад через плечо. Все ребята в очереди притихли и внимательно смотрели на них. — Сейчас будет моя очередь.

— Скорее! — в пронзительном крике звенели боль и досада. — Ральфик, пожалуйста! — Он потянул брата сильнее и настойчивее, так что рубашка вылезла из шорт.

— Ладно, ладно, — Ральф вышел из очереди и поправил рубашку. Его ужасно смущало, что брат закатил истерику, а главное — что его при всех называли Ральфиком. — Ты успокоишься или нет? — громко и раздраженно прошипел он.

— Пойдем! — прокричал Алекс изо всех сил своих легких. Он снова ухватился за одежду брата, но Ральф отцепил его руку.

— Да иду я!

Алекс повернулся и побежал обратно в выставочный зал, время от времени оглядываясь через плечо на брата.

— Ты мне скажешь наконец, что случилось? — пропыхтел бегущий следом Ральф.

— Это Парри, — всхлипнул Алекс. — Кажется, ему плохо.

— Что-о? — Ральф тут же остановился.

Алекс засуетился.

— Пожалуйста, — он ухватил Ральфа за запястье, — быстрее!

— Ладно, — Ральф, болезненно осозная, что люди глазект на них, побежал с Алексом в Зал простейших.

Алекс бросился к стеклу почти в середине туннеля-аквариума, взглянул вглубь и вскрикнул. Он метнулся к Ральфу:

— Парри умирает!

Ральф посмотрел на прозрачную стену возле того места, где мокрый нос брата оставил кривую полоску на стекле. Парамеция была там, но ее трудно было разглядеть в дебрях «морского дна» еще и потому, что она почти не двигалась. И пока Ральф присматривался к едва шевелящемуся телу, парамеция замерла.

Алекс завизжал:

— Он умер! Парри умер! — мальчик кричал даже еще громче, чем раньше, его вопли и рыдания прерывались быстрыми сдавленными всхлипами.

Щеки Ральфа покраснели от досады и внезапной злобы:

— Да и черт с ним! Ты так не ревел, даже когда наш папа погиб!

Теперь старший брат чувствовал вину, щеки его пылали из-за того, что он произнес слова, которые были под негласным запретом.

Алекс продолжал плакать, но по-другому. Теперь зал оглашали не истерические всхлипы, а печальные стоны, долгий вой, оплакивание всех скорбей мира.

Издали, постепенно приближаясь, слышались другие звуки: четкие щелчки, коротким эхом отскакивающие от стен коридора — торопливые шаги твердых подошв. Ральф взглянул через плечо и увидел высокого мужчину. У него были черные ботинки, черные брюки, белая рубашка с галстуком — и сердитое лицо. И он подходил все ближе и ближе.

— Что тут за шум? — спросил он.

— Кажется, Парри умер, — пожаловался Алекс.

— Кто это?

— Парамеция, — ответил Ральф. — Мой брат назвал ее Парри.

— Да ради Бога, — незнакомец бросил взгляд на потолок, где проплыл увеличенный до гигантских размеров литонотус. Потом он мягко, но уверенно оттащил Алекса от стекла.

И поглядел на Ральфа:

— А родители ваши здесь?

Ральф покачал головой.

Человек потер лоб, взглянул на Ральфа, а затем чуть ниже, на Алекса.

— Тогда ладно, — сказал он через несколько секунд. — Думаю, ребята, вам следует пойти со мной. — Он приподнял лицо Алекса за подбородок, заставляя мальчика взглянуть на него. — Пойдемте ко мне в офис. Вы мешаете посетителям, и другие дети тоже начали плакать.

Ральф обхватил брата за плечи, всем своим видом давая понять, что защитит его. Ребят учили остерегаться незнакомцев.

— Да не бойтесь, — сказал человек. — Со мной вы в безопасности. — Он указал на табличку, прикрепленную у него на груди. — Я что-то вроде главного хранителя этого зала зоомузея-аквариума.

Ральф внимательно рассмотрел табличку на кармане рубашки, примерно там, где солдаты носили знаки отличия: *Д-р Говард Бек, хранитель Малого мирового аквариума, куратор Зала простейших.*

Рыдания Алекса чуть стихли.

— Господин хранитель зоомузея, — сказал он, хлюпая носом и размазывая по щекам слезы, — пожалуйста, помогите Парри!

Хранитель вдохнул и медленно выпустил воздух:

— Пойдемте со мной, — еще раз предложил он. — Посмотрим, что можно сделать.

В офисе он усадил мальчиков за стол, обошел его вокруг и сам сел напротив. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и затем хранитель заговорил:

— Дело в том, что парамеции в некотором смысле по-настоящему не умирают. Понимаете, когда они размножаются, то как бы разделяются пополам... — он говорил мягким, тихим и спокойным голосом, словно учитель, занимающий беседой детей, пришедших в класс раньше всех. — Это значит, что любой парамеции на самом деле много-много миллионов лет, потому что она — малюсенькая частичка оригинала, самой первой в мире парамеции.

— Ух ты! — выдохнул Ральф.

— А когда парамеция умирает, — хранитель прямо и открыто посмотрел на Алекса, — то совершенно не о чем плакать. Я имею в виду: убийство парамеции это не то, что убийство человека. — Он чуть улыбнулся и задорно подмигнул. — И наверняка для этого даже слово есть другое.

— Убивать — это плохо, — упрямо заявил Алекс. — Зачем кому-то желать смерти Парри?

Хранитель вздохнул:

— Тебе не надо было давать ей имя. — Он похлопал ладонью по столу: — Послушай, ты же убиваешь комаров, не так ли?

Алекс промолчал.

— Ну ответь, — потребовал хранитель. — Я уверен, что ты убивал комаров, например, когда выезжал с родителями на природу.

Алекс едва заметно кивнул.

— А что ты скажешь об уничтожении мух?

— Ну да, — чуть слышно ответил Алекс.

— А как насчет пауков?

— Фу, — Алекс сморщил нос. — Ненавижу пауков.

— Ладно, — продолжал хранитель, — а дома у вас, вероятно, есть мышеловки...

— Я люблю мышек.

— Тогда крысоловки.

— И крыс тоже люблю.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Нет, — сказал Алекс.

Следя за напряженным диалогом, Ральф вертел головой туда-сюда и на мгновение ощутил себя наблюдателем теннисного матча.

— Ладно... — Хранитель побарабанил по столу кончиками пальцев. — Спорим, ты ешь гамбургеры.

— Ага-а, — ответил Алекс с явным подозрением в голосе.

«Гамбургеры! Любимая еда братишки! Один-ноль в пользу хранителя», — подумал Ральф.

— Мясо в гамбургере — это корова, — объяснил хранитель. — Ты корову не убиваешь, но прекрасно понимаешь, что кто-то другой должен это сделать.

Ральф взглянул на брата. Мальчик, казалось, глубоко задумался.

— Ладно, — согласился Алекс через некоторое время. — Может быть, не все убийства неправильные.

Хранитель, слегка улыбаясь, кивнул.

— Но, — сказал Алекс, — мне внутри кажется, прямо чувствует-ся, что это неправильно. Особенно если это кто-то знакомый, как Парри, например. И это очень-очень плохо.

Хранитель потер лоб, поднял глаза к потолку. Казалось, что он на-чинает терять терпение:

— Послушай. Я же говорил тебе. Все парамеции взаимозаменяе-мые, одинаковые.

— У нас в школе есть близнецы, — не сдавался Алекс, — они то-же одинаковые, но на самом деле они разные.

— Я совсем не это имел в виду, — покачал головой хранитель. — Боже мой, чем я занимаюсь! Вступил в спор, — он оглядел Алекса, — с конопатым семилеткой!

— Мне уже почти девять.

Ральф снова заметил в облике Алекса перемену: сжатые кулаки, чуть дрожащая нижняя губа — все сигнализировало об отчаянии. Он исподлобья посмотрел на хранителя:

— Перестаньте дразнить моего брата!

— Я его не дразню, — удивленно ответил тот и указал пальцем на Ральфа. — А позволь спросить, тебе-то сколько лет?

— Мне скоро двенадцать.

— Скоро двенадцать... — хранитель улыбнулся. «Как мама, — подумал Ральф, — когда думает о том, что было давно». — Но ты-то понимаешь, что я пытаюсь объяснить твоему брату?

— Нет.

Хранитель вздохнул.

— Ладно, когда вы достигнете разумного возраста, то поймете, — он встал и посмотрел на Алекса. — Все в порядке, молодой человек, — сказал он. — Теперь, когда вы успокоились, может, отправитесь домой? — Он повернулся к двери.

Вдруг Алекс с размаху стукнул кулаками по столу.

— Вы меня разозлили! — крикнул он.

Хранитель остановился и повернулся к ребятам, его лицо вытянулось от удивления.

Алекс вскочил на ноги.

Ральф тоже встал и уставился на брата: трясущиеся от ярости плечи, дрожащая губа, покрасневшие глаза, вновь наполнившиеся слезами. Он знал, что кажущееся спокойствие минуту назад было кратким затишьем между двумя бурями эмоций.

— Вы только разговаривать умеете! — крикнул Алекс на такой высокой ноте, что, казалось, звук мог расколоть стекло. — Вас не волнует, что Парри умирает! Вас ничего не волнует! И не волнует, что весь мир умирает! А мне нравится Парри! А вы плохой! Идите на войну, и пусть вас там убьют!

Ральф от удивления разинул рот. Отец никогда не позволил бы Алексу говорить так со взрослым человеком. Ральф уже почти видел, как хранитель хватается грубияна, разворачивает и шлепает по попе. Вместо этого он с озадаченным видом вернулся и сел в свое кресло. Поставил локти на стол и положил подбородок на руки, так что его глаза оказались на одном уровне с глазами стоящего напротив Алекса.

— Твой папа ушел на войну? — тихо спросил хранитель.

Алекс кивнул, его злости заметно поубавилось.

— Он погиб, — пояснил Ральф.

Хранитель откинулся назад в кресле.

— Боже мой, — он уронил руки на столешницу, а теперь сжал пальцы в кулаки, царапнув ногтями по деревянной поверхности. Потом он наклонился вперед и спросил: — Недавно?

— Да, — ответил Ральф едва слышно.

— Простите меня.

И голос, и выражение лица хранителя были искренними. Ральф верил этому человеку.

Хранитель сочувственно посмотрел на Алекса и очень тихо произнес:

— Думаю, теперь я все понял.

Несколько секунд они молчали. Потом хранитель встал. Он наклонился вперед, опершись прямыми руками на стол, и сказал:

— Вы должны гордиться своим отцом. Он отдал жизнь за то, чтобы... чтобы... — он попытался подобрать слова, но тщетно. Да и Алекс, казалось, совсем не слушал.

— Плохо, что у вас тут есть игра, где убивают, — сказал Алекс, на его глаза снова навернулись слезы.

— Какая игра? А, ты имеешь в виду «Меткого стрелка», — хранитель выпрямился, оттолкнувшись от стола. — Так это же просто игра, — сказал он, но Ральф уловил недостаточную уверенность в его голосе.

Алекс всхлипнул.

— Это не просто игра, — он вытер рукой мокрый нос. — Она ужасная и злая.

Хранитель несколько секунд смотрел на Алекса, вздохнул и потом медленно сел.

— Да, — прошептал он. — Она ужасная и злая... Она отвратительная.

В дрогнувшем голосе хранителя Ральф на мгновение уловил беспомощность и подумал, что взрослый человек тоже готов заплакать. А тот тихо произнес, опустив голову, словно обращаясь к столу:

— Я всегда ненавидел эту... проклятую игру. Но «Источник» содержит Зал простейших, — хранитель сжал руку в кулак. — Бедные, беспомощные дети, — говорил он, отбивая каждое слово ударом кулака по столу, все сильнее и сильнее. — Им не позволено ничего решать в своей жизни... Как будто мне позволено... Да будь она проклята, эта война!

Пока хранитель бормотал, будто бы разговаривая сам с собой, Ральф сделал тихий шагок в сторону Алекса и положил руку на плечо брата. Потом два мальчика, двигаясь как один, сделали шаг к двери.

Тут хранитель пристально посмотрел на них. Он не казался рассерженным, но он молчал и даже не шевелился. Просто смотрел.

Мальчики стояли без движения — ждали.

Потом, когда Ральф уже почти достиг предела своей способности не шевелиться, хранитель встал и в упор взглянул на Алекса.

— Итак, тебя беспокоит сама идея убийства? — его голос звучал спокойно. — Несерьезное и пренебрежительное отношение к живому?

Ральф посмотрел на Алекса. Брат не ответил, он даже не кивнул. Он казался загипнотизированным.

— Да, — кивнул хранитель, — я думаю, меня тоже это волнует. — Он поправил галстук и решительно шагнул к двери. — И я больше не могу и не хочу быть робкой овцой в стаде. — Он взглянул на ребят. — Вы оба, — сказал он твердым голосом, — пойдёте со мной.

Ральф, все еще держа руку на плече Алекса, вышел из кабинета следом за хранителем. У Ральфа мелькнула мысль, что можно победить к выходу — они бы легко удрали. Но сейчас было *правильно* следовать распоряжениям взрослого человека.

Они прошли за хранителем назад через Зал простейших. Алекс смотрел в одну точку на спине идущего впереди хранителя, совершенно не глядя по сторонам. Он не обращал внимания на своих любимых «звериков»! Хранитель вышел из туннеля, пересек фойе и проследовал в игрозал.

Ральф и Алекс затерялись в группе детей и здесь, под защитой толпы, наблюдали, как хранитель подходит к пульту «Стрелка» — прямо к началу очереди.

— Эта игра испорчена, — заявил он.

Ральф услышал крики: «Ну-у!», «Почему это?» и «Вот облом!».

— Боюсь, — сказал хранитель, — что игра закрывается надолго. Навсегда.

Волна недовольных восклицаний и жалобных «ну почему-у» поднялась и схлынула. Дети разбрелись к другим играм, оставив Ральфа и Алекса без защитного окружения.

Хранитель жестом пригласил их подойти поближе к «Стрелку», но

мальчики нерешительно топтались поодаль и не сразу выполнили просьбу.

Сбоку из игрового автомата выходил толстый силовой кабель, его вилка будто бы выросла в большую розетку в стене.

— Выдерни шнур из сети, — велел Алексу хранитель.

Алекс сморщил нос и поднял глаза на взрослого.

— Давай-давай, — кивнул тот, — на время назначаю тебя тут главным. Берись за шнур и тяни.

Алекс переглянулся с Ральфом, потом послушно наклонился, поднял толстый кабель и потянул, но вилка оставалась в розетке.

— Ее специально сделали, чтобы она тяжело вынималась, — сказал хранитель. — Дергай сильнее.

Алекс крепко ухватил шнур двумя руками и снова потянул. Но кабель, прямой и упругий, по-прежнему питал «Стрелка» энергией, и огоньки на экране все так же ярко светились.

— Сильнее, — подбодрил хранитель, — ты сможешь!

— Я не могу.

— Сможешь! — убеждал хранитель. — Тяни!

Алекс закусил нижнюю губу и изо всех сил дернул провод. Но «Стрелок» все так же тихонько жужжал, насыщаемый электричеством.

— Еще разок! Я уверен, ты справишься!

Мальчик уперся ногами в пол и всем своим существом вступил в борьбу с неподатливым толстым кабелем, даже вскрикнул от напряжения. Вилка внезапно отщелкнулась, и Алекс отлетел назад, все еще сжимая в руках черный шнур. Хранитель подхватил мальчика, не дав ему врезаться прямо в игровой автомат.

Дисплей «Меткого стрелка» погас, электрическое жужжание внутри постепенно стихло — и Алекс вдруг заплакал.

— Все в порядке, — хранитель взъерошил волосы мальчика. — Все в порядке, — тихо повторил он. — Можешь больше об этом не волноваться.

Снова Ральф почувствовал прилив зависти.

Ночью, когда Алекс взобрался на верхнюю кровать, Ральф потянулся и выключил свет. Уже почти год, как у каждого из них есть своя комната, но около месяца назад Алекс попросился обратно, чтобы спать на своей старой кровати. Мама подумала, что это неплохая идея. Ральф покапризничал для виду, но прекрасно понял, что нико-го этим не обманул. Здорово, что Алекс вернулся на верхнюю койку — как раньше, когда они были совсем маленькими.

— Ральфик, — позвал сверху Алекс.

Ральф перевернулся на спину:

— Что?

— Когда ты достигнешь разумного возраста?

— Уже достиг. Так мама сказала.

— А я достиг?

— Нет еще.

— А когда я узнаю, что достиг?

— Я тебе скажу. — Ральф перевернулся на живот и зарылся лицом в подушку.

— Ральфик!

Ральф поднялся на локтях:

— Алекс! Спи уже! — и шлепнулся обратно на подушку.

— Мне понравился хранитель, — сообщил Алекс приглушенным голосом.

Ральф знал, что отвечать не надо. Просто его маленький брат беседует сам с собой перед сном.

— Бедные парамеции, — вздохнул Алекс. — Почему они должны умирать? Они не сделали ничего плохого.

Несмотря на то, что комната была все еще теплой после дневной жары, Ральф поплотнее закутался в одеяло. И закрыл глаза.

— Боженька, благослови мамочку... — донесся до него голос Алекса.

Ральф открыл глаза и сморщил нос. Это странно. Алекс перестал молиться вслух еще в семь лет.

— ...и Ральфика. И благослови папу... И Парри тоже благослови, и всех других парамеций.

В темноте Ральфу предстало внезапное видение: яркие вспышки бомб, разрушающиеся дома, ощущение дрожащей от взрывов земли, ужас в криках людей... В крике отца.

Он вытер глаза рукой, размазав соленую влагу по щекам и губам. Он перевернулся и вжался в уголок между краем матраса и стеной. «И благослови, Господи, всех ни в чем не повинных парамеций», — прошептал он в темноту.

Перевела с английского
Татьяна МУРИНА

© Carl Frederick. Prayer for a Dead Paramecium. 2005. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog».

В Е Р Н О Р В И Н Д Ж

КОМПЛЕКСНАЯ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ИНТУИЦИЯ

Когда-то игры предназначались для домашнего употребления. В них играли настоящие тьюфаки и детишки с непомерно развитыми пальцами. Теперь все игры происходят на свежем воздухе. Весь мир — игра.

Майк Виллас любил ходить в школу с близнецами Рэднерами. Фред и Джерри дурно, по мнению старших, влияли на Майка, но эти парни были отличными игроками.

— Майк! Есть дело, — сказал Фред.

— Ага, — подтвердил Джерри, ухмыляясь. Он всегда ухмылялся, когда речь шла о какой-нибудь пакости.

Троица шла привычной дорогой вдоль водоотводного канала. Канал, сухой, бетонно-серый, проходил по дну каньона на задворках района Лас-Меситас. Нависающие холмы были покрыты ледяником и толокнянкой, впереди высилась рощица чахлах дубов. Каких еще ожидать пейзажей в начале мая в северном округе Сан-Диего?

По крайней мере, в настоящем мире.

Каньон не был заброшенным. Ни в коей мере. Местная Служба предупреждения наводнений поддерживала этот район в порядке, и культурный слой был не тоньше, чем на улицах города. Так что Майк пожал плечами и дернул уголок рта. Стойкости сигнала хватало акkurat для того, чтобы поддерживать Явление на должном уровне. Картинка дернулась, поплыла, стала похожа на японский комикс. На мангу. Ростки толокнянки превратились в колышущиеся щупальца, дома по краям каньона стали бревенчатыми. Над крышами развевались знамена. На самом высоком холме стоял замок Великого Князя Хоуи Фенна — местного паренька с богатой фантазией, большого любителя аниме. Близнецов Майк наградил комбинезонами, как в комиксах, огромными глазами и чудовищными прическами. Тоже как в комиксах.

— Смотри, Джерри! — сигнализировал Майк и подождал, пока близнецы перестроятся на его волну. Он целую неделю выстраивал эти картинки.

Фред огляделся, осваиваясь с Майковым видением мира.

— Господи, мужик, это же ужасное старье. К тому же, — он критически взглянул на замок, — Хоуи Фенн — придурок.

Майк со вздохом распустил картинку. Настоящий мир медленно въезжал в поле зрения: сначала небо, потом пейзаж, затем и одежда.

— Но на прошлой неделе вам понравилось! — В тот раз, вспомнил Майк, Фред и Джерри пытались сбросить Великого Князя с престола.

Близнецы переглянулись. Майк был уверен, что они обменивались сообщениями.

— Ну мы же сказали тебе, что сегодня у нас совсем другие планы.

Теперь они шли сквозь дубовую рощу. Отсюда можно было видеть туман, наползавший от берега. В ясный день (а также в любой другой, если ты подписался на ясновидение) можно было увидеть и сам океан. На юге располагалась школа. На севере... На севере находилось самое интересное место, какое Майку Вилласу доводилось видеть за его недолгую жизнь.

Пирамидальный холм возвышался над долиной. На нем располагался парк — парк Пирамидального холма. Когда-то, в стародавние времена, Холм покрывали орхидеи; их и сейчас можно было увидеть, подключив рекламный канал парка. Но невооруженному взгляду открывался совсем иной вид. Деревья, лужайки, особняки и огромная дугообразная конструкция, на много сотен ярдов возвышающаяся над Холмом. Самый большой аттракцион с настоящей невесомостью, сооруженный на территории Калифорнии.

Близнецы перемигнулись. Джерри махнул рукой в сторону холма.

— Ты бы не отказался побегать по меловому периоду? Вживую?

Можно было воспользоваться бесплатным входом. Но там свои ограничения: смотри, но не трогай.

— Слишком дорого.

— Еще бы! Но кто же заставляет платить?

— А как же ваш... этот... Доклад перед классом? С демонстрацией?

— Урок труда у близнецов шел первым.

— Он пока в Ванкувере.

— Но ты за нас не волнуйся, — Фред исподлобья взглянул на небо, с надеждой и некоторым сомнением во взоре. — Служба доставки Фед-Экс не подведет.

— Ладно. Но давайте хоть на этот раз обойдемся без приключений?

Попадать в разные истории было основной специализацией братьев Рэднеров. Майка это нервировало.

— Будь спок, мужик!

Троица принялась взбираться по узкому карнизу на восточной стороне Пирамидального холма. Здесь не было и не могло быть никакого входа, но дядя близнецов работал в Службе предупреждения наводнений и, естественно, имел доступ к рабочим схемам СПН. Этими схемами братья и поделились с Майком. Слой грязи под ногами становился все тоньше. Пятнадцатью футами ниже, если верить схеме, находилось узкое ответвление туннеля. Тут и там были разбросаны

метки службы контроля. Джерри и Фред пока ни разу не попались на использовании схем СПН. Сегодня они совместили их с картой локальных точек доступа. Наложенная карта в лучах солнца выглядела очень бледно, но коммуникации разглядеть было можно.

Близнецы остановились на краю просвета. Фред посмотрел на Джерри.

— Ух! Позор Службе наводнений! Ни единого датчика на тридцать футов вокруг.

— Угу, Джерри. Тут что угодно может случиться. — Сеть датчиков была разорвана, и окружающий мир весьма смутно представлял, что происходит в данной точке пространства.

Они шагнули в просвет. Сеть здесь не работала, но зато открывался прекрасный вид на Холм. Обычными глазами. Если идти дальше, парк начнет списывать деньги с их счета.

Близнецы на Холм не смотрели. Джерри подошел к дереву и указал вверх.

— Видишь? Они попытались заткнуть дырку в сетевом покрытии этим воздушным шариком.

— Джерри послал запрос. Окружающий пейзаж слабо вспыхнул. Ошибка. Нет доступа.

Майк вздрогнул. Этот разрыв сегодня же будет залатан. Ближе к вечеру в каньон ринутся похожие на летучих мышей ремонтные автоматы.

— Ну что, поможем округу, исправим ситуацию? — Джерри протянул Майку небольшую зеленоватую штуковину размером с палец.

Типичная точка доступа, с тремя антеннками наверху. Сломавшиеся точки доступа были даже хуже вездесущих голубей — во всяком случае, встречались чаще.

— Вы ее... взломали? Откуда у вас коды доступа? — взламывать Сеть в настоящей жизни было гораздо труднее, чем в играх.

— Дядя Дон иногда бывает очень легкомысленным. Но, к сожалению, — Джерри указал на сплетение ветвей, — вот эта штука наверху все еще жива. А ты слишком слабый, чтобы влезть на дерево и сшибить ее.

— Ой!

— Да не волнуйся ты. Госбезопасность не заметит.

На самом деле, Госбезопасность, конечно, заметит — хотя бы после того, как разрыв будет устранен. Но не обратит ни малейшего внимания... скорее всего. Любое устройство оснащалось следящими цепями, докладывающими о происходящем непосредственно Госбезопас-

ности. «Видим все, знаем все» — таков был их лозунг. «И ни с кем не делимся», — ядовито добавляли полицейские, потому что выпарапать информацию из баз данных Госбеза было практически невозможно.

Майк вышел из сетевой тени и посмотрел на полицейский детектор. В районе Пирамидального холма периодически арестовывали наркоторговцев, но в этой точке несколько месяцев ничего особенного не происходило.

— Ладно. — Майк забрался на дерево и выглянул в просвет между ветвями. Старая точка доступа болталась на измочаленной застёжке-липучке. Майк ослабил застёжку, и точка доступа устремилась к земле, где близнецы устроили ей столкновение с камнем. Прицепив новую точку доступа, Майк спрыгнул. Близнецы смотрели, как она оживает. В фиолетовой дымке возникли яркие пятна — Сеть встраивала в себя новую точку. Теперь все возможности Сети были доступны в полном объеме; троица могла видеть все метки в районе Пирамидального холма.

— Ха! — сказал Фред. — Пошли, Майк. Нас считают муниципальными рабочими. Если не будем слишком задерживаться, все пройдет нормально.

Пирамидальный холм был оснащен всеми последними достижениями прямой и обратной связи. Не просто призраки, рисуемые контактными линзами на сетчатке глаз. Здесь можно было наподдать ногой ленивой ящерице или попробовать разорить гнездо какого-нибудь ползучего гада. Или поиграть с милыми пушистыми зверьками, танцующими вокруг. Отключив все игровые виды, можно понаблюдать за игроками, слоняющимися по лесу, глубоко в собственных мирах. Каким-то образом Холм не давал им сталкиваться друг с другом.

В «Меловом периоде» местная флора превращалась в огромные деревья со множеством свисающих ветвей, с дуплами, в которых могло гнездиться все, что угодно. Майк в последнее время много играл в визуальную версию «Мелового периода», вживую с близнецами и по всему миру с кем угодно. Результаты пока были весьма скромными. За эту неделю он был убит и сожран трижды. Но Майк не сдавался. Он разработал мелких, быстрых существ, которые не привлекали внимания крупных хищников. Близнецы восприняли идею без особого восторга — хотя своей версии не предложили.

Майк осторожно шел через лес, следя за мелкими зубастыми хищниками, которые мельтешили на нижних ветвях. В понедельник на него напал один из этих хищников. Во вторник обошлось без клыкастых тварей — всех зверей стубила какая-то доисторическая болезнь.

Все было тихо, но зверюшек и след простыл. Они были маленькими и юркими... но где же они? Может, кто-то приноворился их экспортировать? В Казахстан, например. Зверюшки Майка пользовались там популярностью. Но сейчас они исчезли.

Майк слонялся по Холму несколько разочарованный, но не съеденный. Близнецы выглядели как стандартные игровые велоцерапторы. Они охотились на мелкую живность, в изобилии населяющую Холм.

Джерри задумчиво посмотрел на Майка.

— А твой динозавр где? — Майк выглядел как нормальный человек.

— Я путешественник во времени. — Это был стандартный тип игрока, еще со времен выхода игры.

— Нет, — Джерри продемонстрировал клыки, — в смысле: где тот зверь, которого ты на прошлой неделе создал?

— Понятия не имею.

— Похоже, его сожрали критики. — Братцы фыркнули. — Забудь, Майк, ты никогда не заработаешь очков на зверюшках. Давай развлекайся!

Для наглядности Джерри пнул какую-то маленькую зверюшку, бежавшую мимо. Это принесло ему несколько очков и, похоже, моральное удовлетворение. Фред включился в игру, и вскоре все вокруг было забрызгано кровью.

Жертва выглядела подозрительно знакомой. Молодая, хорошо выглядящая... это же новое поколение Майковых зверюшек! И где-то неподалеку должна быть их мамочка.

— Знаешь, я не думаю... — начал Майк.

— В этом и проблема. Никто из вас даже не пытается думать, — раздался оглушительный возглас. Они увидели, как дерево рядом с ними отрастило метровые когти. Мамочка! Сверху капали огромные сгустки слюны.

Майково создание, только очень крупное. Максимально допустимого размера.

— Б-б... — только и успел сказать Фред. Это был последний звук, изданный его велоцераптором. Вслед за слюнями с дерева опустилась голова с огромными зубами — и проглотила Фреда. Целиком. В наступившей тишине был слышен хруст перемалываемых костей.

Монстра мучительно стошнило. Ну прекрасно. Майк осторожно заглянул в реальность: Фред стоял посреди останков собственного ящера.

Он был покрыт слизью с ног до головы — настоящей, вонючей и липкой слизью. За это люди и платили деньги Холму... Точнее, и за это тоже.

Монстр оказался одним из самых гигантских роботов Холма, замаскированных под Майкова зверька... Вернее, зверюгу.

Троица заворуженно глядела на огромные челюсти.

— Ну как, достаточно наглядно? — пророкотало создание, обдавая их запахом разлагающегося мяса. Фред оступился, поскользнулся на слизи и чуть не грохнулся.

— Покойный Фред Рэднер только что потерял уйму очков, — монстр повел носом размером с малолитражку, — а я все еще голоден. Советую покинуть холм со всей возможной скоростью.

Троица отступила, не в силах отвести взгляда от могучих челюстей. Потом близнецы развернулись и побежали, а Майк, как всегда, опоздал. Его схватило что-то отдаленно похожее на руку.

— А с тобой у нас будет отдельный разговор. Стоять!

«Господи, ну почему мне вечно не везет?» — подумал Майк. А потом вспомнил, что именно он, Майк Виллас, лазал по деревьям и ломал систему безопасности Холма. Глупый Майк Виллас! Везение тут ни при чем, он сам подставился. А близнецы... близнецы сбежали.

Но когда Майк обернулся, монстр никуда не исчез. Кажется, это не служба охраны Холма. Похоже, это действительно игрок! Майк может развернуться и уйти от этого четырехэтажного ящера. Конечно, это пагубно скажется на его игровом счете, и вероятно, придется искупаться в вонючей слизи. К тому же, если этот Ящер настроен решительно, рептилия может попытаться отравить Майку жизнь в других играх. Ладно. Майк прислонился к ближайшему дереву. Опять он сегодня в школу опоздает. А, какая разница — хуже уже не будет.

Ящер отодвинул дымящиеся останки Фредова велоцератора в сторону, опустил голову к земле и уставился на Майка. Глаза, голова и цвет шкуры были именно таковы, какими их создавал Майк, но в исполнении игрока это смотрелось очень... величественно. По шрамам на шкуре было понятно, что игрок успел побывать во многих переделках.

Майк вымученно улыбнулся.

— Значит, вам понравилась моя зверюшка?

Игрок ковырял в зубах изогнутыми когтями.

— Видали и похуже.

Параметры игры сменились, выплыл интерфейс критика. Это был весьма продвинутый игрок. На земле валялась изуродованная тушка Майкова зверька. Ящер ткнул его когтем.

— Текстура кожи, а? Раскраска? Он же из штампов собран. Где хоть что-то оригинальное?

Майк подтянул колени к подбородку. Ну начинается! Прямо как в школе.

— Стараюсь заимствовать лучшее!

Утробный смехок Ящера больше походил на раскат грома.

— Это ты учителям можешь рассказывать. У них работа такая — верить во всю эту чушь, пока ты не закончишь школу и не окажешься на улице. Так себе разработка. Но кое-кто ее использует — в основном потому, что оно хорошо масштабируется. Однако касательно качества... не тянет оно на серьезную работу. — Чудовище поиграло мускулами. Скорее, правда, боевыми шрамами.

— Я и другие вещи могу делать.

— Ага. Но если не будешь стараться, ничего у тебя не получится.

Слишком часто Майку Вилласу приходилось выслушивать подобные речи. Он твердо взглянул в желтые глаза Ящера и вдруг понял: этому парню, в отличие от школьных учителей, не платят за нравоучительные лекции. А если это такая унижительная шутка, то уж больно затянута. Зверюге действительно что-то нужно от Майка!

— И какие же будут предложения, о Великий Виртуальный Ящер?

— Надо подумать. Я же не только в «Меловой период» играю, я и другими вещами занимаюсь. Не хочешь поучаствовать — в качестве партнера?

Майка еще никогда не приглашали стать чьим-нибудь партнером (местные игры не в счет). Он жалко улыбнулся:

— Партнера? Проценты от процентов... от чего? Ты-то на какой ступеньке этой карьерной лестницы?

Ящер пожал плечами. Деревья вздрогнули, посыпались засохшие ветки.

— Предполагаю, что в самом низу. С другой стороны, тут каждому работы хватает. И я плачу живые деньги за каждый отчет, который смогу отправить наверх.

Чудовище назвало сумму. Этого хватило бы, чтобы играть на Холме целый год... раз в неделю, конечно. В воздухе повис платежный чек.

— В два раза больше или я ухожу.

— Договорились! — сказала чудовище. Майк был совершенно уверен, что оно ухмыльнулось.

— Ладно. Чего тебе от меня нужно?

— Ты ходишь в фэйрмонтскую школу, так?

— Угу.

— Странное заведение, правда? — Майк промолчал, и Ящер продолжил: — Поверь мне, оно действительно странное. Не так много школ учат Старших вместе с детьми.

— Ага. Старишкам это не нравится. Мы тоже не в восторге.

— Так вот, твоя задача — покрутиться вокруг, пообщаться со Старшими. Подружиться с ними.

М-да. Майк хотел было отказаться, но взглянул на чек. Он был очень похож на настоящий. Система начисления денег выглядела совершенно непонятно, зато оплату гарантировала Э-Бэй. Солидная фирма.

— С кем именно?

— Все, что сообщило мне начальство — у них очень широкий круг интересов. Проще говоря: кое-кто из Старших раньше был весьма уважаемым человеком на ответственной должности.

— Ответственной, значит? А что они делают в нашей школе? — этот вопрос здорово интересовал Младших.

— В жизни, Майк, всякое бывает. Кто-то остался в одиночестве, кто-то залез в долги и пытается понять, как выжить в условиях современной экономики. А кто-то просто лишился половины винтиков в голове — и ни на что уже не годится. Слышал когда-нибудь о синдроме Пика?

— Э-э, — Майк порывлся в Гугле, — полная социальная... дисфункция. И как мне с кем-нибудь из них подружиться?

— Хочешь денег — подружись. Но не волнуйся, в списке только один такой человек, и у него сейчас ремиссия. — Ящер протянул Майку документ. Он бегло его проглядел.

— Сколько же тут всякого... — в списке значились отставные военные, политики, биологи, родители тех, кто сейчас работает в этих областях. — Глубоко копаете. Мы что, шантажировать их будем?

— Ну надо же, заметил!

— Я все-таки не идиот.

— Если слишком глубоко копнем, можешь отпрыгнуть.

— Я берусь за работу. Партнером.

— Если не уверен, ты мо...

— Я же сказал: берусь!

— Вот и прекрасно. Можешь приступать. Там в документе есть контактная информация.

Ящер поднялся, и теперь его голос доносился откуда-то сверху. — На Пирамидальном холме мы, конечно, больше не встретимся.

— Идет, — в знак согласия Майк хлопнул уползающее чудовище по хвосту.

Близнецы здорово опередили Майка и теперь торчали на футбольном поле, в глубине кампуса. Майк забрался на трибуны и кинул братьям пинг. Фред помахал в ответ, но рубашка его была пропитана слезью, и полноценного контакта установить не удалось. Джерри смотрел в небо, откуда в его протянутые руки спускалась посылка. Служба доставки Фед-Экс никогда не опаздывает. Распаковывали посылку близнецы на ходу, уже в школе.

Майков первый урок, к сожалению, проходил в дальнем крыле школы. Он несся по газонам, разглядывая мир без виртуального наложения: большинство строений сегодня были трехэтажными. Их серые стены походили на игральные карты, застывшие в неустойчивом равновесии.

Внутри особого разнообразия видов не ожидалось. Администрация требовала, чтобы по утрам на всех внутренних стенах показывались новости фэйрмонтской средней школы. Трое парней в гуверовской школе выиграли стипендию от компании IBM. Аплодисменты, пожалуйста, хотя гуверовская школа и является главным, и притом нечестным, соперником фэйрмонтской. Школа, спонсируемая математической кафедрой Университета Сан-Диего, подумать только! Три юных гения обеспечили себе оплату колледжа — даже если они никогда не появятся на пороге IBM, в колледж их примут прямо со школьной скамьи. Да какая разница, подумал Майк. В конце концов, какой-то процент заработанных будущими специалистами денег оседет на счетах IBM.

Майк вполглаза следил за зелеными стрелками-указателями... и вдруг сообразил, что как-то незаметно преодолел два лестничных пролета. Местный системный администратор опять все перестроил. Ну, зато указатели обновились. Хорошо, что Майк не следил за дорогой, а доверился стрелкам.

Он проскользнул в класс и незаметно уселся.

Миссис Чамлиг уже начала урок. «Поиск и Анализ» — так назывался ее предмет. Раньше она вела тот же курс, правда, ускоренный, в гуверовской школе, но... Злые языки утверждали, будто она не справлялась. И приводили доказательства.

Так что Министерство образования перевело ее в Фэйрмонт, где она преподавала тот же предмет. Майку миссис Чамлиг даже нравилась. Она тоже была неудачницей.

— Существует много разных способов, — начала миссис Чамлиг. — Иногда лучше действовать совместно, собрав побольше людей.

Ученики кивнули. Координатор! Вот где были деньги и слава. Но они знали, к чему клонит учитель. Она оглядела класс и кивнула, показывая, что понимает, о чем они думают.

— Итак, вы все собираетесь быть в верхнем эшелоне, правда?

— Ну, кое-кто из нас там окажется. — Это заявил один из Старших, Ральстон Блаунт. По возрасту он годился Майку в прадеды. Когда у него было плохое настроение, он любил поиграть на нервах миссис Чамлиг.

Учительница улыбнулась.

— Настоящие координаторы встречаются очень редко, профессор Блаунт.

— Кто-то из нас пойдет в администраторы.

— Да. — Миссис Чамлиг на мгновение помрачнела, словно прикидывая, как перейти к плохим новостям. — Там сейчас все изменилось, профессор Блаунт. Сильно изменилось.

Ральстон Блаунт пожал плечами:

— Ну, значит, надо выучить новые трюки.

— Да. — Миссис Чамлиг оглядела класс. — Я об этом и говорю. Этот урок посвящен поиску и анализу. Поиск может выглядеть просто, но анализ — совсем другое дело. Там надо понимать, что именно вы нашли и что с этим делать. Короче говоря, вы должны знать кое-что... кое о чем.

— В смысле, те курсы, которые мы сдали на тройки? — раздался голос из задних рядов.

Чамлиг вздохнула.

— Да. Используйте эти навыки, не забывайте про них. Для этого, знаете, существует специальный вид предварительного анализа. Называется «учеба».

Одна из учениц подняла руку.

— Да, доктор Шу?

— Я понимаю, что вы правы, но... — Женщина огляделась. Она казалась ровесницей миссис Чамлиг, хотя была гораздо старше. — Но у некоторых людей кое-что получается получше. Сейчас я соображаю хуже, чем раньше... или, возможно, другие соображают быстрее. Что получится, если мы будем стараться изо всех сил, но и этого окажется недостаточно?

Миссис Чамлиг замялась.

— Эта проблема волнует многих, доктор Шу. Провидение причудливо тасует колоду, и каждому выпадает уникальный набор карт. В ва-

шем случае вы получили карты второй раз и можете начать новую жизнь. — Она строго поглядела на остальных. — Кто-то из вас думает, что ему пришли одни двойки и тройки.

На первых партах зашевелились прилежные ученики из Младших. Они хорошо ориентировались в Сети, но не умели пользоваться нейроинтерфейсом. Пока Чамлиг говорила, их пальцы постукивали — они пытались разобраться в картежных метафорах.

— Но у меня есть теория жизни, — продолжила Чамлиг, — и базируется она именно на играх: всегда есть шанс. У каждого из вас имеется какой-то талант. Постарайтесь понять, что делает вас уникальным. Что делает вас лучшим. И как только вы поймете, то сможете внести свой вклад, свои ответы, и другие поделитесь ответами с вами. Иными словами — коллективное озарение просто так не возникает. Его надо создать.

Она замолчала, перебирая невидимые записи учеников, и ее голос смягчился.

— В общем, что-то вроде этого... Сегодня мы научимся работать с результатами командного поиска. Главное, как всегда, это задать нужные вопросы.

Майк любил сидеть у внешней стены, особенно когда класс находился на верхнем этаже. Так можно было почувствовать легкие колебания стен, пребывающих в неустойчивом равновесии. Его маму это нервировало. «Малейший отказ системы — и все развалится!» — заявляла она на родительском собрании. С другой стороны, картонные домики были дешевыми и с одинаковым успехом выдерживали как легкий ветерок, так и большое землетрясение.

Майк наклонился вперед и прислушался к словам учителя. Вот почему школы заставляли учеников лично появляться на большинстве занятий: тебе приходилось уделять хоть какое-то внимание происходящему. Ты заперт в настоящей комнате с живым руководителем.

Слайды к лекции парили над головами учеников. Чамлиг завладела вниманием аудитории, из-под ее рисунков почти не проступали хамские граффити.

Майк решил послушать лекцию. Командный поиск может принести замечательные результаты при минимальных затратах. Никаких партнерских договоров, лишь родственные умы, совместно решающие проблемы. Но что делать, если душа к предмету не лежит? Например, работа в команде генетиков: если ты не отличаешь хромосому от рибосомы, тебе не помогут никакие нейроинтерфейсы.

На этом месте Майк отключился от урока и принялся разглядывать

класс с разных камер. Некоторые принадлежали ученикам, которые решили предоставить свою точку зрения публике. Остальные — просто случайные точки зрения. В промежутках между прыжком от одного мнения к другому Майк просматривал список Ящера. Там были не только Старшие, но и обычные ученики. Похоже, партнерское древо выросло весьма развесистым, не хуже баобаба.

Но юные ученики были чьими-то детьми. Майк решил проверить несколько биографий. Как и большинство школьников, Майк держал при себе много разнообразной, обычно ненужной информации. Так что начальный поиск он мог запустить буквально «от бедра». Майк практически не общался с внешним миром, разве что иногда использовал сайт, о котором в данный момент рассказывала миссис Чамлиг. Она очень ловко вылавливала мысленных прогульщиков. Но Майк хорошо справлялся с нейроинтерфейсом, управляя своим компьютером незаметными движениями рук и глаз. Когда взгляд учительницы останавливался на нем, Майк с умным видом кивал и проигрывал последние несколько секунд лекции.

Что же до Старших... приспособившиеся к современному миру здесь не сидели. Они были богатыми и знаменитыми. Они этим миром владели. Те, кто попал в программу «Обучение Старших», лишились всего. Эти люди появлялись в Фэйрмонте на протяжении всего семестра. Дома престарелых отказывались объединять их в группы, считая, что они обладают достаточными социальными навыками, чтобы влиться в учебный процесс посреди года.

Майк поочередно разглядывал Старших, сверяясь с записями в публичных базах данных. Ральстон Блаунт, старая развалина. Восстановительная медицина — штука нестабильная. Что-то она может излечить, что-то нет, да еще на каждого действует по-своему. Ральстону не особо повезло.

Сейчас старик мучительно пытался успеть за объяснениями миссис Чамлиг. В этом классе он занимался с начала семестра. Майк не мог добраться до его медицинского досье, но предполагал, что с мозгами у Блаунта был порядок — он соображал не хуже некоторых ребят. А когда-то Блаунт был не последним человеком в Университете Сан-Диего. Когда-то.

Ладно, занесем его в список «Может пригодиться». Кто там еще? Дорис Нгуйен. Бывшая создательница «умных домов». Майк посмотрел на ее моложавое лицо. Выглядит, как его мама, но на самом деле почти на сорок лет старше. Он поискал данные на нее, отбрасывая совпадения и явные мифы — организация «За личную жизнь» награ-

моздила столько лжи, что до истины докопаться непросто. Но в прошлом Дорис ничего примечательного не было... а вот сын ее служил в морпехах. База Пендлтон. Ладно, добавим и ее в список.

Миссис Чамлиг все еще рассказывала о совмещении результатов, о том, как на их основе создавать новые запросы. Отсутствия Майка она не замечала.

Дальше. Сяовен Шу. Докторская степень по физике, докторская степень по электротехнике, лауреат премии «Интель». Шу сторбилась за партой, глядя в ноутбук. Господи, она пыталась на ноутбуке угнаться за остальными. Бедняжка. Но у нее наверняка есть связи.

Политики, военные, ученые... и родители. М-да. Эта партнерская программа может принести ему кучу неприятностей. Может быть, стоило бы ползать по партнерскому дереву, посмотреть, не замешаны ли тут Нехорошие Люди. Майк разослал пару сотен запросов, в основном по официальным источникам. Даже самые надежные базы не защищены от человеческого (да и программного) идиотизма. Посыпались ответы. Если это не была деза, вброшенная активистами «Личной жизни», здесь можно было найти много интересного. Майк послал уточняющие запросы — и вдруг поперек его поля зрения запылали буквы. Только буквы, никакого звука.

Чамлиг —> Вилласу: *Играми займешься после уроков, Майк! Если не будешь следить за тем, что я рассказываю, можешь сразу записывать-ся на повторный курс.*

Виллас —> Чамлиг: *Извините! Я больше не буду.*

Обычно миссис Чамлиг просто задавала неприятные вопросы. Послания с угрозами — это что-то новенькое.

Но что особенно удивительно, ей для этого понадобилось кратчайшее мгновение; все остальные думали, что она просто сверяется с записями. Майк посмотрел на миссис Чамлиг с уважением.

Урок труда. Майку он очень нравился, и не только потому, что шел последним. Здесь можно было поиграть с настоящими механизмами. Их можно было потрогать. Подсоединиться к ним. На Пирамидальном холме за это приходилось платить. Да и мистер Вильямс был куда лучше Луизы Чамлиг. Он позволял заниматься чем угодно и не подходил с претензиями, что ты ничего не сделал. На его занятиях было практически нереально не получить пятерку. Мистер Вильямс был восхитительно старомоден.

Урок труда к тому же давал Майку возможность пообщаться со стариками и параноиками, блокировавшими любой виртуальный запрос.

Майк слонялся по классу, как полный идиот. Работа, на которую он подписался, требовала неплохих навыков общения с людьми — а с дипломатией у Майка обстояло как-то туго. И вот теперь он пытался завязать разговор с кем-нибудь из Старших. Безуспешно.

Ральстон Блаунт сидел за партой и тупо смотрел в стену. Он был в Сети, но на запросы не отвечал. Майк дождался, пока мистер Вильямс отойдет за очередной чашкой кофе, и подсел к Блаунту. Надо же, мужик вроде здоровый, но какой же развалиной выглядит! Майк несколько раз попытался привлечь его внимание. Но если урок Блаунту не нравился, он просто не уделял ему ни капли внимания — это Майк уже заметил. И плевать Блаунт хотел на экзамены. Как понял Майк, общение старика тоже не привлекало.

Так заговори с ним! Чем это отличается от сражения с монстрами? Майк придал старику образ клоуна — и стало не так страшно.

— Профессор Блаунт, как вам урок труда?

На Майка смотрели два очень старых глаза.

— Никак, мистер Виллас.

Понятно. Хм. У Майка была масса информации о Ральстоне Блаунте, вплоть до его сообщений в доисторических ньюсгруппах. Такие вещи здорово действовали на родителей, да и вообще на взрослых. Потрясающе действовали. Они так удивлялись!

Но старик продолжал говорить:

— Я не такой, как другие Старшие. Никакого старческого слабоумия. Моя карьера должна быть в самом расцвете, не хуже, чем у более удачливых моих ровесников.

— Но?

— В 2006-м я был проректором Восьмого колледжа Калифорнийского университета в Фуллертоне. Впоследствии я мог — должен был — стать главой Университета. А меня вынудили уйти в отставку.

Майку это было известно.

— Но вы так никогда и не научились пользоваться распределенной Сетью.

Глаза Блаунта сузились.

— Я ею не пользовался принципиально. Я считал, что это унизительно — ну, как хозяину фирмы собственноручно набирать тексты писем. — Он пожал плечами. — Я ошибался. И заплатил за эту ошибку сполна. Но теперь все изменится. — Его глаза полыхнули гневом. — Я прослушал четыре семестра этого... этих курсов для Старших. Теперь мое резюме плавает по волнам эфира.

— Вы, наверное, знакомы со многими важными людьми.

— Несомненно. Это всего лишь вопрос времени.

— Знаете, профессор, я могу вам помочь. Нет, не в том смысле, что я... не сам. Я заключил партнерское соглашение.

— И?

Ну, старик хотя бы знал, что такое «партнерское соглашение». Майк пересказал ему предложение Ящера.

— Тут можно заработать деньги. Приличные деньги.

Профессор напряг глаза, пытаясь вникнуть в содержание сертификата.

— Деньги в жизни не главное. Тем более, в моей ситуации.

— Но любой человек с таким сертификатом — явно важная персона. Вероятно, вы сможете получить какую-то помощь.

— Тоже верно.

Старик не клонул на наживку, но согласился побеседовать с некоторыми людьми из списка. Содействие Старшим было особо оговорено в программе Ящера; возможно, тот считал, что это поможет Майку наладить отношения с большим количеством людей.

В классе стало шумно. Команда Мэри Дорси разработала какую-то странную версию пресмыкающегося. Очень шумного пресмыкающегося. Прототипы расплзлись по всему классу, и общаться стало совершенно невозможно.

Виллас —> Блаунту: *Меня видно?*

— Ну конечно, видно, — прокричал старик.

С молчаливым общением профессор явно не справлялся, и даже с ручным набором букв, который использовало большинство взрослых, у него что-то не клеилось.

Сяовен Шу просто сидела за верстаком и читала с ноутбука. Что-бы заговорить с ней, Майку понадобился весь имеющийся запас храбрости. Она выглядела крайне удрученной. На экране у нее был список компьютерных запчастей, оформленный в виде бумажной книги.

— Когда-то я знала об этих штуках все, — сообщила Сяовен. — Вот, посмотри. — Она показала на картинку в музейной секции. — Я разработала этот процессор.

— Клево, доктор Шу.

Она даже не подняла глаз.

— Это было очень давно. Я ушла из компании «Интель» в 2005 году. А во время войны я не могла даже консультантом никуда устроиться. Мои способности... они попросту выдохлись.

— Болезнь Альцгеймера? — Майк знал, что она гораздо старше, чем выглядит. Старше даже, чем Ральстон Блаунт.

Шу смутилась, и на мгновение Майк испугался, что она сейчас здорово разозлится. Но доктор выдавила из себя слабый смешок.

— Не Альцгеймер. Ты... Люди теперь даже не представляют, что это такое — быть старухой.

— Я представляю! У меня прадедушка в Фениксе живет. Я с ним часто разговариваю. И прабабушка, у нее старческое слабоумие, такое, знаете, его даже сейчас вылечить не могут. А все остальные уже умерли.

Никого старше Майк не знал.

Доктор Шу покачала головой.

— Даже в мое время не каждый восьмидесятилетний старик страдал слабоумием. Я просто отстала от времени. Моя подружка умерла. И я перестала думать о работе. Сил не хватало. — Она глянула на ноутбук. — Теперь у меня столько же сил, сколько было в шестьдесят. Возможно, у меня есть некоторый природный запас интеллекта.

Она слабо ударила по столу.

— Но я не могу разобраться даже в современной технической документации!

Кажется, она собиралась разрыдаться. Прямо посреди урока. Майк просканировал ближайшее окружение: похоже, никто за ними не наблюдает. Он тронул доктора Шу за руку. Реакции не последовало. Миссис Чамлиг сказала бы, что он не нашел правильного вопроса.

Майк ненадолго задумался.

— А на что будет похож ваш следующий проект?

— Не знаю. — Она вздохнула. — Я даже не могу разобраться в каталоге.

Майк ткнул пальцем в ноутбук, но изображение не шевельнулось. Будто на камне вырезали.

— Можно, я покажу, что здесь вижу?

— Да, пожалуйста.

Он вывел свое представление каталога на экран ноутбука. Изображение прыгало и дергалось — слабое подобие того, что видел Майк.

Доктор Шу наклонилась вперед и жестом попросила объяснить, что к чему.

— Погоди. Вот это похоже на крылья.

— Ага, тут много мелких летунов. Может получится забавно.

Она слабо улыбнулась.

— А как у них с устойчивостью? Что-то они не выглядят особо надежными.

Майк обратил на это внимание — но как она смогла заметить на своем плоском экране?

— Да, конечно, но в состоянии покоя мало что будет устойчивым. С этим я справлюсь, если вы подберете подходящий источник питания. Доктор Шу изучала свой дурацкий дисплей.

— Ага, понятно. — Высветился список источников питания со ссылками на инструкции.

— Ты точно разберешься с устойчивостью? — Еще одна улыбка, на этот раз шире. — Ладно, попробуем.

Крылья, фактически, были обычными кусками ткани. Майк потряхнул несколько дюжин на стол и прогнал несколько стандартных симуляций. Сяовен Шу тыкала пальцами то в ноутбук, то во все уменьшающиеся крылья. Каким-то чудом, практически безо всякой посторонней помощи, она сумела разобраться с силовой установкой. Майк показал, как программировать воспроизводство, чтобы попробовать пару десятков комбинаций за раз.

Несколько миниатюрных механизмов было брошено в воздух. Они покружились по комнате... и через несколько секунд упали на пол.

Мэри Дорси и ее друзей это не впечатлило.

— Мы тоже делаем летунов, только у наших с мозгами будет все в порядке!

Летунов, значит? То есть это не змеи? Не пресмыкающиеся?

Доктор Шу взглянула на творения команды Мэри.

— Мне кажется, у вас что-то с соотношением массы к мощности, мисс.

Мэри покраснела.

— Я... угу.

Ее команда замолкла, но интенсивно обменивалась сообщениями.

— Можно, мы используем вашу идею? — И быстро добавила: — С указанием авторства, конечно.

— Несомненно.

Когда раздался звонок, создания Мэри и ее команды уже научились подпрыгивать.

Конец урока, конец занятий. Но Сяовен Шу, кажется, не заметила. Они с Майком выбрали своих летунов с пола и принялись их улучшать. Через три поколения все летуны уверенно держались в воздухе. Шу победно улыбалась.

— А теперь мы оснастим их точками доступа, — заявил Майк. — Вы очень хорошо разобрались с источниками питания. Безо всяких онлайн-вычислений.

— А то! — Шу странно взглянула на Майку. — Но ты разобрался с устойчивостью меньше чем за час! Мне бы потребовалось несколько дней, чтобы настроить симуляцию!

— Это несложно, если все делать правильно.

Доктор Шу, кажется, не поверила.

— Ну, я практически ничего не смыслю в математике. Понимаете, доктор Шу, если вы научитесь искать то, что нужно, и использовать правильные детали, то сможете делать это самостоятельно.

Кажется, он заговорил с интонациями миссис Чамлиг. Это были точные интонации. Подходящие. Яшер бы одобрил.

— Я... Я вас научу. Мы можем заняться совместными проектами!

Возможно, доктор Шу навсегда останется нереализованной Старшей, но если она найдет свое место в этом мире... Майку такого не достичь никогда.

Он не был уверен, что доктор Шу все поняла правильно. Но она улыбнулась:

— Хорошо.

В школе Майк порядком задержался, ну да что с того. Ральстон Блаунт подписал партнерскую программу. Он решил помочь Дорис Нгуйен с ее проектом. Сяовен Шу тоже подписалась. Она жила в доме престарелых, но у нее была куча денег. И она могла себе позволить лучший носимый компьютер. Модель для начинающих, конечно.

Яшеру это должно понравиться. Возможно, Майку даже перепадут кое-какие деньги.

А впрочем, неважно. Он вдруг понял, что насвистывает на ходу. Вот что важно: интересно, однако, получилось. Сегодня он работал координатором. Он помогал другим. Конечно, это совсем не то, что работа координатора высшего звена — но тоже кое-что!

Братья Рэднеры были почти дома, но на вызов откликнулись. Они ухмылялись.

— Представляешь, Вильямс поставил нам пятерку!

— За ванкуверскую разработку?

— Типа того. Он даже не проверил, откуда она взялась, — сказал Джерри.

— И не попросил объяснить, как она сделана. Тут бы мы влипли, — уточнил Фред.

Повисла тишина.

— Та дыра, через которую мы пробрались на Холм, уже заделана.

— Еще бы. Я не думаю, что нам в ближайшее время стоит туда соваться.

— Угу, — подтвердил Фред. Его изображение слегка расплывалось. Слизь из парка — штука очень липкая и мерзкая.

— А еще мы узнали кое-что о миссис Чамлиг, — поддержал разговор Джерри. Ученики собирали досье на учителей — в основном шутки ради. Иногда, впрочем, информации удавалось найти практическое применение.

— И что же?

— Это нам Рон Вильямс рассказал. Он говорит, будто слышал своими ушами, так что это не какая-то сказка от общества «За личную жизнь».

Так обычно начинались сказки ЗЛЖ, но Майк кивнул.

— Никто не увольнял миссис Чамлиг из гуверовской школы. Она там подрабатывает. Может, и еще где-нибудь.

— Ого. А руководство школы в курсе?

Миссис Чамлиг отличалась прямоотой и бескомпромиссностью. Трудно было представить, что она обманывает начальство.

— Неизвестно. Пока. Мы не понимаем, как гуверовцы подобное терпят. Ты слышал про этих айбиэмовских ребят, о которых столько говорят? Все трое учатся у Чамлиг! Но она исчезла из поля зрения, когда поднялась шумиха. Мы думаем, там какой-то скандал произошел... Майк?

Майк замер посреди дороги. Он извлек запись утренних событий и сравнил речь Ящера с лекцией миссис Чамлиг.

Майк посмотрел на близнецов.

— Все нормально. Я просто... просто удивился.

— Мы тоже удивились. Но все равно это может пригодиться, если возникнут какие-нибудь проблемы с ее уроками.

— Очень даже может быть, — сказал Майк, но близнецов он уже не слышал.

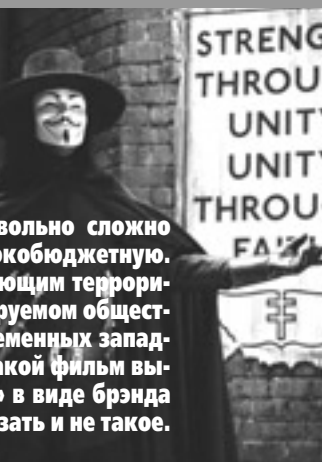
Майк вдруг осознал, что на свете бывают не только координаторы высшего звена. Бывают еще люди, которые помогают другим, год за годом. Их называют учителями.

Перевел с английского
Дмитрий ХОМАК

ВЕНДЕТТА ЮБЕР АЛЛЕС

В современных политкорректных рамках довольно сложно снять правдивую антиутопию. Особенно высокобюджетную. Особенно с героем-одиночкой, всюю использующим террористические методы. Особенно, если в демонстрируемом общественном строе вполне угадываются черты современных западных (и восточных) демократий. Тем не менее такой фильм вышел на экраны. Ведь имея серьезную «крышу» в виде брэнда под названием «братья Вачовски», можно показать и не такое.

Кандалами лента «V значит вендетта» стала обрастать задолго до премьеры. Сначала автор оригинального комикса Алан Мур потребовал снять свое имя с титров будущей картины, даже не посмотрев отснятый материал. Затем последовал неожиданный перенос премьеры, коя должна была состояться 5 ноября 2005 года — в четырехсотлетний юбилей «Порохового заговора»: тогда тринадцать католиков, недовольных правлением короля-протестанта Генриха I, попытались взорвать Палату лордов; одним из казненных заговорщиков был Гай Фокс — именно его, наряду с графом Монте-Кристо, главный герой фильма V выбрал в качестве своего духовного предшественника. Причем перенос премьеры создатели картины демонстративно не стали связывать со взрывами в лондонском метро, хотя это было бы естественно, учитывая, что по ходу действия фильма

на воздух взлетают самые знаменитые здания столицы Альбиона...

Братья Вачовски (хотя, по слухам, один из братьев, Ларри, сменил пол, и правильнее было бы говорить о брате и сестре Вачовски) задумали сделать фильм по популярному графическому роману Алана Мура и Дэвида Ллойда еще до того, как стали знаменитыми. Но сейчас Вачовски выступают лишь как авторы сценария, а съемки поручены ассистенту по «Матрицам» Джеймсу Мактейгу (это его первая сольная режиссерская работа, однако опыт второго режиссера неоспорим — чего стоит только работа с Лукасом над вторым эпизодом «Звездных войн»). Тем не менее влияние «братьев» чувствуется. Даже несмотря на небольшое количество боевых сцен. Эклектичная стилистика фильма, полного цитат и реминисценций, просветительских диалогов, визуального символизма, агрессивного саунда — Ва-

човски постоянно выглядывают из-за спины Мактейга.

Итак, по планете прокатилась очередная пандемия, и только в Англии сумели победить вирус. Но цена за это — жесткое тоталитарное общество консервативно-религиозного толка. Создатели ленты не блещут изобретательностью, рисуя картины будущего. Скорее, наоборот: почти умышленно используют наработки предшественников — от классических «1984», «Стены» и «451° по Фаренгейту» до вполне современных «Эквилибриума» и «Абсолона». Кроме того, нарочито экстраполируются и реалистические элементы из прошлого — взять тот же лозунг «Англия превыше всего» или стоящего на вершине власти Канцлера. При этом недвусмысленно дается понять, что общество это не так уж далеко от современного демократического, где сознанием масс правят говорящие головы с экранов ТВ. Ну а главное «злодейство» этого ужасного общества — оно не любит США, отказывая охваченным гражданской войной Штатам в помощи, и запрещает гомосексуализм: слезливый вставной эпизод с дневником репрессированной актрисы-лесбиянки выглядит чересчур плакатно.

Вызов обществу бросает загадочный мститель-одиночка V. У него нет лица — он носит маску Гая Фокса и действует его же методами: взрывает архитектурные святыни и обещает революцию, которая непременно вспыхнет после того,

как он взорвет Парламент. Исполняет роль V Хьюго Уивинг, он же агент Смит, он же король эльфов Элронд. Это, похоже, самая легкая роль в жизни актера — ведь зритель так и не увидит его лица. Никакой комикс не обойдется без женщины, и здесь неожиданной соратницей ГПГ (главного положительного героя) выступает некая Иви (Натали Портман, как всегда, очаровательна и обаятельна). Противостоять мстителю, убивающему лидеров партии одного за другим, призван опытный полицейский Финч — по его доброму и умному лицу совершенно понятно на чью сторону он встанет в финале. Тем более, что расследование приводит к вполне ожидаемым для знатоков антиутопий выводам: вирус возник не сам по себе.

Финал картины пафосен и банален, однако... Сами мысли, что революция и терроризм всегда идут рука об руку, что мститель-террорист может быть симпатичен, что агрессивная пропаганда способна обернуться против общества, ее насаждающего, что и одиночка может направить социальные процессы в иное русло, безусловно, хоть и не новы, но в современном масс-медиа редки. И общественно-политический мессидж фильма, вполне вероятно, затмит его художественные достоинства — уж больно впечатляют сцены огненного «отречения от старого мира» под тему «Боже царя храни» из увертюры Чайковского «1812 год».

ДМИТРИЙ БАЙКАЛОВ

УЛЬТРАФИОЛЕТ

(ULTRAVIOLET)

Производство компаний Ultravi Productions Inc.
и Screen Gems Inc., 2006.

Режиссер Курт Уиммер.

В ролях: Милла Йовович, Кэмерон Брайт, Ник Чинланд и др. 1 ч. 28 мин.

В конце столетия в результате выпущенного в мир вируса многие люди начнут мутировать в гемофагов — переходную стадию между человеком и вампиром. Гемофаги более совершенны: у них острый ум, быстрая реакция и невероятная стойкость. Мир стоит на грани гражданской войны между обычными людьми и новой расой «сверхчеловеков». В эпицентре этого противостояния — Вайолет (Йовович), зараженная вирусом женщина-хамелеон, взявшая под свою защиту мальчика, за которым охотится правительство людей. Оно считает ребенка угрозой людям и готово уничтожить его любой ценой...

Удивительно и непривычно: в фильме про людей, мутирующих в вампиров, из-под клыков вурдалаков не пролилось ни капли крови. Что ни говори, это смелый сюжетный ход второго по счету фильма Курта Уиммера. Первым был футуристический боевик «Эквилибриум», в котором кроме великолепно поставленных драк имелся довольно приличный сюжет. Однако новая лента, если не брать в расчет ультрамодные навороты, вроде хитроумного оружия и невероятных гаджетов эпохи нанотехнологий, в смысле сценария явно провальна: бессвязные, притянутые за уши линии, хаотичная мешанина из видеоигры и комикса.

Хотя экшн-сцены пленяют своей утонченностью — кульбиты, развороты, растяжки, изысканная хореография рукопашных боев под какофонию рева и грохота и на фоне красивых панорам. Вроде бы все уже стало обыденным, все движения и удары отработаны до автоматизма, виданы-перевиданы сотни раз, а зрелище завораживает.

И еще. Говорят, что детей и зверей в кино переиграть невозможно. Животных в фильме не наблюдается, а вот ребенок есть — почти центральный персонаж Шестой (К.Брайт: «Другой», «Рождение»). Двенадцатилетнего мальчишку не проведешь. На его отстраненном, с легким налетом скорби лице постоянное недоумение: «Что я делаю в этой белиберде?». Пусть рядом обворожительная красавица Йовович, пусть действие феерично — но таким глазам не поверить невозможно.

Вячеслав ЯШИН

МОЯ УЖАСНАЯ НЯНЯ

(NANNY MCPHEE)

Производство компаний Universal Pictures (США), Working Title Films (Великобритания) и Studio Canal (Франция), 2005.

Режиссер Кирк Джонс.

В ролях: Эмма Томпсон, Колин Ферт, Томас Сангстер и др. 1ч. 37 мин.

Тема няни с недавних пор крайне популярна в отечественном медиа. Причины — невероятный успех русской адаптации «Моя прекрасная няня» модного американского сериала «Няня». Неудивительно, что прокатчики пошли на небольшой трюк и перевели название нового фильма «Няня Макфи» как «Моя ужасная няня» — почему бы не использовать толику чужого успеха.

Тема няни-волшебницы популярна во всем мире несколько дольше — со времен сказок Памелы Треверс и их музыкальных киноплощений. Таким образом, интернациональная англо-американо-французская картина о волшебной няне, умиряющей несносных ребятишек (аж семеро по лавкам) и устраивающей личную жизнь их отца-одиночка (К.Ферт), была обречена на успех. Фильм окупил половину 34-миллионного бюджета в первый же уик-энд американского проката.

Главная героиня — няня Макфи — отнюдь не Леди Совершенство. Наоборот, она довольно уродлива и в воспитании ради целей не брезгует средствами. Главный антагонист волшебницы — заводила и гроза всех предыдущих нянь (не волшебниц) Саймон: недаром исполнитель этой роли Томас Сангстер в свое время играл маленького Гитлера в байопике; нашим зрителям Томас известен по главной роли в сериале «Мальчик в перьях». Но, конечно, все будет хорошо. Даже несмотря на то, что фильм поставлен по книге Кристианны Брэнд, писательницы малайского происхождения, хорошо известной в середине прошлого века в основном мистическими триллерами (также она считается основателем жанра «медицинский триллер»).

Сценарий по мотивам книги Брэнд, а также главную роль няни Макфи написала и исполнила Эмма Томпсон — между прочим, лауреат «Оскаров» и как сценарист-адаптер, и как актриса (любителям сказочного кино она известна по роли профессора Трелони в поттериане). Поэтому фильм об ужасной няне в какой-то степени можно считать «авторским кино». А авторское кино для семейного просмотра — жанр хоть и эклектичный, но еще не так заезженный.

Тимофей ОЗЕРОВ

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД-2: ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

(ICE AGE 2: THE MELTDOWN)

Производство компании 20th Century Fox, 2006.

Режиссер Карлос Салданья.

Роли озвучивали: Рэй Романо, Джон Лигуизамо, Денис Лири,
Куин Латифа и др. 1 ч. 31 мин.

Понятно, что анимационный фильм, очаровавший публику четыре года назад и серьезно пополнивший кассу студии, требовал продолжения. Ходили разговоры даже о телесериале, которые, впрочем, быстро затихли, поскольку успех ленты в немалой степени объяснялся ее техническим уровнем и дизайнерскими решениями и телеверсия неминуемо угробила бы проект.

Но создатели нашли возможность угробить его иным способом.

Как ни относиться к слезоточивому сюжету первого фильма, он (сюжет) все-таки наличествовал. Здесь же его, по сути, нет. Есть ряд эпизодов, простроченных по краям ожиданием глобального потепления и матримониальными планами мамонта Манфреда.

И та, и другая линия вроде бы должны внести в эту кайнозойскую историю необходимое напряжение и элементы фабульности. Но этого не происходит, поскольку нет работающей сюжетной идеи. Вся многочисленная и симпатичная доисторическая бестолочь будет уныло толкаться в ледовой чаше, ожидая потопа, пока сценарист «самым естественным образом» не подкинет ей Ноев ковчег в виде коры гигантского дерева. И у зрителя не возникнет ни тени сомнения, что Манфред обретет супругу, когда мамонтиха Элли прекратит наконец блажить, представляя себя опоссумом.

Для остроты интриги создатели все-таки подбросят в конце некий конфликт, столкнув теплую компанию друзей со стадом мамонтов и заставив Элли, уверовавшую в свою родоплеменную принадлежность, покинуть обретенного было супруга. Однако и это недоразумение разрешится быстро и безболезненно.

Но есть ведь еще и саблезубая белка! Со своим неперменным желудем! Помните? Честное слово, вот этот персонаж вытянул бы любой эпизод — да хоть двадцать, хоть тридцать! Если уж нет достойного сюжета, так отдайтесь на милость супергероя — он не подведет.

А вдруг будущий фильм посвятят ее приключениям?

Валентин ШАХОВ

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Производство компании СТВ и студии «Мельница», 2006.

Режиссер Илья Максимов.

Роли озвучивали: Валерий Соловьев, Сергей Маковецкий, Юрий Тарасов, Екатерина Гороховская, Олег Куликович и др. 1 ч. 10 мин.

Задумал Князь Киевский выдать замуж племянницу Забаву Путятичну. Да вот беда: не по нраву ей ни принцы заморские, ни местные купцы. А люб ей молодой гонец Елисей, у которого, понятно, ни гроша за душой. Стало быть, надобно князю этого гонца отправить на дальнюю заставу, чтобы под ногами не путался, а строптивую княжну сосватать поскорее да повыгоднее. Если необходимо, то и хитрость применить.

Так начинается увлекательная история о похождениях brave богатыря Добрыни и его незадачливого и хвастливого друга Елисея. Предстоит им спасти княжну из лап не очень свирепого Змея Горыныча, а попутно сотворить еще массу добрых дел.

Не секрет, что сиквелы весьма часто уступают оригиналу. Прежде всего в сюжетном плане. В случае же с продолжением вполне успешного российского мультфильма «Алеша Попович и Тугарин Змей» таких опасений не было. Почему? Да потому что сценаристы «Добрыни Никитича...» трудились над совершенно новой историей, никак не связанной с прежней, а значит, могли себе позволить многое. Единственное, что настораживало, — смена режиссера. Сумеет ли Илья Максимов, создатель невероятно скучного «Карлика Носа», сохранить динамизм и веселую атмосферу «Алешки Поповича...»? Сумел. И более того, отчасти превзошел работу своих коллег, сделав мультфильм смешнее предыдущего. С первых и до последних кадров харизматичные герои радуют зрителей многочисленными шутками, пародируя знаковые сцены зарубежных блокбастеров и цитируя известных персонажей отечественных фильмов. Как вам Змей Горыныч, уклоняющийся от копий, подобно агенту Нео от пули? Или встреча Добрыни и Елисея, напоминающая знакомство Шрэка с ослом?

Пусть графика в мультфильме незамысловата. Пусть некоторые сцены выбиваются из повествования. Но эти огрехи можно легко простить создателям, подарившим нам добрый и очень веселый мультфильм, который не разочарует ни детей, ни их родителей.

Степан КАЙМАНОВ

ЗАТЕРЯННЫЙ на голубом экране

В мае этого года вечный enfant terrible американской фантастики Харлан Эллисон, разменяв восьмой десяток, приобрелся к когорте «Великих Мастеров». Или, если использовать шахматную или рыцарско-орденскую терминологию, гроссмейстеров. Этот почетный титул традиционно присуждается на ежегодном банкете Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA), причем, в отличие от вручаемых там же премий «Небьюла», не за конкретные произведения, а за общий вклад в развитие жанра. Имеется в виду, конечно, проза, но не меньше заслуг у Эллисона перед кинофантастикой.

Победы в крупных сражениях невозможны без предварительной «обкатки» солдат, техники, тактики и стратегии в рамках учений и маневров. Да и разведка боем не помешает. Образцово проведенное завоевание американской фантастикой большого экрана никогда не состоялось бы, не потренируйся наступающая армия на заблаговременно созданном полигоне — в формате камерной и малобюджетной телефантастики 1960-х годов. На ней набирались опыта те, кто десятилетием позже, получив в распоряжение новейшее «компьютерное» вооружение, смог осуществить генеральное наступление на широком экране. После которого последний голливудский скопидом свылся с мыслью, что экономить на фантастике себе до-

роже — любые финансовые вложения окупятся сторицей.

Правда, американское телевидение (в отличие от советского, где чуть позже также предпринимались аналогичные попытки) сразу же отнеслось к новому жанру серьезно. Да, бюджеты телепостановок несоизмеримы с голливудскими — но и унизительно-грошовыми их не назовешь. И сценаристов телестудии старались привлекать преимущественно из мира литературной science fiction — вместо того, чтобы экономить и обходиться собственными поденщиками, которым все равно, что писать — «мыло», полицейский боевик или фантастику. А кроме того, с самого начала фантастика на телевидении удачно «вырулила» на свой формат, оптимальный и для студий,

и для потенциальных зрителей. Этим форматом стал сериал, состоящий из самостоятельных, законченных новелл — правильнее было бы называть его телеальманахом.

Самый яркий пример этой удачной ниши телефантастики — «Звездный путь». Хотя подавляющее большинство читателей журнала, скорее всего, знакомо с этим сериалом в киноформате, поверьте на слово — не было бы этих масштабных фильмов, если бы до того целое поколение фэнов не выросло на телевизионных новеллах про капитана Кёрка, мистера Спока и прочих членов экипажа звездолета «Энтерпрайз». Этим курсом пошла и вся американская телефантастика.

Среди тех, кто завоевывал американской фантастике место на телеэкране, был и Харлан Эллисон. Однако, прежде чем бегло обозреть его успехи на этом поприще, стоит остановиться на единственном опыте киноэкранизации прозы Эллисона. Точнее, на двух, но со второй экранизацией дело темное и запутанное...

Фильм «Парень и его пес» (1975) поставлен профессиональным актером Л.К.Джоунсом, которого, по его собственному признанию, потянуло в режиссуру, потому что надоело прозябать на «характерных» ролях. Это типичный пример малобюджетного кино, снятого на небольшой независимой студии. Однако некоторые критики считают, что в своем классе «Парень и его пес» — одна из лучших работ. По

крайней мере, режиссер не побоялся взяться за шокирующий литературный материал, которым всегда отличалось творчество Харлана Эллисона — за такой весьма неохотно берутся крупные продюсеры, интересующиеся лишь блокбастерами, ориентированными на массовую аудиторию.

Собственно, сам фон — «мир после атомной катастрофы», в котором царствует дарвиновское «выживание сильнейшего» — и не настраивает на мирное, расслабленное времяпрепровождение в кинозале. Однако в Голливуде и подобное научились снимать вполне «глянцево». А Эллисону и независимой студии, взявшейся за взрывоопасную тему, не было резона беречь нервы зрителей, поэтому фильм получился шокирующим даже по меркам отнюдь не мирных и не политкорректных семидесятых.

Странная парочка — молодой парень Вик вместе со своим псом по кличке Кровь, вследствие мутаций обладающим разумом и способностью к телепатическому контакту с хозяином — жестока и прагматична. Но не «по злобе», а просто потому, что окружающий мир оставляет шанс на выживание только таким. Отбив у банды насильников девушку, Вик не преминул тут же попользоваться добытым в схватке «трофеем» — в полном согласии с моралью этого одичавшего постатомного мира. После чего совершил со своей новой спутницей откровенно эпатазирующее «со-

шествие в Рай» — в подземный город, где сохранились анклавы стертой с лица земли цивилизации. В отличие от «озверевших» (к четвероногому спутнику Вика это вряд ли относится, скорее, наоборот) бойцов-одиночек на поверхности, люди подземелья, сохранившие моральные ценности пуританской «одноэтажной Америки», представляются абсолютно стерильными.

Увы, во всех смыслах. Оказывается, встреча с девушкой не была случайной. Ее послал на поверхность отец, один из лидеров этой странной, почти карикатурной общины с единственной целью — привести здорового полноценного мужчину, способного влить жизнь в вымирающую цивилизацию. Осознав, что в подземном раю ему уготована роль жеребца-производителя, Вик бежит вместе с псом и девушкой в столь привычный и понятный ему ад на поверхности. А в финале, не в силах смотреть, как его верный четвероногий друг умирает от голода, Вик делится с ним последней «крошкой» — нетрудно догадаться какой. Для тех, кто не понял, режиссер предлагает под сказку — нехитрый символ: освещенные кровавым закатом, опять оставшись вдвоем, парень и подкрепившийся пес отправляются на поиски новой пищи и новых испытаний.

Такой вот «жизнеутверждающий» сюжетец. Можно, конечно, возмущаться и обвинять автора повести и постановщиков фильма в смаковании «чернухи», патологии и про-

чих грехах. Но, во-первых, Харлан Эллисон никогда и не считался эдаким литературным душкой. А кроме того, в данном конкретном случае писатель и режиссер стараются быть предельно честными: мол, раз уж человечество докатилось до коллективного самоуничтожения, глупо рассчитывать на то, что пережившие катастрофу будут действовать по нравственным меркам жюль-верновского Сайруса Смита и его друзей. В это еще верилось в далеком девятнадцатом веке, но Эллисон — дитя второй половины двадцатого. Это время выбило остатки иллюзий у любого думающего человека, даже в клинически оптимистичной и жизнерадостной Америке.

Ершисты и многие из сюжетов, созданных Эллисоном для телевидения. Хотя там существовали свои правила игры, и молодому писателю приходилось им следовать. Во всяком случае, ничего подобного «Парню и его псу» на американском телевидении появиться не могло по определению. Да и вообще Эллисон начинал свою поденную работу телесценариста с банальных «мыльных опер» и криминальных сериалов — тогда, по собственному признанию писателя, его интересовали только деньги.

Дебютом Эллисона в телефантастике стал сериал «Путешествие на дно моря» (1964) — скучноватые хроники первой в мире частной (это и было, пожалуй, единственным фантастическим допущением) атомной субмарины под командо-

ванием отставного адмирала, переклотившегося на исследование тайн океана. Но в том же году молодой автор написал сценарий одного из эпизодов другого сериала — «Внешние границы» (Outer Limits), практически лучшего фантастического цикла на американском телевидении шестидесятых. Эпизод назывался «Демон со стеклянными руками», поставил его известный режиссер Байрон Хаскин, а Эллисон впоследствии переделал сценарий в одноименный рассказ — тогда еще не представляя, какая судьба ждет это произведение.

Герой сюжета просыпается в состоянии амнезии и знает только то, что у него вместо правой руки — механический манипулятор с отсутствующими тремя пальцами. И что эти пальцы необходимо любой ценой восстановить, потому что в них заключена загадка его собственного прошлого. И еще он откуда-то знает, что у него есть загадочный враг «не от мира сего», который также сделает все, чтобы не дать герою выполнить некую миссию. Словом, обычная в те годы паранойя на тему пришельцев, которые бродят среди нас, внешне ничем от людей не отличаясь.

В том же году Эллисон написал еще один сценарий для того же сериала — «Солдат». На сей раз в наше время неведомым образом переносится «вечный солдат» из далекого и очень несимпатичного будущего. В Америке шестидесятых «коллегой» остро заинтересо-

вались военные и работающие на них ученые, однако наладить контакт между представителями разных времен оказалось непросто — тут и языковой барьер, и культурный, и понятийный. Для ускорения процесса адаптации пришельца к новому окружению один из ученых забирает его к себе домой. Но солдату, обученному только воевать, в мирной жизни по-прежнему неуютно. И только когда из будущего «проваливается» еще один солдат — на сей раз вражеский, — герой, уже слегка обжившийся в нашем времени и очеловеченный, сразу же обретает утраченные было смысл и ясность цели. Теперь он должен спасти своих новых друзей — ученого и его семью.

Ничего не напоминает? Эллисону напомнило, но гораздо позже — спустя четверть века, когда по экранам Америки начал свое триумфальное шествие киборг в исполнении не нуждавшегося в особом гриме Шварценеггера. В титрах фильма Джеймса Камерона отсутствовали какие бы то ни было ссылки на упомянутые выше рассказы Эллисона — авторами сценария значились лишь сам режиссер и некая Гэйл Энн Херд. И хотя никаких судебных исков Эллисон против постановщиков фильма не двигал, а в фэндоме и критике мнения насчет возможного плагиата разделились, все равно, как в анекдоте, осадок остался. Во всяком случае, самая обширная и солидная сетевая база данных по кино — IMDb — посчитала нужным

упоминать обе телевизионные пьесы Эллисона как «неуказанный» источник сюжета камеронового «Терминатора».

Отметился писатель и в другом популярнейшем телесериале 1960-х, вторая жизнь которого началась позже — уже в рамках масштабной киносатиры. Это был «Звездный путь», запущенный на телевидении Джином Родденберри. «Город на краю Вечности» (1967) по сценарию Эллисона стал одним из самых запоминающихся эпизодов цикла — несмотря на фактические ошибки, не оставшиеся незамеченными. Дело в том, что в данном эпизоде сюжет разворачивается не в космосе, а в Нью-Йорке 1930 года. Сначала туда случайно «проваливается» один из членов экипажа звездолета «Энтерпрайз», а затем на выручку товарищу (и с очевидной целью предотвратить какой-нибудь хроноклазм, который изменит будущее) отправляются капитан Кёрк и мистер Спок. Так вот, попав в прошлое, они идут в кино «на Кларка Гейбла», хотя в 1930 году будущий кумир еще не был никому известен и подрабатывал на массовках. Да и вывески «Противо-

атомное убежище» на нью-йоркских домах в 1930 году смотрятся явно преждевременно.

И в дальнейшем Харлан Эллисон продолжал активную сценарную деятельность на телевидении — в том числе писал сценарии (многие из них были впоследствии переписаны в рассказы) к научно-фантастическим сериалам и «ужасикам». В 1960-е годы это были «Частича судьбы» и «Человек из U.N.C.L.E.» (детективный «экшн» с фантастическими элементами а-ля Джеймс Бонд). Десятилетием позже — «История с привидениями» («Круг ужаса») и «Бегство Логана»*. В 1980-е годы Эллисон отметился в сериалах «Истории с темной стороны» и «Сумеречная зона». И наконец, в девяностые годы — в «Голоде»**, новых «Внешних границах» и столь любимом нашими фэнами «Вавилоне 5» (эпизод «Взгляд с галереи», 1998).

В 1973 году плодовитый и неуемный Эллисон решил создать свой собственный научно-фантастический телесериал — так родились «Затерянные среди звезд». Сериал с грошовым бюджетом снимался ради экономии на видео в Ка-

* Не путать с одноименным художественным фильмом Майкла Андерсона. Сценарий телесериала, который, кстати, скрупулезно повторяет сюжет фильма, Эллисон написал в соавторстве с Уильямом Ноланом. Который, в свою очередь, вместе с Джорджем Клейтоном Джонсоном написал роман «Бегство Логана» (1967), ставший основой и фильма, и телесериала. (Здесь и далее прим. авт.)

** А этот телесериал, наоборот, почти никак не связан (если не считать темы «Вампиры среди нас») с одноименным стильным фильмом Тони Скотта, в котором запомнившиеся роли сыграли Катрин Денев, Дэвид Боуи и Сьюзен Сарандон.

наде, и к тому времени известный автор, собравший впечатляющую коллекцию высших премий (в том числе и за сценарии), почел за благо скрыться под псевдонимом Кордвайнер Берд — уж больно жалким получился результат. Хотя сама сюжетная канва, казалось бы, буквально просилась в руки к крупному продюсеру с крупными деньгами.

Действие происходит на гигантском звездолете с исчерпывающим названием «Ковчег». Он состоит из сотен автономных анклавов — «куполов», под каждым из которых хранится некий клочок человеческой цивилизации и культуры. По пути к неведомой цели звездный ковчег попал в метеорный поток и сбился с курса, управлявшая звездолетом команда почти целиком погибла, а что происходит под «куполами», никому неизвестно. Три простых фермера (роль главного героя сыграл Кир Дуллеа, запомнившийся всем по кубриковскому фильму «2001: Космическая одиссея») смогли вырваться из своего анклава и теперь плутают по опустевшим коридорам и отсекам, из купола в купол, постоянно сталкиваясь с другими неизвестными культурами. Задача этой троицы — отыскать кого-нибудь, кто мог бы взять на себя управление звездолетом, который неотвратимо притягивает к себе некое звездное светило...

Какой фильм можно было поставить десятилетиями позже, в эпоху компьютерных спецэффектов! Но

сериал после 16 эпизодов был остановлен из-за низкого рейтинга.

Другая попытка создать в области визуальных искусств что-то свое также не принесла Эллисону весомых дивидендов. Речь идет о видеоигре «У меня нет рта, а я должен кричать» (1995), созданной по одноименному рассказу писателя. Причем в данном случае Эллисон был автором не только текста, но и дизайна (а режиссером выступил Дэвид Маллич). Sensацией игра не стала, но Эллисон не отчаивается — в одном из интервью он пообещал обязательно заняться этим делом посерьезнее. А в том, что работоспособности, энергии и творческой фантазии у вечного вундеркинда и нарушителя общественного спокойствия хватает, мало кто сомневался тогда.

И не сомневаются сейчас. Во всяком случае, организаторы церемонии, на которой Эллисону должны были вручить почетный приз с плашкой «Великий Мастер», всерьез беспокоились, как бы торжество не закончилось скандалом. Дело в том, что Эллисон ненавидит, когда его причисляют к мастерам science fiction, предпочитая иное прилагательное — speculative (на русский словосочетание speculative fiction можно перевести как «литература размышлений»). Но это слово явно не уместилось на заранее сделанную плашку. Как, впрочем, и сам Эллисон.

ВЛ. ГАКОВ

М А Й К Л Д Ж А С П Е Р

РАБОТА

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

В ИГРЕ

Я понял, что день выдался неудачным, когда увидел, как скрэга-подсобника едва не перерезало пополам через двадцать минут после начала работы.

Я трудился в команде неподалеку от Ходжес-стрит, в миле от стены, отделяющей нас от остального Рейли. Это место я получил восемнадцать дней назад. Первые две недели старейшие работники, позади у которых были годы разборок и реконструкций, вынесенных на руках, ногах и спинах, неотступно следили за мной, выискивая любой намек на слабость, которую невольно способен проявить каждый в холодном, сыром воздухе. Для всех нас секундная рассеянность могла означать мучительную смерть. Оказаться раздавленным — что может быть страшнее?!

Поэтому я приходил рано и трудился допоздна, как все остальные, и постепенно мне стали доверять. Наконец-то я работал в игре!

До этого я был всего лишь скрэгом и занимался самым грязным, нудным делом, которого все чурались. Десять очков в час — вот как оплачивался мой первый честный труд. За сто тысяч очков я мог бы подать заявку на прыжки через стену, а за две сотни — платить за это сам. Квабе и Натали имели наибольшее количество очков в нашей бригаде, поэтому и были назначены начальством старшими. Они теряли больше, чем остальные.

Этим утром мое запястье показывало минус десять градусов, а передняя дверь лачуги Лии была заблокирована только что выпавшим синеватым снежным сугробом высотой с полфута. Таких холодов в октябре никто не ожидал, особенно здесь, в Рейли. Я промерз до костей с конца августа, а Лия заходилась в кашле еще с июня.

Поэтому, чтобы накопить очки и хоть немного согреться, я продолжал работать. Каждый день появлялся новый список, передаваемый старшим группы через запястные импланты. Рутинка была абсолютно одинаковой, независимо от того, работали вы на разборке или восстановлении: вы создаете или разбираете свою долю стен и получаете за это очки; не выполняете свою норму разобранных или восстановленных стен — очки снимаются. Трое скрэгов из моей группы решили сегодня не показываться, и приходилось немало потрудиться, чтобы выполнить норму в пятером.

На верхнем этаже восстановленного здания, неподалеку от Ходжес-стрит, я провел фюзером шестидюймовую расплавленную полосу на полу, готовя его под дюралласт. Покрытая тонким слоем нанодов, каждая новая стена на пятом этаже будет приварена к самому верхнему листу дюралласта на четвертом этаже. И пока мы будем ставить новый лист дюралласта на место, в тот момент пока пластик не остынет, стена будет неподвижна — на минуту, не больше. К этому времени техни-

ка в новой стене договорится с техникой в уже существующей, и вы получите «умную» стену, контролирующую тепло и холод, блокирующую шумы, как уличные, так и соседей, и даже показывающую старое видео. По крайней мере, именно так объясняла мне Натали принцип действия техники.

В начале дня Нат дала мне свой нивелир. Только старшие в бригаде пользуются этими приборами длиной в ярд, цифровыми версиями старых нивелиров, которые, по словам Нат, каким-то образом работали на воде! Половина той бредятины, которую она рассказывала мне о старых стройплощадках, должно быть, выдумана. Но она одолжила свой нивелир и наверняка прикончит меня, если первая стена, которую я сделаю самостоятельно, перекосится.

Тейким и двое других скрэгов уже приготовили лист дюрапласта. Тейким — хороший парнишка. И неглупый. Когда я отключил фюзер, скрэги подняли лист и осторожно опустили на место, стараясь не коснуться голыми руками расплавленного пола, прежде чем стена будет сварена. Если они все же коснутся пола — дело швах. Нат знала подсобного рабочего — им всегда приходится хуже всех, — которого таким образом засосало в стену. И теперь он часть «умной» стены в десятиэтажном доме в предместье Дарема.

Как только стена встала на место, я заработал фюзером по правой стороне, сплавляя ее с уже существующей стеной. Приложил к стене нивелир, посмотрел на индикатор. Все ровно.

И когда я с дурацкой ухмылкой отвернулся от стены, случилось это!

В двадцати ярдах от меня два скрэга возились с проводкой одной из стен с северной стороны. Девушка тянула провода, подаваемые снизу. Волосы от усилий растрепались, закрывая лицо. Парень потянулся помочь ей, и провод в его руке коснулся ее провода. Те были под током, и обоих людей ударило. Девушку отбросило в здание. Парень столкнулся с Квабе, который как раз работал резакком над дефектной частью регенерированного пластика. Ноги парня попали в бело-голубой луч резака, и тут воздух пронзил вопль.

Квабе успел отключить резак как раз вовремя, сохранив парню ноги, но того все же сильно поранило. Крови не было, хотя на полу рядом с Квабе лежал ком красной плоти. Должно быть, резак прижег раны. Я хотел помочь бедняге, но он был в чужой бригаде, а моя уже оставала.

Мне на плечо легла рука.

— Осталось двадцать четыре, — задыхаясь, выпалила Нат. Три скрэга понесли мальчишку к лестнице, пока Квабе говорил в свой имп, вызывая «скорую». Нат старалась, чтобы голос звучал строже.

— Спорим на пиво, что мы не выберемся отсюда до темноты.

— Заметано, — кивнул я, ощущая вес нивелира в ладони.

Процесс приостановился на целых пять минут. Остальные рабочие и я, снова взявшись за фюзеры, вернулись к работе на внешнем краю пола. Я потерял левое запястье, чувствуя под кожей жесткий имплант. А я еще хотел сегодня после работы посмотреть прыжки. Да, придется проторчать здесь до комендантского часа, если не дольше.

За работой я не переставая думал, какова была бы жизнь без стены. Если верить истории, уже много лет назад в Рейли имелись кольцевые стены, кирпичные звуковые барьеры высотой в двадцать футов, блокирующие шум уличного движения для жителей Северного Рейли. Даже тогда Рейли был разделенным городом. Новые стены строились на существующих, прибавлялись слои дюрапласта, пока накопленная энергия не начинала отдавать электромагнитные импульсы.

Я выглянул наружу. Солнце уже поднималось, немного согревая утренний воздух. Стена — та, большая, единственная, которая что-то значила — всплыла в мое видение на севере: розовато-голубой синяк в разгорающемся свете дня. Лия считала, что виновата в холоде именно эта стена, выстроенная еще до нашего рождения. Предположительно, бедняки, живущие по эту сторону стены, боролись против нее весь месяц, который ушел у правительства на то, чтобы ее воздвигнуть. Если верить историям, губернатор использовал клонов, безликих зомби, не нуждавшихся в еде или отдыхе. А тем более в зарабатывании очков.

Я втянул в легкие большой глоток ледяного воздуха. Мы никогда не закончим вовремя. Не с этой бригадой, где полно скрэгов. Но пока стена остается на месте, мы все скрэги.

Пустив в ход наплечные фонари, Нат, Квабе, Робертс и я, вчетвером, закончили последнюю стену на пятом этаже. Звезды сверкали над нами, резко обрываясь на севере, отсеченные стеной. Я поднес к глазам запястье, чтобы узнать время. Без пяти десять. Минус семь градусов. Тридцать шесть и пять десятых градуса. Шестьдесят два удара в минуту. Давление сто двадцать два на семьдесят три. Всегда чересчур много информации, текущей мимо меня, каждый раз, когда я смотрю на запястье. Но так постановил губернатор: жизненные показатели, связь, количество очков и спутник, отслеживающий мое местонахождение в любое время дня. Власти считают, что делают нам великое одолжение, снабжая нас имплантами в день появления на свет. Ничего себе, подарок на день рождения!

— Похоже, ты должен мне пиво, — напомнила Натали. Узкое лицо покраснело от холода.

Квабе присел, вытирая фюзеры, брошенные скрэгами как попало.

Темная кожа его лица все еще сохраняла серый оттенок после сегодняшней истории с резакон.

— Пиво? У кого есть пиво?

Я оглядел пятый этаж. До чего же дурацкий способ проверять выполнение нормы, отсчитывая по двадцать готовых прямоугольников «умных» стен. Тейким и его приятели ушли часов в семь, когда только начинало темнеть, наплевав, потеряют они очки или нет. Сегодня были объявлены прыжки через стену, и они не собирались пропускать такое зрелище ради несчастных двадцати—тридцати очков.

Теперь, когда Квабе связался со спутником и отчитался о проделанной работе, я мог бы проверить по записям общее количество очков, но недавно поклялся делать это разве что в случае крайней необходимости. При максимальном количестве очков (сто пятьдесят в день) общий итог, по моему мнению, рос слишком медленно. Лучше понижать голову и работать, работать, работать каждый день, и неважно кто ты при этом: скрэг или настоящий рабочий. Такова мантра скрэга — по одному очку за один раз. Шаг за шагом.

Я успел вернуться домой до одиннадцати, но Лия, лежавшая на соседнем тюфяке, так кашляла и ворочалась, что выгнала меня на улицу. Обратно к стене. Напряжение, накопившееся после сегодняшнего происшествия, так и не отпустило, а ее кашель просто убивал меня. Когда-нибудь мы пойдем в больницу. Вот только сначала накопим еще пять тысяч очков.

Когда я добрался до стены, прыгуны только что начали последнее состязание. Снабженные крыльями из остатков дюрапласта и проволоки, они использовали энергию стены, чтобы отклониться, поднявшись вверх и в сторону, и, пересекая заброшенное старое шоссе, устремиться к лачугам, где жили все мы. Оказавшись в воздухе, они поднимали крылья и скользили в надежде поймать попутный ветер и первыми пересечь финишную прямую в полумиле отсюда. В десяти футах от финишной прямой стояла трехэтажная кирпичная стена. За ночь, как правило, один-два увлекшихся спортсмена, поднявшиеся слишком высоко на украденной энергии и сильном ветре, ударялись о стену после пересечения финишной прямой. Это абсолютно исключало мухлеж, а заодно убивало во мне всякое желание попробовать прыгнуть самому.

Когда я подошел ближе, прыгуны надевали свою сбрую и выстраивались перед стеной. Я заметил пару-тройку скрэгов, покинувших площадку до срока, и они с виноватым видом повели меня к Тейкиму, уже успевшему надеть крылья и «тарзанку». Он дрожал от напряжения, преодолевая сопротивление голубого шнура, надежно прикрепленного к спине. Другие два конца были привязаны к вбитым в землю столбам.

На мой взгляд, он сильно напоминал большую муху, приколотую к гигантской рогатке.

— Следи внимательно, Чапмен, — посоветовал он с приклеенной к губам безумной улыбкой. — Я возьму этот тайм. Уже выиграл сегодня два.

— Желаю удачи, — отозвался я. В ушах стояло свистящее дыхание Лии, и я тряхнул головой, как собака, чтобы прояснить мозги.

Прозвучал свисток. Тейким поднял ноги, приземлился у стены, но тут же поднялся в воздух, свернув калачиком тощее тело. За мгновение до того, как врезаться в стену, он поднял изящные крылья и выпрямился, изогнув спину. Испускаемый стеной импульс ударил в его крылья и оттолкнул, одновременно подбросив вверх. Тейким летел.

— Черт! — прошептал я, ухмыляясь.

И пока Тейким раскидывал тонкие руки, набирая высоту и удаляясь от остальных прыгунов, я оглянулся на стену, после чего улыбка умерла на застывшем лице. Один из прыгунов не сумел вовремя развернуть крылья, и сейчас друзья поднимали его со старого шоссе: крылья поломаны, вниз по стене идет свежий красный мазок.

— Черт... — повторил я.

Только после того, как Тейким выиграл последнее за ночь состязание, набрав недостижимую для остальных высоту и вырвавшись вперед, я осознал, как уже, должно быть, поздно. Я привык спать только пару часов за ночь, но теперь, когда больше не был скрэггом, такое стало недопустимым. Моя жизнь изменилась.

Я уже хотел направиться к нашей лачуге, когда наткнулся на Хайме. Уже набравший четыреста фунтов веса и не собиравшийся на этом останавливаться, Хайме жил под развалинами старого здания Капитолия. Хайме был одним из очень немногих моих знакомых, не только не имевших импланта, но отказывавшихся работать в игре, как остальные. Он также редко покидал свое подвальное жилище, набитое нелегальной техникой, которую либо находил в мусорных контейнерах, либо покупал на черном рынке. Сегодня, должно быть, случай особый.

— Привет, Маркус, — бросил Хайме, подкатывая ко мне в своей тележке и сжимая лапищей маленький красный рычаг управления. Несмотря на холод, его светло-коричневая кожа была покрыта тонкой пленкой пота. — Как там строительный бизнес?

— Процветает, — пожал я плечами. — У меня работы по горло. Не знаю, за что раньше братья.

Хайме уставился на меня.

— По-твоему, это так уж хорошо?

— Это всего лишь очки, амиго. Что новенького?

Хайме расплылся в улыбке, блеснув мелкими белоснежными зубами.

ми, вытащил из кармана куртки квадратную бумажную коробочку и швырнул мне.

— Попробуй вот это. Только сначаланими чертову бумагу.

Я вытащил из коробочки завернутый в газету тонкий ломтик чего-то.

— Это жвачка. Жуй.

Я вскинул брови, но все же бросил в рот эластичный белый угольник. У Хайме всегда был лучший товар. Я чувствовал, как глаза от изумления медленно вылезают из орбит, и Хайме едва не упал от смеха со своей тележки. Сладкая, как сахар, но совсем не тает!

— Нашел сегодня кое-что интересенькое, — объявил Хайме, кивая на стену, возвышавшуюся перед нами волной, которая никогда не разбивается о берег. — Губернатор держит весь этот хлам на неохраняемой площадке, воображая, будто мы недостаточно проворны, чтобы туда проскользнуть. Тебе в жизни не вообразить, что будет дальше и почему они так упорно работают над усовершенствованием клон-рабов.

Колеса тележки застонали, когда Хайме оттянул ручку управления, подкатывая ближе.

— А я считал, что клон-рабы — это просто миф, — заметил я, пытаясь не проглотить подаренную жвачку. — Ну, знаешь, те истории, которые сочиняют люди, гадая, насколько быстро поднялась стена.

— Хотел бы я, чтобы это оказалось всего лишь враньем, — отмахнулся Хайме, глядя на крохотный индикатор на тележке. — Праздник окончен, Чапмен. Заглядывай как-нибудь в подвал, потолкуем по душам.

В воздухе что-то пульсировало. Хайме уже откатился, стремясь поскорее достигнуть убежища, пока пульсация не перетечет в тихий рокот. Губернаторские вертушки сегодня запаздывали. Обычно они появлялись сразу же после окончания прыжков. Я поспешил за Хайме.

— Так что там насчет клонов? — прокричал я, перекрывая рев лопастей. Вместо ответа он закатился на старый склад в трех кварталах от стены. Я последовал за ним, зная, что, скорее всего, пожалею об этом.

— Скажи, — начал Хайме, как только грохот затих, — что, по-твоему, случится после того, как ты заработаешь свое волшебное количество очков?

— Ты о чем? А я было вообразил, что у тебя важные новости!

— Так оно и есть. Но сначала ублажи меня: поясни, почему ты всю свою жизнь стремишься работать как клон-раб?

Я немного пожевал, пытаясь подобрать слова, чтобы лучше объяснить. Работа стала частью моей жизни, я не мог без нее.

— Нужно зарабатывать очки, чтобы перебраться по другую сторону стены. А когда окажешься там, можно жить привольной жизнью: толь-

ко руку протяни, и будет тебе все, что захочешь. Прямо здесь, в моем коконе.

Хайме засмеялся: ехидное шипение, наполнившее мой желудок чистой кислотой.

— Кокон, вот как? Это, по-твоему, тебя ждет? Воображаешь, что там уже приготовлен кокон с твоим именем? И как только заработаешь очки, можешь туда перебираться?

Я пытался разглядеть его лицо в темноте старого склада. Да, именно так я и представлял свое будущее. Всю жизнь мне об этом твердили. Только это и помогало мне пережить каждый долгий рабочий день.

— Может, когда-то так и было, — продолжал Хайме, ввинчивая указательный палец правой руки в запястье левой, словно в поисках импланта. — Но все проходит. Здесь, в Рейли, все коконы заполнены.

Я отодвинулся и описал широкий круг, обходя Хайме с его тележкой и пытаясь прогнать крадущийся по спине озноб.

— Значит, когда мы заработаем очки, придется переселиться в другой город? Лично мне все равно. Главное — перебраться по другую сторону, вместе с Лией.

Хайме долго молчал, а когда я приблизился, поднял на меня глаза. Я вздрогнул. Его глазами на меня смотрел глубокий старик.

— Сколько уже болеет твоя подруга?

— Пару месяцев, — механически ответил я. — На что ты намекаешь?

— Еще один слушок, который я подхватил сегодня. Губернатор прекращает финансирование больницы по эту сторону стены. Власти желают вкладывать все деньги и энергию в усовершенствование клон-рабов. — Хайме пожал округлыми плечами. — Зачем тратить время и деньги на содержание здоровых людей, которые из кожи вон лезут, зарабатывая побольше очков?

Он ждал ответа, но я слишком устал, чтобы спорить. И поэтому промолчал.

Я поплелся домой, морщась от чересчур сильного сердцебиения. Оказавшись в крохотной передней, куда уже успели нанести свежего снега, я понял, что вряд ли усну этой ночью.

В большой комнате распростертая поперек матраса Лия по-прежнему кашляла и металась в холодном воздухе нашей лачуги. Я ощутил знакомую боль в спине — последствия пятнадцатичасового рабочего дня.

Лия кашлянула и потянулась ко мне.

— Где ты был? — хриплым, надорванным голосом прошептала она.

— Неужели работал допоздна?

— Нет, — покачал я головой, целуя ее в лоб. — Не работал. Во всяком случае, не сегодня.

Она уже засыпала. Я слышал клекот мокроты в ее легких при каждом вдохе. Слишком долго она болеет. Может, Хайме прав. Даже если мы попадем в больницу, смогут ли ей помочь?

Я улегся на спину. Тело молило об отдыхе, но мозг не позволял расслабиться. Может, я слишком волнуюсь из-за пустяков. Как только мы переберемся через стену, жизнь сразу переменится. На другой стороне обязательно найдутся доктора, которые смогут помочь. Люди болеют даже в коконах, хотя, судя по словам Хайме, большинство их обитателей редко покидают свое обиталище.

Я провел языком по зубам, ощущая сладость жвачки, подаренной Хайме. Все, что он тут наплел, — очередная сказка. Дурацкая сплетня. Он вытягивает слишком много информации из стены. Это вредно для человека.

Я закрыл глаза и вдохнул ледяной воздух нашей лачуги. Лучше просто работать и получать очки. И надеяться на лучшее.

И я оказался прав. Выяснилось, что как только реконструкция проекта у Ходжес-стрит была закончена и здание активировано, Квабе набрал требуемое количество очков.

— Значит, все возможно, — сказал он мне два часа назад, когда мы, как обычно, собирали оборудование. — Мечты все-таки сбываются, Чапмен.

До Квабе я не знал никого, кто, работая в игре, действительно набрал все очки. Мы трудились до пяти, когда Квабе показал всем свое запястье с завершающими цифрами, а потом угостил нас пивом, которое он приберег для этого случая. У него было только десять банок, так что мне удалось сделать всего два маленьких глотка, прежде чем передать банку соседу. В жизни не пробовал ничего вкуснее, поэтому, не переставая, благодарил Квабе и желал гиганту счастья.

На следующий день начальство прислало замену. Никогда не видел таких белоснежных зубов, как у Уоттса. И он демонстрировал их при каждом удобном случае. Очков у него было чуть меньше, чем у Нат, так что он высоко держал знамя старших работников. Уже спустя минуту после знакомства Уоттс сообщил всем, что переберется через стену через 452 дня, шестнадцать часов и сорок пять минут.

— Плюс-минус пару часов, — добавил он, регулируя резак тонкими пальцами.

Несмотря на странный акцент и одержимость цифрами, мне сначала понравился Уоттс. Пока мы переносили оборудование двумя кварталами ниже на другую площадку — разборка здания на краю пересох-

шего ручья Крэбтри-крик, — Уоттс, не переставая, болтал со мной, Натли и другими в группе.

— Вроде бы этой зимой ожидается больше дождей, — сообщил он. Как я понял, Уоттс был буквально напичкан странными фактами. — Не только снега, но и дождей. Говорят, виновата озоновая дыра. Она снова открывается. Хорошие новости для нас, верно? Не так холодно. Больше солнца.

Уоттс и Нат взобрались первыми на крышу ветхого здания. За нами топали скрэги с резаками. Я нес собственный ручной резак, которым обычно пользовался на мелких участках стены и фундамента. К концу дня мы должны были снести шестизэтажный дом.

Едва я обрушил большую часть северной стены, как мое запястье запищало. Я выключил фюзер и сделал вид, что проверяю спусковой механизм прибора. Нам не позволялось отвечать на звонки во время работы, но моей первой мыслью было — Лия. Что-то с ней стряслось.

Слова мелькали на экранчике слишком быстро, чтобы можно было понять их смысл, тем более, что экран успел покрыться пылью и крошками пластика. Наконец я сообразил: это Хайме просит встретиться сегодня вечером на еженедельных прыжках. Что-то насчет стены. Как обычно.

Подняв глаза, я заметил, что новичок наблюдает за мной с легкой улыбкой на лице. Я кивнул, поеживаясь от неприятного холодка, добравшегося до моей внезапно вспотевшей шеи. Потом мы оба вернулись к работе.

Вчетвером мы снесли здание к десяти часам... На этот раз вместо Квабе был Уоттс, плюс мы трое: я, Нат и Робертс. Я пытался не выпустить Уоттса из виду, но только перед окончанием работы сообразил, что и он делает то же самое.

Я ушел с площадки и вернулся домой, наслаждаясь прохладой и думая о здании, распавшемся на большие куски штукатурки, изоляции и дерева. Мы на славу потрудились, было даже приятно ощущать боль во всем теле после тяжелого дня. Я уже собирался войти в лачугу, когда услышал кашель Лии.

— Черт бы все это побрал, — прошептал я, держась за ручку двери.

Она нуждалась в сне и отдыхе, а у меня глаза не желали закрываться. Слишком много людей, с которыми Лиа работала на фабрике, мучились той же хворью. А начальство не желало пальцем о палец ударить. Главное, чтобы мы сидели по эту сторону стены и не вызывали проблем. Мне никак не давало покоя все, рассказанное Хайме в ночь последних прыжков.

Я повернулся, преодолевая тяжесть в ногах, и направился к стене. Даже отсюда слышались крики прыгунов, отталкивающихся от дюралюпласта и взмывающих в ночь на своих хрупких крыльях.

Тейким, как главный чемпион, позволил себе пропустить сегодняшние состязания, тогда как другие прыгуны старались подтянуться и отточить технику, чтобы бросить ему вызов на следующей неделе. Судя по трем парам сломанных крыльев, валявшихся у стены, довольно многие прыгуны нуждались в упорном совершенствовании техники. Кое-какие сломанные дюралюпластовые крылья уже начали вращаться в стену, возле которой их бросили.

— Эй, Чап! — приветствовал меня Тейким, стоя в окружении почитателей. — Странное что-то творится, парень!

— Это как?

— Ты, должно быть, спал наяву, если ничего не видел. Уоттс командовал мной и Нат целый день, а Робертс вел себя так, словно смертельно его боялся. — Тейким отвел меня в сторону и прошептал: — И я кое-что слышал о Квабе.

— Квабе?

Я вздрогнул.

— Он ведь давно перебрался по ту сторону. И, скорее всего, забыл о нас.

— Не-а. Кое-кто сказал, что его видели. В яме к востоку от города. Вернее, видели его тело.

Плечи Тейкима неожиданно дернулись, словно он только сейчас осознал сказанное. Когда речь шла о стене, у каждого находилась своя чертова история.

— Кто-то, должно быть, ждал его по ту сторону стены...

— Брось, — отмахнулся я, выискивая глазами Хайме и пытаюсь стряхнуть неизвестно откуда взявшееся неприятное ощущение щекотки. — Не верь всему, что слышишь.

— Но ты должен признать, что это чертовски странно. Парень зарабатывает очки, а потом...

— Ты прав. Странно, — перебил я. У меня не было времени слушать этот бред. — А теперь возвращаясь к своему фэн-клубу, Тейким. Мне нужно кое-кого найти.

Я пробрался сквозь толпу, чувствуя, как становится кисло во рту по мере приближения к стене. Большинство прыгунов были моложе меня: скрэги, пытающиеся пощекотать себе нервы, до того как завтра вернуться все к той же изнурительной работе. Я увидел рабочих, которых знал еще на своем первом месте, и поднялся к старой Кольцевой стене, высматривая Хайме.

Я уже был готов сдать и вернуться домой, когда оказался перед

главной стеной. Звуки прыжков тонули в ее тихой вибрации. Я оглядел двадцать с лишним футов дюралюста. С этой стороны стена походила на кожу, испещренную синяками и кровоподтеками, и я едва удержался от порыва подойти и коснуться ее. Если я окажусь слишком близко, неужели стена втянет меня, как того скрэга, о котором любила вспоминать Нат?

Я пытался сглотнуть желчь, хотя меня по-прежнему тошнило от этой близости к стене. До чего же противно!

Коснувшись запястья, я отвернулся от стены и коконов, которые она защищала.

Нужно идти домой, к Лие. Холод обжигал лицо, как наждачная бумага, кусался сквозь поношенную куртку. Хайме и его новости могут подождать.

Я отошел от стены. Наверху, над моей головой, молодые парни и девушки отталкивались от дюралюста, стараясь взлететь.

Возвращение домой заняло всего четверть часа. Я сел рядом с Лией, ожидая, когда она проснется. Пришлось ждать почти три часа, прежде чем она пошевелилась. Нужно что-то делать, и лучше всего начать прямо сейчас. Плевать, сколько бы это ни стоило.

— Мы идем к доктору, — объявил я, когда она наконец открыла глаза.

Больничные анализы стоили мне целого года работы. Все еще шатаясь от горечи потери и бессонницы, я ввалился на строительную площадку без пяти шесть. Серый ком гнева вращался за глазами яблоками, отталкивая окружавший меня холод. Я устал работать в игре.

Первые анализы не дали определенного результата. Доктор, молодая женщина, индианка с короткими черными волосами, с легким акцентом, призналась, что за последнее время видела слишком много подобных случаев. Это не был ни туберкулез, ни пневмония, ни вирус, но, видимо, сочетание определенных элементов всех трех инфекций. И от этой болезни, похоже, не нашли средств. Доктор обещала продержаться Лию подольше и нервно протянула мне счетчик очков. Стараясь оставаться спокойным, я сунул запястье в металлическое сочленение счетчика и отвернулся, когда количество очков стало стремительно уменьшаться. Этот раунд я проиграл.

Оказавшись на площадке в окружении глыб старых стен, нагроможденных на земле, где когда-то стояло здание, я влил в горло горячий кофе и сморгнул — в глаза словно песку насыпали. Сегодня нас опять было только четверо. Приходилось очищать территорию. Торопясь поскорее добраться до работы, я в полусне забыл резак в нашей лачуге.

— Эй, Маркус! — раздался чей-то голос. От неожиданности я подскочил, потому что не переставал думать о красноте глаз и синеве губ Лии в резком больничном освещении.

Слева стояла Нат, вопросительно глядя на меня.

— Ты в порядке?

— Да, — буркнул я, швырнув пустую чашку на груды обломков стен и прислушиваясь к шипению растворявшегося пластика. Нат, наверное, уже опрыскала нанодами эти обломки и глыбы. Все эти горы мусора исчезнут менее чем за два часа, а потом мы подготовим почву для строительной бригады, которая должна появиться сегодня после ланча.

Стены зашипели громче, уже поддаваясь влиянию нанодов, ускоряющих процесс разложения. Из-за угла разрушенного здания вышел Уоттс.

— Просто тяжелое утро, — ответил я, все еще оглядывая груды мусора. Моя чашка уже исчезла.

— Правда? — спросила Нат, еще не видя Уоттса. — Что...

— Вот как? — сказал Уоттс, вытягивая шею. — Я что-то пропустил?

— Ничего, — пробормотал я, подавив зевок.

Нат ответила Уоттсу долгим взглядом, после чего покачала головой.

— Слушайте, нам с Робертсом нужно осмотреть новую площадку. Можете держать осаду, пока меня не будет?

— Конечно, — кивнул я, отступая от Уоттса.

Нат отошла, оставив меня с ним. Мы стояли, наблюдая, как растворяются остатки здания. Я едва держался на ногах. Глаза закрывались. Но тут имплант загудел.

Я отошел от Уоттса и поднес запястье к глазам. Это оказалась больница. Звонили по поводу Лии. Там не хватало мест, и они ничем не могли ей помочь. Просили ее забрать.

Я тупо уставился на запястье, пока слова бежали по экрану, повторяясь снова и снова. Врачи не могут ей помочь.

Уоттс стоял на краю груды обломков и полосовал самые большие глыбы резакон. Словно почувствовав мой взгляд, он оглянулся, и рту снова стало кисло, как в тот момент, когда я оказался перед стеной.

— На что ты смотришь? — вырвалось у меня. Уши сверлило шипение нанодов.

— Интересно, кто тебе звонит? — тихо спросил он, прикрыв глаза. Только неизменная улыбка растягивала губы. — По-моему, нам запрещено отвечать на звонки во время работы.

У меня чесались руки схватить за грудки ухмылявшегося подонка. Но вместо этого я взглянул на запястье. На металлическую пластинку, ввденную в мое тело.

— Уоттс, — сухо процедил я. И понял, что был прав насчет него. Вот он — тот, кто заменил Квабе, пока Лия выкашливает легкие в больнице. В той самой больнице, где ей не могут помочь. И теперь здесь, прямо у нас под носом, торчит один из *них*!

— Не можешь на секунду одолжить резак? — попросил я.

Уоттс, не колеблясь, протянул мне резак.

— Таких, как я, уже больше, — выпалил он, выпуская резак. Улыбка исчезла. — Стена выморит всех вас, жалких людишек!

— Заткнись, — бросил я, включая резак, и, описав низкую дугу, располосовал Уоттса надвое.

Крови не было. Но не из-за способности резака мигом прижигать раны. Крови не было потому, что в Уоттсе вообще ее не имелось. Мое запястье загудело, как гнездо ос. Контролеры уже знали, что я наде-
лал.

Сжав левую руку в дрожащий кулак, я нагнулся над Уоттсом и рискнул взглянуть на расплавленные внутренности его... этого... Проводки, микросхемы, чипы и розовато-коричневый дюралласт, скрепленные вместе, в отсеченных друг от друга верхней и нижней частях его тела. Значит, Хайме был прав.

— Всего лишь стараюсь избежать вымирания, — прошептал я. Снова поднял резак и, задержав дыхание, отсек левую кисть, чуть выше запястья. Гудение и вибрация прекратились еще до того, как кисть удари-
лась о землю.

Крови не было. Только боль. Но такая, что я упал на колени. Зажал в себе вопль и оттолкнул кисть вместе с имплантом от половинок клон-раба. Кисть с тихим стуком упала в кипящую яму с нанодами.

Я научусь жить без нее.

Несмотря на боль, а может, именно благодаря ей, я чувствовал себя новым человеком. Будущее расстилалось передо мной: после того как я заберу Лию из больницы, мы уедем куда-нибудь, где нет стен, туда, где тепло и где все еще умеют лечить людей. Поселимся в маленьком домике без «умных» стен, рядом с океаном. И начнем жить. Впервые. И это будет стоить всех очков, которые я смогу заработать за всю свою жизнь.

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

С Е Р Г Е Й С И Н Я К И Н

СТРАНСТВУЮЩИЕ

Иллюстрация Владимира БОНДАря

ГОСТИ ТАБОРА

1.

Семь разноцветных пыльных кибиток лениво тащились по степной дороге.

Лошади неторопливо мели копытами теплую пыль, а цыганский барон, сидевший в первой кибитке, ждал появления деревни, чтобы на глаз определить, стоит разбиваться около нее или будет лучше, если они проследуют без остановки.

Усатый возница меланхолично напевал, изредка пощелкивая вожжами по крутым потным спинам лошадей, над которыми вились мошки.

Бричка мэ черава.

Баш паш манжэ, гожинько,

Мэ збагава.

Ай, э, дай, на-най

Тана, дам-да-ра, тэ-нэ

Ай, на-нэ, нэ-на-нэ.

Неприхотливая мелодия сопровождалась стуком копыт по сухой земле, скрипом осей, шелестом брезента кибиток и негромкими разговорами их обитателей.

Весна была, самый конец, когда кончаются дожди, сохнет земля, принявшая в свое чрево зерно будущих урожаев, и вылетают из летков пчелы, уставшие за зиму от безделья и стосковавшиеся по цветам. А в степи уже открыл розово-желтые пасти львиный зев, душно зацвел в балочках розово-белый горошек, и шиповник раскрылся розовым цветом навстречу приближающемуся лету.

Ай, сыр о чаво

Ев э грэнца.

Грэн традэла

Табуница, на-нэ.

Мэ прэ грандэ

На дыхава,

Каждонес лэс

*Парувава.**

**Бричку я достаңу,*

Сидь-ка рядом, милая.

Петь тебе я стану.

Вот едет паренъ

Да с конями,

Их он гонит

Пыльными табунами.

(Здесь и далее прим. авт.)

Что и говорить, бесконечна дорога, полна земля странствий, до которых падка и податлива цыганская душа. Сколько странствует по земле цыган, столько видит он в своей жизни, кочуя из страны в страну, знакомясь с чужими и чуждыми ему обычаями и нравами, украшая бедный свой язык непривычными чужими словами, а земля раскрывается ему, как раскрывается женщина любимому, как открывается глазами звезд ночное небо пытливому и жадному взгляду. Пылит табор, скрипят оси, смотрят на цыганские странствия звезды с высоты, солнце жарит потные конские спины, и не кончается дорога — ведь цыганские странствия бесконечны, и когда навсегда уходит к Богу* пожившая свое душа цыгана, ступают на вечную дорогу дети, а за ними внуки, а там уж и внуки внуков — им тоже приходится познать бесконечный путь.

Как не петь по дороге, ведь ты никогда не знаешь, куда он приведет тебя, этот бесконечный путь — к горьким дням несчастий или сладкому меду удач? Вот и поет цыган, философски осмысливая путь, что остался за спиной, и вглядываясь в тронутую знойным маревом полосу горизонта. Бродяги и пастухи всегда поют — песня скрашивает однообразие пути. Слова песен бесхитростно просты, как душа любого бродяги, которому не сидится на месте.

— А что, цхуро**, — спросил Челеб Оглы, — бывал ли ты раньше в этих местах?

— Как не бывать, — отозвался старый Палыш. — Места здесь благодатные, цыганами не исхоженные, поэтому к приезжим людям относятся без опаски. Здесь дома на замки не закрывают — накинута щеколда, палочкой заткнут, вот и заперто. Но лазить в дома — не вздумай. Поймают тебя эти гаджо — так не задумываясь на вилы поднимут.

— А лошади, лошади у них есть? — нетерпеливо спросил барон.

— Живут здесь казаки, — кивнул возница. — А это такое племя, уважаемый, что не может оно без лошадей. Здесь по югу течет река Дон, на западе Хопер берега распростер, и земли хорошие, без урожая каждый год не обходится. Засухи только часто бывают. Но тут уж ничего не поделаешь — степь! Сейчас станица откроется, сам увидишь, как здесь люди живут, ай, хорошо они здесь живут — бархатные поддевки носят, плисовые штаны и на сапоги дегтя не жалеют.

— А коли так, — подумал вслух Челеб Оглы, — хорошо они к своим лошадям относятся, берегут их. У таких лошадей воровать — себе дороже выйдет. Ничего, бабы гаданием заработают, а там, глядишь, бо-

* У каждого цыгана детская душа и свой Бог, потому и живут они славно — с достоинством и без оглядки.

** Цхуро — старик, старуха, старики.

лее благодатные места пойдут. Пусть дегтя будет поменьше, да поддевки богаче!

Ближе к вечеру у кудрявой от зеленых кленов станицы встали табором. Встали хорошо — рядом с прудом, заросшим камышом и чаканом, на темной воде глянцево зеленели кувшинки и расходились круги от играющей рыбы.

Пока мужчины и подростки выстраивали повозки да ставили шатры, детвора увела распряженных коней в уже синеющее сумерками поле. Челеб покуривал трубку, душа его была преисполнена молчаливого восхищения картиной, вдруг открывшейся барону: в стгушавшихся сумерках по зеленому лугу с призывным ржанием бродили кони, с небес падали медленные августовские звезды, а из станицы доносилась протяжная и печальная местная мелодия. Кто-то далекий, но ощущающий мир так же, как воспринимал его уже стареющий барон, играл на гармонии, и гармонь печалилась и вздыхала вслед его печали.

Цхуро уже развели в центре табора костры и гремели котлами, доставался из мешков рис, готовился чай для крепкой вечерней заварки, и Знатка возвращалась с луга к табору с ворохом трав, которые сложила в приподнятый подол верхней юбки. А у одного из костров опытные щипачи уже учили глупую молодежь, как незаметно и удачно облегчить глупца, избавив от ненужных денег. Учили на совесть — шлепки подзатыльников за обычные для начинающих неудачи слышались беспрерывно.

В большой повозке под войлочным пологом ворочался и вздыхал Гость.

Не у каждого табора бывает Гость, тот табор, к которому он прибьется, будет много ездить, много увидит в странствиях и не будет знать неудач и голода. Когда в таборе есть Гость, можно рискнуть и на большое дело, Гость поможет и глаза кому надо отведет.

— А что, Челеб, — весело сказал неслышно подошедший удачливый Маэн, — сделаем здесь большую скамейку?*

— Утро покажет, — не оборачиваясь, сказал Челеб.

А у костров уже повизгивали и смеялись, начинались неторопливые разговоры, и совсем недалеко было то время, когда старая Знатка поведет неторопливый рассказ о далекой цыганской родине, до которой столько конных переходов, что при жизни уже не дойти и после смерти никак не добраться. Находилась она за высокими страшными горами в долине двух рек, которые впадали в великий и теплый океан, и

* Сделай скамейку — совершить кражу лошадей. Прямо о краже цыгане никогда не говорят, боятся спугнуть удачу.

были там зеленые луга и дома из настоящего красного кирпича, и окна из прозрачного стекла, и цыгане тогда не бродили по свету, а жили себе сладко и приятно, даже у последнего бедняка было не меньше четырех лошадей, и женщины ходили в парче с золотыми серьгами и монистами, а у мужчин к тридцати годам был полон рот золотых зубов.* Но только грянул однажды гром с небес, поплавились и превратились в стекло кирпичные дома, а люди просто сгорали бесследно, те же, кто выжил, бросались в воду и бежали из разоренных городов, бежали так далеко, что, когда прошло время великого страха, никто уже не помнил, куда надо возвращаться. И такая боль будет в словах Знатки, что многие заплачут, а потом будут петь печально и негромко, кое-кто даже не уснет до следующего утра.

Челеб тоже в детстве слушал эту сказку. И плакал.

Теперь он воспринимал ее гораздо спокойнее — привык.

2.

Утро едва тронуло краем своих губ степь, а гадалки уже пошли по деревне навстречу выгоняемым из хлевов коровам. Ушла с ними и Знатка. Не гадать, хотя и это она умела лучше других, другие у нее были способы заработать табору на жизнь, хотя бы тэлав про драп, что означает «взять на корешок». Еще заранее Знатка заготавливает причудливо изогнутые белые корни березок, сушит их на солнце, режет на кусочки и заворачивает в разноцветные тряпочки. А потом идет с заготовленными корешками по деревне. Если кому-то надо приворожить милого, Знатка дает женщине корешок, чтобы носила она его за пазухой. Дур на свете много, и дают они за эти корешки большие деньги. Самое смешное, что многим из них снадобье и в самом деле помогает — мужчины начинают обращать внимание, неверные мужья домой возвращаются, чужие мужья свой дом забывают.

Убежала вслед за цыганками и детвора.

Челеб дал им наказ ничего не трогать чужого, а чтобы наказ воспринимался лучше, посек неслухов кнутом. Не в наказание за возможное прегрешение, нет. Детская душа потемки, пойдя додумайся, что в голову тому или иному ребенку придет. Кнутом он их охаживал для того, чтобы наставления старшего не забывали.

Некоторое время Челеб смотрел вслед убегающим визжащим детям, потом повернулся и пошел в табор. Стреноженные кони паслись неподалеку, благо луг был широк и сочной травы на нем хватало. Мужчины занимались хозяйственными делами — кто-то втулки колес дегтем

* Признак богатства и удачливости в делах.

смазывал, кто-то сыромять на тонкие ремешки резал, а самые решительные уже разожгли огонь в походной кузне — новые подковы ковать для дальней дороги.

К Гостю Челеб заходить не стал. Захочет увидеть — сам позовет. Зов этот воспринимался негромким шепотом, который слышал один барон. Остальные про Гостя знали, но видеть его им запрещалось, поэтому в разговорах между собой обитатели табора Гостя описывали по-разному, иной раз до смешного доходило: кто-то представлял Гостя как маленькую бурую свинку, а кто-то — как пятицветного петуха, несущего зеленые яйца удачи. Но только Челеб знал, как Гость выглядит на самом деле, однако никому этого не рассказывал. Не хотелось. Он прошелся по берегу, увидел груды пустых рачьих панцирей и клешней, обрывки плавников и подсыхающие головы рыб — следы ночного пиршества Гостя. Гулял по берегу и не только по берегу, тому свидетельство — остовы обитателей пруда.

Место располагало к длительной стоянке, но что-то подсказывало Челебу, что долго они здесь не задержатся. И это было понятно — Гость звал в дорогу, торопился добраться до одному ему ведомого места конечной стоянки. Не той, что ожидает цыгана в конце жизни, а той, которую наметил для себя Гость.

Табор жил своей жизнью. Старухи, которым было уже не под силу бегать по селу и приставать к прохожим с гаданиями, сушили одеяла и подушки на жарком солнце, наводили порядок в кибитках, чистили принесенную ночью с полей картошку, кипятили в котлах воду для своих маленьких постирушек. Челеб любил, когда в таборе все в порядке, когда каждый при деле, тогда можно и своими делами заняться. А главные задачи цыганского барона — руководить людьми и воспитывать, чтобы дело их шло на пользу всему табору, чтобы никто не утаивал заработанного или украденного, чтобы думал прежде всего не о своей пользе, а обо всем таборе.

Ближе к обеду в табор пришел милиционер в белой полотняной гимнастерке с красными петлицами. Появился у табора неожиданно, как панытко*. Присел на уткнувшуюся в землю оглоблю, повертел в руках кучу свидетельств о рождении и справок, выданных сельскими советами на родившихся в таборе детей, бросил их Челебу на колени.

— Где намыл? — только и спросил он.

— Ты большой начальник, — сказал Челеб, собирая упавшие на землю документы. — У тебя большая умная голова. Она не зря носит фуражку с лакированным козырьком. Ты все правильно понимаешь. От-

* *Панытко* — черт.

куда документы у тех, кто родился в степи и всосал с молоком печальный вкус полыни и сладость донника?

— Ты мне зубы не заговаривай! — строго сказал милиционер. — Бедными прикидываетесь, а у самих бабы в золоте ходят!

— Медь, — сказал Челеб. — Самоварная медь это золото. А что настоящее — от бабок и прабабок осталось.

— Хотел бы я посидеть у того самовара, — сверкнул сизым холодным зубом милиционер. — Коней у кого увели?

У Челеба и на еще не украденных лошадей справки были, что же говорить о тех, которые рядом с табором щипали траву? Но спорить он не стал. Наспхандэп дылэноса*, иначе сам в накладе останешься! Так гласят полевые законы цыган. Только глупый и недальновидный человек станет ссориться с властью: тот, кто собой представляет закон, не всегда справедлив, но всегда окажется прав.

Челеб дал ему пятьдесят рублей. Большие деньги, но с таким человеком иначе нельзя. Милиционер пошуршал купюрой, посмотрел ее на свет и медленно спрятал в карман.

— Смотрите, — предупредил он, поднимаясь с оглобли. — Я на своей земле воровства не потерплю!

— Ты лучше лошадей посчитай, — посоветовал Челеб. — Чтобы потом никто не сказал, что угнали мы какую-нибудь из вашей деревни.

— Сам знаю, что делать, — сказал милиционер. — Будете тащить, быстро всех мужиков в кугутайку** отправлю!

Но все-таки постоял, пересчитывая вороные, белые, пегие и рыжие бока коней, что паслись в поле. Долго считал, даже губами для верности шевелил, потом махнул рукой и пошел в деревню, похлопывая ладонью по желтой кобуре, довольный собой, своим умным разговором с бароном и случившейся удачей дня.

А навстречу ему уже возвращались цыганки, впереди которых бежала и возилась в пыли босоногая и загорелая до черноты детвора. И сразу весело зазвякала в таборе посуда. Потянуло сытным запахом кулеша, запахло свежими лепешками, и дети, словно галчата, запрыгали вокруг старух в надежде получить вкусный кусочек еще до общей трапезы.

Одноглазая Нанэ уже подоила кобылицу и сейчас стояла, выжидая, глядя на Челеба, с жестяной банкой молока в сухих темных руках. Банка была от белого американского солидола, такого жирного и сладкого, что вместо масла его намазывали на хлеб прошлой зимой. Теперь

* Не вяжись с дураком!

** Тюрьма (местный диалект).

осталась лишь пустая банка, которую использовали для хозяйственных нужд. Челеб взял у старухи желтую жестяную посудину, залез на сиденье брички, сунул под покров полога молоко и терпеливо дождался, пока не полегчает. Гость сыто вздохнул, издал легкий ухающий звук, и Челеб забрал у него опустевшую банку. Отдал банку повеселевшей Нанэ, посидел немного, ожидая, не выскажет ли Гость каких-нибудь желаний, и как обычно не дождался. Махнул рукой, чтобы залили в поставленную на попа бочку воды из пруда, пошел дальше, зная, что подrostки дело сделают, а в кибитку заглядывать не станут, чтобы не ослепнуть.

Подошел Мамэн, поскрипывая сапогами. Звук был неприятным, словно Мамэн на протезах ходил.

— Смазал бы сапоги, — посоветовал Челеб.

— Богатая деревня, — пропуская его слова мимо ушей, сказал Мамэн. — Дома черепицей крыты, в хлевах поросята визжат. Словно войны не было.

— Как же, богатая, — не сдержался Челеб. — Разве сам не видишь, кроме милиционера, и не приходил никто. Мужиков-то здесь почти не осталось. Да и детворы нет совсем, иначе давно бы камнями кидались. Не скоро они оправятся. Много людей здесь смерть забрала. А что до черепицы, так то прошлое богатство. Видишь, черепица темная, на многих крышах даже потрескалась, а менять ее некому. Свежие хаты чаканом крыты.

— Так сделаем скамейку? — вновь спросил Мамэн.

— Нет, — сказал Челеб. — Отсюда на юг пойдем. Не будем здесь делать скамейку, не будем никого обижать.

— Задержимся, заработаем — не умом, так руками, — предложил Мамэн. — Ададэвэс, ададэвэс, амэбархала.

— Атаси, атаси амэчоррорэ*, — пропел Челеб негромко, тронул седеющие усы, пошел прочь, чувствуя спиной недоумевающий взгляд Мамэна.

Что он мог еще сказать, самому хотелось остаться, размять руки в работе, потискать уставших от военного лихолетья и послевоенного одиночества русских женщин, но что-то уже поднимало, звало в дорогу. Челеб Оглы понимал, что табор будет недоволен — после долгой дороги, после двух границ это было первое хорошее место. И подали хорошо — женщины уже хвастались собранным в деревне, весело и задорно переругиваясь и тряся юбками. Да и мужчинам хотелось размять спины после тряских, извилистых степных дорог. А о детях и говорить

* *Сегодня, сегодня мы богачи. Завтра, завтра мы бедняки.*

нечего — пронзительно визжа, хохоча и осыпая друг друга насмешками, они возились в траве. Бегали по влажному жирному берегу пруда и кидали камнями в плавающих у камышей уток.

В пруду никто не купался.

Виданное ли дело, чтобы истинный конокрад в воду ступил?

Всю жизнь кочуют близ рек, озер и прудов, а в воду палец не сунут. Бояться, что панытко хвостатый, бэнг* рогатый в колдобину затащит. А про мытое белье и говорить не приходится. Конокрады смеются над тем, что местные жители повсюду рубахи и постели в реке купают. Они ведь как наденут рубаху, так и носят ее до клочков на плечах. Конокраду кажется, что стирает он рубаху — счастье с себя смоем.

Как и ожидал Челеб, весть о том, что табору с места сниматься, восприняли с неудовольствием. Людей понять было можно, только настроились на отдых после утомительной дороги, только прошлись по деревне в приценке и взглядах, а тут вдруг опять трогаться в путь. Лишь одноглазая Нанэ понимающе кивнула, да Знатка стала успокаивать людской ропот, да детвора продолжала бегать по берегу — в молодости видишь открытым весь мир и не боишься долгой дороги, потому что всегда кажется: за ближайшим поворотом — удача, за плавным изгибом холмов — сытая жизнь, за линией синего горизонта — богатство и табуны бесхозных коней.

3.

К вечеру появился совсем неожиданный визитер.

Невысокий и коренастый, он, казалось, был сделан из куска крепкого дерева, что уже ссохлось, но продолжало сопротивляться времени и едкой кислоте жизни, которая пробует человека, пока не оставит от него жалкий огрызок. Видно было, что странствиями его жизнь тоже не обделила — виски были серебряными, глаза усталыми, под драным пиджаком морская рубаха в полоску, на костяшках правой руки синие букувы, неразборчивые от времени.

Пришел в табор, опытным глазом нашел хозяина, подошел и присел рядом на корточки уверенно, словно всю жизнь так сидел и стула с табуретом не знал.

— Далеко кочуете? — деловито спросил он.

— Солнце покажет, — уклончиво отозвался Челеб. — Ищешь попутчиков?

— Мне бы до Азова с вами дойти, — сказал человек, не глядя на Челеба.

* Иное цыганское название черта.

Оглы таких знал, такие люди с властью в ссоре, не любит их власть, и милиция не любит. И никто таких людей не любит, хотя и попадают среди них сильные натуры, сродни настоящим цыганам.

— Ром ли ев? — спросил подошедший Мамэн. Постоянно он рядом с Челебом крутился, не иначе мечталось ему кнут из ослабевших рук своего хозяина принять.

— Гаджо, — не оборачиваясь, сказал Челеб. — Открой глаза!

— Наспхандэпэ гаджо!* — остерег Мамэн. — Не видишь разве, что это за... волк?

И правильно сделал, очень правильно головой своей подумал, усами лишний раз не пошевелил, чтобы слово неосторожное не выронить. Человек, который сидел перед ними, относился к той породе людей, которые птиц не любят, потому что в оперении каждой птицы им мерещится хвост петуха. Такие люди безжалостны к болтуну, бездумно бросающему слова. А слова должны взвешиваться на хороших весах и измеряться на вес старых добрых николаевских рублей.

— Так что? — поинтересовался человек, нервно сжимая пальцы руки, на которой синела накладка. — Дойду я с вашим табором до Азова?

Спокойно спросил, словно и не слышал слов Мамэна. Правильно себя вел чужак, одному человеку в таборе принадлежат слова, остальные способны лишь делать шум. Но отвечать по существу Челеб Оглы не спешил.

— Завтра приходи, — сказал он просителю. — Когда решение примем.

Он умышленно сказал про себя во множественном числе. Хотелось увидеть, поймет его гаджо или на самом деле подумает, что решение в таборе принимается в спорах. Решения принимает один человек, и глупец тот, кто думает иначе.

Вот и Мамэн, наверное, все-таки был глупым человеком.

Иначе с чего бы ему приходиться вечером к Челебу и заводить совсем ненужный разговор?

— Останемся, Челеб! — сказал Мамэн. — Чего бить бабки лошадям, до осени еще далеко.

— Не нам полевой закон менять. — Челеб смотрел на небо.

Звездное небо было, чистое. Белой лентой среди россыпи звезд вилась Большая дорога, чуть в стороне пятью звездочками обозначились Шатры, изогнулся в броске Дикий жеребец, повисла, выгнув гибкий

* — Цыган ли он?

— Чужак!

— Не вяжись с чужаком.

хребет, Черная Мэумытка, на севере рядом с горизонтом распустила волосы Беглянка, чуть в стороне от нее вился неровно Звездный кнут, все небеса были в тайных знаках, зовущих в дорогу. Даже шербатая луна, что желтой лепешкой покачивалась на закопченной небесной сквороте под властным Хозяином, и та словно бы покачивалась утвердительно: «Пора... пора... пора...» — в такт крикам деревенского козодоя, что летал сейчас над крышами местных домов и ждал с нетерпением, когда хозяева коров улягутся спать.

— Все он, — с неожиданной злобой сказал Мамэн и посмотрел на кибитку, где как раз заворочалось что-то грузное и неповоротливое. — Зачем он нам? У табора своя дорога, пусть и он ищет свою.

— Не нам менять полевой закон, — сказал Челеб. — Иди спать, Мамэн. Не хочешь спать, гитару возьми, зажги молодых, уж очень уныло они сидят у костра.

— От самой Дании идем, — сказал Мамэн, не реагируя на слова барона. — Цыган себе принадлежать должен. Почему я вынужден тащиться в незнакомые дали только для того, чтобы Гость увидел мир?

От него пахло молодым потом, злостью и тоской.

— Глаза и уши, — напомнил Челеб. — Колеса и дом. Не нам менять закон. Не нам нарушать однажды данную клятву. Уйди, Мамэн, подумай. Отцы ведь не были дураками.

Он повернулся и пошел прочь, к костру, где Знатка рассказывала детворе страшную сказку.

— В этом таборе боялись кошек, — негромко и загадочно говорила она. — Так страшились, что даже слово «кошка» боялись произнести. Вместо этого так и говорили — «мэумытко»! А все потому, что среди цыган живет сказка о трех кошках. Сказку эту можно рассказывать только в ту ночь, когда на небе появляется полная луна. В этот день, безопасный для цыган, и кошку можно назвать ее настоящим именем. «Однажды темной ночью упали с неба в табор три кошки, которые пожрали нутро коней и выцарапали глаза цыганам. И никто в таборе ничего не мог поделать с ними. А потом эти кошки поселились на берегу реки у моста. Когда цыгане проезжали мост, кошки начинали прыгать лошадям на головы и тащить их с повозки в воду. Вот поэтому, чтобы не случилось нападения кошек, цыгане, пока не переедут мост, причитают: «Мэумытко, мэумытко, сыр проладача паны — дачи туки баллас!»*. Кошка и пропустит их через реку и жертвы за то не потребует.

— Знатка, Знатка, Расскажи про Николу Угодника, — попросил детский голосок от костра.

* *Кошка, кошка, как проедем реку — дадим тебе сала.*

— А вы сидите смирно, — сказала старуха. — Будете кричать, придет ночью бэнг, сунет всех крикунов в мешок и отнесет на речную мельницу. Будете там до скончания дней своих колесо вместо реки крутить! Про Николу Угодника каждый из вас наизусть все знает давно, чего мне голос надсаживать?

Никола Угодник всегда был главным покровителем конокрадов. Нет у них большего святого, чем Никола Угодник. Со всеми хлопотами, со всеми заботами своими они к нему обращаются. Ярмарку в праздник Николы Угодника считают самым прибыльным делом. Без молитвы ему ни один конокрад не пойдет на дело. А все потому, что однажды поклялся Никола Угодник: «Сдерите с меня кожу, поломайте все кости, если я не помогу цыгану украсть лошадей!». Поэтому каждый цыган хранит в своем шатре маленькую иконку Угодника и молится ему в нужный час. А если ожидает его в ночи неудача, возвращается цыган злой и яростный на рассвете, хватает иконку и бросает ее вон из шатра со словами: «Обманул меня Никола!». И валяется Угодник у порога, пока цыганская душа не успокоится и жалость к нему не почувствует. Тогда наклоняется цыган за иконой и прячет ее назад под свою перину.

Что-то толкнуло Челеба Оглы вернуться. И вовремя он поспел — верный кнут только и успел овить сыромятью кисть закинутой во взмахе руки Мамэна, нож проделал в брезенте длинную прореху и воткнулся в дерево повозки. Мамэн вскрикнул от боли, но тут же съежился, ожидая жгучих прикосновений кнута к спине, а из повозки сквозь образовавшуюся прореху уставился на него большой круглый глаз, и смотрел с таким изумлением, словно не верил Гость, что в таборе нашелся цыган, способный руку на него поднять.

Много вертелось слов на языке у Челеба, разные это были слова, но все бесполезные.

— Иди спать, — сказал он устало. — Люди увидят, совсем плохо будет. Скажут, совсем из ума вышел Мамэн, решил законы табора пеплом вчерашнего костра посыпать.

— Зачем он нам? — с истеричной ноткой сказал Мамэн.

Челеб промолчал.

Гость табору был не нужен, он сам нуждался в таборе. Всякий путешественник нуждается в средстве передвижения. А Гость нуждался в глазах и ушах обитателей табора, чтобы увидеть мир и запомнить все, что в нем есть. Иногда сам Челеб видел табор словно со стороны.

Гость путешествовал. Он хотел увидеть очень многое. Больше, чем табор мог ему показать.

4.

А утром оказалось, что Мамэн ушел.

Какой цыган уйдет из табора? Челеб таких цыган до сегодняшнего дня не знал. Цыган, потерявший свой табор, хуже гаджо, который после пожара стал бездомным. Гаджо может построить новый дом, цыган в любом таборе будет чувствовать себя словно гаджо. Человек может меняться, цыганский закон не меняется никогда. Наверное, женщину нашел, решил стать оседлым, с ремеслом завязать, деревенской жизни понюхать.

Помимо воли в Челебе Оглы вскипало раздражение. Табор за войну стал совсем малым, каждым человеком надо было дорожить. Сейчас уже Челеб жалел, что не поговорил ночью с Мамэном, не объяснил ему все, что знал сам. А с другой стороны, почему он должен кому-то что-то объяснять? Его слово — закон, кто, в конце концов, хозяин в таборе, кого должны слушать, закусив нижнюю губу?

Свое раздражение Челеб вылил на пришедшего утром гаджо.

Послушал его немного, раздраженно посмеиваясь в жесткие усы, сказал громко:

— Дурак ты бессовестный!

Пришелец молчал, и это понравилось барону. В разговоре со старшим цыган не должен непокорности проявлять. Промолчишь, стерпишь обиду, — значит, покорный цыган, умеешь ответить правильно и сумеешь в таборе жить. Ведь у конокрадов жизнь какая? Женщины с детворой днем отправляются добывать картами да поборами хлеб, а мужчины валяются на перинах. Конокрад любит поспать днем, потому что привык он к ночной жизни. Ночью голова конокрада сметливей и веселей думает. Не зря же говорят, что золотой месяц — цыганское солнце, но ведь в ясную ночь не подойдешь к чужой конюшне, вот и сидят цыгане лунными ночами, играют в карты. Дойдут в картах до ссоры и драки на ножах — беда, но проигрывает цыган в карты — беда еще большая, насмешками изведут. Чужак в таборе должен терпеливым быть, чтобы не попасть под острый цыганский нож.

— Ищут тебя? — спросил Челеб.

Гаджо лишь пожал плечами. И это тоже понравилось барону.

— Мне неприятности с властью ни к чему, — сказал Челеб. — У цыгана врагов и без того хватает. Если убил кого, так сразу скажи.

— Не было такого, — сказал мужчина. — Понимаешь, время послевоенное, тяжелое время, одному опасно идти, да и милиция зверствует, в каждом путнике бывшего полиция и немецкого прихвостня ищет. А в таборе до места добираться спокойнее. Не зря же у вас говорят, что

кучей и батьку бить сподручнее. Вы же по всему свету ходите, много видите, людей понимать научились. Ты меня понимаешь? Только поэтому, хозяин, только поэтому. — Улыбнулся и поклялся по-цыгански: — Сожги солнце мои глаза!

— Ладно, — согласился Челеб. — Человек ты битый, цыганский закон, пусть понаслышке, но знаешь. Пойдешь с нами до Азова. Мужчин у нас мало, пригодишься. Зовут тебя как?

— Зовут Владимиром, — сказал мужчина. — А фамилию я давно забыл. Те, кто знал меня, звали Шкуриным.

— Ладно, Шкурин, — кивнул Челеб Оглы. — Коня увести сумеешь?

— Не доводилось, — сказал гаджо, скупно улыбаясь в ответ. — Думаю, не сложнее, чем кассу подломить.

— Нам такое мастерство без нужды, — отрезал Челеб. — Возьми перину, своей ведь нет. Найдешь Знатку, она тебя определит.

Известие об отъезде табор воспринял с видимым неудовольствием, но все терпеливо молчали, боясь попасть под кнут жока. К новому чело- веку в таборе отнеслись с подозрением, присматривались, но вслух пока мнения своего никто не высказывал. Об уходе Мамэна уже знали все, а кое-кто из женской половины табора уже пустил тайную слезу в пуховую подушку и теперь прятал под надвинутым платком опухшие глаза.

Во второй половине дня собрались в дорогу.

Табор еще трогался с места, а на околице деревни уже появился вчерашний милиционер и зорко оглядывал лошадей, пока табор вытягивался по сухому глинистому грейдеру. Посчитав цыганских коней, успокоился и даже фуражкой беззлобно махнул. За пять червонцев Челеб и сам бы ему помахал с полным цыганским удовольствием. Только что там говорить — была пожива, да другому досталась!

А Федяка на первой повозке уже затянул высоко и пронзительно:

Надся, чайори, палопаны.

Пдухтылла тут э-издраны.

И тут же ему с других повозок нестройно подтянули:

Надся, чай, пал-кашта,

*Пусава са трэ васты.**

Вот так и проходит цыганская жизнь — в дорогах, в тоске и в песнях. Ради того, что случилось, не стоило и останавливаться. Но ведь жизнь не переиграешь, то, что случилось, уже не вернется, останется

** Не ходи, девушка, за водой,
Схватит тебя там лихорадка.
Не ходи, девушка, за хворостом,
Поцарапаешь нежные руки свои.*

бесконечно далеким, как синий степной горизонт, к которому стремятся повозки и цыганские души.

За спиной Челеба Оглы негромко вздыхал и плескался водой Гость. Душно и тесно ему было в цыганской кибитке. Торопился он дойти до конечного пункта, потому и цыган торопил.

5.

По-над Доном прошли большую часть пути, останавливаясь лишь для короткого отдыха, а потом для чего-то свернули на Морозовскую, удлиняя путь, прошли населенными местами и снова углубились в степь, где деревень и хуторов было поменьше и еще виднелись головешки на месте бывших строений: война здесь прошла нешуточно, и Косарь с косой своей тоже не бездельничал — вон, сколько свежих крестов и пирамидок со звездочками появилось на сельских кладбищах!

Погода стояла отличная, луна уже ушла в последнюю четверть, готовясь к новому рождению. Самое время было воровать лошадей, только вот воровать было нечего.

Гость себя не выказывал, разве что по утрам на песчаных донских отмелях можно было увидеть остовы огромных щук и судаков, говоривших о том, что он зря времени не теряет. А вот Шкурин себя показал человеком хозяйственным, хоть и гаджо, не сидел сложа руки, повозки починил, сломанные доски в них заменил, колеса скрипеть перестали. Да и шорником он оказался неплохим, почти всю упряжь отремонтировал. На верхней губе у него обозначились усы, да и щетины на небритых щеках хватало. Как у настоящего цыгана.

— Боевал? — поинтересовался Челеб, заметив у Шкурина небольшой весело позвякивающий сверточек. Монеты звенели не так, так медали государственные звенят.

— Всякое бывало, — сказал Шкурин, огорченно разглядывая треснувшее колесо, на котором давно надо было сменить обод.

— С какой же стороны?

— Слушай, хозяин, — сказал Шкурин. — Оно кому надо — бывшее ворошить? Война, она ведь с любой стороны война. Ты думаешь, кончилась она и все?

— Лучше бы так, — сказал Челеб.

Неизвестно, куда бы их этот странный разговор завел, только вернулись в табор женщины.

Две старухи упали на траву и чесали уставшие ноги. Вокруг толпилось хихикающая детвора, которой поход по окрестностям дался куда легче. Еще одна цыганка — пожилая и верткая, с вплетенным в седые волосы украшением из сербских монет — оживленно рассказывала:

— Далеко ходили. Ох, далеко! — она наклонилась, задрала юбки и тоже почесала темную ногу. — Там у хутора кони пасутся. Огонь-кони! Красавцы! Давно таких мои глазоньки не видели! Два вороных да один сивый — прямо для табора приготовлены.

Челеб слушал.

— Дорогу легко найти, я на путаных дорожках соломку с белыми тряпицами привязала. Не заблудятся наши.

— Что ты мне уши ломаешь словами? — сердито вскричал цыганский вожак. — Что голову ненужными мыслями манишь?

Все захохотали. Даже Шкурин, отложивший работу, усмехнулся.

— Так давно бы сказал! — не растерялась старуха. — Зачем я язык о зубы бью, зачем голос пустыми словами порчу?

Вечер прошел без особого веселья. Каждый понимал, что дело надо делать, но Челеб пока еще людей на кражу не обозначил, поэтому все на него поглядывали выжидающе. Хозяин табора особо не торопился — оценивал, выжидал и снова прикидывал, кого ему в ночь отправить. Коня угнать — не карты раскинуть. Здесь кроме хитрости ловкость нужна. А еще везение. Попавшегося конокрада бьют отчаянно и пощады не у кого просить, да и попросишь — все равно что зря воздух всколыхнешь, не простят тебя те, кого ты обворовал. А послевоенный конь в двойной цене, уж слишком много их на полях сражений уложили, может, чуточку меньше, чем людей. Подорожало хорошее конское мясо, любая кляча в хозяйстве нужна, ведь в некоторых деревнях на себе продолжали пахать или коров запрягали. Такое оно было — большое послевоенное время, не песни о нем петь, а страшные сказки рассказывать!

Ближе к ночи Челеб поднял мужчин.

Все ждали, кому он вручит уздечки — тому и на дело идти.

Две уздечки Челеб вручил своим, третью — помедлив в задумчивости — протянул Шкурину.

— Хорошая ночь вас не ждет, — сказал он. — Женщины помнут перины без вас.

А ночь благоприятствовала краже — робкие с вечера облака в ночь расстелились по всему небу, нависали низко, тяжело дыша на засыпающую землю. Жаль только, дождь не выпал. Был бы дождь, смыл бы следы.

Пришла пора помолиться небесному помощнику.

— У тебя Николы Угодника нет, — сказал Челеб равнодушному к своей участи Шкурину. — Иди в шатер, на моего помолишься!

Цыган молитв не знает, поэтому к Угоднику обращается с простыми просьбами, знает, что Угодник не может ему отказать, обещал ведь цыганам в краже лошадей помогать.

Шкурин молился иначе. Шкурин явно читал какую-то молитву. Челеб с удивлением вслушивался в слова этой молитвы, потом похвалил:

— Спаси меня от сети ловчей — это хорошо. Научишь людей, когда обратно вернетесь. Только одного ты не сказал — сколько коней надо взять! Точнее говори, сколько коней?

— На три уздечки взять хороших коней. Я с тобой, Никола, обязательно поделюсь, выжги мне солнце глаза, если обману!

— Вот так, — удовлетворенно сказал Челеб. — Почти настоящий цыган!

Подождал, когда конокрады скроются в ночи, распорядился, не повышая голоса:

— К их возвращению мы должны уже быть на колесах.

И пошел по табору, глядя на то, как готовятся его обитатели к утреннему бегству.

6.

Нет, не будем мы рассказывать, как цыгане воровали лошадей!

Каждый себе может представить, засунь он себе уздечку за пазуху, поближе к сердцу, лихорадочно трепещущему в ожидании воровского счастья. Ночь тому свидетель, лягушки, что квакали важно в близнем пруду, да ленивые и глупые собаки, которые только делали вид, что они сторожат хозяйское добро.

Зато три лошади — два жеребца и сивая кобыла — появились в цыганском стане. Да лошади на загляденье — и ребра не торчат, и гривы ухожены, а черные губы лошадей, несомненно, сахар знали и белые сухари.

Знатка затерла специальным составом хозяйские тавро, поверх них наложили свои, таборные, а справки о покупке лошадей давно грели душу Челеба, с фиолетовыми печатями, с росписями важных лиц — оставалось только клички указать, приметы заполнить да дату покупки проставить. Хорошие справки, и стоили они дорого. Челеб их в Дарнице покупал у директора конезавода имени Берии.

А табор уже уходил по степным дорогам, терял свои следы в лужах степных буераков, и плыл вслед табору горьковатый запах серой пыли. Только коршун, парящий в выпцветших небесах, видел, куда движется табор, но не мог никому рассказать о том. Хорошо бежали запряженные кобылы, и длинноногие стригунки с гордыми шеями покорно рысили следом в надежде на скорую остановку.

— А ты молодец, — сказал Челеб сидящему рядом Шкурину. — Хорошие слова о тебе говорили.

— Не велика наука — с уздечкой по свету гулять, — махнул рукой тот.

Челеб промолчал. Цыган много не благодарит. Тот, кому надо сказать добрые слова, сам все понимает. Есть такие, что хотят от тебя услышать добрые слова, а есть и такие, что любое твоё слово будет им не в масть, сами они про себя все знают. Да и обидно ему было за ремесло. Это только кажется, что украсть лошадь легко. Но мало к ней подойти, мало уздечку надеть, ты ещё должен понимать, что у каждой лошади есть свой норов, иногда такой скверный, что легче лягушку заставить воровать сметану из погреба, чем непокорную лошадь сдвинуться с места. Но вслух он ничего не сказал. А чего спорить? Азов близко, расставание неизбежно. Нет ничего хуже обиженного человека. Уйдет Шкурин из табора, так пусть хоть слов недобрых не копит на языке. Тем более, что многим в таборе он пришелся по душе. Располагал Шкурин к себе человека, а это черта важная, просто жизненно необходимая для любого, кто пробует плетью обух перешибить. Это вам не игрой в миракли* душу успокаивать. Вслух бы Челеб этого никому не сказал, но нравился ему этот несуетный человек, который был из породы тех волков, что, будучи голодными, никогда не станут грызть сосновое бревно.

— А ты, я вижу, сам бездомный, — ухмыльнулся Шкурин.

Челеб внимательно посмотрел на него и прикрыл веки, давая разрешение продолжить разговор.

— Кибитка твоя, — сказал Шкурин. — Не живешь ты в ней, хозяин. И два твоих сундука на другой повозке едут. И перины ты на чужой повозке хранишь. Так не бывает.

— И что же надумал? — спросил Челеб. — Разве ты так хорошо знаешь цыганскую жизнь, гаджо?

— Заглянул я туда вчера, — небрежно сказал Шкурин. — Не хватайся за кнут, только глянул одним глазом. Я на него, а он на меня, значит. Давно он с вами едет?

Челеб демонстративно шумно почесался.

— Вот за что не любят чужаков, — сказал он. — Любопытства в них много, порой из-за него они сами на нож лезут. Разве тебе не говорили, что лишние знания полны печали и укорачивают и без того очень маленькую человеческую жизнь?

— Не пугай, — сказал Шкурин. — Для зверинца катаете? Не похоже, зверинец хозяйскую хату не занимает. Я в твои дела не лезу, но больно страшная зверюга у тебя там кантуется. Кто ты для нее? На брата или дедушку она явно не тянет.

— Тебе-то что? — с досадой сказал Челеб, удрученный тем, что посторонний проник в тайну табора.

* Четки.

Летний день длинный, дорога нетороплива и томительна, располагает к разговорам. Постепенно исчезла неприязнь, и вот уже Шкурин сидит, пусть в чужих сапогах и поддевке, но свой, почти свой, и тянет поделиться с ним сомнениями, раз уж что-то он знает.

— И разговаривает? — не поверил Шкурин.

— Внутри меня, — сказал Челеб. — Словно сам с собою говорю.

— Так это не вы идете, он, значит, вас направляет, — сообразил собеседник. — А как же воля, которую вы перед всеми наружуставляете, которой гордитесь больше всего?

— Это с дедов пошло, — сказал Челеб. — Не нам ломать. Договор такой, понимаешь?

— Хотел бы я знать, чем они ваших предков купили, — пробормотал Шкурин. — И давно вы их так возите?

— Двести лет без малого, — сказал Челеб. — А ты думал, мы таборную жизнь лишь для своего удовольствия ведем?

— Веселые у вас были деды! — хохотнул Шкурин.

7.

В эту ночь Челебу Оглы приснился странный сон.

Снилось ему, что стоит он на вершине прозрачной горы, изнутри ее горит золотым и рубиновым цветом, словно рассыпано в пещерах глубинных червонное золото и россыпи драгоценных камней. А вокруг звезды светят, переливаются, мигают, образуя невиданные узоры. Но спокойно на душе у Челеба, понимает он, что находится дома. И вранье все было о долине меж двух рек, о кирпичных цыганских домах, которых никогда не было. По всему выходило, что один у них всех дом — вот эта гора самоцветная, над которой кружат странные существа, похожие на морских медуз, если только бывают медузы таких размеров. Смотрит Челеб на руки — нет у него рук, смотрит на ноги — ног тоже нет. Жаль, нет зеркала, чтобы всего себя увидеть!

Проснулся Челеб Оглы, попытался вспомнить сон и не смог. Так, какие-то бессвязные обрывки и воспоминание о чем-то грандиозном и цельном, увиденном ночью. С утра ехал задумчивый и угрюмый.

А погони за табором не случилось — или не проводали о нем владельцы коней, или Гость глаза отвел, туманами степные овраги заволок, дождем проливным за табором пролился. Оно и к лучшему — кони в таборе останутся, доказывать никому ничего не придется. Если здесь все милиционеры такие, как тот, что в белой гимнастерке по табору ходил, то дорого могла обойтись им недавняя ночная вылазка. В

самом прямом смысле слова. Но лишних денег Челеб Оглы не имел. Тяжелые времена, на жизнь не всегда зарабатываешь.

Шкурин с расспросами не приставал, смолил толстую «казбечину», погестивая лошадей.

Челеб ему сам все рассказал. Было в этом коренастом немногословном гаджо что-то, вызывавшее доверие.

— Прозрачный дом, говоришь? — хехекнул Шкурин, но при этом как-то странно сморгнул. — Бывает, когда, значит, возишь за собой неведомо кого. Чужой сон тебе приснился, хозяин, совсем чужой. Ранее такие сны видел?

И раньше Челеб Оглы видел странные сны, только они немного другие были. Словно несется он с огромной скоростью над странной землей, а внизу колышутся сады из высоких и гибких деревьев, состоящих из одного широкого листа. И где-то на границе света и тьмы кружатся странные существа, похожие на рыб. Солнца нет, а светло, ночью звезд не видно, луна никогда не появляется, только наверху, где небо кончается, в серебристом мареве лениво плывет желтое пятно. Но о них он Шкурину рассказывать не стал.

— Совсем чужой сон, — уже без усмешки заключил Шкурин. — Похоже издадека твой Гость, похоже, даже не отсюда он, а откуда-то из очень и очень далеких краев.

К полудню третьего дня добрались наконец до нужного места.

— Я посмотрю, — сказал Шкурин.

Не то чтобы попросил и не то что просто сообщил о своем решении — где-то посредине интонаций было сказанное им.

— Посмотри, посмотри, — одобрил Челеб. — Держи чуть в сторону от остальных, дело справим.

Волны накатывались на светлый, почти белый песок, смывая птичьи следы и унося обратно ранее выброшенные на берег куски дерева, обломки раковин и амфор с затаившихся в глубинах кораблей, которые не пережили бурь и штормов, когда-то бушевавших в ныне спокойном и безмятежном просторе.

Повозка съехала с дороги, едва обозначенной полосками вытоптанной земли в зелено-серой траве, увязая колесами в песке, добралась до воды. Кони наклонялись, нюхали воду, недовольно фыркали и вскидывали головы. Море им не нравилось.

Из-под войлочного покрова высунулось длинное щупальце, темное с одной стороны и белое с другой. На белой стороне щупальца виднелись присоски, похожие на темные розочки. Щупальце, извиваясь, повисело в воздухе, коснулось воды. Кони всхрапнули, колыхнулись испуганно, но Шкурин твердой рукой удержал их на месте.

Вслед за щупальцем показалось бугристое темное тело, круглые, лишенные радужной оболочки глаза внимательно огляделись вокруг, и тело скользнуло на песок. Вытягивая конечность, спрут добрался до воды, на секунду, словно прощаясь с людьми, приподнял одно щупальце, остальные же уже стремились навстречу ждущим глубинам. Набевшая легкая волна окатила спрута, некоторое время он лежал неподвижно, всеми своими конечностями выбрасывая темные водоросли из жаберного мешка, потом он стремительно нырнул в воду, уходя в теплое море. Некоторое время его темное тело возвышалось над водой, потом его не стало видно, и только цепочка пузырьков показывала путь Гостя, пока он не ушел на глубину.

Челеб Оглы почувствовал облегчение. Напряжение последних дней исчезло, сейчас он чувствовал хмельной восторг, какой испытывает цыган после удачной кражи. Теперь он был волен в своих поступках. До следующего Гостя. В конце концов, встреча и проводы Гостя были одним из законов табора, и этого не могла изменить даже грядущая зима.

— Баба с воза, кобыле легче, — проворчал Шкурин. — Ну, хозяин, трогать? Табор ждет!

А вечером, когда табор встал на ночь, когда мужчины зашлепали картами у костра, а Знатка начала рассказывать детям очередную страшную сказку, когда сытный запах кулеша начал будоражить ноздри, а первые звезды принялись подмигивать с небес, внимательно рассматривая землю с непостижимой космической высоты, покинул табор и Шкурин. Пожал шершавую ладонь Челеба Оглы, подмигнул ему хитровато, не чокаясь, опрокинул свой стакан в широко раскрытый рот, подмигнул без улыбки:

— Ну, за свободу?

Неизвестно, что имел он в виду, но Челеб принял его слова на свой счет. Барон и в самом деле чувствовал себя свободным.

Челеб проводил его взглядом и неожиданно подумал, что наконец-то ему перестанут сниться странные и страшные сны. Устала его беспокойная душа. Хотелось быть и в самом деле свободным.

Ну, хотя бы до следующего Гостя.

8.

Шкурин поднялся на кособор и остановился.

Отсюда он видел медленно темнеющую полоску горизонта, над головой сияло звездами небо, а внизу, в котловине, смутно белели кибитки цыган.

Это они здорово придумали, с неожиданной завистью подумал

Шкурин. Надо же — цыганский табор! Вечные странники. Лучшее средство передвижения для пешей разведки трудно было представить. Главное, заставить их идти по намеченному тобой маршруту. Это перспективно. Это обязательно надо будет отметить. И использовать в дальнейшем. Они достаточно внушаемы: раз могут воспринимать сны, смогут воспринимать и мысли. А сделать их своими глазами и ушами совсем несложно — женщинам раздать украшения, которые они будут носить постоянно, мужчинам изготовить по красивой сережке, чтобы, не снимая, таскали в ухе.

И следовало обязательно отметить в докладе, что планету населяют две разновидности разумных существ. Две, а не одна. Одни населяют сушу, и силы их, как и военный потенциал, легко оценить. Но есть еще один вид, который населяет морские глубины, но уже ведет активную разведку суши. Вот об этом виде ничего неизвестно. Совсем ничего. А это означает, что пока неясно, с кем на планете вести переговоры, где чьи козыри старше — под водой или на суше. Он поймал себя на том, что мыслит земными категориями, и грустно усмехнулся. Воистину привычка — вторая натура. Не всем в Доктринате отсрочка придется по вкусу, но лучше потратить время и провести дополнительные исследования, чем попасть под возможные торговые ограничения. Равноправно живущие на одной планете расы должны иметь одинаковые торговые права. Значит, надо изучить местный океан. А для этого надо найти морских обитателей, которые передвигаются в воде безо всяких ограничений. Нужны были бродяги по духу. Он добросовестно попытался вспомнить вид водных животных, который подпадает под это понятие. Одним мешала соленость воды, другим — температура, третьим...

Пожалуй, дельфины подходят больше всего. Что ж, будем работать с цыганами местных морей — дельфинами.

Шкурин стоял в раздумье на косогоре над медленно засыпающим табором. В ночной тишине слышался шум теплых морских волн, лениво набегающих на берег, неровный топот копыт и редкое ржание довольных свободой лошадей.

Медленно и неотвратимо в небе расцвела эфемерная многоцветная медуза, сквозь которую видны были темное небо и звезды. Медуза спланировала вниз, выпуская гибкие щупальца светоконечностей.

Он стоял на виду — на самой возвышенности, — поэтому летающая тарелка легко подхватила его, втянула в Малое Содружество и стремительно понеслась в звездную высоту.

К И Р И Л Л Б Е Н Е Д И К Т О В

ЭЛЬ КОРАСОН

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Это легенда о драгоценности, затмившей собой все чудеса Нового Света.

Много веков назад жрецы безымянного народа, обитавшего в горных долинах Анд, поклонялись ей как воплощению Орла, Пожирающего Души.

Покорившие безымянный народ инки назвали ее Глазом Пачакамака, Властелина Всего Сущего, и отвели ей украшенный золотом придел в главном храме своей империи.

Испанцы, сокрушившие инков, потеряли в борьбе за обладание ею больше доблестных воинов, чем пало при штурме заоблачных цитаделей Вилкабамбы. Они дали ей имя El Corazon, что значит «Сердце».

Так станем называть ее и мы.

1.

Дождь начался, когда капитан Анненков добрался до перевала Понго-Понго. Точку перевала отмечала бесформенная груда камней высотой в рост человека, на местном наречии — апачета. Древний индейский обычай велел проходившим здесь путникам оставлять камень или принесенную из долин горсть земли в знак благодарности боже-ству — покровителю горных троп. Само божество — какое-нибудь вытесанное из базальта идолище поганое — наверняка пряталось неподалеку, в укромной расщелине или пещерке. Ревниво следило оттуда за капитаном: положит он скромное приношение в общую кучу или пренебрежет.

Капитан пренебрег.

И немедленно за это поплатился. Божество разгневалось, затопало каменными ногами, зашумело, засвистело разбойничьим посвистом. Поднялся ветер, небо, только что прозрачное и бездонное, затянуло тяжелыми фиолетовыми тучами с багровой окантовкой, беззвучно заблистали молнии. На капот «Мегги» упали первые крупные капли дождя.

— Чертова кукла, — выругался капитан по-русски. — Только ливня мне и не хватало!

Он осторожно выжал сцепление и, подтормаживая, повел «фордик» по круто спускающейся вниз дороге. Дорога и в лучшие времена была так себе: неровная гранитная кладка времен инков, совершенно неприспособленная для колесного транспорта двадцатого столетия. Теперь же, под проливным дождем, и вовсе напоминала смертельный аттракцион в цирке Барнума.

— Железка американская! — бормотал Анненков, чудом удерживая

«Мегги» на скользкой дороге. — Вот только попробуй снова заглухнуть, на детали разберу!

Впереди яростно сверкнуло, открылся усеянный крупными валунами склон, а за ним черный провал — ущелье реки с непроизносимым индейским названием. Ник утверждал, что десять лет назад специально выписанные из Англии инженеры перебросили через ущелье стальной мост новейшей конструкции. Мост этот столь широк, хвалился Ник, что по нему могут проехать в ряд четыре грузовика «Даймлер Моторен Гезельшафт». Строительство обошлось недешево, зато теперь хлопок с плантаций сеньора де Легисамо без задержек попадает на склады Трухильо, откуда на баржах сплавляется в Манаус.

В небесах снова беззвучно вспыхнул ветвистый электрический разряд. В его неверном свете тускло блеснули свинцом покореженные останки громоздкой металлической конструкции, торчавшие из каменной осыпи, словно осколки вставной челюсти сказочного великана.

— Это, что ли, мост? — недоуменно спросил сам себя капитан, протирая свободной рукой глаза. — Ох, не нравится мне этот мостик...

Разглядеть в деталях, что произошло с мостом, не удавалось — дождь рушился с неба сплошной серой завесой. Но и увиденного при вспышке было достаточно, чтобы понять: по тому, что от него осталось, не проедут не только тяжелые грузовые повозки, но даже маленькая и верткая «Мегги» капитана Анненкова.

Мост был взорван.

Капитану приходилось видеть взорванные мосты. Но то, что было привычно на войне, здесь, в самом сердце погруженной в вековой сон сьерры, смотрелось дико.

«Землетрясение, — подумал Анненков. — Они в здешних краях не редкость... тряхнуло, как следует, мост и развалился...»

Странно, однако: неделю назад он получил телеграфическую депешу от Ника, и о землетрясении не было ни слова. Впрочем, о катаклизмах иного рода тоже.

— Да и какая разница? — вслух спросил себя капитан. — Землетрясение или нет, на ту сторону мне все равно не перебраться...

Между взорванными опорами в скале была вытесана ровная и широкая площадка. Достаточно широкая, чтобы «Мегги» могла развернуться. Капитан включил фонарик и сверился с картой: от моста, помеченного двойной пунктирной линией, уходило две дороги. Одна вел в горы, к перевалу Понго-Понго (по ней он только что спустился), другая же петляла вдоль реки и упиралась в городишко Трухильо, миль в десяти к северу. Прежде, до того как посланцы Туманного Аль-

биона возвели в этих диких горах свой чудо-мост, единственный путь к родовому гнезду семьи де Легисамо пролегал через Трухильо.

— Для бешеной собаки семь верст не крюк, — философски заметил Анненков, разворачивая машину. — Еще бы посветлее было, с ветерком домчались бы...

Тьма, окутавшая горы, казалась непроницаемой — возможно, из-за того, что стусилась в самый разгар светлого весеннего дня. Не сильно помогали и фары, их слабого света хватало только на то, чтобы выхватывать из темноты предметы, расположенные не дальше двух-трех футов от капота машины. К тому же владелец гаража, продавший Анненкову «Мегги», содрал с капитана лишние пятьдесят долларов за специально приспособленный к горным условиям «форд». На капот обычной модели-А присобачили дополнительный бензобак, а на панель установили простой краник. Когда машине требовалось выйти на длинный крутой подъем, краник поворачивался и горячее самотеком поступало в мотор. Поначалу Анненков слегка обалдел от такой изобретательности, но вскоре понял, что по здешним дорогам никак иначе не проедешь. Не разворачивать же машину и ползти на подъем, врубив задний ход — хотя внизу, в предгорьях, капитану довелось наблюдать и такое экзотическое зрелище.

Именно из-за приваренного к капоту бензобака, мешавшего, честно говоря, обзору, Анненков и не разглядел вовремя стоявшего прямо посреди дороги однорукого индейца. А когда разглядел, тормозить было уже поздно.

Анненков резко вывернул руль. Индеец стоял посреди дороги, как каменная статуя, сжимая в своей единственной руке здоровенный тесак-мачете.

Машина пошла юзом, нога сорвалась с педали, и Анненков почувствовал, что «Мегги» кренится вправо, в сторону пропасти. От края ущелья дорогу отделяло добрых двадцать футов, но ощущение все равно было не из приятных. Под колесами «форда» отвратительно скрежетало. В боковом зеркальце отражалась фигура однорукого индейца — мерзавец даже головы не повернул, чтобы посмотреть, что случилось с едва не сбившей его машиной.

Потом «Мегги» остановилась — гораздо ближе к обрыву, чем хотелось бы Анненкову, но все-таки достаточно далеко. Капитан привычно хлопнул себя по бедрам, проверяя, на месте ли пистолеты, толкнул дверцу и выбрался из машины.

— Эй, амиго, — крикнул он индейцу, — сделай одолжение, уйди с дороги!

Индеец наконец соизволил посмотреть на капитана. Был он невысок, коренаст, кривоног. Длинные, мокрые от дождя волосы падали ему на плечи. Одет индеец был, к удивлению капитана, в мундире солдата республиканской гвардии. На груди блестели пришитые кривь и вкось огромные южноамериканские ордена. Пустой рукав кителя болтался на ветру, как серо-зеленое знамя.

— Ну, красавец! — восхитился капитан. — Еще и герой, наверное! А с дороги все равно уйди...

Индеец раскрыл рот и что-то произнес. Ветер дул из-за спины Анненкова, так что слов он не расслышал. Зато увидел, как рука с мачете поднялась и снова опустилась, подтверждая отданный приказ.

Из-за пелены дождя выступили серые, размытые тени. Двинулись по дороге к капитану, держа перед собой какие-то длинные палки.

Толпа приблизилась, обтекая неподвижную фигуру Однорукого со всех сторон. Низкорослые, сутулые люди, по большей части индейцы или метисы, одетые в странную смесь военной формы и рваных обносков национальной одежды. Дикая карикатура на армию — разбитую, ободранную, вооруженную чем попало. К длинным палкам, как видел теперь капитан, были прикручены широкие лезвия мачете — получалось что-то вроде самодельных алебард. Двое-трое «солдат» несли топоры. Шагавший впереди разбойничьего вида метис держал в руках винтовку.

Все происходило в полном молчании, но выражение угрюмых, озлобленных лиц не позволяло сомневаться в истинных намерениях приближавшихся.

— С пониманием, — хмыкнул капитан и вытащил пистолеты.

Пистолеты у капитана были замечательные. На левом бедре висел кольт сорок пятого калибра, на правом — тяжелый маузер, трофей Великой войны. Во время бойни в Мазурских болотах офицер кайзеровской армии Людвиг фон Ратценау, размахивая этим самым маузером, лихо спрыгнул в обороняемый восемнадцатилетним юнкером Анненковым окоп. Спрыгнул — и напоролся на штык юнкерской винтовки. Анненкову к тому времени уже доводилось убивать врагов, но издали. Фон Ратценау оказался первым немцем, которого он прикончил в рукопашном бою. Потом Анненков долго блевал, скорчившись на дне окопа — мерзкий запах из распоротого живота убитого немца забивал ему ноздри, мешал дышать. Затем юнкер на дрожащих ногах приблизился к поверженному врагу и, следуя инструкции, тщательно обыскал его. Все найденные у фон Ратценау документы сдал в «особую часть», а маузер с готическими рунами на рукояти оставил себе. Оружие ока-

залось что надо, мощное и безотказное. По странной привычке давать имена полюбоившимся ему предметам или механизмам Анненков называл маузер «Потапычем» — в честь своего ротного, вологодского мужика немереной силы и медвежьей свирепости.

— А ну, стой, раз-два! — скомандовал капитан по-русски и для доходчивости добавил по-испански: — Стоять, голодранцы!

Разбойник-метис нехорошо ухмыльнулся и поднял винтовку. «Потапыч» плюнул огнем, тяжелая пуля срикошетила о камень у ног метиса и с визгом унеслась куда-то в дождь.

Лязгнула, упав на дорогу, винтовка.

Толпа остановилась, затем попятилась.

— Вот это правильно, — одобрил Анненков. — Целее будете, ребята!

Однорукий индеец что-то гортанно крикнул. Над головами серых людей взлетел, рассекая ливень, его мачете.

Что-то черное, вылетев из-за завесы дождя, ударило капитана в плечо. Правая рука мгновенно онемела — четырехфунтовый «Потапыч» теперь оттягивал ее, точно гирия.

— Ах, вот как! — рывкнул, зверея, капитан. — Ну, сучьи дети, вы первые начали!

Вскинул кольт и начал сажать в толпу пулю за пулей, стараясь целиться в ноги.

Все решилось в первые десять секунд. Невидимый капитану прашник еще дважды метал в него свои каменные заряды, но больше ни разу не попал. Толпа откатилась назад, оставив на земле воющих от боли и страха раненых. Паническое отступление удивительным образом не задело Однорукого — он по-прежнему торчал посреди дороги, как высеченный из гранита истукан.

— Что, дядя, — сказал ему Анненков, — помогли тебе твои ляхи?

Индеец не ответил — наверное, потому, что не читал «Тараса Бульбу».

Правильнее всего было бы пристрелить его тут же, не сходя с места. В конце концов, именно он едва не сбросил автомобиль капитана в пропасть и натравил на Анненкова свой разношерстный сброд. Да и что сложного — попасть в неподвижную мишень такого размера в десяти шагах. Правда, барабан колты опустел, но из четырнадцати зарядов «Потапыча» истрачен был только один, а правая рука понемногу начинала оживать. Вот только Анненков по непонятной причине не мог заставить себя выстрелить в Однорукого.

Теперь индеец смотрел на капитана не отрываясь. Взгляд у него

был тяжел, пригибал к земле. «Гипнотизирует, — подумал Анненков, — шаман чертов...»

Он встряхнулся, как выбравшаяся из пруда собака. Напряг мышцы, сжался в тугую пружину, превратился в автомат для убийства. На автоматы гипноз не действует.

Ствол «Потапыча» медленно начал подниматься.

Широкий, лягушачий рот индейца искривился в досадливой гримасе. Видно, Однорукий не ожидал, что белый человек сумеет защититься от его чар.

Ослепительно сверкнула молния. На мгновение капитан увидел отчетливо отпечатавшийся на иссиня-черном фоне грозового неба силуэт индейца, словно бы обрамленный голубоватым электрическим сиянием, а потом перестал видеть вообще. Перед глазами заплескали белые огни, резко запахло озоном. Анненков зажмурился, отступил к машине, держа «Потапыча» наготове. Ощутил спиной ребро открытой дверцы «форда», остановился.

За спиной у него загremели выстрелы.

Капитан быстро присел, укрывшись за верной старушкой «Мегги». Зрение понемногу возвращалось к нему, он уже различал уходящую во тьму дорогу и извивающихся на ней раненых, похожих на перерубленных лопатой червяков. Вот только Однорукого на дороге больше не было.

В уши ударил стремительный топот копыт. Откуда-то сзади, от руин взорванного моста, налетели всадники на огромных черных конях, пронеслись мимо «форда» и помчались дальше, топча раненых и стреляя в воздух. Всадников было всего четверо, но их атака была так яростна, что Анненкову показалось, будто по дороге проскакал целый эскадрон. Спустя минуту один из всадников вернулся и прыгнул с коня перед «Мегги», откинул назад капюшон черного плаща.

— Мистер Анненкофф, я полагаю?

«Англичанин, — определил капитан. — Выговор мягкий, южный, похож на девонширский... Скачет лихо, сразу видно, что из кавалеристов... Гусар?»

— Девонширский гусарский полк? — спросил он, поднимаясь. «Потапыч» смирно смотрел в землю, но его показное равнодушие могло обмануть только тех, кто не знал капитана Анненкова. Впрочем, англичанин был как раз из последних.

— Драгунский, — невозмутимо поправил гордый бритт. — Но в Девонширском гусарском служил мой кузен. Ланселот Стиллиуотер, лейтенант королевских драгун, к вашим услугам.

«Непросто ж тебе, бедняге, было с таким имечком в драгунах», — мысленно пожалел Стиллиутера Анненков. Расправил плечи, представился:

— Анненков Юрий Всеволодович, капитан лейб-гвардии Уланского полка. Не трудитесь запоминать отчество, мистер Стиллиутер, можете называть меня просто Юрий.

— Отчего же? — слегка изогнул бровь Ланселот. — Очень приятно, Юрий Всево-ло-до-витч!

Экзотическое father's name капитана далось ему с трудом, но он справился. «Никовы штучки, — подумал Анненков. — Муштрует своих наемников, насаждает русский дух, не удивлюсь, если метисы у него тут по воскресеньям в лапту играют».

— Прошу простить наше опоздание, — Ланселот обозначил короткий извиняющийся кивок. — Вашу телеграмму из Санта-Крус мы получили, но не рассчитали, что вы так быстро переберетесь через перевал. К тому же вчера мятежники взорвали мост, мы не успели вас предупредить...

— Мятежники? — переспросил капитан. — В сьерре опять бунтуют крестьяне?

— Крестьяне бунтуют всегда, — Ланселот неопределенно махнул рукой. — На этот раз все иначе. Восстают целые провинции. Во главе мятежа стоит индеец, называющий себя Тупак Юпанки Второй, или Инкарри. Претендует на происхождение из древнего царского рода.

— Самозванец, конечно, — усмехнулся Анненков. — Что ж, теперь по крайней мере понятно, откуда взялись эти разбойники. Кстати, ваш Тупак, случайно, не однорукий?

— Нет, — если Стиллиутер и удивился вопросу, то никак этого не показал. — Инкарри молодой мужчина без каких-либо физических недостатков, пожалуй, чересчур светлокожий для индейца. Говорят, он руководит восстанием из скрытой в горах древней крепости. В наших местах, во всяком случае, он не появлялся.

— Так значит, это работа мятежников? — Капитан махнул рукой в сторону покореженных опор. — Странно: у тех, кто на меня напал, даже ружей не было.

Англичанин пожал широкими плечами.

— Тут неподалеку работала экспедиция из Североамериканских Соединенных Штатов. Геологи. Мятежники разграбили их лагерь, утащили кое-какое оружие, пять ящиков с динамитом. Вполне достаточно, чтобы взорвать мост. Думаю, у них еще осталось кое-что про запас.

Анненков прищурился.

— Как же вам удалось переправиться? Вы ведь из поместья, верно?

— Выше по реке — старый подвесной мост. Индейцы его не тронули, они никогда не поднимут руку на то, что построили инки. Нам придется воспользоваться этим мостом, чтобы попасть на плато. Приготовьтесь, Юрий, вас ждет не совсем приятная прогулка.

— Я сюда не гулять приехал, — отрезал капитан. — А машина по вашему подвесному мосту проедет?

Ланселот Стилуотер надул щеки, будто собираясь фыркнуть от смеха, но, будучи джентльменом, сдержался. Ответил бесстрастно:

— Не беспокойтесь, Юрий, эту проблему мы как-нибудь решим. — И неожиданно добавил по-русски: — Авось!

2.

Поместье «Холодная гора» раскинулось у подножья острого, как бритва, пика, увенчанного голубоватой короной вечных снегов. Место было удивительно живописное — дорога ныряла в рощи апельсиновых деревьев и заросли рододендронов, огибала озера с неправдоподобно прозрачной водой, бежала мимо ослепительно-белых полей хлопчатника. Небо стремительно светлело, грозовые тучи уходили на восток, туда, где за отрогами Кордильера Бланка раскинулись бескрайние просторы дождевых лесов.

Несмотря на изрядную высоту над уровнем моря, здесь буйно цвели гибискус, пахистахис и мальва, окружая старый, выстроенный в колониальном стиле дом бело-розовым облаком. Облако это отражалось в искусственном пруду, живо напоминавшем Анненкову парки Гатчины или Царского Села.

Никакой ограды у дома не было, только аккуратно подстриженные колючие кусты, между рядами которых виднелись широкие проходы. Ни малейшего намека не то что на фортификационные сооружения, но даже на скромный палисад. А впрочем, то же самое было и в русских усадьбах, сожженных мужичками в 1917 году. От кого отгораживаться, когда вокруг все свои?

Анненков притормозил и выключил зажигание. По широкой аллее быстрой, подпрыгивающей походкой шел к нему высокий сухопарый человек в белом костюме.

— Юрка! — крикнул он по-русски. — Юрка, кот-обормот, приехал все-таки!

Капитан вылез из «форда» и пошел ему навстречу, по-медвежьи расставив руки.

— Коля! Сколько ж не виделись, а? Ведь, почитай, лет восемь?

— С Константинополя, Юрка! С самого Золотого Рога. Ты — во Францию, я — в Румынию, так и не встретились больше.

Обнялись. Ник благоухал дорогим французским одеколоном, и Анненкову стало неудобно за свою пропахшую потом и бензиновой гарью куртку.

— Пойдем, Юрка. — Ник небрежно махнул рукой — из кустов, как чертик из табакерки, выскочил маленький смуглый человечек в темно-зеленой форме. — За машину свою не волнуйся, ее в гараж поставят. Ну, давай, нечего на дороге стоять. Сейчас ванну с дороги приемишь, переоденешься, и я тебя нашему гранду представляю.

— Вещи мои в машине, — забеспокоился капитан. — Распорядись, чтобы доставили.

— Юрка! Не болтай чепухи! Я уже обо всем позаботился. Два костюма тебе приготовил, деловую тройку и вечерний смокинг, по последней лондонской моде. Примеришь, а если что не так, наш портной в два счета подгонит.

— Портной? — изумился Анненков. — Здесь?!

— Что мы, хуже других? — обиделся его спутник. — Вон, у соседей, семьи Эспиноса, даже سینема собственная имеется. Они там новейшие ленты Голливуда крутят — с Валентино, Гретой Гарбо! Ты ведь, Юрка, думаешь, верно, что мы тут в дикости да запустении живем? А у нас здесь цивилизация, мон шер.

Анненков незаметно усмехнулся. Николай Александрович Стеллецкий, его старший товарищ по юнкерскому училищу, всегда имел склонность к преувеличениям.

Они вместе воевали на германском фронте, вместе сражались с краснопузыми в Крыму, вместе голодали в богатом и негостеприимном Константинополе. И везде Стеллецкий оставался верен себе: все, происходящее вокруг, он рассматривал как некий грандиозный спектакль, поставленный исключительно ради того, чтобы поразить его воображение. Возможно, поэтому он никогда не отчаивался, считая уныние не только смертным грехом, но и черной неблагодарностью по отношению к Великому Режиссеру. В 1923 году, когда Анненков подписал контракт на работу грузчиком на сахарном заводе в Марселе, Ник принял предложение сомнительного авантюриста Шторха и отправился в Бухарест, чтобы войти в состав боевой группы, целью которой была организация вооруженного восстания против власти большевиков. После этого капитан несколько лет ничего не слышал о своем друге; среди эмигрантов во Франции ходили слухи, что

Шторх оказался агентом ГПУ и сдал доверившихся ему офицеров чекистам. Однако год назад Анненков, обретавшийся в ту пору в Новом Орлеане, неожиданно получил от Стеллецкого письмо. Ник сообщал, что жив и здоров, служит в армии одной южноамериканской страны в чине полковника, но поскольку занятие это совершенно неприбыльное, зарабатывает себе на жизнь, охраняя крупного хлопкового плантатора.

«Приехал бы, что ли, — писал новоиспеченный полковник, — здесь есть, где развернуться, особенно с твоими талантами. Пейзажи опять же просто великолепны, закаты над океаном поражают воображение! А какие здесь женщины, Юра! Поглядев на них, ты забудешь и французенок, и китайнок! Все гибкие, опасные, как пантеры, а в глазах — черный огонь! Приезжай, не пожалеешь, а я тебя пристрою на какую-нибудь синекуру...»

Судя по обилию почтовых штемпелей, письмо было написано давно и упорно гналось вслед за капитаном по всему свету. Анненков перечитал его дважды и спрятал в небольшую деревянную шкатулку, служившую ему архивом. За то время, пока письмо искало капитана, судьба Стеллецкого могла не раз круто измениться, и Анненков не был уверен, что найдет старого друга по указанному адресу. К тому же у него в кои-то веки появилась приличная работа — он обучал стрелковому делу молодых бездельников из богатых семей Нового Орлеана, — и бросать ее ради призрачной карьеры в далекой Южной Америке казалось нелепым.

Все изменилось одним ненастным осенним вечером. К Анненкову, коротавшему время в баре на набережной, подошел шикарно одетый хлыщ и, затушив сигарету в стоявшем перед капитаном блюдце с оливками, сообщил, что с ним хочет поговорить дон Витторио. Дон Витторио возглавлял один из самых серьезных гангстерских кланов города, и в другое время капитан отнесся бы к этой информации с должным вниманием. К несчастью, в тот вечер Анненков находился в скверном расположении духа, к тому же он очень любил оливки. Дело кончилось тем, что хлыщ, потеряв широкополую шляпу, вылетел из дверей заведения на ярко освещенную набережную. Той же ночью люди дона Витторио подстерегли капитана, возвращавшегося в свою маленькую квартирку на улице Лафайет.

Дон Витторио послал к строптивому русскому четверых. Все они считались хорошими стрелками и убежденными трезвенниками. Капитан Анненков был одинок и пьян. Спасла его только привычка носить пистолеты в расстегнутых кобурах.

В последовавшей перестрелке двое гангстеров были убиты, еще двое позорно бежали с поля боя, сам же Анненков отделался сквозным ранением икры. Впрочем, скрываться от полиции пришлось именно ему. Он покинул Луизиану, пересек Карибское море и нашел временное пристанище на Ямайке. Там, лежа на кровати в дешевой, кишасей клопами гостинице, он вспомнил о письме Ника и решил написать ему ответ.

— То-то и видно — цивилизация, — усмехнулся капитан. — Единственный приличный мост — и тот взорван. Пришлось перебираться по каким-то висячим лианам...

— Взорвали мост — ерунда! — возразил Стеллецкий. — Отстроим новый. Главное сейчас — не дать этой сволочи укрепиться на нашем берегу реки. Тебе Ланселот уже рассказывал про Инкарри?

— Индейский вождь? Да, говорил. А я, знаешь ли, тоже встретил тут одного индейца — без руки. Удивительный тип. Натравил на меня каких-то своих разбойников, пришлось пострелять. А потом взял и растаял в воздухе, представляешь?

Стеллецкий неожиданно помрачнел и крепко взял товарища под локоть.

— Юра, ты про этого однорукого лучше пока не упоминай... Постой, а Ланселоту ты о нем успел рассказать?

Анненков пожал плечами.

— Да. Но он, кажется, не обратил внимания...

— Это ты с ним еще в покер не играл. Морда каменная, глаза холодные, никогда не поймешь, какая у него карта на руках. Эх, жаль, конечно, что ты так сразу проболтался, но теперь ничего не воротишь. Все равно — больше никому про однорукого ни слова, d'accord?

— Ну хорошо, — согласился Анненков. — Надеюсь, ты мне все объяснишь?

Стеллецкий отпустил его руку.

— Разумеется, Юра, разумеется. Только не прямо сейчас, ладно? Это разговор долгий, не на один час... к тому же непосредственно касающийся твоих будущих обязанностей. Понимаешь, о чем я?

— Нет, — честно ответил капитан и вдруг рассмеялся. — Колька, старый черт, а ты все такой же! Тайные общества, загадочные манускрипты... Когда же ты наконец остепенишься?

Они уже подходили к дверям дома. Высокая, в два человеческих роста, арка, выложенная красным кирпичом, была увита зелеными побегами плюща. Над аркой красовался старый, прибитый к стене ог-

ромными гвоздями щит с гербом рода де Легисамо. Вставший на дыбы леопард когтил улыбающееся солнце.

— Добро пожаловать, мон шер, — Ник толкнул деревянную и довольно ветхую с виду дверь, она легко распахнулась перед ними. — Уверяю, ты не будешь разочарован.

За дверью находился внутренний дворик — патио, неременный атрибут колониальных домов. Нежно журчал фонтан. По отполированным мраморным плитам двора плясали подгоняемые легким ветерком лепестки роз.

— Красиво, — одобрил Анненков. — Особенно вот эта деталь мне нравится.

Он указал на резную деревянную галерею, нависавшую над патио. Ее почти скрывали спадавшие с крыши пышные лозы винограда.

— Правда? — обрадовался Стеллецкий. — По-моему, очень живописно. Восемнадцатый век, между прочим. Орнамент делал знаменитый резчик из монастыря Сан-Кристобаль...

— Пулемет там хорошо встанет, — перебил его капитан. — Даже маскировать не надо.

— Пулемет? — переспросил Ник. — Ну да, ты сразу о деле... Хвалю, Юра, хвалю.

На затененной галерее мелькнуло что-то белое. Платье?

— Там девушка, — вполголоса сказал Анненков. — Смотрит на нас.

— Это, верно, Лаура, — улыбнулся Стеллецкий. — Племянница гранда, очень милая девочка. Ей всего пятнадцать. Она еще немного диковата, старается не попадаться никому на глаза.

— А где же остальные? Ты писал, что в поместье будет полно гостей...

— Сейчас время сиесты. Дамы отдыхают... ну, или прячутся на галерее. А хозяин еще с вечера уехал с гостями к водопадам: здесь неподалеку исключительно красивые водопады. Они должны были уже вернуться, но, видно, задержала гроза.

— А эти водопады — они на вашей стороне реки? — рассеянно спросил Анненков, следя краем глаза за перемещением белого платья. Теперь он видел еще тонкую смуглую руку, теребившую тяжелую виноградную гроздь.

— На нашей, на нашей, — засмеялся Ник. — Не волнуйся, с ними пять парней Ланселота.

— Это значит, что в поместье осталось трое охранников, — заметил капитан. — Твой англичанин сказал, что их всего дюжина. Четве-

ро поехали встречать меня, пятерых ты отправил сопровождать хозяина. Так?

— Юрка, Юрка! — покачал головой Стеллецкий. — Да я один стою всех этих бездельников. Пока я здесь, «Холодной горе» ничего не угрожает.

Капитан обернулся и внимательно посмотрел на старого друга.

— С пониманием. Только зачем, в таком случае, тебе понадобился я?

Они вступили в тень галереи, и Анненков потерял из виду следившую за ними девушку.

— Терпение, мон шер, скоро ты все узнаешь... Нам сюда, в это крыло. Дом большой, заблудиться в нем несложно, поэтому поначалу я буду твоим Вергилием. Твои комнаты — на первом этаже, с окнами в сад. Вот ключ, дверь откроешь сам.

Комнаты оказались небольшими, светлыми и уютными. В гостиной стоял круглый стол и три кресла. Стеллецкий жестом радушного хозяина предложил Анненкову присесть.

— Здесь есть все, что необходимо для жизни. В спальне — платяной шкаф, твои костюмы висят там. Есть отдельная ванная комната, дверь в нее ведет тоже из спальни. Шнур над кроватью — для вызова слуг, не стесняйся дергать несколько раз, эти бездельники обычно спят или шляются где попало. Вот здесь — внимание! — бар. Выбор напитков, как видишь, достоин ресторации Палкина. Если захочется холодного оранжада, дергай шнур — принесут прямо с кухни. Там, между прочим, стоит настоящий аппарат Одифрена, так что продукты всегда свежайшие. Впрочем, вечером ты сам убедишься. Хозяин сегодня дает торжественный ужин.

— По поводу моего приезда? — удивился капитан. — Что ж ты про меня наговорил?

— Не волнуйся, Юра, ты здесь ни при чем. Вечером прибывает некто фон Корф, важная шишка из германского посольства. У них с грандом секретные коммерческие дела...

Стеллецкий достал из бара пузатую бутылку и плеснул в стаканы прозрачной, терпко пахнущей жидкости. Протянул один Анненкову.

— Ну, со свиданьем, Юрка! Вот уж не чаял, что встретимся!

Капитан опрокинул свой стакан и скривился.

— Чем это ты гостей потчуеть, Ник? Самогонкой, что ли?

— Зачем самогонкой? — обиделся Стеллецкий. — Натуральная писка. Та же водка, только виноградная, вроде итальянской граппы. Одичал ты в странствиях, Юрка, потерял нюх...

— Нюх-то я как раз не потерял... — Анненков повел носом над пустым стаканом и скривился еще раз. — А водки нормальной у вас здесь, конечно, не держат?

— Да откуда здесь водка! Пшеницу-то никто не растит...

— Ничего, — капитан скинул куртку, отстегнул ремень с пистолетами, аккуратно повесил его на кресло. — Я из Штатов привез пару бутылок «Смирновской», вечером раздавим. Вот что, ты допивай свою пisku, а я сейчас, с твоего позволения, приму ванну.

Пока ванна наполнялась горячей водой, Анненков, не спеша, разделся перед зеркалом, присел на обтянутую зеленым бархатом козетку, вытянул левую ногу и помассировал ее.левой ногой капитана хронически не везло. В германскую войну Анненков сломал ее, упав с лошади; при обороне Перекопа на нее плеснуло горячей нефтью; в Марселе верткий, как угорь, алжирец ударом подкованного ботинка выбил капитану мениск. Излишне уточнять, что пуля нью-орлеанского гангстера, разумеется, тоже попала в левую икру. Порой ногу начинало ломить так, что капитану хотелось ампутировать ее и заменить протезом из кожи и дерева. Но сейчас, благодаря тому, что последние километры пути Анненков проделал верхом и не давил постоянно на педаль сцепления, дела обстояли вполне прилично.

Он забрался в ванну, с наслаждением вытянулся в полный рост, закурил толстую кубинскую сигару и некоторое время лежал без движения, лениво стряхивая пепел в массивную бронзовую пепельницу на высокой ножке. Когда сигара была выкурена почти до конца, в дверь коротко постучали и на пороге появился полковник Стеллецкий — без пиджака, со стаканом в загорелой руке.

— Вылезай, Юрка, — не терпящим возражений голосом заявил он. — Хозяин вернулся.

3.

Дон Луис Серра де Легисамо, владелец поместья «Холодная гора», был полноват, но подвижен. Чертами бледного лица он напоминал древнего римлянина — твердый подбородок, прямой нос, крутая линия надбровных дуг. Иссиня-черные, зачесанные назад волосы пятнала седина — оттого дон Луис напомнил капитану любимого отцовского пса, спаниеля Ратмира: окрас «перец с солью».

— Месье Анненкофф, — почему-то по-французски обратился он к гостю, — добро пожаловать в мой скромный chateaux. Очень рад вашему приезду, месье Стеллецкий много о вас рассказывал...

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким — Анненков даже поморщился.

— Это большая честь для меня, — ответил он, сразу переходя на испанский. — Я поражен красотой вашей усадьбы...

— Бросьте, — рассмеялся дон Луис. — Вы же еще ничего не видели... Впрочем, Ланселот уже доложил мне, как лихо вы расправились с бандой разбойников у моста.

Стеллецкий кашлянул.

— Это, скорее всего, та самая шайка, что сожгла дом падре Картаги. Мерзавцы, сброд...

— К сожалению, в наших краях сейчас неспокойно, — словно извиняясь, проговорил де Легисамо. — Именно поэтому я и попросил Ника разыскать надежного и опытного офицера, которому можно доверить охрану поместья. Впрочем, о делах мы поговорим позже. Пойдемте, господа, я представляю сеньора Анненкова дамам.

Дамы обнаружили в гостиной. Стройная брюнетка с точеной фигурой и пышной волной рассыпающихся по плечам волос и тоненькая голубоглазая блондинка в розовом платье. При взгляде на нее капитан ощутил какое-то неясное беспокойство — будто бы он уже встречал раньше эту блондинку в розовом, но никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах.

— Моя жена Мария, — представил ее хозяин. — Мария, это сеньор Анненков, о котором ты уже, несомненно, слышала от Ника. Еще один твой соотечественник, дорогая... Да-да, Мария у меня тоже русская, ее родители переехали в Южную Америку еще до войны с немцами.

— Очень рада, сеньор Анненков, — Мария улыбнулась, показав ослепительно-белые, ровные зубы. — Я почти не говорю по-русски, совсем все забыла...

Акцент у нее и вправду был ужасный.

— Что вы, — капитан поймал ее тоненькую ладошку, поднес к губам и осторожно поцеловал. — Мне кажется, я вновь очутился в салонах Санкт-Петербурга!

— Это заслуга Ника, — Мария кокетливо стрельнула глазками в Стеллецкого. — Он заставляет меня упражняться в русском языке ежедневно!

— Теперь у тебя будет еще один собеседник, сердечко, — мягко перебил ее дон Луис, беря Анненкова под локоть и подводя его к брюнетке. — Познакомьтесь, это моя кузина, сеньорита Миранда Эстефания Гарсия Кордеро.

Сеньорита Миранда протянула капитану узкую, унизанную золотыми браслетами руку.

— Вот и новая жертва «Холодной горы», — без улыбки произнесла она, вглядываясь в лицо Анненкова своими непроницаемо-черными глазами. — Вы, должно быть, не знаете, сеньор: каждый, кто попадает сюда, остается здесь навсегда. Это место проклято.

«Ого! — подумал капитан. — Эх она сразу!»

— Не сомневаюсь, — сказал он, прикладываясь к ручке Миранды. — Куда можно уехать от таких божественно прекрасных женщин?

Брюнетка усмехнулась.

— Что ж, не принимайте это близко к сердцу — я пошутила.

— А я — нет, — капитан наконец отпустил ее ладонь. — Я был серьезен, как никогда.

— Русские офицеры очень галантны, — быстро сказала Мария. — Ах, как я жалею, что не побывала в Санкт-Петербурге до этого ужасного переворота! Папа рассказывал мне, какая в те времена была интересная жизнь... Балы, светские рауты... Мой папа был дипломатом, служил в консульстве в Бразилии. Он часто вспоминал, какую шикарную жизнь они вели в Петербурге с мамой. С тех пор я иногда вижу сны о России... о той, прежней России...

— Мария у нас мечтательница, — снова извинился дон Луис. — Вечно витает в облаках. Я для нее даже башенку специально выстроил в саду — чтобы сидела поближе к небу и мечтала...

Неслышно приблизился слуга с подносом, на котором стояли наполненные золотистым шампанским бокалы.

— Не подумайте дурного, — Миранда взяла бокал и снисходительно поглядела на покрасневшую Марию. — Она мечтает вовсе не о рыцаре на белом коне, тем более, что такой рыцарь у нее уже есть. — Быстрый, как укол рапиры, взгляд в сторону де Легисамо. — Заветное желание нашей маленькой принцессы — вернуться в эту ужасную холодную Россию. Скажите, Юрий, правда ли, что у вас там на улицах лежит такой же снег, как здесь на вершинах высоких гор?

Анненков наклонил голову, давая понять, что оценил юмор Миранды.

— Не сомневаюсь, сеньорита, что вы уже спрашивали об этом моего друга Ника. И он наверняка дал вам самые исчерпывающие ответы. Отчего же вы ему не верите?

Брюнетка сделала крошечный глоток шампанского.

— Во-первых, я вообще не очень доверяю мужчинам. Спрашивая нескольких мужчин об одном и том же, можно добиться, по крайней

мере, приближения к истине. А во-вторых, дорогой Юрий, неужели вы способны заподозрить меня в банальности? Ника я довожу расспросами о том, ходят ли по улицам русских городов дикие медведи.

— Это правда, — расхохотался Стеллецкий. — Всю душу уже из меня вынула медведями своими!

— Ни за что не поверю, что столь прелестная сеньорита способна вынуть из тебя душу, — Анненков со значением посмотрел на Миранду и глянул на Стеллецкого: — Тем более, что у тебя ее, как известно, нет!

Бокал с шампанским выпал из пальцев Миранды и звонко разлетелся на куски у ее ног.

— Простите меня, — пробормотала побледневшая девушка. — Я такая неловкая...

— На самом деле неловок я, — смутился капитан. — Мог бы поймать бокал на лету.

— Для этого, мон шер, нужно было на него смотреть, — ехидно заметил Стеллецкий. — Хотя бы краем глаза.

«Неужели ревнует? — подумал Анненков. — К Миранде? Вот так номер!»

На несколько мгновений в гостиной воцарилась та особая неловкая тишина, которая способна испортить даже самый приятный вечер. Положение спас хозяин дома, с учтивой улыбкой поклонившийся маленькому крепышу, затянутому в расшитый серебром мундир.

— Дамы и господа, позвольте представить вам майора Хорхе Гутьерреса. Этот блестящий офицер выполняет в наших краях специальное поручение правительства. Мы встретились сегодня на водопадах, и сеньор Гутьеррес оказался столь любезен, что принял мое приглашение присоединиться к нашему обществу.

— Сеньоры и сеньориты, — хрипловатым баритоном проговорил майор, кланяясь. — Польщен и очарован. Нет, не очарован — ослеплен!

— Что за специальное поручение? — сразу же поинтересовалась ожившая Миранда. — Или это секрет?

Жесткие усики Гутьерреса слегка шевельнулись.

— Никаких секретов, во всяком случае от вас, богини! Я занимаюсь картированием местности. Геодезическая съемка. Звучит скучно, я знаю, но уверяю вас, это настоящее приключение. Не далее как два дня назад я вернулся из ущелья Уанкай, если вам о чем-то говорит это название...

По-видимому, ущелье и впрямь пользовалось у обитателей поместья дурной славой, потому что Мария ахнула и прикрыла рот тонкой

ладошкой, а Миранда удивленно подняла брови. Гутьеррес, явно довольный произведенным на дам впечатлением, повернулся к Анненкову и Стеллецкому.

— Сеньоры, прошу меня извинить. Я не успел представиться...

— Ничего страшного, майор, — вальяжно проговорил Ник. — За вас это уже сделал наш хозяин. Полковник Стеллецкий, капитан Анненков, к вашим услугам. Так что вы там рассказывали про Уанкай?

Де Легисамо тронул Анненкова за локоть.

— Ушелье Уанкай считается в наших краях гиблым местом. Поживете у нас подольше — услышите много жутких историй. А пока прошу меня извинить: с минуты на минуту должен прибыть фон Корф...

— ...целые россыпи костей, — достиг ушей капитана напористый баритон Гутьерреса. — В основном, конечно, животного происхождения, но среди них я заметил и несколько человеческих. Все они были превосходнейшим образом обглоданы...

— Какие ужасы вы рассказываете, майор! — воскликнула Мария. — Здесь же дети!

— Тетя Мария, — еле слышно пробормотал чей-то смущенный голосок. — Я уже не ребенок...

— Лаура, — вмешалась Миранда, — тебе и впрямь незачем слушать подобные истории. Давай-ка лучше я познакомлю тебя с нашим новым гостем, капитаном Анненковым.

Капитан медленно обернулся. Миранда едва ли не силком тащила к нему худую, смуглую девочку в пышном белом платье. Платье было роскошное, расшитое крупным жемчугом, вот только с полудетской внешностью своей хозяйки оно совершенно не сочеталось. Анненкову приходилось видеть, как удачно подобранные наряды меняют облик девочек-подростков, делая их взрослее и соблазнительнее, но здесь был явно не тот случай.

— Сеньор капитан, — Миранда говорила подчеркнуто серьезно, но в глубине ее темных глаз мелькали веселые искорки. — Разрешите представить вам любимицу нашей семьи, юную Лауру Крус Сауро де Легисамо.

Любимица семьи смотрела себе под ноги и поднимать глаза на капитана явно не собиралась.

— Это вы были на галерее? — спросил Анненков. — Прятались за виноградинами лозами?

У Лауры покраснели уши.

— Почему вы так решили? — тихо пробормотала она. — Вам тетя сказала?

— Я вас видел, сеньорита. Солнце как раз освещало галерею, а ваше прекрасное платье просвечивало сквозь листья.

Девочка закусила губу.

— Так я и знала! Ненавижу это платье! Ненавижу!

— Лаура! — строго произнесла Миранда. — Пожалуйста, веги себя, как подобает воспитанной девушке. Что подумает о нас сеньор Анненков?

— Если бы не вы, кузина, — казалось, Лаура с трудом сдерживает слезы, — если бы не вы, я бы никогда не надела это ужасное платье! Никогда в жизни!

Капитан подобрался, как перед атакой. Женские слезы были для него страшнее иприта.

— Милая Лаура, — сказал он как можно мягче. — Ваше платье великолепно, как, впрочем, и вы сами. Если вы не сочтете эту просьбу чересчур дерзкой, я просил бы вас подарить мне сегодня танец. Уверяю вас, я не самый плохой партнер по эту сторону Атлантики.

Пунцовая от смущения Лаура пробормотала что-то неразборчивое и спряталась за широкую спину разносившего напитки слуги.

— Да вы просто светский лев, капитан, — протянула Миранда, испытующе глядя на капитана. — Держу пари, что бедная девочка будет считать минуты до начала танцев.

— Я никогда не заключаю пари с женщинами, — улыбнулся Анненков. — Гораздо разумнее сразу же признать свое поражение.

— Какая-то у вас капитулянтская позиция, — недовольно пожалла плечами брюнетка. — Смотрите, как бы я с вами не заскучала!

— Уверен, что вас всегда сумеет развлечь майор Гутьеррес.

Миранда надула губки.

— Фи, капитан, вы всегда такой грубый?

Анненков не успел ответить.

— Военный атташе посольства Германии, барон Отто фон Корф, — провозгласил мажордом. Голос у него был зычный и гулкий, как у северного оленя в период гона.

— Юрка, — Стеллецкий ткнул приятеля локтем в бок, — а ты помнишь, у нас в училище был такой фон Корф? У него папаша еще служил в кавалергардах...

— Да не может быть! Что ж здесь, по-твоему, парижский салон?

Это там, знаешь, в один вечер можно повстречать половину своих петербургских знакомцев...

— Вот увидишь, — зловещим шепотом проговорил Ник. — Если окажется тот самый фон Корф — ты мне ставишь бутылку «бурбона».

Насколько помнил Анненков, юнкер фон Корф был типичным остзейцем — высоким, тощим, с худым неприятным лицом и тусклыми глазами. Человек, появившийся в зале вслед за мажордомом, более всего напоминал кота — большого, сытого, с добродушной, но хитроватой мордой. Одет он был в цивильное и на военного походил мало.

— Не он, — хмыкнул Анненков. — Кстати, мы не договорились, что ставишь ты в случае проигрыша. Имей в виду, писку твою я пить больше не стану!

— Там видно будет, — разочарованно проворчал Стеллецкий. — Эх, а я-то уверен был, что это — наш...

Пока военный атташе раскланивался с доном Луисом, дамы, насколько не смущаясь присутствием Анненкова и Стеллецкого, потихоньку обсуждали достоинства и недостатки нового гостя.

— По-моему, господину барону стоило бы заняться своей фигурой, — негромко заметила Миранда. — Я беспокоюсь за судьбу его пиджака.

— А что с его пиджаком, тетя? — в голосе Лауры прозвучало неподдельное любопытство.

— Боюсь, он сейчас треснет, — поджала губы брюнетка. Лаура прыснула.

— Недобрые! — Мария легонько шлепнула девочку веером. — Посмотрите, какой у господина барона веселый взгляд! Не сомневаюсь, он всех нас чудесно развлечет!

— Я бы на твоём месте на это не рассчитывала, моя дорогая. У колбасников грубое чувство юмора. Это тебе не французы и даже не русские! — заметила Миранда.

— Тише, тише! — угрожающе прошептала Мария. — Он идет сюда... или, лучше сказать, катится?

Барон действительно приближался. Объемистый живот плыл по воздуху, словно цеппелин. Золотая цепочка от часов, спадавшая в широкий карман брюк, позвякивала при ходьбе.

— Дамы, — поклонился он, утопив подбородок в жирных складках шеи. — Господа офицеры! Я поражен, обнаружив в столь диких краях такое изысканное общество!

— Здравствуйте, барон, — сказал Анненков. — Простите мое любопытство: вы, случайно, не выпускник юнкерского училища в Санкт-Петербурге?

Фон Корф, казалось, совсем не удивился вопросу.

— Нет, капитан. Я никогда не был в Санкт-Петербурге. Однако упомянутое вами училище заканчивал мой дальний родственник по отцовской линии, тоже фон Корф. Знаете, нас, фон Корфов, довольно много в разных частях света. Мы — как это по-испански? — весьма плодovitы!

Лаура захихикала.

— Вы напрасно смеетесь, сеньорита, — добродушно заметил барон. — Представители высшей расы должны заботиться о своем воспроизводстве. Чем больше здоровых и крепких детей произведут на свет женщины Германии, тем лучше для Рейха.

— О Господи, — негромко сказал Стеллецкий по-русски. — Так он из этих...

— Вы знакомы с расовой теорией доктора Ганса Гюнтера, господи? — чувствовалось, что барон оседлал своего любимого конька. — Это величайший ум нашего времени! Вам, дамы, я бы тоже порекомендовал ознакомиться с его трудами, ибо доктор уделял особое внимание проблеме упадка нравственности и распада крепкой нордической семьи!

— Что вы говорите? — проворковала Миранда. — И что же говорит ваш Гюнтер о распаде семьи?

— Я больше не выдержу, — шепнул Стеллецкий Анненкову. — Пойдем и немедленно выпьем, Юрка, иначе я этому борову наговорю гадостей. Ты же знаешь, я колбасников с самой войны ненавижу...

— Интересно, здесь только шампанским потчуют? — поинтересовался капитан. — А как насчет чего-нибудь покрепче?

— Что-нибудь покрепче, сеньор капитан, я предложу вам у себя в кабинете, — проговорил внезапно возникший дон Луис. — Постарайтесь незаметно исчезнуть после ужина, хорошо? Ник покажет вам дорогу...

4.

— Итак, капитан, — де Легисамо пододвинул к Анненкову украшенный затейливой резьбой ящичек из красного дерева, — наконец-то пришло время поговорить о делах.

Капитан молча открыл ящичек. Там, похожие на маленькие тугие снаряды, лежали сигары. Судя по темному загару листа, бразилские.

— Кананера, — подтвердил дон Луис. — Мой тесть работает управляющим табачными плантациями семьи Мендоза в Баие.

— Благодарю, — Анненков размял сигару, понюхал ее, шелкнул серебряной гильотинкой.

«Интересно, — подумал он, — насчет сигар ему тоже Ник нашептал?»

Лет десять назад, сидя в грязном, прокуренном подвале Исмаилбея на Пере, они с Ником пили дешевую, вонючую ракию и строили планы на будущее. В этих планах присутствовали роскошные яхты, тропические острова и знойные мулатки. «Пить мы будем исключительно ром, — говорил Ник, — крепкий ямайский ром! А курить станем сигары и непременно бразильские — «гавана» сладковата да и слаба. Мы же с тобой привыкли к дрянному турецкому горлодеру, нам только бразильские сигары и подойдут...»

— Вы, вероятно, хотели бы узнать, отчего сеньор Стеллецкий настаивал на вашем срочном приезде? — проговорил дон Луис.

Анненков, раскуривавший сигару, ограничился утвердительным кивком.

— Дело тут вот в чем. В ближайшие дни я должен покинуть поместье. Николай Александрович любезно согласился меня сопровождать. Однако оставить «Холодную гору» без охраны я не могу, особенно сейчас, когда крестьяне бунтуют по всей сьерре.

— И вы готовы возложить охрану вашего поместья на меня? — спросил капитан. — Дон Луис, мы с вами познакомились несколько часов назад. Я, конечно, польщен таким доверием, но вы не находите этот шаг несколько... неосмотрительным?

— Не нахожу, — коротко ответил де Легисамо. — Сеньор Стеллецкий поручился за вас, а ему я доверяю полностью. Николай Александрович — человек чести.

— Разумеется. И все же мне кое-что неясно. У вас есть Ланселот Стилуотер — превосходный офицер, надежный, храбрый. Почему вам понадобился человек со стороны?

— Вы сами ответили на свой вопрос, — усмехнулся дон Луис. — Мне нужен именно человек со стороны. Ланселот всех здесь знает, и все знают его. Иногда это плюс, а иногда минус. Сейчас, скорее, минус.

— Вы ему не доверяете? — прямо спросил Анненков. Де Легисамо прикрыл глаза.

— Не то чтобы я ему не доверял... но я слишком хорошо знаю его слабости. А что хуже всего, их знаю не я один.

«Не доверяет, — сделал вывод капитан. — Подозревает, что Ланселот работает на кого-то еще?»

— Видите ли, Юрий, если бы речь шла только об охране поместья, мне вполне хватило бы Стиллиутера. Собственно, я уже поступал так несколько раз, однако сейчас я рискую гораздо большим, нежели просто старинный фамильный дом и хлопковые плантации.

Анненков молча ждал продолжения. Де Легисамо побарабанил пальцами по подлокотникам кресла.

— Обстоятельства складываются так, что я вынужден оставить здесь свою жену, Марию. Раньше, возвращаясь в столицу, я всегда брал ее с собой. Мария еще так молода, ей скучно в нашей глуши... Но эта моя поездка слишком опасна.

Капитан решил, что пора брать инициативу в свои руки.

— Дон Луис, — сказал он решительно, — я не имею привычки лезть в чужую жизнь, однако если вы действительно собираетесь нанять меня для охраны «Холодной горы», то прошу вас выразаться яснее.

— Муж моей кузины Миранды... — начал де Легисамо и осекся, увидев удивленно поднятые брови капитана.

— Помнится, вы представили ее как «сеньориту». Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — вздохнул хозяин. — Она была замужем недолго, а в двадцать лет обращение «сеньора» способно расстроить девушку больше, чем мы, мужчины, можем себе представить... Дело в том, что Миранда — вдова.

— Вот как, — глубокомысленно произнес Анненков.

— Ее муж, ныне покойный генерал Мануэль Эрнандес Прадо по прозвищу Цезарь, был в числе тех, кто пытался защитить законную власть во время прошлогоднего переворота. Вы наверняка слышали об этих событиях...

Анненков благоразумно не стал его разубеждать.

— К несчастью, мятежники одержали верх. При штурме президентского дворца генерал погиб. Миранда осталась совсем одна, и я предложил ей пожить у нас в поместье... Понимаете, капитан, она мне даже не совсем кузина... скорее, дочь... все-таки двадцать лет разницы. Именно поэтому я чувствую определенную ответственность за ее судьбу.

— Ваша поездка в столицу как-то связана с делами Миранды?

— Да, напрямую. У генерала Прадо остались в столице влиятельные друзья. Они должны помочь ей вернуть деньги Цезаря. Кроме того, я бы хотел, чтобы Миранда уехала в Соединенные Штаты или в Европу. Но, разумеется, это станет возможно только в том случае, если мне удастся решить вопрос с наследством генерала Прадо.

— С пониманием, — кивнул капитан. — Однако в чем же вы видите опасность?

— У Цезаря остались не только друзья, но и могущественные враги... Вы позволите не вдаваться в подробности?

— Как вам будет угодно, — ответил Анненков. — Значит, вы берете с собой кузину, но не берете сеньору Марию. Из соображений безопасности.

— Это не так, — в черных глазах де Легисамо сверкнули гневные искры. — Миранда тоже останется в поместье. Вам придется охранять троих.

— Марию, Миранду и Лауру? Что ж, не могу сказать, что этот контракт мне не нравится.

— Очень хорошо, — дон Луис откинулся на спинку кресла и запыхтел сигарой. — Как вы понимаете, я нанимаю вас для того, чтобы ни с одной ничего не случилось. Вообще *ничего*, капитан.

Анненков задумался.

— То есть, если одна из них оступится на лестнице и сломает ногу, вы посчитаете это моей недоработкой?

— Именно, — усмехнулся де Легисамо. — Вижу, вы действительно все схватываете на лету. Возможно, у вас есть и другие вопросы?

— Сколько человек вы берете с собой?

— Мы едем вдвоем... я и сеньор Стеллецкий. Конечно, до железной дороги нас будут сопровождать трое всадников Стиллиутера, но они вернутся на следующий день. Таким образом, в вашем распоряжении окажутся все охранники поместья. Ланселот станет вашим заместителем. Вы согласны?

Капитан прищурился.

— Кажется, мы не обговорили вопрос оплаты.

— Я заплачу вам две тысячи североамериканских долларов за месяц работы. Согласитесь, это хорошие деньги, капитан.

Анненков пожал плечами.

— Хорошие деньги за месяц постоянной работы. Но вы, как я понял, собираетесь нанять меня как сезонного рабочего — только на время вашего отсутствия. Меж тем мои расходы на дорогу составили не менее пятисот долларов.

— Расходы я возмещу, — проворчал де Легисамо. — Что же касается постоянной работы, все зависит от того, как вы справитесь с заданием. Разумеется, место сеньора Стеллецкого я вам обещать не могу...

Капитан укоризненно покачал головой, и дон Луис немного смутился.

— Да вы и сами наверняка не станете на него претендовать. А вот что касается старины Ланселота...

— Послушайте, — перебил его Анненков, — я совершенно не собираюсь лишать места никого из ваших людей. Я просто хочу знать, есть ли мне смысл соглашаться. Я человек небогатый, зарабатываю на жизнь, чем умею. А умею я, главным образом, воевать.

— Я знаю, — кивнул дон Луис. — Сеньор Стеллецкий рассказывал мне о вашем боевом прошлом.

— Пока я не очень понимаю, что от меня требуется. Окоротить бунтующих крестьян — это я могу. А нянчиться с тремя девицами, извините, не по моей части.

Де Легисамо помрачнел. Отложил сигару, поднялся с кресла и нервно заходил по кабинету.

— Нянчиться не нужно! Ваша задача — оградить их, и в первую очередь, Марию, от грозящей опасности!

— О которой я до сих пор не имею ни малейшего представления, — холодно заметил Анненков.

— Я расскажу, — пообещал хозяин поместья. — Ваше право — верить мне или нет, но я расскажу вам все.

Капитан выпустил в воздух сиреневое колечко ароматного дыма, откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

— Начало этой истории уходит в глубь веков, — предупредил де Легисамо. — Вы видели наш герб над воротами?

— Леопард и солнце. Это имеет какое-то отношение к нашему делу?

— Имеет. Мой предок, Мансио Серра де Легисамо, участвовал в знаменитом походе Писарро на столицу империи инков, Куско. Это было четыреста лет тому назад...

Рассказ дона Луиса де Легисамо

Великий город поразил воображение испанцев. Их передовой отряд захватил главный храм инков, Кориканчу, облицованный тяжелыми плитами золота. Во внутреннем дворе Кориканчи испанцы нашли удивительный сад — и деревья, и цветы, и початки кукурузы в нем были искусно выкованы из золота и серебра. Там было еще много великолепных сокровищ, но моему прадеду повезло: он первым сорвал со стены изображение — огромный золотой диск с длинными волнистыми лучами, изображавший солнце. Весил диск не менее шестидесяти килограммов, и как мой предок с ним управился, одному Богу известно. Впрочем, Мансио владел сокровищем недолго: в ту же ночь он проиграл свою добычу в кости другому солдату, чье имя затерялось в веках.

Кстати, этот проигрыш принес моему прадеду сомнительную славу: с тех пор появилась поговорка «Проиграть солнце прежде, чем оно взойдет». Мало кто из историков не упомянул об этом случае, но никто не знал, что Мансио Серра де Легисамо все-таки сумел ухватить фортуна за рукав.

Уже под утро он поставил оставшееся у него золото против странного кристалла, найденного одним из конкистадоров в дальнем приделе Кориканчи. Кристалл этот был размером с куриное яйцо; если бы речь шла об алмазе или изумруде, его ценность ни у кого не вызвала бы сомнения. Но даже самые образованные соратники Писарро не могли определить, что это за камень. Он, например, менял цвет — от рубинового до темно-синего. Кроме того, он носил следы обработки, но слишком грубой, явно снижавшей его стоимость. В общем, тот, кто поставил на кон этот кристалл, не слишком-то хорошо представлял, сколько он может стоить. И не очень-то переживал, надо полагать, когда мой прадед кристалл выиграл.

К утру Мансио стал владельцем El Corazon — так он назвал свой трофей. Действительно, камень немного напоминал сердце: он слегка заострен снизу, а сверху в нем есть ложбинка — по всей видимости, след искусственной обработки. Что с ним делать, прадед не знал. Королевский казначей, сопровождавший отряд, отказался оценивать кристалл и не включил его в реестр захваченной в Куско добычи. После своего знаменитого проигрыша Мансио остался нищим: у него не хватало средств, чтобы жить, как пристало кабальеро, и он был вынужден продать своего коня. По тем временам это был большой позор. Однако прадед довольно скоро обнаружил, что El Corazon приносит удачу в азартных играх. В его записках этому посвящено несколько страниц, но описание довольно запутанно, и понять, как именно помогал ему камень, нелегко. Мансио считал, что кристалл каким-то образом влиял на «гуморы» противника и заставлял того ошибаться — идти не с той карты, например, или сбивал ему руку при броске костей. При этом он каждый раз менял цвет, становясь то нежно-жемчужным, то багряным, то небесно-голубым. Опасаясь обвинений в колдовстве, прадед спрятал El Corazon в мешочек из плотной ткани, который носил под рубашкой. Талисман служил ему верой и правдой, и спустя каких-то полгода мой предок изрядно разбогател. Он, конечно, старался играть осторожно, поэтому время от времени проигрывал — в этом ему тоже помогал камень. Со временем Мансио решил, что кристалл обладает чем-то вроде разума; во всяком случае, он пытался с ним договариваться, объясняя,

чего именно он хочет от того или иного противника. Та часть записок моего прадеда, где рассказывается о попытках наладить контакт с талисманом, зашифрована примитивным шифром: Мансио хорошо понимал, что от разговоров с камнем недалеко до идолопоклонничества, а в те суровые времена можно было попасть на костер и за менее тяжкие преступления...

Волновался он не напрасно. В последние годы жизни моего прадеда, когда о кристалле и его волшебных свойствах стало известно многим, святые отцы действительно попытались обвинить Мансио в колдовстве, но прадед сумел добиться встречи с епископом Сьюдад-делос-Рейес, и после этого его уже не тревожили. Как ему удалось переманить на свою сторону могущественного отца церкви, осталось неизвестным; вряд ли речь идет о банальной взятке, потому что, хоть Мансио и был уже очень богат, церковь весьма неохотно шла на такие сделки. Я же считаю, что к этому моменту Мансио уже понял: камень можно использовать не только в азартных играх. Косвенно это доказывает его женитьба на племяннице вице-короля, пятнадцатилетней девице, только что приехавшей из Испании. Прадеду к тому моменту исполнилось сорок семь лет, по меркам шестнадцатого века он стоял на пороге старости. Однако вице-король был совершенно очарован Мансио; после пышной свадьбы он подарил молодоженам только что отстроенный дворец в Лиме. В этом дворце Мансио Серра и окончил свои дни; в могилу его свела не болезнь, а предательский удар кинжалом. Незвестный убийца напал на прадеда, когда тот выходил из собора после воскресной мессы; надевать доспехи, идя в церковь, считалось дурным тоном, и кинжал легко пробил расшитый золотом колет, перерезав цепочку, на которой висел мешочек с кристаллом. Нет сомнений, что целью нападения был именно камень; убийца попытался сорвать мешочек с шеи Мансио, но тот сжал кристалл в руке так сильно, что позже двое взрослых мужчин долгое время не могли разжать его пальцы. Убийце пришлось спасаться бегством, и камень остался в нашей семье. Мансио умер через несколько часов после того, как его принесли во дворец. El Corazon достался его молодой вдове, прекрасной Эмеральде.

Капитан выдохнул ароматный дым.

— Прямо какой-то роман с приключениями, дон Луис. Вы считаете, все это действительно имело место?

Де Легисамо пожал плечами.

— Ну конечно. Вам, верно, нелегко представить себе картину того далекого века. Человеческая жизнь ценилась дешево, а сокровища —

дорого. К тому же люди были крайне суеверны, и поверить в то, что какой-то камень может служить вместилищем могущественной магии, им было проще, нежели нам с вами в конфликт «Я» и «СверхЯ», или как там у господина Фрейда...

— Не читал, — мотнул головой Анненков. — Значит, камень достался вашей прабабке. И ей, конечно, тут же подфартило в азартных играх?

Хозяин поджал губы.

— В шестнадцатом веке дамы не играли в бридж, капитан. У меня нет никаких сведений о том, что сеньора Эсмеральда умела пользоваться магическим кристаллом. Единственное, что достоверно известно, молодая вдова пользовалась любовью и уважением всей христианской общины Сьюдад-де-лос-Рейес. Возможно, El Corazon и помогал ей, но ни подтвердить, ни опровергнуть это нельзя. Через три года после убийства Мансио она удачно вышла замуж во второй раз. Ее избранником стал граф де ла Роса, весьма толковый администратор, присланный из Испании наводить порядок в новых колониях. Он настолько влюбился в мою прабабку, что согласился даже оставить ей фамилию первого мужа — так что до конца своих дней она звалась Эсмеральдой Серра де Легисамо. Лет пять или около того супруги жили душа в душу, но затем случилась беда. Пока граф де ла Роса инспектировал отдаленные провинции, воры, проникшие во дворец, похитили El Corazon буквально из-под носа у прабабки. Когда Эсмеральде доложили о пропаже, она так разнервничалась, что упала с высокой лестницы и сломала ногу. Вернувшийся домой граф нашел ее в постели, бледной и несчастной. Он поклялся во что бы то ни стало разыскать наглых грабителей и заставил алькальда города бросить все силы на поиски преступников. Вскоре выяснилось, что заказ на похищение El Corazon получили двое жителей Сьюдад-де-лос-Рейес из числа обедневших конкистадоров. Одного из них нашли в канаве с ножом между ребер, зато второй, бежавший на побережье, был изловлен и предстал перед де ла Росой. Граф, для которого возвращение реликвии было не только делом чести, но еще и делом семейным, учинил ему допрос с пристрастием, но так ничего и не добился. Вор умер в тюрьме. Донья Эсмеральда не простила этого графу де ла Роса, и до конца жизни отношения между ними оставались весьма прохладными. El Corazon пропал на долгие двадцать лет...

— Позвольте, я попробую угадать дальнейшее, — прервал Анненков затянувшуюся паузу. — Вы отправляетесь в столицу, оставляя в

поместье две свои самые большие ценности — сеньору Марию и этот ваш кристалл. Поскольку полковник Стеллецкий едет с вами, вы хотите поручить охрану поместья человеку со стороны, который едва ли покусится на ваши сокровища. По какой-то причине старина Ланселот не подходит для этой миссии. Возможно, вы опасаетесь, что он решит завладеть кристаллом. Верно?

Дон Луис, прищурившись, смотрел на него сквозь сизый сигарный дым.

— До того как поступить ко мне на службу, сеньор Стиллиутер был правой рукой Мигеля Эспиносы, каучукового барона из Манауса. Страшный человек этот Эспиноса, алчный и безжалостный. Но дело, собственно, не в его личных качествах, а в том, что его прадед, Хуан Эспиноса, был тем самым удачливым воином, который сорвал El Corazon с груди Инки Тупака Амару, последнего властителя Вилкабамбы.

— Я не очень силен в здешней истории, — признался Анненков. — И уже начинаю путаться.

— Вилкабамба — горное королевство, где инки правили еще почти полвека после завоевания их страны испанцами. Маленькое, но очень хорошо защищенное. Туда, в заоблачные твердыни, каким-то образом попала похищенная у моей прабабки реликвия. Я полагаю, что верховный жрец Вилкабамбы выкупил ее у грабителей или, точнее, у их заказчика. А может, он сам и был этим заказчиком, теперь уже до правды не докопаешься. В течение двадцати лет после похищения El Corazon все испанцы, посещавшие королевство, отмечали исключительное миролюбие и радушие его правителей. Посланцы вице-короля, отправлявшиеся в горную страну с намерением запугать последних инков и добиться от них безоговорочной капитуляции, возвращались в Сьюдад-де-лос-Рейес совершенно очарованными увиденным и превращались в горячих сторонников мирных переговоров. Вице-король долго не мог понять, в чем дело, но потом кто-то из миссионеров упомянул о большом кроваво-красном кристалле, который вносили в зал для аудиенций на золотом блюде. Поскольку к этому времени слухи о чудесных особенностях El Corazon распространились по всей стране, сложить два и два оказалось несложно. Вице-король призвал к себе графа де ла Росу, который, несмотря на довольно почтенный возраст, все еще горел желанием вернуть драгоценную реликвию и заслужить прощение своей супруги. Сначала граф собирался отправиться за кристаллом самостоятельно, но пошатнувшееся здоровье вынудило его поручить эту миссию некоему Ордоньесу, иезуиту с весьма сомнитель-

ной репутацией. Про этого Ордоньеса известно, что он всегда предпочитал действовать в одиночку. Но на сей раз он почему-то изменил своему правилу и взял себе в помощники юного Гаспара Эспиносу.

— Мне кажется, вы говорили, что того Эспиносу звали Хуан, — заметил Анненков.

— Нет, Хуаном звали его старшего брата, лейтенанта кавалерии. Гаспар же был не воином, а монахом. Эспиноса и Ордоньес прожили в Вилкабамбе несколько месяцев и были допущены ко двору Великого Инки Титу Куси. Судя по воспоминаниям Гаспара, Инка был образованным и умным правителем, благоволившим к испанцам. Впрочем, нельзя исключать, что такое впечатление объяснялось воздействием чар кристалла. Однако Ордоньес всячески избегал встреч с Инкой, тем самым возбуждая в правителе Вилкабамбы любопытство. В конце концов Титу Куси приказал ему явиться во дворец; Ордоньес не посмел ослушаться, но прибыл в скромном рваном рубище, подпоясанный веревкой с шипами, весь в шрамах от самобичевания. На Инку его внешний вид произвел огромное впечатление; он не догадался, что истинная причина, заставившая иезуита облачиться во все эти вериги, заключалась в стремлении оградить себя от колдовского влияния El Corazon, и принял его за святого. Как выяснилось позже, совершенно напрасно: при первом же удобном случае Ордоньес отравил Инку, похитил сокровище и попытался скрыться. Индейские воины настигли его у переправы через реку Апуримак, переломали руки и ноги и в таком виде доставили обратно в горную крепость. Там его несколько дней пытали, а потом забили камнями на площади. Гаспар Эспиноса избежал столь страшной участи лишь потому, что находился все это время при наследнике отравленного короля, молодом принце Тупак Амару, и ничего не знал о коварных планах иезуита. Впрочем, ему тоже досталось, его жестоко избили и даже отрезали бронзовым ножом мочку уха, но, учитывая судьбу Ордоньеса, можно считать, что он еще дешево отделался. Молодого монаха с позором выгнали за пределы королевства, и он вернулся в Сюдад-де-лос-Рейес. История ужасной гибели Ордоньеса всколыхнула общество; голоса, призывавшие раздавить последний очаг сопротивления инков, раздавались все громче. Самым ярым сторонником карательной экспедиции стал Хуан Эспиноса, чей авторитет среди солдат был очень высок. Я подозреваю, что главная причина, толкавшая его на поиски приключений, крылась в рассказах младшего брата о волшебном кристалле. Во всяком случае, когда испанские отряды форсировали Апуримак и разбили индейскую армию в горных

ущельях, Эспиноса-старший не стал тратить время на поиски спрятанного золота, как это сделали многие из его соратников. Взяв с собой десяток верных всадников, он бросился в погоню за Инкой Тупак Амару, настиг его в непроходимых дождевых лесах на восточных склонах Черной Кордильеры и пленил. Приближенных Инки испанцы перебили, а его самого в цепях доставили в Сюодад-де-лос-Рейес. На первых же допросах выяснилось, что El Corazon Хуан Эспиноса забрал себе. Разумеется, графу де ла Роса это не понравилось. Он приказал дерзкому лейтенанту немедленно вернуть семейную реликвию дома де Легисамо, но тот ответил надменным отказом. «Я и мои люди проливали кровь, чтобы пленить мятежного Инку, — заявил Эспиноса. — Все, что захвачено в этом походе, принадлежит нам, за исключением королевской десятины. Ее я готов выплатить золотом».

Де ла Роса был в бешенстве. Не для того же он искал El Corazon столько лет, чтобы отдать его в руки какому-то проходимцу! Трудность заключалась в том, что формально он никак не мог заставить лейтенанта вернуть ему кристалл. То, что двадцать лет назад драгоценный камень в форме сердца принадлежал вдове Мансио Серра де Легисамо, не играло никакой роли — ведь Эспиноса действительно завладел им в честном бою. Не играло для всех, кроме самой Эсмеральды. Моя прабабка вцепилась в графа, как бультерьер, требуя, чтобы он вернул ей камень. Судя по всему, она была женщина с нором, и де ла Роса рассудил, что, выбирая между нарушением закона и постоянными домашними ссорами, следует предпочесть первое. Он заплатил каким-то наемникам, те под покровом ночи проникли в дом Хуана Эспиносы и зарезали его спящим. Поскольку кристалла при нем не оказалось, наемники принялись обыскивать дом, и за этим занятием их застал кто-то из слуг. Началась паника, кто-то опрокинул свечу, в доме возник пожар... В суматохе младшему брату Эспиносы, Гаспару, удалось ускользнуть незамеченным. На следующий день во время торжественной мессы в соборе Всех Святых он публично обвинил графа де ла Росу в убийстве Хуана. Назвал и мотив — стремление завладеть сокровищем.

Дон Луис взял со стола изящную золотую вазочку, сплетенную из нешироких полосок металла. Повертел в руках.

— Так было положено начало кровавой вражде двух семей, де Легисамо и Эспиноса, каждая из которых заявляла о своих правах на волшебный кристалл. Для вас сейчас важно, однако, только одно — Ланселот Стиллутер долгие годы работал на человека, в жилах которого течет кровь Эспиноса.

— И вы полагаете, он может воспользоваться вашим отсутствием, чтобы вернуть своей семье древнюю реликвию?

— Я обязан предусмотреть все варианты, — холодно ответил де Легисамо. — Вы устраиваете меня больше. Вы не имеете никакого отношения к четырехсотлетней войне, которую ведут вокруг драгоценности наши семьи. Вы вообще принадлежите к другой культуре, как и полковник Стеллецкий, впрочем. Для вас El Cogazon — просто камень, не имеющий к тому же рыночной стоимости. Вдобавок вы человек отважный, привычный к насилию и крови. Если потребуется защищать кристалл с оружием в руках...

— Вы забываете о сеньоре Марии, — перебил его Анненков.

Дон Луис махнул рукой.

— Разумеется, нет! Я ни на мгновение не перестаю о ней думать. Но тут как раз все просто. Я действительно вас не слишком хорошо знаю, капитан, и не могу питать никаких иллюзий на ваш счет. Нельзя закрывать глаза на тот факт, что она тоже русская, а соотечественников на чужбине всегда тянет друг к другу. Моя страховка — Ланселот Стиллиутер. Он не даст вам ни малейшего шанса договориться с Марией за моей спиной. Как видите, я абсолютно откровенен с вами.

Анненков хмыкнул.

— А что если Ланселот сам давно уже заглядывается на вашу жену и ждет подходящего случая, чтобы сцапать ее и сбежать куда-нибудь на Амазонку?

— Если это случится, я готов съесть все свои сигары, — спокойно ответил де Легисамо. — У Стиллиутера есть одна особенность, делающая его идеальной дуэней. Десять лет назад, когда сельву сотрясали каучуковые войны, его захватила в плен банда Красавчика Рамиреса, злейшего врага Мигеля Эспиносы. Бандиты Рамиреса искалечили Ланселота, изрезали его ножами и бросили в реку на съедение пираньям. Стиллиутера спасли индейцы, он выжил и жестоко отомстил своим обидчикам... но перестал испытывать интерес к женщинам. Прошу меня простить, капитан, я не любитель копаться в грязном белье, но эта история имеет непосредственное отношение к вашему заданию.

— Бедный Ланселот, — пробормотал Анненков. — Значит, ему вы поручаете охранять Марию, а мне — кристалл? Что ж, неглупо...

— Нет, — отрезал дон Луис. — За безопасность Марии, так же, как за сохранность El Cogazon, отвечаете вы. Отвечаете головой. Стиллиутер будет подчиняться вам.

— А это еще почему?

— Очень просто. Ланселот знает здешние края, как свои пять пальцев. Если он что-нибудь натворит, то легко сумеет уйти от расплаты, скроется где-нибудь в глуши. Вы — другое дело, вам деваться некуда.

Капитан подумал, похрустел пальцами.

— С пониманием, — отозвался он наконец. — Знаете что, дон Луис... Ваше первоначальное предложение ни к черту не годится. Десять тысяч долларов — за меньшую сумму я ваши сокровища охранять не буду.

Де Легисамо крикнул.

— Имейте совесть, капитан! Десять тысяч — за две недели работы?

— Что ж, — пожал плечами Анненков. — Если вы цените этот ваш кристалл дешевле — я уже не говорю о вашей прекрасной жене, — можете поискать другого специалиста.

— Думаете, взяли меня за горло? — вкрадчиво спросил дон Луис. — Думаете, если узнали все мои тайны, то можете диктовать мне свои условия?

Капитан извлек из кармана зубочистку и принялся задумчивоковырять в зубах.

— Хорошо, капитан, вы получите свои десять тысяч, — внезапно сказал де Легисамо. — Но только в том случае, если безопасность кристалла... и моей жены, разумеется... будет соблюдена на все сто процентов. Если же, не приведи Господь, с ними хоть что-нибудь случится, я сам оторву вам голову. Вот этими руками.

Из безжизности Анненков взглянул на руки хозяина дома.

— Договорились, — буркнул он, поднимаясь. — Теперь, пожалуй, самое время взглянуть на вашу семейную реликвию.

5.

Темные коридоры старинного колониального дома наводили на мысли о привидениях и прячущихся в густой тени наемных убийцах. Анненков мимолетно пожалел о том, что оставил пистолеты у себя в комнате.

Дон Луис уверенно шел впереди с керосиновой лампой в руке. Лампа раскачивалась от ходьбы, и размытые тени, будто огромные темные крылья, метались по дубовым панелям стен. Пол под ногами похрустывал и скрипел, и эти звуки наполняли душу капитана какой-то смутной, безотчетной тоской — точно так же скрипели разошедшие половицы в папенькином доме на Выксе, когда мальчик Юра тайком пробирался ночью в библиотеку, чтобы, забравшись с ногами в старое кресло, погрузиться в волшебный мир за-

морских стран. И ведь все сбылось, все получилось именно так, как хотелось тогда, в детстве: и дыхание снегов Арктики, и влажная жара джунглей, и бескрайние морские просторы — все это было в его жизни, только почему-то не принесло ни радости, ни счастья. Если бы после дальних странствий можно было вернуться в старый, пахнущий травами и сушеными грибами дом, распахнуть окошко в яблоневый сад, уснуть под треск кузнечиков и уханье филина в дальнем лесу...

— Пришли, — неожиданно сказал де Легисамо, останавливаясь. Перед ним темнел узкий дверной проем. Хозяин поместья повесил фонарь на вбитый в массивную притолоку крюк и принялся греметь ключами. — Подземелье старинное, это часть винных погребов, построенных еще в семнадцатом веке. Здесь я храню самые ценные вещи, доставшиеся от предков. Оружие, индейские реликвии, редкие книги, некоторые письма. Ну и, разумеется, El Corazon.

Ключ мягко повернулся в замке. Слишком мягко — Анненков ожидал страшного скрежета. Дон Луис толкнул дверь и бочком протиснулся внутрь.

— Входите, капитан, — позвал он из темноты. — Лампу можете не брать, здесь электрическое освещение.

Что-то щелкнуло, и помещение за дверью залил мягкий золотистый свет. Анненков шагнул через порог и остановился, осматриваясь.

Больше всего комната напоминала склеп. Склеп этот, однако, совсем не выглядел мрачным: стены задрапированы ярко-желтыми портьерами, на полу — пушистый белый ковер из ламьих шкур. Посреди комнаты, на обтянутом алой парчой возвышении, сверкал гранями куб из толстого стекла. Анненков подошел, взгляделся — за стеклом, искусно подсвеченная электрическими лампочками, мерцала изумрудными глазами дивной красоты золотая маска.

— Жемчужина моей коллекции, — с гордостью проговорил дон Луис. — Мой дед выкопал ее в одной из глиняных пирамид на побережье. Ей по меньшей мере две тысячи лет. — Хозяин взглянул на капитана и сообщил: — Кристалл хранится в сейфе, который я заказывал в Германии, у самого Круппа. Там два замка: один открывается ключом, другой — шифром. Вскрыть сейф, не зная шифра, невозможно.

Анненков скептически хмыкнул.

— В Штатах я читал об умельцах, вырезавших сейфовые замки бунзеновской горелкой. Современная наука творит чудеса, дон Луис.

— В «Холодной горе» нет бунзеновских горелок, — сухо ответил хозяин. — Сейф можно только взорвать, но в этом случае грабители не уйдут живыми... видите, какой здесь потолок? При взрыве он просто сложится, как карточный домик. Мы, между прочим, довольно глубоко под землей...

— Я вижу, вы все продумали, — похвалил его капитан. — Так где же ваше сокровище?

— Прошу, — торжественно произнес де Легисамо, откидывая золотистую портьеру. — Я не стал...

Тут он осекся и замолчал. Анненков заглянул ему через плечо.

За портьерой действительно был спрятан вмурованный в стену сейф. Массивная металлическая дверца, изготовленная на заводах Круппа, выглядела очень внушительно — если не обращать внимания на дыру с гладкими, словно бы оплавленными краями, располагавшуюся в пяти дюймах ниже диска шифро-замка. Дыру, в которую можно было просунуть кулак взрослого мужчины.

— Санта Мария, — слабым голосом произнес дон Луис. — Это еще что такое?

Анненков сочувственно кашлянул.

— Похоже, ваш сейф вскрыли, — заметил он. — Мне очень жаль, но, кажется, работы для меня в этом доме больше нет.

Де Легисамо покачнулся и судорожно ухватился за стену.

— Это невозможно... — пробормотал он. — Трехдюймовая легированная сталь... никакая горелка не в состоянии...

— А кроме кристалла вы что-нибудь там хранили? — спросил Анненков.

— Да, — сразу же ответил де Легисамо. — Письма... оригинал мемуаров прадеда... ничего, что могло бы заинтересовать вора...

— Ясно. Давайте все же посмотрим. И вот что — я не советовал бы вам совать руку в дыру. Если замок не поврежден, лучше открыть дверцу обычным способом.

— Конечно, — согласился дон Луис. — Смотрите, капитан, вот этим ключом открывается механический замок...

Ключ повернулся в замке беззвучно. Дрожащие пальцы де Легисамо потянулись к диску.

— Теперь нужно набрать последовательность из семи цифр: 9 2 4 2 9 1 8.

— Не слишком сложная последовательность. Девятка и двойка повторяются дважды.

— Я вкладывал в нее определенный смысл. Теперь нужно еще раз

повернуть диск до упора против часовой стрелки... вот так... и тогда дверца откроется.

Раздался громкий щелчок. Дон Луис неуверенно потянул ручку на себя. Массивная дверца отворилась неожиданно легко.

— Н-да, — резюмировал Анненков. — Нашего вора интересовали не письма...

Дно сейфа покрывали пожелтевшие от времени листы тонкой бумаги. Сверху на них было небрежно брошены несколько пухлых конвертов. Больше в сейфе ничего не оказалось.

— Боже всемогущий... — проговорил де Легисамо дрожащим голосом.

Капитан протянул руку и осторожно потрогал края дыры. На ощупь металл казался холодным и очень гладким, словно отшлифованным.

— Чем они это сделали? — проговорил Анненков задумчиво. — На бузеновскую горелку вроде непохоже...

— Какая разница? — в отчаянии махнул рукой дон Луис. — Какая, черт возьми, разница, если El Corazon исчез?

Анненков пожал плечами.

— В общем-то, вы правы. Это не самый важный вопрос. На вашем месте меня бы куда больше интересовало, когда был вскрыт сейф.

— На моем месте? — горько переспросил де Легисамо. — Вы весьма тактичны, капитан.

— Я всего лишь реалист. Пока камушек хранился в сейфе, я мог рассчитывать на неплохую работу. Те, кто его похитил, вытащили у меня из кармана десять тысяч долларов.

Некоторое время де Легисамо непонимающе смотрел на него, потом вдруг схватил за отвороты пиджака и начал с силой трясти.

— Найдите El Corazon! Полковник Стеллецкий намекал, что вы служили в русской контрразведке. Найдите кристалл, капитан, и вы получите куда больше десяти тысяч! Я щедрый человек, я обеспечу вас до конца жизни, только верните мне El Corazon!

— Уберите руки, — ледяным тоном скомандовал Анненков. Де Легисамо немедленно отпустил его пиджак. — Я очень не люблю, когда на меня кричат, дон Луис. Запомните это, если хотите, чтобы я взялся за эту работу.

— Хорошо-хорошо, — поспешно согласился хозяин дома. — Простите меня, я совершенно потерял голову. Так вы поможете мне, капитан?

Капитан отодвинул его в сторону и просунул руку в сейф. Вытащил

один из конвертов, оглядел, потом зачем-то понюхал и положил обратно.

— Я ведь не сыщик, дон Луис. А здесь нужен именно сыщик, какой-нибудь Пинкертон. Сокровище ваше украли. Вполне возможно, что это произошло довольно давно, и сейчас оно уже украшает собой декольте какой-нибудь дамочки из семейства Эспиноса...

Де Легисамо скривился еще сильнее.

— Нет! Это решительно невозможно! Вчера, перед тем как отправиться к водопадам, я спускался сюда и открывал сейф. El Corazon был на месте.

Капитан присвистнул.

— Что ж, в таком случае наше положение не вполне безнадежно. Скажите, а вы вообще часто приходили сюда... полюбоваться?

К большому удивлению Анненкова, де Легисамо зарделся.

— Не то чтобы часто... но, в общем, время от времени... скажем, раз или два в неделю...

Слова давались ему с таким трудом, будто хозяин поместья признавался в каком-то мелком, но постыдном грешке.

— В котором часу вы отпирали вчера сейф? — продолжал допытываться Анненков. Нельзя сказать, что допрос несчастного де Легисамо доставлял ему удовольствие. Во время обороны Крыма капитан несколько месяцев служил адъютантом генерала Климовича, начальника Особого отдела армии Врангеля, вдоволь наглядываясь на методы работы контрразведки и почти всегда сочувствовал ее клиентам. Но дон Луис напротился сам. Перспектива возвращаться на побережье несолоно хлебавши ничуть не прельщала Анненкова.

— Около трех пополудни, — промямлил де Легисамо. Выглядел он совершенно раздавленным. — И пробыл здесь около получаса... Но я совершенно точно помню, что запер сейф.

— Разумеется, заперли, — успокоил его капитан. — В противном случае вору не пришлось бы проделывать такую дыру.

— Да, конечно, конечно, — дон Луис сжал руками виски. — Проклятье, я совершенно потерял способность логически мыслить...

Капитан обошел помещение, внимательно разглядывая развешенные по стенам экспонаты.

— Здесь где-нибудь есть вторая дверь? — спросил он. — Какой-нибудь потайной ход или что-то в этом роде?

Дон Луис у него за спиной закашлялся.

— Нет, здесь нет... Сюда ведет только один путь — тот, которым пришли мы.

— Что значит — здесь нет? — перебил Анненков.

— Ну, есть нечто вроде старого подземного хода, который когда-то выводил из второго зала винных погребов к беседке в парке... Понимаете, моя прабабка, женщина очень властная, страшно пилила своего мужа за тягу к спиртному... А прадед...

— С пониманием. Где этот второй зал?

— За лестницей есть такая неприметная дверь...

Капитан почесал бровь.

— У кого еще есть ключи от двери в подвал?

Де Легисамо слегка помедлил с ответом.

— У Кристобая, мажордома. Но он, разумеется, не стал бы спускаться сюда без моего позволения.

— Давайте не будем спешить с выводами. Кто-нибудь кроме вас знал, какая комбинация открывает дверцу сейфа?

На этот раз дон Луис отреагировал мгновенно.

— Конечно, нет! Я хранил эти цифры в глубочайшей тайне...

— И открыли секрет первому встречному, — мягко укорил де Легисамо Анненков. — То есть мне.

— Ну так сейф в это время уже был вскрыт. Я, кажется, понимаю, к чему вы клоните. Нет, Юрий... вы позволите называть вас Юрий?... человека, который имел бы одновременно ключи от двери и от сейфа, в поместье нет.

— Однако у вора были ключи от двери в подвал. Если помните, она была заперта.

— Кстати! — де Легисамо хлопнул себя по лбу. — То-то мне показалось странным...

И он бросился к выходу из комнаты, нашаривая на связке нужный ключ. Анненков поспешил за ним следом.

— Он слишком легко поворачивается, — пробормотал де Легисамо, вращая ключ в замке. — Там всегда что-то заедало, иногда мне даже казалось, что эта чертова дверь больше не откроется... А теперь все идет, как по маслу...

— Как по маслу, — задумчиво повторил Анненков. — Ну-ка, ну-ка...

Он извлек из кармана спичечный коробок, вытащил спичку и, мягко оттеснив дону Луиса, вынул ключ из замка. Аккуратно, стараясь не сломать, ввел спичку в замочную скважину, потыкал ею туда-сюда...

— Дайте-ка лампу, — не то попросил, не то приказал он. Де Легисамо сдернул с крючка свою керосинку, поднес почти к лицу капита-

на. Тот внимательно осмотрел спичку: на желтоватой древесине можно было различить темные разводы.

— Масло, дон Луис. Замочек-то наш смазывали, причем не очень давно...

— Зачем? — удивился де Легисамо. — Все равно скрипа пружин никто бы не услышал.

— Вот и я думаю — зачем? — сокрушенно признался Анненков. — И честно вам скажу: не знаю.

— А сможете узнать?

Во взгляде влажных черных глаз дона Луиса было что-то невыносимо шенячье. Капитан отвернулся.

— Пока что я не могу дать вам никаких гарантий. Кстати, как звали вашего батюшку?

— Батюшку? — оторопел хозяин дома. — Хуан Матиас де Легисамо... но какое отношение?..

— Да никакого. Просто неудобно: вы меня по имени, а я вас «дон Луис». Уж лучше я буду вас по русскому обычаю именовать, по имени-отчеству: Луис Иванович.

По страдальчески сморщившемуся лицу хозяина дома было видно, что сейчас он готов на все.

— Вы, вероятно, не понимаете, Юрий... Этот кристалл — гордость и достояние нашего рода. Но помимо этого он имеет некую особую ценность... лично для меня.

Анненков задумчиво покрутил в руках спичку.

— Это я понял. И сдается мне, вы кое-чего не договариваете.

Де Легисамо раздраженно дернул плечом — свет от фонаря немедленно заплясал по старым каменным стенам.

— Ничего такого, что помогло бы вам в вашем расследовании. Достаточно знать, что El Corazon для меня крайне важен. У вас есть хорошая возможность заключить самый выгодный контракт в вашей жизни, так не теряйте же времени!

— О контракте поговорим позже. Для начала мне нужно будет переговорить с Николаем Александровичем. Что же до вас... можете сделать так, чтобы никто не покидал дом в течение хотя бы суток?

— Ну разумеется! — встрепенулся дон Луис. — Так вы думаете, есть шанс, что кристалл все еще в доме?

Капитан бросил последний взгляд на мерцающий стеклянный куб, под которым покоилась бесценная золотая маска, и повернулся спиной к сокровищнице.

— Давайте действовать, Луис Иванович, — сказал он. — А просчитать шансы всегда успеем.

6.

В гостиной танцевали. Электрический свет был погашен, горели лишь свечи в высоких канделябрах, расставленных по углам утопавшего в тених зала. Маленький оркестр наигрывал томительную аргентинскую мелодию, качавшую на своих волнах три пары, державшиеся на порядочном расстоянии друг от друга. Капитан уселся в кресло у самой двери и принялся вычислять, кто есть кто. В ближайшей к нему паре он узнал только мужчину — похожий на кота Отто фон Корф похозяйски обнимал за талию полную девицу, туго затянутую в творение портного-минималиста. В центре зала весьма откровенно изгибались Хорхе Гутьеррес и Миранда, а совсем уже в дальнем углу — край теней — долговязый Ланселот Стиллиутер бережно прижимал к себе юную Лауру Крус Сауро де Легисамо. Никаких следов Стеллецкого, как, впрочем, и Марии, Анненков в гостиной не обнаружил.

— Бокал вина, сеньор? — вкрадчиво произнес чей-то тихий голос у него за плечом. Анненков скосил глаза. Рядом с креслом склонился в почтительном полупоклоне то ли индеец, то ли метис в зеленой ливрее. В руках его дрожал металлический поднос с бутылкой и двумя бокалами. Вина Анненкову не хотелось, но ничего другого странный официант предложить явно не мог.

— Валяй, — разрешил капитан. Темная, густая, как венозная кровь, жидкость полилась в бокал. Несмотря на дрожащие руки, индеец (или метис) ухитрился не расплескать ни капли. Лицо у него было очень сосредоточенное. Когда Анненков кивнул ему — отчасти в знак благодарности, отчасти намекая, что больше не нуждается в обществе, — официант старательно улыбнулся, обнажив редкие и не вполне белые зубы.

— Хорошее вино, сеньор, — проговорил он. — Погреба нашего хозяина славятся на всю страну.

— Я запомню, — пообещал Анненков. — Да, кстати, милейший, не видел ли ты полковника Стеллецкого?

Официант, продолжая улыбаться, покачал головой.

— Нет, сеньор. Прошу прощения, сеньор.

Поднос в его руках по-прежнему ходил ходуном, бутылка опасно подрагивала.

— Иди и поищи, — велел капитан, сопровождая слова взмахом руки. — Как найдешь, доложи, что сеньор Анненков желает немедленно с ним переговорить. Понял?

— Понял, сеньор, — официант мелко-мелко закивал, приобретая удивительное сходство с китайским болванчиком.

Он поклонился и принялся пятиться в тень. Капитан, у которого беседа с официантом вызвала почему-то слабый приступ гадливости, скептически повертел в руках бокал и поставил его на широкий деревянный подлокотник кресла. Вина категорически не хотелось. Хотелось ледяной водки или, на худой конец, виски со льдом.

Музыка наконец смолкла. Лаура, высвободившись из объятий Стилуотера, устремилась к выходу. Гутьеррес и Миранда вежливо раскланивались друг с другом, и только фон Корф не спешил убирать пухлые ладони с талии своей партнерши.

Когда Лаура проходила мимо кресла Анненкова, капитан протянул руку и схватил девушку за тонкое запястье.

— Прощу прощения, сеньорита, — проговорил он, поднимаясь, — вы не могли бы уделить минуту вашего драгоценного времени?

Даже в полутьме гостиной было видно, как побледнело лицо Лауры.

— Вы меня напугали! У вас в Сибири так принято — прятаться, а потом набрасываться исподтишка? Вы так на медведей охотитесь, да?

— Не обезьянничайте, Лаура, — строго сказал Анненков. — Оставьте плоские шутки про медведей вашей тетушке... Лаура, мне нужна ваша помощь.

— Помощь? — девушка недоверчиво сощурилась. — Тетя говорила, что вы будете теперь вместо дяди Ника. Будете защищать нас от крококожанных индейцев и бунтовщиков. Чем же я могу вам помочь?

Капитан улыбнулся.

— Я не уверен, что смогу заменить дядю Ника, милая Лаура. И тем не менее я хотел бы кое о чем вас спросить.

Глядя на порозовевшие щеки Лауры, он с удовлетворением отметил про себя, что испуг у нее прошел. Теперь девушка казалась заинтригованной.

— Ну так спрашивайте! — капризно заявила она и надула губки. — А что это у вас тут? Вино?

И прежде чем Анненков успел что-либо сказать, схватила бокал и поднесла к губам.

— Ой, какое вкусное! Ничего, что я из вашего бокала? Тетушка такая злюка, никогда не разрешает мне выпить больше пары глоточков...

Капитан машинально обернулся.

— Ваша тетя совершенно права, — произнес он тоном заправского ментора. — В столь юном возрасте вино пить вредно...

— Да ну вас, — Лаура махнула на него рукой. — Я вот только чуточку пригублю... Да, вы что-то хотели у меня спросить...

— Вы слышали об амулете, который называют El Corazon?

— Это старинная реликвия нашей семьи...

— Вы ее видели? — продолжал давить Анненков. — Я имею в виду саму реликвию, а не ее изображение?

Губки Лауры задрожали.

— Да... нет... не помню... кажется, дядюшка показывал его мне, но это было давно, несколько лет назад... А почему вы спрашиваете?

Капитан взял ее тонкие, словно вырезанные из прозрачной бумаги, пальчики и осторожно поднес к своему лицу. Лаура не сопротивлялась — наверное, решила, что галантный сеньор Анненков собирается их поцеловать. Но мгновения все текли, а капитан по-прежнему задумчиво глядел на руку девушки, ничего не предпринимая.

— Вы ведь левша, не правда ли?

Лаура фыркнула и вырвала руку. Глаза ее сузились и стали похожи на лезвия обсидиановых ножей.

— А вы всегда так оригинально начинаете ухаживать за девушками? Анненков вздохнул.

— Как ни прискорбно, я не ухаживаю за вами, Лаура. Я пытаюсь понять, могли ли эти изящные пальчики проделать дыру в бронированном ящике, в котором дон Луис хранил El Corazon.

Девушка тоненько вскрикнула.

— Не может быть!

Капитан не успел воспользоваться ее замешательством. За спиной Лауры выросла длинная фигура Ланселота Стиллутера.

— Друг мой, — произнес англичанин с едва уловимой насмешкой, — мне кажется, вы напугали нашу юную леди. Время позднее, и маленьким девочкам пора спать... Кстати, а что это вы пьете, сеньорита?

— Разбавленное вино, — Лаура быстро облизнула губы. Вина в бокале оставалось разве что на донышке. — Не говорите тете, хорошо, дядя Ланс?

Стиллутер сделал страшные глаза и выразительно посмотрел на капитана.

— Я все-таки хотел бы знать, — с нажимом проговорил он, — чем вы так напугали Лауру. Я отчетливо слышал ее крик.

Девушка опустила глазки и принялась ковырять пол носком туфельки.

— Да ничего такого, дядя Ланс... просто сеньор Анненков рассказывал мне страшную историю... про привидения...

Стиллиутер вдруг цепко взял капитана за локоть.

— Вы позволите? Лаура, пожалуйста, никуда не уходи.

Заинтригованный Анненков двинулся вслед за англичанином.

Когда Ланселот Стиллиутер наконец повернулся к нему, в глазах его плескалось холодное британское бешенство.

— Вас что, не предупредили? — яростно зашипел он. — Лауре нельзя пить! Ни капли!

— В самом деле? Нет, никто мне об этом не говорил. Она что, больна?

Видно было, что Стиллиутеру ужасно хочется ответить какой-нибудь резкостью, но традиционное английское воспитание все-таки взяло верх.

— Да, черт возьми! Больна! Но хозяева дома предпочитают делать вид, что все в порядке, и я не виню их за это. Я целый вечер пасу эту маленькую дрянь, и тут вы с вашим вином! Какого дьявола вам вообще пришло в голову ее угощать?

— Эй, полегче, старина, — дружелюбия в голосе Анненкова заметно поубавилось. — Никто ее не угощал. Бокал стоял себе на кресле с тех самых пор, как его принес индеец.

— Какой индеец? — Стиллиутер нахмурил брови. — Я не видел никакого индейца!

— Ну, официант. Очень навязчивый. Все время улыбается и кивает...

У Ланселота глаза полезли на лоб.

— Официант-индеец? Вы уверены?

— Ну, разумеется. А вы что, хотите сказать, что в поместье нет официантов-индейцев?

Несколько секунд Стиллиутер смотрел на него, как на помешанного.

— Черт, я все время забываю, что вы не из здешних... Конечно, нет — с самого Каменного Пира. Впрочем, вы ведь эту историю наверняка не слышали...

— Ну так расскажите да побыстрее, пока наша дама не заскучала окончательно.

— Двести лет назад слуги «Холодной горы» — тогда здесь еще держали индейцев — замыслили заговор против дона Сармьенте де Леги-само. Поскольку мечи и тем более ружья индейцам иметь категорически запрещалось, они припрятали в укромных уголках усадьбы множество каменных топоров — страшное, надо сказать, оружие в умелых руках. Дождались подходящего момента — свадьбы одной из хозяйских дочек — и, когда гости как следует перепились, принялись кру-

шить им головы. По счастью, старый Сармьенте всегда таскал с собой два заряженных пистолета; это спасло ему жизнь и помогло подавить бунт, но семнадцать испанцев все-таки погибли. С тех пор в поместье служат только метисы, причем из числа самых проверенных. Вы, вероятно, перепутали, Юрий Всеволодович.

— Вот что, Ланселот, — Анненков незаметно для самого себя перешел на командный тон, — разыщите мажордома и узнайте, кому он поручил снабжать гостей напитками. А я пока доведу до конца разговор с сеньоритой де Легисамо.

Стиллаутер возмущенно распушил усы, но капитан не дал ему возразить.

— Поверьте, старина, это не моя прихоть. В поместье кое-что произошло, и дон Луис попросил меня в этом разобраться.

— All right, Юрий Всеволодович. Надеюсь, вы знаете, что делать.

«Обиделся, — подумал Анненков, глядя на окаменевшее лицо лейтенанта королевских драгун. — Джентльмен хренов...»

Вслух он сказал:

— Да, кстати, распорядитесь, чтобы усилили охрану поместья.

Хрящеватые уши Стиллаутера напряглись, словно у взявшей след охотничьей собаки.

— Готовится нападение? Кто вам об этом сказал?

Анненков покачал головой.

— Нет, дружище, речь не о внешней угрозе. Мне нужно, чтобы «Холодная гора» превратилась в мышеловку: отсюда никто не должен выскользнуть. Это возможно?

В глазах англичанина мелькнуло разочарование.

— Сложно. Территория слишком велика... Впрочем, я прикажу парням взять под наблюдение северную и западную дороги — кроме как по ним из поместья не выберешься. Можно, конечно, попробовать пройти через топи... но для этого нужно быть либо сумасшедшим, либо самоубийцей. Погодите, погодите! Вы говорите: в поместье что-то произошло, так? И хотите закрыть все входы и выходы, чтобы кто-то не улизнул? Неужели кто-то решился ограбить нашего хозяина?

Капитан холодно улыбнулся.

— Ваша проницательность делает вам честь, Ланселот. А теперь, ради всего святого, начинайте принимать меры.

Он отвернулся от Стиллаутера, ощущая сильнейшее замешательство. Да, разумеется, он сообщил англичанину вполне достаточно, чтобы тот догадался, что произошло в поместье. Но не слишком ли быстро Ланселот сложил два и два?

В следующую секунду связное течение его мыслей прервалось. Капитан увидел Лауру.

Лаура танцевала.

Оркестр в гостиную наяривал разухабистую мелодию, но девушка танцевала совсем в другом ритме. Казалось, она слышит какую-то тайную, звучащую только для нее музыку. Ее тоненькая фигурка изгибалась в волнах этой музыки, словно растущая на дне стремительного потока ниточка водоросли. Глаза у Лауры были закрыты, на пухлых губах блуждала бессмысленная улыбка. Глядя на нее, Анненков почему-то вспомнил представление театра марионеток, виденное им в Неаполе лет семь назад.

— Лаура! — он схватил девушку за руки и слегка встряхнул. — Лаура, с вами все в порядке?

Но уже ясно было, что не все. Из рта Лауры стекал тонкий ручеек слюны. Кожа побелела, под ней выступили вздувшиеся синие трубочки вен.

И внезапно, как по команде, оборвалась музыка. Лаура упала на капитана, словно та же марионетка, которой невидимым ножом перерезали ниточки.

— Доктора! — крикнул Анненков, оборачиваясь. Из гостиной уже спешили к ним Отто фон Корф и маленький майор Гутьеррес. Майор на бегу вытаскивал что-то из внутреннего кармана своего серебряного мундира. Подбежал, рванул лиф роскошного платья Лауры — жемчужины, как горох, брызнули в разные стороны, застучали по паркету.

— Держите голову! — свистящим шепотом приказал он Анненкову. — Выше, выше, вот так!

В руке его угрожающе блеснул металл. В первое мгновение капитану показалось, что Гутьеррес сжимает в пальцах стилет, но это оказалась всего лишь ложка, которую майор ловко просунул между зубов Лауры.

— Чтобы язык не откусила, — деловито объяснил он. — У нас в полку был случай...

Завершить рассказ он не успел. Лаура изогнулась, привстала... и ее вырвало прямо на щегольский мундир Гутьерреса. Ни на ее белое платье, ни на вечерний смокинг Анненкова, к счастью, не попало ни капли.

— Мьерда! — прошипел сквозь зубы майор. Он выпрямился и брезгливо отбросил ложку. — Да девчонка просто перепила!

Как будто услышав его слова, Лаура открыла глаза.

— Змея! — отчетливо произнесла она, указывая на Гутьерреса. —

Санта Мария, это же констриктор! Папа, папочка, забери меня отсюда! Я боюсь эту ужасную змею, папочка! Ну, где же ты? Дядя Ник, не бросай меня! Я буду хорошей, правда-правда! Только убери от меня эту страшную змею!

Майор в замешательстве отступил на шаг. Анненков слегка потряс Лауру за плечи.

— Девочка, здесь нет никаких змей!

— Есть! — неожиданно завизжала Лаура. — Они повсюду! Повсюду! И вон там, и тут! И вы... — она обернулась и в ужасе уставилась на капитана. — Вы тоже змея! Зачем вы сжимаете меня своими кольцами?

Безумный огонь, пылавший в глазах девушки, заморозил Анненкова. «Ничего себе припадок, — мысленно восхитился он. — Неудивительно, что старина Ланс так разнервничался...»

Отто фон Корф шагнул к Лауре и неожиданно отвесил ей увесистую оплеуху. Голова девушки мотнулась из стороны в сторону.

— Так поступают с истерическими женщинами, — спокойно объяснил немец. — Как правило, помогает очень хорошо.

Лаура, однако, оказалась исключением из правил. Она не только не пришла в себя, но и попыталась впиться зубами в пухлую ладонь военного атташе.

— Ящер! — вскрикнула она. — Огромный ящер с перепончатыми крыльями!

Миранда, черная и стремительная, оттолкнула фон Корфа и опустилась перед девушкой на колени.

— Лаура! — позвала она, крепко сжав виски девушки. — Лаура, девочка, ты меня слышишь?

— А ты — пума! Хищная, безжалостная пума! Ты хочешь разорвать меня на куски!

— С ней часто такое происходит? — вполголоса спросил Анненков у Миранды.

— Такое — впервые. Она что-нибудь пила?

— Да, выпила бокал вина. Стиллуотер сказал, что она больна...

Миранда наградила капитана свирепым взглядом.

— Больна, только не тем, о чем вы думаете! Во всяком случае, она не эпилептик. Год назад она потерялась в Черных Топях, отстала от всех во время охоты и едва не утонула в трясине. Когда ее нашли, она была без сознания, потом долго бредила, рассказывала про огромных змей, про какого-то духа, который вытащил ее из болота... С тех пор у нее случаются нервные припадки, и алкоголь их провоцирует.

— Ну-ка, Юрка, подвинься, — сказали за спиной у Анненкова по-русски. Капитан обернулся. В дверях стоял Ник, одетый в простые черные брюки и черную же рубашку навыпуск.

— Сейчас я ею займусь, — пообещал он. — Я под Каховкой полкового врача подменял...

Он наклонился и легко, словно перышко, поднял девушку на руки. Лауру колотила крупная дрожь, в уголках рта видна была красноватая пена.

— Ну-ну, малышка, — успокаивающе проговорил Стеллецкий, поглаживая ее по растрепавшимся волосам. — Дядя Ник здесь, все будет хорошо...

«Интересно, — подумал Анненков, — каким зверем она наречет Ника?»

Но маленькая паршивка спутала ему все карты.

— Дядя Ник, — прошептала она, прижимаясь к груди Стеллецкого. — Как хорошо, что ты здесь... ты пришел... ты меня спас... я ведь, знаешь, заблудилась в этих пещерах... тут кругом одни змеи и ящеры, такие страшные... Я тебя звала-звала... ты почему не шел? Ты представляешь, все кругом такое прозрачное, все видно насквозь... и тебя тоже видно насквозь, я вижу твое сердце... оно бьется там, под ребрами, такое смешное, как маленький красный комочек... Ты же меня любишь, дядя Ник?

Миранда выразительно фыркнула. Стеллецкий смущенно обвел взглядом всех присутствующих.

— Конечно, люблю, конфетка моя... а теперь пойдем, дядя Ник отнесет тебя домой, и ты немного поспишь.

— Я с вами, если позволите, — неожиданно предложил фон Корф. — В молодости я обучался медицине в Тюбингенском университете.

— Пожалуй, я тоже пойду, — сказал Анненков. — Да и ваша помощь, Миранда, будет совсем не лишней.

— Разумеется, — холодно ответила сеньора Прадо. — Я не настолько стерва, чтобы оставить любимую племянницу наедине с двумя гвардейскими офицерами и одним военным атташе.

7.

Рассвет застал капитана в библиотеке. Здесь было чисто, уютно, имелись удобные столы красного дерева. На одном из таких столов стояла пузатая бутылка «Баллантайна» и три высоких стакана. Еще одна бутылка (пустая) помещалась между четвертым и шестым томами «Истории Рима» Моммзена. Пятый том, место которого занимала бу-

тылка, пребывав в руках Ланселота Стиллиутера. Британец, казалось, с головой ушел в древнеримскую историю, периодически отрываясь от нее лишь для того, чтобы сделать очередной глоток виски.

— Индеец хотел отравить меня, — убежденно заявил Анненков. — То, что бокал взяла Лаура — досадная случайность, не более. Вино предназначалось мне.

— Бессмысленно! — покачал головой Стеллецкий. — Зачем кому-то, пусть даже твоему демоническому индейцу, тебя травить? Ты в поместье меньше суток, отношения ни с кем испортить не успел. Одно из двух: или вино здесь вообще ни при чем, или отравить изначально хотели не тебя...

Он потер хрящеватую переносицу.

— И ты знаешь, это какое-то странное отравление... Сначала я ужасно испугался за Лауру, но потом убедился в том, что ничего настоящего страшного с ней не происходит. Галлюцинации — да, сильные и яркие, но от галлюцинаций ведь еще никто не умирал... Кстати, после того, как фон Корф дал ей морфин, они необъяснимым образом прекратились. Если галлюцинации — побочный эффект, тогда непонятно, какой эффект основной. В общем-то, за исключением рвоты...

— От которой в основном пострадал мундир Гутьерреса, — добавил Анненков. Стиллиутер на мгновение оторвался от своего Моммзена и пробурчал что-то одобрительное.

— Вот именно! — Стеллецкий многозначительно поднял вверх указательный палец. — Остается предположить, что тебя просто хотели скомпрометировать. Предположим, ты приглашаешь на танец... м-м.. например, сеньориту Кордеро и в самый романтический момент... м-м... травишь ей в декольте. Натурально, скандал. Возникает вопрос, кому это могло понадобиться.

Анненков задумчиво повертел в руках стакан. Виски оставлял на стеклянных стенках маслянистые следы.

— У тебя здесь есть лаборатория? Помнится, ты всегда был неравнодушен к химии.

Ник досадливо махнул рукой.

— Лаборатория — слишком сильно сказано! Так, каморка... Все реактивы приходится выписывать из столицы, поэтому о серьезных исследованиях я и не мечтаю... Но для такой экспертизы хватило бы и моих скромных возможностей. Впрочем, я почти уверен, что это был не яд.

— Что же тогда?

— Джентльмены, — Ланселот Стиллиутер с треском захлопнул кни-

гу. — Исходя из того, что я узнал от вас о галлюцинациях сеньориты де Легисамо, в вино мог быть подмешан отвар из айяуаски.

— Айя... чего? — переспросил Анненков.

— Айяуаска, — терпеливо объяснил англичанин. — На местном языке означает «лиана душ». Еще ее называют «путь мертвых», потому что считается, будто человек, попробовавший ее отвар, отправляется напрямиком в мир духов.

— Индейские суеверия, — хмыкнул Ник. — Я что-то такое слышал. Эта лиана содержит наркотик, верно?

Стиллаутер поднес к губам бокал, отхлебнул виски и немного по-смаковал его во рту.

— Я бы поостерегся назвать это просто суеверием, Николай Александрович. Как вы знаете, в свое время мне пришлось повоевать в Амазонии. Тамошние индейцы используют айяуаску едва ли не каждый день. Саму лиану они называют натема, или йаге, и считают вместилищем божественной силы. Заготавливают ее так, как у нас в Англии дрова для камина: около каждой хижины всегда валяются три-четыре вязанки. Сбирать ее, кстати, имеют право только мужчины. Однако лиана — это еще не все. Чтобы приготовить из нее священный напиток, нужны листья кустарника, называемого чакруна. Листья эти считаются вместилищем света, и собирают их только женщины. Когда листья и куски лианы бросают в котел и варят, сила соединяется со светом и получается айяуаска. Действует она на всех по-разному, однако галлюцинации с участием огромных рептилий бывают почти всегда. Честно говоря, я и сам пробовал это зелье. Вдоволь нагляделся на всякую мерзость...

— Очень познавательно, — одобрил Анненков. — Вот только я уверен, что в бокале, который дал мне этот чертов индеец, было настоящее вино, а не какой-то отвар из лианы.

Стиллаутер иронически изогнул бровь.

— Вот как? Должен заметить, что если бы вам поднесли стакан с чистым отваром, вас вывернуло бы наизнанку от одного только запаха. Вероятно, тот, кто хотел вас отравить, вначале приготовил эссенцию, а затем смешал ее с вином.

— Вряд ли ваши дикари из джунглей на это способны, — ухмыльнулся Ник. Встретился глазами с Анненковым и осекся: — Что ты так смотришь, Юрка? Думаешь, это я у себя в лаборатории такими вещами занимаюсь?

Анненков перегнулся через стол и стукнул свой стакан о край стакана Стеллецкого.

— Нет, конечно. Но ведь твоей лабораторией мог воспользоваться кто-то другой...

Повисло напряженное молчание. Наконец Стиллуотер вежливо кашлянул.

— Джентльмены, я хотел бы напомнить вам, что таинственное отравление сеньориты Лауры — только одна из трех загадок, которые нам предстоит решить.

— Кстати, он прав, — с облегчением подхватил Стеллецкий. — Самое главное — кто и как взломал сейф и похитил кристалл.

— И куда делся проклятый индеец, — добавил Ланселот. — Кристобаль клянется Мадонной, что никого не посылал относить напитки в гостиную после полуночи. К тому же, как вы сами убедились, Юрий Всеволодович, индейцев среди слуг нет.

Первое, что сделал Стиллуотер после того, как велел своим головорезам закрыть входы и выходы из поместья, это согнал всех слуг на кухню, выстроил в шеренгу и показал Анненкову. Капитан несколько раз прошелся вдоль жалкой пародии на строй, придирчиво разглядывая смуглые лица, но никого даже отдаленно напоминающего давешнего индейца не обнаружил.

— Похоже, что мы в тупике, господа, — вздохнул Анненков. — Предположим, что вино отравил индеец; это возможно, хотя мы не знаем, для чего он это сделал и даже кого он хотел отравить. Но кто вскрыл сейф? Тоже он? Ни за что не поверю, что после такого дерзкого ограбления он задержался бы в поместье хотя бы на минуту. Да и потом, здесь на каждом шагу полно слуг, которые прекрасно знают друг друга и мгновенно вычислят чужака. Он должен был чувствовать себя зайцем в волчьей норе... Если, конечно, он не невидимка...

Неожиданно скользнувшая где-то на периферии сознания мысль заставила его замолчать. Анненков вспомнил, как растаял в воздухе однорукий индеец, встретившийся ему у взорванного моста. «Невидимка, — повторил он про себя, будто пробуя это слово на вкус. — А почему бы и нет?»

— Слушайте, Ланселот, — спросил капитан, пристально глядя на англичанина. — Помните, вчера у реки я рассказывал вам об одноруком индейце?

Стиллуотер небрежно кивнул и принялся раскуривать сигару. Анненкову показалось, что он нарочно прячет глаза.

— Он исчез, — с нажимом произнес капитан. — Растворился, стал невидимым. Я думал, что мне это показалось в горячке боя. А теперь начинаю сомневаться.

Англичанин равнодушно пожал плечами.

— У вашего официанта тоже не было руки?

— Да нет, с ним все было в порядке. Однако я хотел бы, чтобы вы рассказали мне побольше об Одноруком. Сдается мне, вы его знаете.

— Допустим, знаю, и что с того? В этих краях немного найдется людей, с которыми Ланселот Стиллуотер хоть раз да не встречался на горных тропах.

Стеллецкий тяжело вздохнул.

— Расскажите ему, Ланселот.

Стиллуотер недовольно откашлялся.

— При крещении его называли Хенаро, но настоящее, индейское, имя его — Руми, что значит «Камень». В молодости он служил в армии, говорят, был героем. А потом во время войны с колумбийцами ему шрапнелью оторвало руку, и он вернулся сюда, в горы. Община была готова его принять, ему даже построили дом, но он отказался от него и ушел жить в пещеры, где когда-то народ чачапояс хоронил своих мертвецов. Там он и жил, среди засушенных трупов, и в деревнях начали поговаривать, будто бы Руми стал брухо — колдуном. Брухо делятся на черных и белых: первые насылают порчу, вторые ее снимают — так вот, крестьяне считали, что Руми делает и то, и другое. Он мог сначала ради забавы напустить на какого-нибудь работника страшную болезнь, а потом, когда вся община соберет за него выкуп, вылечить...

— Ланселот, — проникновенно сказал Анненков, — ну вот вы англичанин, просвещенный мореплаватель, человек двадцатого столетия. Неужели вы верите в эти сказки?

— Я верю своим глазам, — отрезал Стиллуотер. — Я видел, как люди, подылавшие от кровавого поноса, выздоравливали, стоило проклятому колдуну обкурить дымом дурмана вылепленную из глины фигурку... Вы же готовы допустить, что индеец стал невидимым... Потом он поссорился с главой клана Эспиноса, хозяином земель, на которых стояла деревня его общины...

«Ага, — подумал капитан, делая мысленную пометку в воображаемом блокноте. — Вот и второй претендент на сокровище!»

— ...и вынужден был бежать. Предполагают, что где-то в своих странствиях он встретил молодого Инкарри и убедил его в том, что Золотой Трон инков только и ждет, пока юноша из угасшего много лет назад рода Атауальпы объявит его своим.

— Появление Хенаро — плохой знак, — прервал его прислушивавшийся к их разговору Стеллецкий. — Я не совсем понимаю, зачем ему

понадобилось играть в свои игры под носом у человека, который, не задумываясь, отправит его на каторгу.

— Что же он натворил? — осторожно спросил капитан. — И почему дон Луис должен отправить его на каторгу? Насколько я понимаю, к семейству Эспиноса он питает не самые теплые чувства?

Стиллаутер фыркнул, но промолчал. Стеллецкий бросил на него укоризненный взгляд и снова потянулся к бутылке «Баллантайна».

— Это старая история и довольно мрачная. Здесь не любят ее вспоминать...

Рассказ Ланселота Стиллаутера

Глория Васко д'Эспиноса была младшей дочерью Мигеля Эспиносы, хозяина плантации «Солнечная долина». Красавица каких мало. В тринадцать лет отец отправил ее в пансион благородных девиц мадам Колиньи в Манаусе. Там, в городе, распустившемся на болотистых берегах Амазонки, подобно ослепительно-белому цветку, в торговом сердце каучуковой и хлопковой империи, она и встретила молодого дону Луиса.

В те времена я состоял на службе у старого дона Мигеля, в той же должности, что сейчас у де Легисамо. Сказать, что старик ненавидел своего соседа, значит не сказать ничего. Древняя вражда двух соперничавших семейств усугублялась тем, что молодой и предприимчивый дон Луис торговал хлопком куда успешнее конкурентов, постепенно оттесняя Эспиноса куда-то на задворки хлопкового бизнеса. Сам дон Мигель торговлей не занимался, препоручив ведение дел своему старшему сыну Себастьяну Антонио, дураку и пьянице. Понятно, что «Холодная гора» обставляла «Солнечную долину» по всем статьям, а дону Мигелю оставалось только скрежетать зубами.

Во встрече Глории с доном Луисом тоже был виноват хлопок. Де Легисамо прибыл в Манаус, чтобы заключить крупный контракт на поставку большой партии товара. После того как бумаги были подписаны, посредник пригласил его и покупателя отобедать к себе домой. Дочь посредника училась в том же пансионе, что и юная Глория. И именно в этот день Глория д'Эспиноса гостила у своей подруги по случаю какого-то праздника — я уж и не помню какого. Молодые люди увидели друг друга... а дальше все произошло, как в пьесе моего знаменитого соотечественника Билла Шекспира. Две равно уважаемых семьи... в Вероне, где встречаются нас события...

Их роман был бурным и кратким. Прежде чем встревоженные воспитательницы успели сообщить Эспиносе о том, что его дочь тайно

встречается с женщиной из враждебного клана, дон Луис попросту выкрал Глорию из пансиона и увез в столицу. Там они сразу же обвенчались. Свидетелем со стороны жениха был молодой и блестящий офицер Мануэль Эрнандес Прадо, позже получивший прозвище Цезарь.

Старый дон Эспиноса, надо отдать ему должное, действовал очень быстро. Велел мне собрать самых отпетых головорезов, заплатил каждому вперед и самолично бросился в погоню за дерзким соседом. Мне он доверить операцию не захотел и оставил охранять поместье. Впрочем, я на него не в претензии, потому что из этой затеи ничего путного не вышло.

Легенда гласит, что разъяренный Мигель Эспиноса с отрядом отборных головорезов почти нагнал дочь и ее жениха на ступенях собора, но был вынужден отступить перед стальной цепью верных Мануэлю Прадо штыков. Тогда Эспиноса кинулся к своему старинному другу епископу Сьюдад-де-лос-Рейес, требуя признать женитьбу недействительной. Начались долгие и утомительные переговоры. Дон Луис с благородством истинного влюбленного предложил главе семейства Эспиноса забыть старые обиды и связать себя клятвой вечной дружбы. Старик поначалу ни о чем не хотел слышать, но потом, видно, сообразив, что де Легисамо совершенно потерял голову от любви, поставил условие: он снимет все возражения против брака дона Луиса со своей дочерью в обмен на El Corazon. И дон Луис, к его великому удивлению, согласился!

Они вернулись в сьерру вместе — странный отряд, состоявший из наемников Эспиноса и солдат, посланных полковником Прадо для охраны дона Луиса и его юной жены. А потом дон Луис простился с Глорией и отправился в свое поместье, чтобы забрать древнюю реликвию рода де Легисамо и отвезти ее в «Солнечную долину». Глория осталась с отцом: Мигель Эспиноса поклялся, что как только кристалл окажется у него в руках, он тут же отдаст распоряжение о подготовке к свадебному пиру. Насколько я знал старого мошенника, он не собирался обманывать недавнего врага — сокровище рода де Легисамо было для него важнее любимой дочери. Однако судьба распорядилась иначе...

На следующее утро после возвращения из столицы Глория исчезла. Поехала покататься на лошади и не вернулась. Не вернулся и сопровождавший ее слуга. После полудня старый дон Мигель погнал нас на поиски. К несчастью, в сьерре слишком легко потеряться и слишком сложно кого-то найти. Мы обнаружили тело Глории лишь к вечеру следующего дня. Она была по грудь закопана в землю и вся покрыта

татуировками. Очень искусными, но... омерзительными. До сих пор я иногда вижу их во сне и просыпаюсь в холодном поту и с бешено бьющимся сердцем. Еще она была раскрашена красной и черной краской, которая выглядела точь-в-точь как засохшая кровь.

В сьерре слухи разносятся быстро. Дон Луис узнал о гибели своей любимой в тот же день и примчался в «Солнечную долину» после захода солнца, один, без солдат, но и без El Corazon — видимо, заподозрил старого дона в обмане. А Эспиноса, который и так-то чуть с ума не сошел, увидев Глорию изукрашенной этими адскими рисунками, рассвирепел и велел затравить де Легисамо собаками. Обвинил его в том, что дон Луис якобы подослал к Глории убийц — специально, чтобы не отдавать тестю свое сокровище. Совершенно обезумел. Тогда-то я и оказал дону Луису первую услугу — пустил загонщиков вместе с собаками по другой дороге. Де Легисамо сумел добраться до «Холодной горы» целым и невредимым, а мои парни неожиданно наткнулись на слугу, который сопровождал Глорию в тот страшный день. Он был уже все равно что мертвый — лежал под высоким скальным гребнем с переломанными руками и ногами, весь ссохшийся от жажды и палящего солнца, но перед тем как отдать концы, успел рассказать о том, что случилось с хозяйской дочкой. По его словам, выходило, что в ущелье милях в двух от господского дома дорогу им преградили индейцы, человек двадцать. Все они были вымазаны красной и черной краской, а вел их однорукий Руми. Индейцы стащили Глорию и ее слугу с лошадей, связали и бросили на землю. Слуге повезло — он сумел переpleпить свои веревки острым кремнем и отполз в безопасное место. Глории, однако, он помочь не успел — явился негодяй Руми и принялся наносить ей на кожу свои богомерзкие татуировки. Девочка, понятно, кричала и плакала, но ей дали глотнуть какого-то питья, и она успокоилась. Такую вот, полусонную, блаженно улыбающуюся, ее и закопали в землю — опустили в неглубокую расщелину и забросали сверху мелкими камнями. Слуга, спрятавшись в своей расщелине, видел, как индейцы вымазали Глорию краской и принялись водить вокруг нее какой-то дьявольский хоровод. Он немного разбирался в индейских делах, потому как сам был полукровкой, и все твердил, что они исполняли очень древний обряд поклонения матери-земле. Раньше, при инках, так иногда приносили в жертву детей — опаивали дурманной настойкой и закапывали по пояс в землю. Сначала слуга надеялся, что к ночи индейцы разойдутся и ему удастся освободить Глорию, но потом что-то его сильно напугало, и он удрал. До дома, правда, так и не добрался — в темноте оступился и упал со скалы. Я

так и не узнал, что заставило его бежать, не разбирая дороги. Мне показалось, что от увиденного он слегка спятил. Бормотал что-то о духах и гигантских змеях, выползающих прямо из земли. По дороге в усадьбу он умер. Думаю, ему повезло — останься он жив, старый дон Мигель наверняка содрал бы с него живьем шкуру. Зато не повезло самому дону Мигелю — через несколько дней его хватил удар, и он, проболев пару месяцев, отдал Богу душу.

Во главе клана встал Себастьян Антонио, работать на которого мне совершенно не хотелось. Я расторг контракт, сел на коня и поехал в «Холодную гору», предлагать свои услуги дону Луису. Что же до однорукого Руми, его так и не поймали. Я мог бы это сделать... но Мигель Эспиноса умер, а Себастьян Антонио предпочел выписать из столицы целый отряд сыщиков. Конечно, они никого не нашли. Искать индейца в сьерре совсем не то, что ловить сутенеров в притонах Гуаякиля. К тому же Руми не был дураком и тут же бежал на восток, в Монтанью, сумрачный край дождевых лесов на восточных склонах Кордильер. Там, говорят, до сих пор живут племена, спасавшиеся еще от инкских армий...

Англичанин замолчал и некоторое время сосредоточенно пыхтел сигарой. Капитан разглядывал дно пустого стакана.

— Теперь ты понимаешь, почему упоминать об Одноруком при доне Луисе было бы нетактично? — мягко спросил Стеллецкий.

— Надо было промолчать?

— Чертовски жаль, что я не успел его подстрелить там, у реки, — задумчиво проговорил Стиллиутер. — Одной проблемой сейчас было бы меньше.

— Может, этот индеец и колдун, но вино Юрке подсунил кто-то другой, — Ник с сожалением вытряс из бутылки «Баллантайна» последние капли виски. — Кто-то, у кого было две руки. И мне кажется, господа, что сейф в подвале тоже вскрыл человек, у которого с руками было все в порядке.

— О, да, — согласился Анненков. — Продырявить трехдюймовую сталь не каждому под силу.

Стиллиутер поджал губы.

— Сталь хорошая. Настоящее немецкое качество. Кстати, о немцах: вы не находите странным, джентльмены, появление здесь этого тевтонского борова фон Корфа?

— Не узнаю тебя, Ланселот, — усмехнулся Ник. — Обычно ты более сдержан в своих характеристиках.

Англичанин не принял шутливого тона. Взгляд его прозрачных, слегка навывкате глаз замораживал, как дыхание арктической выюги.

— Я не считаю себя вправе сдерживаться, когда речь идет о шпионах, Николай Александрович. Отто фон Корф — военный атташе? All right! Но где вы встречали, джентльмены, военного атташе, который едет в забытый Богом медвежий угол ради того, чтобы договориться о поставках хлопка? Заметьте, даже не сукна для своей армии — хлопка! По-вашему, с этой пустычной миссией не могли справиться толстозадые немецкие чиновники, которые протирают штаны в торгпредстве?

— Сдается мне, вы не очень-то любите немцев, — заметил Анненков.

— Напротив, — холодно возразил Стиллаутер. — Моя младшая сестра замужем за профессором из Ганновера, так что с тевтонами я в некотором родстве. Кроме того, у меня нет причин ненавидеть какой-либо народ вообще. Но я чрезвычайно не люблю национал-социалистов.

— Этих шутов гороховых? — удивился капитан. — Бросьте, они ничего из себя не представляют. Я сталкивался с этой публикой, когда жил в Берлине. Их поколачивали все, кому не лень — коммунисты, социал-демократы, просто бюргеры из предместий. И потом, какой из фон Корфа национал-социалист?

— О, — сказал англичанин, подняв палец к потолку, — весьма важный. Я разговаривал с ним вчера вечером. Он, очевидно, рассчитывал произвести на меня впечатление и сыпал фамилиями. Гитлер, Гесс, Крупп — со всей этой публикой он накоротке. Может быть, он просто хвастает, не знаю. Но поверьте мне, джентльмены, этот господин вовсе не военный атташе.

Анненков с трудом подавил зевок. В высокие окна библиотеки уже вовсю светило солнце.

— Я знавал нашего военного советника в Белграде, — проговорил капитан. — Еще до февральского переворота. Так вот, он тоже не производил впечатления человека, имеющего отношение к армии. Однако же, будучи искусным дипломатом, принес империи немало пользы.

— Никакой он не дипломат, — махнул рукой Стиллаутер. — Он ученый, скорее всего, историк. Но при этом убежденный национал-социалист.

— Если он и ученый, то какой-то странный, — возразил Стеллецкий. — За ужином он объяснял мне, что мы живем не на поверхности Земли, а в какой-то внутренней полости, небольшом пузыре воздуха внутри безграничной скалы. Представляете? А в межпланетном про-

странстве вроде бы полно льда, и когда ледяные глыбы сталкиваются в небе, у нас происходят всякие катастрофы. Ну не бред ли?

— Бред, — не стал спорить Анненков. — Но я так и не понял, к чему вы клоните, господа. Хотите сказать, что эта сытая морда незамеченной пробралась в подвал и непонятным образом вскрыла сейф с сокровищем? Честно говоря, не верю.

Повисло молчание. Потом Ник с грохотом обрушил свой пустой стакан на полированную поверхность стола.

— Да кто угодно это мог быть, понимаешь? Кто угодно! Мы здесь сидим, ломаем головы, а зачем? Все равно ведь ничего не вычислим! Нужно действовать, господа!

Он рывком поднялся, оттолкнув кресло.

— Предлагаю немедленно обыскать весь дом! Чертов индеец не мог нигуда деться...

— Тогда следует взять с псарни собак, — предложил Стиллуотер. — Жаль, что в «Холодной горе» не держат специально натасканных псов. У старого дона Мигеля Эспиноса, помнится, таких было штук шесть.

Анненков недоуменно взглянул на него, надеясь, что англичанин шутит, но тот, судя по всему, был совершенно серьезен.

— Обойдемся без собак, — отрезал капитан, вставая. В голове у него после бессонной ночи и выпитого виски слегка шумело. — Сейчас половина шестого утра. К девяти мы должны закончить обыск в доме. Ланселот, среди ваших парней есть охотники?

— Охотники? — слегка озадаченно переспросил Стиллуотер. — Да, есть один парень с востока, он прежде зарабатывал себе на жизнь охотой на ягуаров.

— Отлично. Тогда отправьте его искать следы. Если похититель успел улизнуть, мы должны хотя бы знать, куда он направился. А если не успел — тем лучше. Мы возьмем его до полудня.

В холодных глазах Ланселота Стиллуотера мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Есть, сэр! — ответил он и поднялся. — Думаю, с вами мы сумеем вернуть El Corazon...

8.

Полковник Николай Стеллецкий

Юрка ничуть не изменился с того памятного утра, когда мы прощались с ним в пропахшем рыбой и специями порту Константинополя. Нет, конечно, годы взяли свое — и щетина у него теперь была не иссиня-черная, как когда-то, а словно бы из алюминиевых проволо-

чек, да и вообще он исхудал, стал поджарым, как волк, превратился в тугой узел мускулов и нервов — его энергичная, резкая манера держаться особенно бросалась в глаза на фоне сонной жизни поместья. Но внутри он остался все тем же надменным мизантропом, которым был все годы нашего знакомства — начиная с юнкерского училища. Он никогда не ставил людей слишком высоко, считая их недалекими и даже тупыми созданиями — разумеется, не по отдельности, а en masse. В этом смысле они с Ланселотом нашли друг друга: англичанин тоже не сходил с ума от любви к человечеству. И если поначалу Ланс относился к Юрке настороженно, то после обыска усадьбы стал смотреть на него, как на равного. Видимо, лейтенанту королевских драгун никогда не приходилось видеть, как работают русские военные контрразведчики.

Правда, пропавшее сокровище мы так и не нашли. Юрка расстроился — он всегда переживал, когда что-то складывалось не так, как он задумал или надеялся. А я едва ли не обрадовался. С Луисом мы знакомы лет шесть, еще с приснопамятного мятежа в Параибо, и все это время тень фамильного сокровища висит над ним, словно наложенное проклятие.

Как-то в Байресе я толковал с одним тамошним поэтом, забавным близоруким юношей, похожим на завсегдатаев «Бродячей собаки», с которыми я водил дружбу в Петербурге — звали его, кажется, Хорхе. Этот поэт, воздав должное дрянному аргентинскому рому, рассказывал мне о странных предметах, способных магнетически притягивать к себе мысли человека — мало-помалу они завладевают его воображением и становятся для несчастного единственной реальной вещью в мире. Отчасти это похоже на страстную влюбленность, объяснял он, когда все твои помыслы и чувства прикованы, словно каторжник к ядру, к образу любимой. Судьба каждого, кто найдет такой предмет — Хорхе называл его «заир», — сильнейшая психологическая зависимость, а потом неизбежное безумие. Иногда мне казалось, что El Soqazon стал для Луиса таким заиром. Когда мы достаточно сблизились — испанцы и креолы, как правило, искренни и открыты в дружбе и в этом здорово похожи на нас, — он открыл мне тайну загадочного талисмана, принадлежавшего роду де Легисамо. Я осторожно намекнул Луису, что он мог бы проверить свойства камня на мне. Для чистоты эксперимента я предложил ему записать, чего именно он хочет от меня добиться, а бумагу с записью спрятать в сейф и предъявить лишь после того, как желаемое будет получено (или, соответственно, не будет). Риска в этом я не видел решительно никакого: лет

пятнадцать назад в Петербурге модный восточный лекарь Бадмаев с сожалением констатировал, что я почти невосприимчив к гипнозу. Однако Луис наотрез отказался использовать древнюю реликвию, чтобы внушить мне какую-либо идею, сказав, что это несовместимо с его представлениями о дружбе. Я, разумеется, не стал настаивать, поскольку не сомневался: в глубине души он и сам прекрасно понимает, что его сокровище представляет собой всего лишь большой кристалл горного хрусталя причудливой формы. Но Луис продолжал вести себя так, будто был совершенно уверен в чудесных свойствах кристалла — например, уверял меня, что его успехи на поприще торговли хлопком самым тесным образом связаны с древней реликвией. В иные дни он беспрерывно твердил о своем чудесном камне — и должен признаться, что я с трудом сдерживался, чтобы не наговорить ему резкостей.

Впрочем, в это время наша дружба уже обрела черты своеобразного делового партнерства — я взял на себя решение вопросов, связанных с безопасностью его хлопкового бизнеса, и получил некую, не слишком большую, долю в доходах от продажи товара. Поэтому я считал необходимым держать свои критические замечания при себе. Так продолжалось несколько лет, пока наконец в жизни Луиса не появилась Машенька.

Они познакомились в Баие осенью 1929 года, а уже спустя три месяца Луис привез Машеньку в «Холодную гору» и объявил о том, что они поженились. Кумушки на соседних плантациях, конечно, долго не могли успокоиться: де Легисамо считался в округе завидным женихом. Многие наследницы креольских родов были бы счастливы пойти с ним под венец, однако сам Луис не обращал на них никакого внимания; виной тому были трагические события его юности. И тут вдруг — неожиданно для всех! — он привозит откуда-то жену, да к тому же не креолку, а русскую. Разумеется, пошли пересуды. К счастью, Машенька, благодаря своему кроткому нраву и природному очарованию, сумела склонить на свою сторону даже самых рьяных своих противниц и была принята в местное общество. Тут-то Луис вновь принялся твердить мне о своем чудесном кристалле. Мол, только благодаря ему такая красавица, как Машенька, вообще обратила внимание на старого, потрепанного жизнью Луиса де Легисамо. Он уверял меня, что проводил целые ночи, умоляя El Corazon о помощи, прежде чем Машенька согласилась выйти за него замуж. Вполне возможно, что так оно все и было, но я впервые позволил себе твердо указать своему другу и деловому партнеру, что ему не следует увлекаться подобными идеями и особенно рассказывать о них посторонним. Тонкая, ранимая натура

Машеньки, несомненно, восприняла бы этот досужий вымысел как болезненный и, пожалуй, даже предательский удар. Кому приятно узнать, что его выбор был сделан не самостоятельно, под влиянием чувств или рассудка, а в результате каких-то магических манипуляций? И пусть даже это полная чушь, одно только подозрение, что любимый человек способен на подобные козни, может омрачить даже самое светлое чувство...

Все это я изложил Луису, надеясь, что здравый смысл в нем возобладает над властью древнего предрассудка. Но вышло скверно: он решил, что я считаю его сумасшедшим да вдобавок позволяю себе вмешиваться в его личную жизнь. Мы поссорились и даже дрались на дуэли; стрелком Луис оказался никудышным, а я прострелил ему шляпу (само собой, специально) и на том успокоился.

Однако после этого случая он перестал быть со мной откровенен. Да и вообще замкнулся, ушел в себя, стал нелюдим. Меня это не слишком огорчало: я считал, что чем меньше времени мой друг и партнер проводит со своими собутыльниками, тем лучше для дела. А вот Машенька сильно переживала. Именно в это время мы с ней очень сблизились, как только могут сблизиться заброшенные судьбой на край света соотечественники... и как-то само собой вышло, что странная мания де Легисамо стала постоянной темой наших разговоров. Луис и Машеньке рассказывал о кристалле — опуская, конечно, трагические детали своей первой неудавшейся женитьбы и пикантные подробности ухаживания за ней самой. При всей романтичности натуры Машенька, разумеется, ни секунды не верила в сказки о старинных индейских амулетах, способных подчинять волю и чувства людей. Но легенда показалась ей очень красивой, а сам кристалл понравился еще больше. Она даже умоляла мужа, чтобы тот позволил ей носить El Corazon на цепочке как украшение, но Луис, обычно ни в чем ей не отказывавший, на этот раз уперся. «Кристалл будет храниться в сейфе, — отвечал он, — и ты никогда его не наденешь». Я думаю, Луис боялся, что талисман принесет Машеньке несчастье, ведь он уже стал однажды косвенной причиной гибели Глории, но объяснить этого же не по понятным причинам не мог. Непреклонность де Легисамо только разжигала Машенькино желание сорвать запретный плод, и кто знает, чем бы это все кончилось, если бы мне не пришла в голову простая, но очень удачная мысль. Я посоветовал Машеньке заказать у столичных ювелиров точную копию камня и хранить сей факт в тайне от всех, кроме, разумеется, самого Луиса. Тогда, появляясь в свете — если можно назвать этим словом сборище безнадежно провинциальных

плантаторов и членов их семей, — она сможет блистать, считаясь хозяйкой баснословно дорогой безделушки, ради которой многие семьи готовы прозакладывать свой дом и всю свою родню в придачу.

Машенька пришла от моей хитрости в восторг и без особого труда уговорила Луиса оплатить эту маленькую мистификацию. Мне пришлось несколько раз съездить в столицу — сначала найти надежного ювелира (контора «Мозес Лазарсон и сыновья»), затем разместить заказ, проконсультировать изготовление подделки (оригинал, мне, конечно, никто с собой взять не позволил, пришлось довольствоваться рисунками), заплатить двойную цену за то, чтобы Лазарсоны сохранили все в строжайшем секрете — в общем, несколько месяцев у меня хлопот был полон рот, а что в результате? Машенька пару раз надела фальшивый El Corazon, покрасовалась перед плантаторами и их женами, произвела фурор в высшем обществе Манауса. И совершенно охладела к очаровательному украшению. Впрочем, сердиться на нее за такую ветреность я не мог, поскольку к этому времени отношения наши несколько изменились. Луис все больше отдалялся от жены, всецело поглощенный своим бизнесом, и Машенька чувствовала себя одинокой и покинутой. И хотя по-прежнему не знала ни в чем отказа, мне она казалась редкой и нежной птицей, запертой в золотой клетке. Такой клеткой стала для нее белая башенка, выстроенная де Легисамо в некотором отдалении от хозяйского дома; Машенька говорила, что коридоры и темные залы старой усадьбы наводят на нее меланхолию. От восточного флигеля к башенке вел крытый переход, обшитый кедровыми панелями, но у Машеньки был и отдельный вход. Сначала она перебиралась в башню только на время отлучек мужа — а Луис по-прежнему часто уезжал то в Манаус, то в столицу, и если в первые месяцы после женитьбы он возвращался из этих разъездов, пылая нетерпением и страстью, то уже через год стал задерживаться там гораздо дольше, чем требовали дела. А потом генерал Прадо попытался совершить переворот и был убит во время штурма президентского дворца. Темная история с этим мятежом: достаточно сказать, что люди, пришедшие после его подавления к власти, состояли в том же тайном обществе, что и Цезарь, поэтому представили дело так, будто бы генерал защищал закон и порядок и погиб, исполняя свой святой долг. После смерти генерала поползли слухи о миллионах, осевших на его счетах в европейских банках в результате каких-то очень успешных тайных сделок. Думаю, это миф: не представляю, чем нужно было торговать Цезарю, чтобы сколотить эти миллионы. Но латиноамериканцы склонны к преувеличениям и легко верят в сказки, которые сами же и придумывают — именно поэтому в столице

никто не сомневался в том, что генерал Прадо покинул этот мир сказочно богатым человеком. Охотников за наследством Цезаря сыскалось предостаточно; из-за их настойчивости молодая жена генерала, Миранда, была вынуждена искать убежища в «Холодной горе». Вскоре после ее появления стало ясно, что симпатия, которую Луис питает к кухне, далеко выходит за рамки того, что можно считать родственными чувствами. Машенька окончательно перебралась жить в башню... а мне был дарован ключ от ее дверей.

Я рассказываю всю эту долгую историю лишь для того, чтобы объяснить, почему исчезновение талисмана совсем меня не расстроило. Похоже, эта штукавина действительно обладала магическими свойствами, только не теми, о которых говорилось в легенде и в которые верил мой друг и партнер. Мне кажется, что таинственный кристалл окутывала атмосфера какого-то неясного зла, что-то вроде тени невообразимо далекого прошлого, губительная для светлых и чистых чувств. Ничем иным я не могу объяснить внезапное охлаждение Луиса к своей молодой жене — охлаждение, бросившее нас с Машенькой в объятия друг друга, но сделавшее жизнь в «Холодной горе» напряженной и полной скрытых противоречий. В своем грехе я, как, впрочем, и большинство грешников, стремился винить не себя, а некие непреодолимые обстоятельства, и тут El Corazon пришлось как нельзя более кстати. Долго я уговаривал себя, что если бы не эта каменюка, де Легисамо не сошел бы с ума и не разлюбил Машеньку, а я избежал бы горестной необходимости соблазнять жену друга и делового партнера, прикрывая собственную страсть рассуждениями о духовной помощи и человеколюбии. Конечно, исчезновение кристалла, похищенного чьей-то дерзновенной рукой, уже не могло изменить ситуацию, но мне было бы спокойней знать, что злое волшебство кристалла никогда больше не повлияет на судьбы близких мне людей.

Поэтому, если я переживал из-за чего-то тем памятным утром, то вовсе не оттого, что, перевернув вверх дном всю усадьбу, мы так и не обнаружили следов пропавшей драгоценности. По мне, всем стало бы только лучше, если бы она провалилась в ад. Видите ли, вскрытый сейф в сокровищнице де Легисамо — это, прежде всего, прокол в моей работе, ведь пока мы с Луисом не уехали в столицу, за безопасность «Холодной горы» отвечаю я. Так что в то утро я нервничал ничуть не меньше, чем другие участники поисков, хотя мотивы наши были несколько различны. И уж совсем мне стало худо, когда Ланселот обнаружил в высохшем колоде за псарней труп индейца в черно-зеленой форме официанта.

9.

Лицо индейца успели попробовать на вкус какие-то мелкие грызуны, но основные черты еще угадывались, и Анненков решил, что труп принадлежит тому самому «слуге», который настойчиво предлагал ему выпить вина.

Ланселот Стиллуотер присел рядом с ним на корточки и внимательно осмотрел повреждения.

— Шея сломана, — сказал он, пыхнув папиросой. Серый столбик пепла упал на щеку индейца. — И голова пробита чем-то тяжелым, видите?

— Вижу. По-моему, сперва его стукнули как раз по голове.

— А потом сбросили в колодец? Да, похоже на правду.

Капитан оглянулся. Трое слуг, помогавших вытаскивать труп из колодца, опасливо жались поодаль.

— Полагаю, никто ничего не видел и не слышал. Но я бы на всякий случай опросил людей.

Ланселот хмуро кивнул.

— А ведь в «Холодной горе» такое впервые, Юрий Всеволодович. У соседей бывало: подерутся пеоны, иногда кого-нибудь насмерть зарубят... А здесь — никогда.

Анненков перевернул труп и принялся исследовать его карманы.

— Так ведь и драгоценности такие, я полагаю, здесь раньше не пропадали.

Тяжелыми шагами подошел Стеллецкий, остановился в двух шагах от тела, кашлянул.

— Дон Луис хочет поговорить, — сообщил он в пространство.

Капитан извлек из правого кармана сюртука бедняги-официанта маленькую железную шкатулочку, не без труда открыл ее, осторожно понюхал содержимое.

— Что за черт? Вы про это нам рассказывали, Ланселот? Айя... хуа... ну, вы поняли?

Англичанин мельком заглянул в шкатулочку и скептически усмехнулся.

— Нет, это просто кока. Местные жуют ее, чтобы поддержать силы. Смешивают с известью и жуют. Здорово помогает от горной болезни.

— Дон Луис хочет поговорить, — повторил Ник. Анненков наконец взбесился.

— Так пусть приходит и разговаривает! — рявкнул он. — Мы делом заняты! Время не ждет!

— Он сейчас у Лауры. Она все еще не пришла в себя.

Стиллуотер покачал головой.

— Мне очень жаль, сэр. Я обязан опросить слуг. Судя по всему, этого бедолагу прикончили незадолго до рассвета, так что есть небольшой шанс, что убийца не успел уйти далеко.

— Если он вообще уходил, — буркнул Анненков, поднимаясь. — Я думаю, что он все еще в доме. И индейца убрали как раз поэтому.

Стеллецкий наморщил лоб.

— Ты хочешь сказать, что похититель и человек, который дал тебе яд, разные люди?

— Именно. Индеец, скорее всего, просто выполнял поручения преступника и знал его в лицо. Когда необходимость в помощнике отпала, преступник поспешил от него избавиться.

— Согласен, — Ланселот закурил новую папиросу. — Но почему вы так уверены, что убийца все еще здесь? Может, он давно уже удирает с камнем в кармане по направлению к столице?

Анненков пожал плечами.

— Интуиция. Да еще, быть может, тот факт, что этот тип пытался меня отравить уже после того, как кристалл был похищен из сейфа. Логика в этом поступке никакой, поскольку я вряд ли представлял для похитителя какую-то опасность. А это значит, что убийца вынашивает новые планы, о которых мы, господа, пока что ничего не знаем. И это обстоятельство, скажу честно, меня несколько нервирует.

Ник выразительно хмыкнул.

— Будь так любезен, изложи свои соображения гранду. Он, знаешь ли, тоже нервничает.

Капитан вытянул из кармана брюк стальную луковицу часов, откинул крышку и некоторое время что-то считал, шевеля при этом губами.

— Сейчас половина одиннадцатого. Я обещал, что мы возьмем похитителя до полудня, а теперь нам нужно искать еще и убийцу. Хорошо, мы пойдем к дону Луису, тем более, что в комнатах Лауры, кстати, обыск еще не проводился. Но на все разговоры с ним у нас есть полчаса. Ланселот, что там ваш охотник?

Англичанин пожал плечами.

— Охотится. Если кто-то пытался бежать из усадьбы сегодня на рассвете, он его найдет. Ну, или, по крайности, найдет следы.

— Время не ждет, — повторил Анненков. — Ладно, Ник, пойдем пообщаемся с Луисом Ивановичем.

Комнаты Лауры располагались в северном крыле усадьбы, под са-

мой крышей. Идти туда пришлось по памятной капитану деревянной галерее, увитой виноградом.

— Скажи, Ник... — Анненков остановился, сорвал темно-фиолетовую ягоду, кинул в рот, разжевал и выплюнул за перила — показалось кисло. — А что за дела у вас с грандом в столице?

Стеллецкий помрачнел.

— На рожон лезет гранд, вот что. Помнишь, у нас в полку был такой Саша Авцоев, его еще Овцой звали?

Капитан кивнул и сорвал еще одну ягоду. Эту даже пробовать не стал, покрутил в пальцах и выбросил.

— Так вот, Овца... вроде спокойный же был мужчина, рассудительный, а как доходит до боя, в него словно бес вселялся. Да ты же сам его знаешь... То папироски под огнем курит, то в одиночку на роту немцев скачет с шашечкой. В общем, на рожон лез Овца. Напомнить, чем кончилось?

— Вроде убили его, — равнодушно сказал Анненков. — Так что в столице?

— Ты меня чем слушаешь? — обиделся Ник. — Я же тебе русским языком объясняю: гранд хочет предъявить права на наследство Цезаря, а это, между прочим, двести миллионов фунтов стерлингов.

— А он имеет на них право?

— В том-то и дело, что нет. Наследница — Миранда, но ей никто не позволит прикоснуться к деньгам. У генерала Прадо было слишком много влиятельных друзей, которые тоже не прочь откусить от пирога. Луис собирается с ними договориться.

Капитан с интересом посмотрел на товарища.

— И это ты называешь «лезть на рожон»?

— В столице свои порядки. Такая страна. Если какой-нибудь столичный хлыщ заявится сюда, в сьерру... ну, вот как этот дурачок Гутьеррес, например... ему придется соблюдать законы сьерры, понимаешь? Нельзя, скажем, нанести визит Эспиноса, а потом сразу поехать к де Легисамо, это считается ужасным оскорблением обоих семейств. В столице еще хуже. Там свои могущественные кланы, которые на аристократов сьерры плевать хотели — в основном это профессиональные военные. Они могут даже происходить из старых креольских родов, но принадлежат уже совсем другому миру. Пока был жив Цезарь, Луиса в этом мире... терпели. Но теперь, когда он остался один, с ним церемониться не станут. Прихлопнут, как комара. Я говорил ему! Я много раз говорил ему, но он ничего не хочет слушать. И все из-за этой кошки, Миранды!

— Миранды?

— А ты еще ничего не понял? Гранд влюблен в нее по уши, а она вертит им, как хочет. Понятно, если его Миранде пришла в голову блажь получить деньги покойного мужа, он в лепешку расшибется... Похоже, этим все и закончится.

— Но ее можно понять, — заметил Анненков. — Двести миллионов фунтов — деньги немаленькие. Значит, Луис собирается лезть прямо-ком в пекло, а ты, конечно же, должен прикрывать ему спину?

Стеллецкий мрачно кивнул. Желваки ходили у него на лице, словно поршни паровой машины.

— Дело-то не во мне... Машку жалко, понимаешь? Вот закопают нас с грандом, а о ней кто позаботится?

Он судорожно вздохнул и отвернулся.

— Ты поэтому меня сюда вызвал? — очень спокойно спросил Анненков. — Из-за нее?

— Сначала — нет, — извиняющимся тоном пробормотал Ник. — То, первое письмо... я же его написал давно, еще до всей этой истории с наследством. А потом, когда ты ответил, тут уже — да, тут надо было что-то предпринимать. Мы с ним, знаешь, как ругались? Он не хотел ждать, рвался в столицу, как будто у него под хвостом горчицей намазано... Потом, правда, успокоился, согласился потерпеть до твоего прибытия.

— Почему? Миранда хватку разжала?

Стеллецкий нехорошо усмехнулся.

— Эта разожмет... Нет, ее-то как раз бесило, что поездка откладывается. Но гранд, похоже, что-то там для себя решил, а своих решений он не меняет. И знаешь что? Сдается мне, это «что-то» наверняка было связано с его ненаглядным камнем.

— Так «сдается» или наверняка?

— Доказательств у меня нет. Просто я за эти годы неплохо его изучил. Если он каждый вечер спускается в подвал, значит что-то просит у камня.

— Понятно. Ладно, пошли, он там заждался нас, наверное...

В комнатах Лауры было полутемно и пахло лекарствами. Девушка лежала на большой постели под марлевым балдахин, один полог которого был свернут до потолка. У кровати сидел дон Луис — бледный, осунувшийся. За его спиной стояла Миранда, узкие ладони ее покоились на плечах де Легисамо, будто она только что массировала ему шею.

— Пожалуйста, тише, — прошептала она. — Девочка только что уснула.

— Что же она до этого делала? — удивился Анненков. Миранда посмотрела на него как на идиота.

— Металась в бреду. Несла какую-то дикую чушь про разбитые зеркала и прячущихся в колодцах мертвецов...

— Что? — ахнул Ник. — Откуда она знает?..

— Не кричи, ради всего святого! — зашипела Миранда. Дон Луис неуверенно повел плечами, словно желая высвободиться, но пальчики с накрашенными черным лаком коготками держали крепко. — О чем она знает?..

— Сеньорита, — ровным голосом сказал Анненков, — полчаса назад мистер Стиллаутер обнаружил в пустом колодце тело того самого человека, который вчера в гостиной подал мне отравленное вино. Даже если вам об этом уже сообщили, то откуда о трупe может знать Лаура?

Миранда отшатнулась, словно Анненков помахал у нее перед носом дохлой крысой.

— Святая Мадонна! Какое ужасное совпадение!

Де Легисамо все-таки нашел в себе силы и поднялся. Под глазами у него темнели круги.

— Невероятно, господа! Совпадение и вправду чудовищное, но вы должны понимать...

— Это не совпадение, — громко и отчетливо произнес чей-то голос. Все, включая капитана, вздрогнули от неожиданности. — Не совпадение, отнюдь.

— Дорогой Отто, — укоризненно произнес дон Луис. — Вы так тихо себя вели, что мы забыли о вашем присутствии...

— Я никогда не произвожу лишнего шума, — с достоинством ответил фон Корф, появляясь из-за балдахина. В руках у него была склянка черного стекла и устрашающих размеров шприц. — Инъекции, которые я сделал несчастной девочке, несомненно, помогут. Как видите, она уже спокойно спит. Однако как ученый я весьма расстроен тем обстоятельством, что не могу и дальше изучать феномен воздействия айяуаски на психику представителя средиземноморской расы.

10.

Барон Отто фон Корф

Проклятая латинка отключилась только после четырех кубиков морфина. Если бы солдаты Рейха обладали такой сопротивляемостью к седативным средствам, их боеспособность повысилась бы на поря-

док! Разумеется, все это легко объяснялось беспримерным всплеском активности коры головного мозга и центральной нервной системы, стимулированным айяуаской. Я много слышал об этом удивительном наркотике, но ни разу не видел его в действии. И уж конечно, меньше всего я ожидал столкнуться с ним здесь, в «Холодной горе», куда прибыл по совершенно иному поводу.

Когда де Легисамо, отводя взгляд и отвратительно потея, сообщил мне о том, что Ключ Души украден, мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не пристрелить негодяя на месте. Мерзкий лжец, как и все латины! Признаюсь, сначала я заподозрил дона Луиса в том, что он специально симитировал похищение кристалла, чтобы набить цену. Потом одумался — поднимать, собственно, было уже некуда. Коды к номерным счетам в банках Цюриха и Женевы, которые я привез в эту глушь, стоили больше, чем целый вагон золота. Другое дело, что воспользоваться ими де Легисамо не мог — требовалось одобрение остальных членов Триумvirата, президентом которого некогда был Мануэль Гарсия Прадо по прозвищу Цезарь. Надеюсь, вы понимаете, что в таких делах нельзя работать без страховки — ведь получи хозяин «Холодной горы» все и сразу, он легко мог поддаться соблазну оставить кристалл себе, а меня сбросить в одно из бездонных ущелий, которыми славятся эти места. Сейчас, когда повсюду бунтуют крестьяне, такую смерть легко списать на мятежников. Поэтому мы договорились, что я отвезу кристалл в столицу и там в лабораторных условиях проверю его подлинность. Если дон Луис окажется настолько глуп, чтобы всучить мне подделку, бесполезные коды останутся у него в руках, а наше торгпредство предпримет все меры, чтобы затруднить доступ его хлопку на европейские рынки. Ссориться с Рейхом опасно, и де Легисамо об этом хорошо знает.

В случае, если кристалл действительно окажется одним из трех утерянных Ключей, я сообщу об этом в Берлин, и после того, как дипкурьеры Рейха увезут из страны ее величайшее сокровище, использую все свое влияние, чтобы надавить на Триумvirат. Никаких гарантий — друзья покойного Цезаря слишком много о себе мнят, чтобы послушно исполнять чужие приказы, даже если эти приказы исходят из Берлина. И все же шансы на успех предприятия есть, по той же самой причине: ссориться с Рейхом опасно.

Все это я обдумывал, разумеется, не раз и не два, но только теперь, глядя на безобразно потеющего дона Луиса, отчетливо осознал: если и есть в «Холодной горе» человек, которому невыгодно исчезновение кристалла (кроме меня, разумеется), то это дон Луис.

Вторая мысль, которая мелькнула у меня в голове, пока я слушал бессвязные объяснения де Легисамо — противник нанес упреждающий удар! Кто-то знал о моем приезде в поместье и о том, что истинной целью этого визита будет совсем не заключение договора о поставках хлопка. И что самое главное — этот кто-то хорошо представлял себе, что такое утерянные Ключи!

Кем мог быть этот неведомый противник, я даже не смел догадываться. За долгие годы, проведенные мной в поисках артефактов исчезнувших с лица земли цивилизаций, я привык к тому, что пропитанная упадническим еврейским духом наука Запада отрицает существование Ключей. Верить в их магическую силу мог только посвященный. Но кто же, кто? На первый взгляд, никто из собравшихся в поместье не подходил на эту роль. Я испытал настоящий страх, представив себе, что кто-то из Великих Неизвестных сейчас находится где-то рядом. Ходят слухи, будто бы сам фюрер признавался, что нервничает в присутствии Великих. Если они наводили ужас на гения германской расы, то что говорить обо мне?..

Арийская наука в лице таких авторитетов, как доктор Ганс Гюнцлер и Фридрих Штоффхаузен, неопровержимо доказала, что в период, предшествовавший гибели Северной Атлантиды, или Туле, в магических практиках гиперборейцев использовались артефакты, условно называемые Ключами. Таких Ключей было три — Ключ Тела, Ключ Души и Ключ Мертвой Материи. Каждый из них давал своему хозяину власть над одной из ипостасей человеческой природы. Вероятно, после гибели великой Северной цивилизации, один из утерянных Ключей был принесен в Южную Америку тем отрядом атлантов, которые пятнадцать тысяч лет назад основали на берегах озера Титикака таинственный город из циклопических плит.

Разумеется, для того, чтобы обнаружить Ключ, потребовались годы кропотливой работы. И даже они не дали бы результата, если бы не непростительная для военного человека — хотя и сыгравшая в данном случае положительную роль — болтливость генерала Мануэля Гарсия Прадо. Нельзя отрицать, что этот чванливый и самовлюбленный латин обладал определенными деловыми качествами, позволившими ему взять под контроль всю систему военных поставок как из Рейха, так и из других стран Европы. Разумеется, он был у нас частым гостем — например, самолично приезжал поглядеть, как на заводах Круппа куется сверхсовременное оружие для будущих великих побед арийской расы. Во время одного из таких визитов, отмечая подписание выгодного контракта в ресторане «Король Фридрих» на

Альбертинштрассе, он рассказал представителю Круппа историю о таинственном амулете, принадлежащем одному из его друзей — историю, больше похожую на сказку. Человек Круппа одновременно работал и на Главное управление имперской безопасности, поэтому на следующий же день отчет о разговоре лег на стол самого Гейдриха — он всегда старался вникать в мелочи. У меня в Берлине до сих пор хранятся несколько скрепленных листов бумаги с пометками шефа РСХА, сделанными красными карандашом. Рассказ об амулете подчеркнут трижды; надпись на полях гласит: «Отто, не та ли штука, которую вы искали в Мексике?».

У Гейдриха великолепная память. Я действительно участвовал в мексиканской экспедиции доктора Гюнцлера — печальном примере того, как даже самые выдающиеся умы, опираясь на неверную изначально посылку, могут завести дело в тупик. После того, как экспедиция, израсходовав свой немалый бюджет до последнего пфеннига, вернулась из тропических лесов Южной Мексики с неубедительной коллекцией нефритовых безделушек, даже вожди партии, покровительствовавшие Гюнцлеру, пришли в ярость. Несмотря на все свои прошлые заслуги, доктор был отстранен от дел и переведен на незначительную должность консультанта Музея Древностей в Берлине. Я сочувствовал старику, но помочь, разумеется, ничем не мог — к тому же после падения Гюнцлера пост руководителя проекта «Утерянные Ключи» доверили именно мне. Правда, это было весьма сомнительное повышение: проект балансировал на грани закрытия, финансирование неуклонно срезали, и требовалось поистине экстраординарное везение, чтобы добиться видимых результатов в этих неблагоприятных условиях.

Бумага Гейдриха все изменила. Со свойственной мне энергией я подключил к делу людей из дипломатического ведомства, военной разведки, министерства торговли и даже нескольких репортеров. Эта сплетенная мной паутина стоила несравнимо меньше, чем самая скромная из экспедиций старины Гюнцлера, потому что каждый входивший в нее человек работал, в основном, за идею. Итог же оказался несравнимо более впечатляющим: через полгода я уже точно знал, что древняя реликвия рода де Легисамо не что иное, как Ключ Души. Более того, я разработал изящный план, согласно которому генерал Прадо должен был принести нам Ключ собственными руками, в обмен на некоторые торговые преференции. Но тут — очень несвоевременно — Цезаря прикончили во время мятежа. Подозреваю, что это могли сделать и свои. Латины крайне завистливы, и прочие члены

Триумvirата наверняка считали, что генерал Прадо их обделяет. Так оно, конечно, и было, вот только смерть Цезаря не сделала Триумvirат богаче. Предусмотрительный генерал оформил свои швейцарские вклады очень хитрым образом. Для того, чтобы получить разрешение на их использование, требовалось одобрение Триумvirата, но сами коды к счетам хранились у цюрихских адвокатов и считались собственностью генерала. Чтобы выстроить новую комбинацию, потребовалось время. Решающий этап операции несколько раз откладывался, и вот теперь, когда этот потеющий идиот сообщил мне, что кристалл украл (судя по всему, всего лишь за несколько часов до моего приезда), я чувствовал всю горькую иронию ситуации. Чувствовал — но ничего не мог исправить...

Изучение свойств айяуаски, которой отравили девицу, на некоторое время помогло мне отвлечься от горестных размышлений. По своей природе я не могу долго сидеть без дела. А поскольку заниматься изучением чудесных свойств Ключа Души я, по понятным причинам, не мог, пришлось сконцентрироваться на айяуаске. Наблюдения за впавшей в некую разновидность эпилепсии девицей позволили мне сделать несколько весьма важных выводов, которые я предпочел бы обнародовать перед более достойной аудиторией. Однако тупость некоторых присутствовавших в комнате персон в буквальном смысле вывела меня из равновесия. К сожалению, я действительно несколько более импульсивен, чем следовало бы идеальному арийцу. Возможно, виновата кровь прабабки-австриячки.

— Извольте объяснить, барон, — сухо заметил Анненков. — Что вы имеете в виду, говоря о том, что бред Лауры о мертвецах в колодце и найденный мистером Стиллуотером труп не совпадение?

Фон Корф презрительно щелкнул пухлыми пальцами.

— Айяуаска, — проговорил он, будто пробуя слово на вкус. — Лиана духов. Она отправляет сознание человека в свободный, не скованный узами материи полет. Перемещает астральное тело, как выразились бы европейские оккультисты. Теперь вы понимаете?

— Был у меня один знакомый оккультист, — мрачно сообщил Стеллецкий. — Помер в Константинополе от сифилиса.

Барон пропустил его слова мимо ушей.

— Девушка действительно видела труп в колодце. Точнее, астральное тело девушки его видело. А вот каким образом она поддерживала связь со своим отделившимся астральным телом, находясь в состоянии припадка — вопрос куда более интересный. Я полагаю, что айяу-

аска стимулирует какие-то неизученные пока центры коры головного мозга, которые отвечают за... ну, назовем это, если угодно, телепатией. Интересно, что по мере того, как я глушил ее нервные реакции морфином, радиус этой телепатической связи уменьшался. На двух кубиках она видела уже только то, что происходит в доме, на трех — стала рассказывать о разбитых зеркалах...

— А при чем здесь зеркала? — сразу же спросил Анненков. — Разве в доме есть разбитое зеркало?

— Да, кстати, — очнулся от оцепенения дон Луис. — Это очень плохая примета, поэтому слуги всегда очень быстро меняют зеркало, даже если на нем маленькая трещина...

— Тогда велите слугам заменить зеркало в дальней комнате, — немец раздраженно махнул рукой. — Там стоит такое большое трюмо, за которым наша милая фройляйн, очевидно, прихорашивалась по утрам. Боюсь, правда, сейчас это невозможно. Зеркало в трюмо не просто разбито, господа. Оно — как это будет по-испански? — расплавлено.

11.

— Да, — констатировал Ник, обойдя трюмо со всех сторон. — Кто-то потрудился на славу.

Почти в самом центре зеркала зияла неровная черная дыра, с почти оплавившимися гладкими краями. От него к деревянной раме шла паутина трещин, мелких и побольше. А по краям почерневшего стекла виднелись отпечатки огромных ладоней — как будто кто-то уперся в зеркало раскаленными докрасна металлическими перчатками.

— Призрак из Зазеркалья, — неожиданно сказала Миранда.

Стеллецкий подозрительно посмотрел на нее.

— В детстве я очень любила слушать страшные истории... знаете, дети друг друга пугают? Так вот, там была история про привидение, которое выходило из Зазеркалья. И после него тоже оставались вот такие следы.

Она подошла и осторожно дотронулась до стекла — видно было, что прикосновение к поверхности зеркала ее разочаровало.

— Холодное, — удивленно протянула она. — А кажется, будто сейчас закипит...

Анненков смотрел на зеркало, по-птичьи склонив голову набок.

— Ладони, — проговорил он задумчиво. — Отпечатки ладоней...

— А что с ними такое? — не понял Стеллецкий. — Ну, большие, да. Так люди разные бывают. Вот у нас в полку служил такой унтер-офицер, Андрюха Шмидт, так у него...

— Они одинаковые, — перебил его Анненков. — Видишь, большой палец и тут, и там — справа? Знаешь, что я думаю? Это наш друг Однорукий.

— Кто-кто?

Капитан обернулся. Дон Луис стоял перед ним неестественно прямой, как на параде. Лицо его, и без того бледное, казалось теперь фарфоровым.

— Однорукий индеец, — со вздохом ответил Анненков. — Я столкнулся с ним, когда спустился с перевала. Вам, верно, неприятно слушать о нем...

Хриплый смех, вырвавшийся из груди де Легисамо, заставил его замолчать.

— Неприятно? — с нехорошей интонацией повторил дон Луис. — Скажите, капитан, а вам неприятно было бы повстречать в кафе господина Троцкого или кто там у вас устроил этот кошмарный переворот? Послушайте, мы с вами не дети. Я не верю в существование вечной любви или вечной ненависти, но этого ублюдка я ненавижу. И если потребуется покарать его ценой собственной жизни, я не стану раздумывать ни секунды.

— Вполне возможно, что вам представится шанс с ним разобраться. Судя по этим отпечаткам, он был здесь совсем недавно... Господин барон, когда вы увидели разбитое зеркало?

Фон Корф пошевелил усами.

— Часа два назад... Да, с большой степенью вероятности около десяти. Я зашел в эту комнату, поскольку здесь имелся удобный стол, на котором можно было разложить медикаменты, и...

— Кто еще сюда заходил? — перебил его Анненков. Он наклонился к самой дыре и осторожно подцепил с вывернутого наружу зеркального языка какую-то бурую нитку.

— Я, — Миранда, казалось, уже пришла в себя от пережитого потрясения, но голос ее казался ломким, словно стекло. — Помните, когда мы ночью принесли Лауру из гостиной, я выходила за подсвечниками. Так вот они стояли как раз здесь, на окне.

— И вы ничего не заметили? — гнул свою линию капитан. — Вы вообще обращали внимание на трюмо, когда искали подсвечники?

— Ну... да. Знаете, даже если я на него не смотрела специально, не заметить такое просто невозможно.

Анненков снова извлек из кармана свои стальные часы.

— Это означает, что в три часа ночи с зеркалом все было в порядке. А в десять утра оно уже выглядело так, как сейчас. Вот что, Лу-

ис Иванович, ваш кровник почти наверняка спрячется где-то в поместье.

Де Легисамо с ненавистью посмотрел на изуродованное зеркало.

— Вы ведь обыскали весь дом, господин Анненков! Почему же вы его не нашли?

Капитан шелкнул крышкой часов.

— Ну, во-первых, не весь. Мы не осмотрели апартаменты Лауры, а Однорукий, скорее всего, прятался именно здесь. Должен признать, это моя ошибка. Я вообразил, что если в первой комнате столько народу, то преступник просто не посмеет находиться поблизости. Кроме того, мы не стали беспокоить вашу жену, Луис Иванович. Она до сих пор еще не спустилась из своей башенки, прислуга уверяет, что у нее болит голова...

— Что за бред! — прервал его де Легисамо. — Вы должны обыскать все! Невзирая на чьи-то больные головы! Немедленно ступайте и обыщите башню!

Холеное лицо Ника Стеллецкого при этих словах будто окаменело.

— Хорошо, — быстро сказал капитан, — я сейчас же поднимусь на башню. И вот что еще: кем бы ни был человек, похитивший кристалл, он не только вор, но и убийца. Труп в колодце — лучшее тому доказательство. Я настаиваю на том, чтобы и хозяева, и гости поместья носили с собой огнестрельное оружие. Возможно, это позволит нам избежать новых жертв.

— Поддерживаю господина капитана, — раздался чей-то хрипловатый голос. Анненков круто развернулся на каблуках: в дверях стоял майор Гутьеррес. Его черные волосы блестели от бриолина, оскверненный ночью мундир был чист и отутюжен.

— Я всегда ношу с собой револьвер, — продолжал майор. Он растегнул висевшую на поясе кобуру и продемонстрировал всем присутствующим небольшой «бульдог» с красиво отделанной красным деревом рукояткой. — Прекрасная машинка, настоящее американское качество!

— Вы позволите? — спросил Анненков, протягивая руку. — Никогда не видел эту модель...

Гутьеррес чуть помедлил, однако все же вложил «бульдог» в раскрытую ладонь капитана. Тот внимательно осмотрел оружие, повертел, зачем-то заглянул в дуло, провел пальцами по рукоятке и со вздохом сожаления отдал майору.

— Согласен с вами, — кивнул он. — Выглядит как настоящее произведение искусства. А каковы боевые характеристики?

Майор довольно ухмыльнулся и убрал револьвер в кобуру.

— Великолепные! Барабан разряжается за шесть секунд, а точность боя просто поразительна. С пятидесяти ярдов попадаю в медную монетку, каково?

Анненков шагнул в сторону, и Гутьеррес увидел зеркало. Ухмылка медленно сползла с его лица.

— Святой Георгий! Что это?

— Руми Однорукий, — де Легисамо произнес эти слова с таким отращением, как будто выплюнул жабу. — Слыхали об этом мерзавце, майор?

Гутьеррес покачал головой.

— Нет, не приходилось. Но я ведь не местный... А что с бедной девочкой? Вчера она была совсем плоха...

— А вы не знаете? — язвительно осведомилась Миранда. — Впрочем, вы так быстро исчезли с поля боя...

— Мне нужно было спасти мундир! К тому же мне показалось, что сеньорита просто выпила лишнего.

— Ей подсыпали в вино наркотик. Если бы не господин барон...

— Бросьте, бросьте, — перебил Миранду фон Корф. — Счастливое совпадение, что я когда-то интересовался эффектом айяуаски.

Жесткие усики Гутьерреса шевельнулись.

— И что же вам известно об айяуаске?

— Вряд ли больше, чем вам, — любезно улыбнулся фон Корф. — Разве вы не тот самый Хорхе Гутьеррес, который сопровождал экспедицию профессора Брукхаймера из Йельского университета?

Майор прищурился, глаза его стали холодными и колючими.

— Поразительная осведомленность, господин барон. Да, я имел честь помогать экспедиции профессора. Но я выполнял свои непосредственные обязанности — наносил на карту берега реки Карони. Что касается айяуаски, то ею занимался исключительно профессор.

— И он не делился с вами результатами своих изысканий? Совсем не похоже на старину Брукхаймера...

— Он говорил, что шаманы используют ее как лекарственное средство, — неохотно проговорил Гутьеррес. — Вроде бы они считают, что болезнь — это зловредный дух, который прячется или в теле человека, или где-то поблизости, а увидеть его можно только с помощью айяуаски. Есть колдуны, которые пьют отвар сами, впадают в транс и видят, где затаился злой дух. Но для этого нужно иметь определенные способности. Поэтому чаще всего айяуаску дают выпить больному, чтобы он, путешествуя в мире духов, рассказывал бы обо всем увиденном шаману.

— Великолепно! — обрадовался фон Корф. — Все-таки общение с профессором Брукхаймером не прошло для вас даром... Так вот, с нашей милой фройляйн произошло примерно то, о чем вы сейчас нам рассказали. Она нанесла визит в мир духов и пыталась об этом рассказать, вот только рядом не оказалось шамана, который смог бы истолковать увиденное ею.

— И о чем же она вам поведала?

— О, ничего особенно любопытного, — отмахнулся атташе. — Впрочем, можете сами с ней поговорить, когда она проснется. Вам наверняка должно быть известно, что люди, принимающие айяуаску, помнят о своих переживаниях и после выхода из транса.

— Не думаю, что это хорошая идея, — резко сказал Стеллецкий. — После тех испытаний, которые выпали на долю Лауры, было бы бесчеловечно заставлять ее вспоминать все это. Кстати, я настаиваю на том, чтобы мы ни на минуту не оставляли ее одну. Если убийца бродит где-то рядом...

— Черт возьми! — вскинулся де Легисамо. — Хороши же мы с вами, господа! Столпились здесь, как бараны, а ведь дверь из коридора не заперта!

— Натурально, не заперта, — подтвердил майор. — И у постели нашей юной сеньориты нет даже сиделки.

— Господа, — вмешался Гутьеррес, — надеюсь, вы позволите мне охранять юную сеньориту. Раз уж прекрасная Миранда обвиняет меня в том, что я бежал вчера с поля боя, то долг чести велит мне искупить эту оплошность. К тому же, как вы видели, я вооружен.

Анненков положил руку на плечо Ника.

— Предлагаю согласиться. Не знаю, Луис Иванович, где Ник нужен вам, но я хотел попросить его помочь мне в одном очень важном и деликатном деле.

— Вы собирались осмотреть башню, — напомнил де Легисамо.

— Именно туда я сейчас и направляюсь. Но предварительно я хотел бы сказать пару слов господину Стеллецкому, и желательно наедине.

Дон Луис развел руками.

— Вы ведете расследование, Юрий, не я. Делайте, что считаете нужным.

Анненков коротко кивнул присутствующим и вышел из комнаты. Стеллецкий, помедлив, последовал за ним.

— Ты совершенно прав, — шепнул ему капитан, когда они, пройдя мимо разметающейся на постели Лауры, оказались в полутемном коридоре. — За девчонкой нужно приглядывать.

— Тогда какого черта!.. — начал Стеллецкий, но Анненков зашипел на него, словно рассерженный кот, и Ник замолчал.

— Я не хочу, чтобы убийца знал, что ее охраняет кто-то из нас. Пускай уж лучше Лауру стережет этот павлин Гутьеррес. А вот кто будет приглядывать за ним — это нужно продумать...

— Что, в коридоре торчать? Извини, Юрка, по-моему, ты глупость придумал!

— Как по-твоему, Однорукий исчез из комнаты с зеркалом? Это последняя комната анфилады, дверей там нет. Если Луис, Миранда и фон Корф неотлучно находились рядом с постелью Лауры, он должен был каким-то образом проскользнуть мимо них. Только не говори мне, что он на самом деле умеет становиться невидимым!

Стеллецкий энергично потер пальцами виски.

— Черт, после виски голова, как ватная... Погоди, получается, он через окно ушел?

— А что тут удивительного? Галерея идет вокруг всего дома. Уверен, девчонка и сама частенько через окно шастала. Так что следить нужно в первую очередь за окном. Думаю, Ланс или кто-нибудь из его людей вполне для этого дела подойдет. А ты мне пока вот с чем помоги...

Капитан осторожно достал из кармана толстую бурую нить.

— У тебя в лаборатории микроскоп имеется? Сдается мне, эта ниточка может привести нас к похитителю кристалла.

Ник уважительно взглянул на Анненкова.

— Ты историями о Шерлоке Холмсе в юности не увлекался? А то, знаешь, очень похоже.

— Нет, — отрезал Анненков. — Холмс не по моей части. Зато я читал жизнеописание американского изобретателя Томаса Эдисона.

— А при чем здесь... — начал было Стеллецкий, но капитан не дал ему договорить.

— И прошу тебя, побыстрее! Про Эдисона я тебе как-нибудь потом расскажу.

12.

Башенка, построенная доном Луисом для своей жены, стояла в глубине сада, метрах в двухстах от западного флигеля. Была она двухцветной — от фундамента до уровня второго этажа шла кладка из дикого камня, темно-красного, оттенка запекшейся крови, а выше начинался тот же белый песчаник, изрезанный причудливыми узорами в стиле мавританских памятников Андалусии.

Капитан взбежал на крыльцо, дернул язычок металлического звон-

ка. Дверь распахнулась неожиданно быстро, словно хозяйка давно стояла за ней, поджидая гостей. Мария куталась в белую ажурную шаль, хотя в доме было совсем не холодно.

— Как хорошо, что вы пришли, Юрий...

Отступила в глубь темной залы, словно заманивая. Анненков невольно залюбовался ее точеной шеей.

— Мария, — позвал он, не двигаясь с места, — постойте!

Она обернулась. Посмотрела выжидающе.

— Мы ищем преступника, Мария, человека, убившего слугу-индейца и выкравшего El Corazon. Убийца может прятаться где угодно. Мне бы не хотелось, чтобы вы подвергали себя опасности, поэтому давайте сделаем так: я пойду первым, а вы будете держаться за моей спиной.

По губам Марии скользнула неуверенная улыбка.

— Вы шутите, Юрий? Убийца — здесь? Но я все утро не покидала башню, если бы сюда зашел кто-то посторонний, я уж, наверное, заметила бы.

Анненков пожал плечами и вытащил из кобуры кольт.

— Он не станет расхаживать по дому открыто. Он прячется, как тать в ночи, но если мы внезапно наткнемся на его убежище, может и напасть. Поэтому слушайте меня и будьте умницей — держитесь за моей спиной.

К его удивлению, Мария не стала спорить. Просто отошла в сторону, предоставив ему возможность идти вперед, размахивать своим кольтom, играть в героя. Анненков немедленно почувствовал себя идиллом.

— Башня в три этажа, — сказала Мария. — Внизу только этот холл и котельная, но она закрыта, а ключ у Ника. На верхних этажах по две комнаты. Прятаться тут особенно негде, разве что на чердаке.

— На чердаке? — быстро переспросил Анненков. — Вы туда поднимались?

— Сегодня? — удивилась сеньора де Легисамо. — Нет, конечно. Что мне там делать?

— Вот с него и начнем. Впрочем, если хотите, можете остаться здесь, внизу.

— Нет уж, Юрий. Это все, конечно, полная чушь, и никого вы там не найдете, но я вас одного не брошу. А вдруг вы споткнетесь в темноте?

Мария оказалась права. Осмотр чердака ничего не дал. Это было довольно просторное помещение, освещаемое двумя маленькими тре-

угольными оконцами. И капитан с трудом мог представить, чтобы в крохотную треугольную дырку сумел пролезть кто-нибудь крупнее двенадцатилетнего подростка.

Поиск в комнатах также не принес никакого результата. Анненкову удалось осмотреть три комнаты из четырех, в последнюю Маша его самым решительным образом не пустила. «Это моя спальня, — очаровательно потупив глазки, объяснила она. — Прошу вас, капитан, будьте джентльменом! К тому же я там сегодня ночевала, и уверяю вас: под кроватью у меня никто не прячется».

— Хотите выпить, Юрий? — Мария, казалось, пыталась загладить свою неговорчивость. — У меня здесь неплохой бар.

— Что ж, время почти два, можно и позволить себе. Неплохой бар, говорите? Хм, действительно...

— Сама я, разумеется, почти не пью, — застенчиво улыбнулась Мария. — Но на всякий случай держу... для гостей.

«Ага, — подумал капитан, — Похоже, я догадываюсь, для каких гостей!» Вслух он сказал:

— Полагаю, если мы с вами выпьем по стаканчику виски с содовой, большого греха не будет. Честно говоря, устал я за сегодняшнюю ночь, как собака, извините за грубость...

— Извиню, — засмеялась Мария. — Но только если вы немедленно спрячете куда-нибудь ваш ужасный револьвер, он меня пугает... Вот вам ваш виски с содовой, пейте и отдыхайте. А я, если хотите, развлеку вас какой-нибудь пустой болтовней.

— Очень хочу, — серьезно ответил Анненков. — Только вместо болтовни я предпочел бы услышать вашу историю. Как вы, русская девушка, оказались в этих забытых Богом краях? Меня и самого изрядно помотало по свету, но я бродяга по натуре. К тому же все, что я любил, осталось в России, а значит — безвозвратно погибло...

Звякнули в бокале кубики льда.

— Тогда вы знаете, каково это — потерять все, — вздохнула Мария. — Моя мать была богатой наследницей, очень богатой. Дед, которого я никогда не видела, сделал состояние на поставках для армии во время турецкой войны. У него был огромный особняк в Петербурге, вилла в Крыму, земли в Херсонской губернии... Для меня сейчас это просто экзотические названия, а ведь я могла бы там жить! Жить и чувствовать себя полновластной хозяйкой!

— Ну, не знаю, — задумчиво проговорил Анненков. — По мне, так и здешние места очень даже ничего. Что вам мешает чувствовать себя хозяйкой «Холодной горы»?

Губы Марии изогнулись в презрительной усмешке.

— Этого клочка земли?.. Да и потом, дорогой Юрий, я ведь здесь не совсем хозяйка.

— А кто же?

Мария не ответила — может быть, просто не услышала вопроса. Взгляд ее затуманился, будто она смотрела куда-то далеко-далеко с вершины своей башни.

— Говорили, что отец женился на моей матери из-за денег. Чепуха! Она была невозможно, невероятно красива — я только ее бледная тень. А отец, блестящий молодой дипломат, происходил из старого, благородного, но совершенно обнищавшего рода. Ради него она отвергла многих состоятельных женихов. Понятно, им завидовали, конечно, люди в злобе своей твердили, что моего отца понять нетрудно, но то, что заставило мою мать связаться с такой гольтьбой, навеки останется загадкой. А у них просто была любовь, огромная, чистая любовь... Сплетни безумно огорчали отца, и он стал добиваться назначения в какую-нибудь далекую страну. В результате его направили в российское консульство в Бразилии, и мама, конечно же, поехала вместе с ним. Я была совсем еще маленькой, мне смутно помнится, как мы плыли на огромном белом пароходе через безбрежный, страшный океан... Потом мы несколько лет жили в Рио-де-Жанейро, и это были лучшие годы моей жизни. Дед присылал нам деньги, много, очень много денег, но даже и без них жалованья консула Российской Империи вполне хватало, чтобы жить на широкую ногу... и вдруг случился этот ужасный переворот. Отец потом очень злился на деда, потому что тот так и не поверил, что большевики — это надолго, и не стал переводить деньги за границу. А когда понял, что ошибся, было уже поздно. Они все конфисковали. Дед умер от удара зимой восемнадцатого года, не в силах пережить этот кошмар. Отец получил от большевиков предложение представлять в Бразилии их ужасную Совдепию, но, конечно, отказался. Для нас начались тяжелые годы, годы скитаний, годы нищеты... Впрочем, что я вам рассказываю, вы наверняка знакомы с такой жизнью лучше меня. Но отец сделал все, чтобы спасти нас. Он работал, не покладая рук, спал по четыре часа в сутки, использовал все свои блестящие способности и в конце концов добился многого. Бедная мама, к сожалению, не выдержала испытаний. Пять лет назад она скончалась от мозговой лихорадки. Для отца это был тяжелый удар...

Она вытащила из ридикюля белоснежный батистовый платочек и

быстрым аккуратным движением промокнула уголки глаз. Потом схватила стакан и решительно отхлебнула.

— А потом к нам в Баию приехал дон Луис...

Мария де Легисамо, в девичестве Малютина

Дом семьи Мендоза по праву считался самым роскошным в Баие, и сегодняшний прием должен был продемонстрировать всем, что табачные короли Бразилии, невзирая на страшный кризис, поразивший мир после «черной пятницы» на Уолл-стрит, по-прежнему крепко стоят на ногах. Белый зал, где ломились от яств длинные столы, освещался двенадцатью выписанными из Франции люстрами, каждая из которых представляла собой уменьшенную копию знаменитой люстры из парижской Grand Opera. Вдоль стен замерли тридцать лакеев, готовых по первому знаку прийти на помощь любому гостю. Посреди всей этой роскоши Маша чувствовала себя очень скованно.

— Не робей, Мари, — тихонько прошептал ей на ушко папенька. — Ты должна произвести впечатление. А будешь стоять в уголке и трястись, как заячий хвостик, никто на тебя и не посмотрит.

«Ну и слава Богу», — подумала Машенька, и тут же устыдилась: как она может так думать, как смеет так подводить папеньку? Ведь он так заботится о ней, он столько денег потратил на ее праздничное платье, на ее украшения, на модистку и парикмахера... «Это твой первый бал, — сказал папенька, — и ты должна быть на нем лучшей. Ты очень красива, доченька, почти как мама (тут его голос на мгновение прервался), но сегодня ты должна быть ВЕЛИКОЛЕПНА. Понимаешь меня, Мари?»

Машенька понимала. Папеньке удалось невозможное: старый Педру Альвареш возвысил его, сделал первым управляющим-непортугальцем в истории семьи, нарушив все существующие традиции. Но положение папеньки оставалось шатким — завистников в Бразилии было не меньше, чем в далекой снежной России, и он ужасно боялся вновь потерять все. Некоторое время папенька не без успеха играл на бирже, но кризис, потрясший мировую экономику, уничтожил все его капиталы. С тех пор он лелеял мечту выдать Машеньку за богача. Желательно за кого-нибудь из клана Мендоза. И когда Педру Альвареш объявил, что устраивает самый пышный прием в двадцатом столетии, папенька решил использовать свой шанс и разорился на платье, прическу и модистку.

Вот только Машенька самым позорным образом трусила и мешала осуществлению далеко идущих папенькиных планов.

— Иди, — незаметно подтолкнул ее папенька. — Вон там, видишь, собрались девушки? Твоя подружка Розалинда с ними, подойди и заговори с ней. А там, глядишь, молодые люди наконец наберутся смелости и пригласят вас на танец.

И Машенька пошла. Ей казалось, все на нее смотрят, и она так переживала, что поскользнулась на натертом воском паркетном полу и полетела носом вниз, судорожно пытаясь ухватиться за воздух. Но не упала — кто-то аккуратно поддержал ее за туго стянутую корсетом талию.

— Осторожнее, сеньорита! Я не знаю, куда вы торопитесь, но вряд ли это место находится под паркетом.

Машенька подняла глаза, в которых уже начинала скапливаться предательская влага. Перед ней стоял невысокий, начинающий лысеть мужчина лет сорока, немного похожий на римского патриция с рисунков Карлетти. В глазах мужчины бегали веселые искорки, и Машенька, разумеется, тут же решила, что он смеется над нею.

— Я благодарна вам, сеньор, за помощь, однако если бы вы убрали свою руку с моей... с моего платья, было бы куда лучше.

Мужчина немедленно исполнил ее просьбу и вежливо поклонился.

— Луис де Легисамо, к вашим услугам, сеньорита.

«Испанец, — подумала Машенька. — Говорят, они все такие жестокие. Не то что добряки-португальцы».

— Могу ли я просить вас оказать мне честь и составить пару в следующем танце? — снова блеснул глазами испанец.

Машенька гордо вскинула голову.

— Сожалею, сеньор, но следующий танец уже обещан, — это была беспардонная ложь, разумеется, но слова сами срывались у Машеньки с языка. — Позвольте пройти!

— Будьте же милосердны, — взмолился де Легисамо, изящно отступая в сторону. — Подарите мне танец после того, который вы так опрометчиво пообещали!

— Я подумаю, сеньор, — сказала Машенька, чувствуя себя настоящей королевой. — Возможно, я потанцую с вами.

И поплыла к Розалинде и ее подругам, уже ни капельки не беспокоясь о том, смотрит ли на нее старый Педру Альвареш.

Вышло все чрезвычайно удачно. Машенька два раза протанцевала с какими-то мелкими клерками и дождалась-таки своего испанца. Музыканты как раз заиграли аргентинское танго, совсем недавно получившее статус приличного танца, и де Легисамо закружил ее так, что Машенька даже забыла, ради чего она, собственно, явилась на бал.

— Я ослеплен вашей красотой, — шепнул ей Луис, когда она, переводя дыхание, приходила в себя после танго. — Ничего подобного я никогда не видел. Еще один танец, умоляю!

После третьего танца Машенька отчетливо почувствовала, что их пара становится предметом всеобщего внимания. Розалинда и ее подруги бросали на нее косые взгляды, папенька, обсуждавший с другими управляющими свои скучные дела, смотрел недоуменно, седые брови Педру Альвареша сердито наползали на переносицу. Но ей уже было все равно. К концу бала Машенька влюбилась. Ну, может быть, не совсем влюбилась, но увлеклась несомненно.

В следующее воскресенье де Легисамо нанес им визит. Позже Машенька узнала, что перед этим Луис пригласил папеньку в самый дорогой ресторан Баии, где между коньяком и десертом папенька выторговал себе недурное вспомоществование в виде ежеквартальных отчислений с продаж хлопка де Легисамо на бразильском рынке. Когда Машенька выяснила все эти подробности — не сразу, далеко не сразу! — ей стало ужасно неприятно. Показалось, что ее продавали и покупали, словно племенную кобылу. Возможно, это и стало первой трещинкой в их с Луисом отношениях — парадоксальным образом раздражение, поднявшееся у нее в душе, обратилось не на папеньку, который, собственно, и начал этот позорный торг, а на мужа, хотя понятно было, что влюбленный де Легисамо меньше всего думал о том, как бы не прогадать.

Может быть, думая о сделке, которую Луис заключил с ее отцом, Машенька просто не могла отделаться от мысли, что для ее мужа такие договоренности не внове. Ведь двадцать лет назад он пообещал отдать старому Мигелю Эспиноса величайшее сокровище своего рода в обмен на руку и сердце его дочери Глории.

— Одну минуту, — прервал Машеньку капитан. — Откуда вам стало известно о Глории? Ведь муж не делился с вами такими подробностями, верно?

Машенька отвела взгляд.

— Миранда мне рассказала. Я после этого так долго плакала! Ужасно жалко эту Глорию, но и меня ведь тоже жалко... Знаете, у меня такое чувство, что он до сих пор любит свою мертвую невесту, а я ему понравилась только потому, что чем-то ее напоминаю...

— Вы ничуть не напоминаете Глорию, — мягко возразил Анненков. — Я видел ее портрет у Луиса Ивановича в кабинете. Ничего общего. Если уж кто-то и похож на нее, так это Миранда.

Машенька сердито фыркнула.

— Миранда! Вот уж кто хорошо его понимает. Двоюродная сестра... Если б Луис не был ее кузеном, она уже давно бы меня со свету сжила. Верите?

— С пониманием, — кивнул Анненков. — Значит, вы здесь глубоко несчастны?

Машенька немедленно зарделась.

— Ну, не то чтобы совсем... Просто мне очень не хватает участия, ласки, любви... вы мужчина, потому не поймете. Вы можете жить хоть на необитаемом острове, и если у вас будет сеть, чтобы ловить рыбу, и печка, чтобы ее коптить, вы будете счастливы. А женщинам нужно куда больше... мы без этого не можем существовать...

— И все это вы получили здесь, в «Холодной горе», — утвердительно проговорил капитан. — Однако без участия вашего мужа.

Глаза сеньоры де Легисамо превратились в две колющие ледышки.

— Вам обязательно говорить гадости?

— Я всего лишь называю вещи своими именами, — поклонился Анненков. — Если вас это задевает, я готов принести свои извинения. Но я веду расследование и вынужден обходиться без светских условностей.

— Да, это ужасно, — сокрушенно вздохнула Машенька. — Сердечко пропало... Я всегда так называла его — сердечко. Луис так им дорожил, так дорожил...

— Если хотите, чтобы я нашел это «сердечко», отвечайте на вопросы, — посоветовал капитан. — Меня можно не стесняться, я здесь человек новый и вряд ли задержусь надолго... Итак, вы пытались наемуть на то, что в поместье нашелся некто, заменивший внезапно охладевшего к вам мужа, так?

— Ну, допустим... но вы же не скажете об этом Луису?

Анненков глубоко вздохнул. Когда он наконец смог ответить, голос его звучал спокойно и ровно, как обычно:

— Моя задача — отыскать пропавшую драгоценность. Если ради этого придется вытащить из пекла чертову бабушку — я это сделаю. Если для того, чтобы вернуть El Corazon, придется рассказать вашему мужу о вашей измене, я это сделаю. Другое дело, что я считаю подобный вариант весьма маловероятным. Вас это устроит?

— Что ж, — Маша пожалала худенькими плечами, — по крайней мере, честно. Да, Юрий Всеволодович, я действительно нашла здесь одного человека... впрочем, что значит: «нашла»? Я его и не искала вовсе. Это была встреча, вы понимаете, что это такое?

— Смею надеяться. И как долго продолжается весь этот треугольник? Пожалуйста, не лгите.

— С прошлого года. Луис, конечно же, кое о чем догадывается, но Миранда не дает ему скучать.

— И все-таки еще один вопрос я обязан вам задать. Постарайтесь ответить на него честно.

— Постарюсь, — с вызовом откликнулась Машенька. — Спрашивайте, господин сыщик!

— Почему вы так спокойно отнеслись к тому, что вашего мужа взяла в оборот Миранда?

На мгновение Машенька растерялась. Взглянула испуганным зайчонком, но быстро справилась с нахлынувшими эмоциями.

— А что я могла сделать? Она в «Холодной горе» не чужая, ее здесь все с детства знают и любят, а я выскочка, да к тому же иностранка. Ко мне тут не очень хорошо относятся... Мне даже казалось, что меня извести хотят... ну, убить. Там, в старом доме, так жутко, особенно по ночам... Я поэтому и попросила Луиса, чтобы для меня построили эту башенку.

— Это произошло до того, как у вас начались отношения с Николаем Александровичем?

Машенька сокрушенно вздохнула.

— Ну вот! А сами говорили, что не будете больше об этом спрашивать... Если вы хотите выведать, не для того ли я выпросила у мужа башенку, чтобы спокойно встречаться с Ником, то нет, не для того. Башню построили два года назад, через год после моего приезда в поместье. Можете спросить у Луиса, он помнит, какие у меня случались ночные кошмары, когда я ночевала в старом доме.

— Что за кошмары? — деловито поинтересовался Анненков. Маша передернула плечами.

— Ну, всякие... Огромные длинные коридоры, и топот за спиной — кто-то за мной гонится, но обернуться и посмотреть нельзя, иначе смерть... Зеркала, затягивающие, как омут... Огромные змеи, выползающие из-под старых кроватей... Туман, в котором шевелятся какие-то исполинские, ужасные тени...

— Очень интересно, — вежливо сказал капитан. — А здесь, в башенке, кошмары, стало быть, прекратились?

Машенька недоуменно кивнула — она как будто и сама была поражена таким результатом.

— Да, сразу же. Иногда я стелю себе кровать прямо на крыше, под плотным пологом, чтобы насекомые не налетали со всей долины на свет...

— А доступ в башенку есть только у тех, кто владеет ключами, не так ли?

— У меня, у Хуаниты — это служанка. И у дона Луиса. Но он сюда уже очень давно не заходит...

— Вы забыли Николая Александровича, — подсказал Анненков.

— Ну да. В общем, четыре человека. А почему вас это интересует?

Капитан пожал плечами.

— Потому что тот, кто похитил сокровище и убил индейца-офицанта, возможно, попытается добраться до вас.

Сеньора де Легисамо побледнела. Анненков отметил про себя, что она вообще очень легко переходила из крайности в крайность — словно где-то внутри у нее было спрятано реле, мгновенно переключающее эмоции.

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем, что в поместье было два кристалла в форме сердца, верно? И один из них, изготовленный столичным ювелиром Лазарсоном, должен находиться у вас.

На этот раз Машенька даже не вздрогнула.

— А, эта подделка? И вы всерьез полагаете, что кто-то на нее польстится?

— Для начала мне не мешало бы на нее посмотреть, — заметил Анненков. — К тому же я ведь так и не сподобился увидеть настоящий El Corazon. Надо хотя бы на копию взглянуть.

— Что ж, — Машенька гордо вытянула шею и стала похожа на балерину, танцующую Маленького Лебедя. — Извольте. Я покажу вам...

Она поднялась с кресла, прошла мимо капитана, обдав его едва уловимым запахом цветочных духов, и скрылась в дальней комнате.

— Милая Маша, — крикнул капитан ей вдогонку. — Я совершенно не собирался вас обижать...

Из комнаты донесся резкий деревянный стук — видимо, Машенька дернула на себя ящик шкафа. Загремело что-то тяжелое.

— Где же эта стекляшка? — приговаривала сквозь сжатые зубы сеньора де Легисамо. — Я же точно помню, что она была в этой шкапулке... неужели... нет, неужели...

Прошло пять минут. В комнате по-прежнему стучали, швырялись вещами и ругались сквозь зубы. Наконец возня прекратилась и на пороге возникла Машенька — очень растерянная. В руках у нее был пустой деревянный футляр.

— Юрий Всеволодович, — с трудом произнесла она, не решаясь сделать шаг по направлению к Анненкову. — Юрий Всеволодович, кто-то украл ее... мою копию...

Капитан подошел к ней, мягко вынул из безвольной руки футляр, потом, деликатно подталкивая, усадил в кресло. Налил в стакан на два пальца виски.

— Пейте, — приказал он. — И постарайтесь взять себя в руки. Самое страшное вам уже не грозит.

Зубы Машеньки стукнули о край стакана.

— Что? — робко спросила она, глядя на капитана снизу вверх испуганным котенком. — Самое страшное?

— Убийца действительно был здесь, — успокоил ее Анненков. — И оставил вас в живых.

13.

— Вот что, старина, — сказал капитан, глядя в прозрачные голубые глаза Ланселота Стиллуотера. — Мне позарез нужен человек, который мог изготовить копию ключа от башни сеньоры Марии. Сдается мне, вы такого человека знаете.

Стиллуотер моргнул.

— Знал, — с нажимом произнес он. — Знал — так будет правильнее. Тот индеец, которого нашли в колодце... Я, честно говоря, сразу понял, кто это, хотя лицо у него и выглядело неважно. А говорить вам не стал, чтобы не отвлекать от поисков. Крестьян вы все равно допрашивать не смогли бы — они по-испански говорят с пятого на десятое. Пока вы сидели в башне, я навестил деревню, навел кое-какие справки. Звали его Хорхе, он у них был на все руки мастер. И слесарь, и механик...

— И официант, — задумчиво добавил Анненков. — Как выяснилось.

— Вот это как раз удивительно. Наряди официантом какого-нибудь крестьянина, дай ему в руки поднос — он ведь двух шагов пройти не сумеет. А Хорхе единственный из всей деревни жил когда-то в городе, в Трухильо, работал там в баре. Понимаете, к чему я клоню?

— Тот, кто подослал его ко мне с бокалом отравленного вина, прекрасно знал, что Хорхе справится со своей ролью. Это никак не мог быть человек со стороны, так?

Стиллуотер пощипал ус.

— Более того, это должен быть кто-то, очень хорошо знающий крестьян. К примеру, я помнил, что этот парень чинил в «Холодной го-

ре» сломанные замки, но о том, что он подавал кружки в баре, узнал только сегодня, от старосты.

— А что за человек староста?

— Индеец как индеец, жуликоват, но в меру. Желаете с ним поговорить? Он, кстати, один из немногих деревенских жителей, кто хорошо говорит по-испански.

— Хотелось бы, — вздохнул капитан. — Вот только покидать поместье мне сейчас никак нельзя...

Англичанин оттопырил нижнюю губу.

— Я предусмотрел это и прихватил старосту с собой. Он сейчас на кухне со слугами. Уплетает хозяйскую ветчину.

— Черт возьми, — сказал Анненков почти растроганно. — Ланселот, иногда мне кажется, что вы читаете мои мысли раньше, чем они появляются у меня в голове!

Капитан уже успел убедиться, что туземцы по большей части выглядят почти одинаково — во всяком случае, на европейский взгляд. Небольшого роста, коренастые, жилистые, с короткими шеями и обожженными беспощадным горным солнцем коричневыми лицами. Все они носили черные или серые пончо и войлочные островерхие шапки. Староста исключением не был, разве что шапка у него оказалась цветастая, расшитая желтыми и красными нитями. Когда Стиллуотер и Анненков вошли в кухню, он торопливо вскочил с деревянной скамьи и низко поклонился, утирая тыльной стороной ладони жирный от снеди рот.

— Говоришь по-испански? — рявкнул Анненков на старосту, подходя к нему вплотную. Тот вздрогнул и вжал голову в плечи:

— Да, сеньор...

— Кто дал Хорхе форму официанта? Отвечай быстро, говори правду!

— Не знаю, сеньор...

Краем глаза капитан увидел, что слуги, с опасливым любопытством наблюдающие за допросом, стараются отодвинуться подальше.

— Ланселот, — сказал он по-английски, — закройте, пожалуйста, двери и проследите, чтобы никто не улизнул.

— Хорхе делал ключи для замков? — продолжал он допрос.

— Да, господин.

— Кто из господ в поместье заказывал ему ключи?

— Не знаю, господин...

— Врешь, собака, — капитан резко отбросил полу пиджака и рас-

стегнул кобуру «Потапыча». При виде огромного пистолета глаза индейца испуганно расширились.

— Молодая сеньора, господин... Но это было давно...

— Кто еще?

— Не знаю, господин...

— Вы бы отошли, Ланселот, — медленно проговорил по-испански Анненков, вытаскивая «Потапыча». — Мозгов тут сейчас будет — по всей комнате...

Староста икнул и вдруг повалился на колени.

— За что, господин? Я ничего не сделал! Я знаю, что Хорхе изготовил ключи для молодой сеньоры, потому что она посылала за мной, чтобы спросить, кто в деревне может справиться с этой работой! Но больше я ни о чем не знаю, правда! За что?

— За то, что ты укрываешь убийцу! Тебе известно, кто нарядил Хорхе официантом, ведь ты же сам рассказал убийце, что бедный парень работал в баре в Трухильо!

Коричневое лицо старосты сделалось пепельно-серым.

— Нет! — сдавленно прохрипел он. — Он сам все знал! Он все про всех знает! Я ничего не говорил ему, клянусь...

— Кто — он? — Анненков ткнул ствол «Потапыча» старосте под подбородок. — Однорукий?

Староста с видимым усилием сглотнул скопившуюся во рту слюну.

— Эх, сеньор... — горько сказал он. — Однорукий... Это же сам Руми, понимаете? Могучий колдун! Кто я против него? Мышь! Он приходит, когда хочет, и уходит, когда ему вздумается. А те, кто встают у него на пути, быстро умирают... и никто в деревне не смеет перечить Руми. Если бы он пришел к Хорхе и сказал ему: «Вот, бери это, наден и иди в поместье», — тот так и сделал бы...

— Вот ведь хитрая бестия, — покачал головой Стиллиуотер. — Заметьте, он ведь до сих пор ни в чем не признался!

Анненков хмыкнул.

— Нам от него не признание сейчас нужно, а факты. А скажи-ка, скользкий ты наш, откуда Руми раздобыл форму официанта? Только не говори мне, что из воздуха наколдовал — не поверю.

Староста укоризненно посмотрел на него снизу вверх.

— Ну подумайте сами, господин, откуда же он мог ее взять?

— Намекаешь, что он украл ее здесь, в поместье?

Индеец выразительно пожал плечами. Капитан вздохнул и убрал маузер в кобуру.

— Значит, твой Однорукий — великий колдун, — задумчиво про-

говорил Анненков, глядя куда-то сквозь индейца. — Он приходит в деревню, разгуливает по поместью, и никто не может его остановить. Так?

— Выходит так, господин...

— Но ведь должен же он где-то жить? Даже колдунам нужна крыша над головой, верно? У кого останавливался Руми, когда приходил в деревню?

Капитан стрелял наугад, но попал в яблочко. Староста задрожал, как заяц.

— Господин! Да если бы я его не пустил, он наслал бы на всю мою семью страшные хвори! Вот когда Хорхе заартачился и потребовал за ключ двойную плату, у него тут же кровавый понос начался...

— Ну-ка, ну-ка, — перебил его Анненков. — Стало быть, Однорукому ключ тоже Хорхе делал?

Индеец затравленно поглядел на него, но не произнес ни слова. Капитан поскреб подбородок, попутно отметив, что не мешало бы побриться.

— И это случилось совсем недавно, так? Несколько дней назад?

— Не знаю, господин...

Стиллуотер разочарованно крикнул.

— Ну все, теперь точно ни в чем не признается... Народ тут упрямый, ничего никогда не скажут. Удивительно, что вам из него удалось хоть что-то вытащить...

— Ты мне здесь дурочку-то не валяй! — рявкнул внезапно Анненков. Индеец вытянулся по стойке «смирно» и застыл, не в силах отвести взгляд от налившегося кровью лица капитана. — Ты уже своего колдуна со всеми потрохами мне сдал, понятно? Теперь мне без разницы, будешь ты отпираться или нет. Вот открою сейчас двери — иди на все четыре стороны!

Капитан взмахнул рукой, указывая на заворуженно внимавших его речи слуг.

— А вы все задержаны до окончания расследования! Мистер Стиллуотер, распорядитесь отвести всех, кто слышал наш разговор со старостой, в подвал и запереть там.

— За что, сеньор? — немедленно воскликнул толстый, румяный повар, нервно комкавший в руках испачканное жиром полотенце. — В чем мы провинились?

— Кто-то из вас помогал вору и убийце Руми, — не раздумывая, заявил Анненков. — Нет сомнений, что этот кто-то сразу же доложит своему однорукому приятелю о том, как наш друг староста раскрыл

все его секреты. А я не хочу, чтобы этот уважаемый человек пал жертвой собственной откровенности и желания помочь следствию.

У старосты отвалилась челюсть.

— Пойдите, сеньор! — крикнул прятавшийся в углу рослый метис с большим мясницким ножом в руках. — Если кто-то здесь и водил дружбу с Одноруким, то это он, старый Фелипе! Он и сейчас пытался мутить воду, все на бунт нас подбивал! Чего Руми ему нашепчет, то он здесь нам и выкладывает! Говорит, мол, скоро сьерра снова индейской станет, а господ всех на деревьях перевешают...

Анненков укоризненно покачал головой.

— Ай, как нехорошо! Подстрекательство к мятежу! Не знаю, как тут у вас, а у себя в полку я за такие вещи на месте расстреливал.

— Пожалуйста, господин! — на индейца было жалко смотреть. — Я никого не подбивал, лишь передавал то, о чем рассказывал в деревне Руми...

— А кто болтал, что Инкарри со своей армией сюда идет? — мстительно перебил его метис. Другие слуги, как показалось Анненкову, смотрели на него неодобрительно. — Кто пугал: мол, придет Инкарри, так «Холодную гору» дотла спалит. А что с доном Луисом обещал сделать? Это ж сказать страшно — живым закопать в землю!

— Не губите, господин Ланселот! — индеец, почуяв, видно, что от Анненкова снисхождения ждать не приходится, обернулся к англичанину. — Я все расскажу, что знаю! Руми поначалу Хорхе отличал, говорил, что Инкарри такие слуги надобны. Это потом уж парень возгордился, за ключ стал цену ломить вдвое.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросил капитан. — При тебе, что ли, торговались?

— Да нет, — махнул рукой староста. — Сам Хорхе и рассказал, когда кровавый понос его одолел. Прибежал ко мне, трясется весь, бледный, как покойник, и говорит: «Курака* Фелипе, скажите господину Руми, чтобы снял с меня порчу, я, говорит, ему все бесплатно сделаю!». И за живот то и дело хватается. А ведь Руми-то у меня не все время гостевал, он осторожный, опасается долго на одном месте сидеть... Я и говорю: «Чури**, где ж я тебе сыщу сейчас господина Руми? Что ж ты ему такое сделал, что он на тебя такую страсть наслал?». Ну, тут Хорхе мне все и выложил. Как ему господин Руми велел сделать с отливки ключ, да не простой, а хитрый, с подвижной

* Курака — старший, вождь (кечуа).

** Чури — сынок, племянник (кечуа).

осью, а Хорхе, дурень, осмелился у него плату потребовать, как за два обычных ключа. Ну, Руми разгневался и порчу-то на парня и навел.

— По отливке? — переспросил Анненков. — А сам ты эту отливку видел?

— Нет, не видел, Руми ее с собой носил, а потом разбил. Но Хорхе говорил, что отливка была не очень хорошая, как будто тот, кто ее мастерил, никогда раньше такого не делал. Если б, говорит, я не был такой умный да смекалистый, нипочем бы с такой работой не справился... Хвастун он был, Хорхе, пустой человек, даром, что племянник.

Капитан выразительно приложил палец к губам. Староста немедленно замолчал.

— Где ты нашел Однорукого? Ты ведь нашел его, верно? Ведь кто-то вылечил Хорхе от кровавого поноса?

— Нет, господин, Руми тогда сам пришел, повезло парню, не успел он совсем кровью изойти.

— У Однорукого есть убежище, — перебил его Анненков. — И ты знаешь, где оно находится.

— Откуда мне знать? Болтают, что он в горах в пещерке живет, но где та пещерка, никому не ведомо...

— Возможно, сейчас он говорит правду, — шепнул капитану Стилуотер. — Однорукий хитер, как травленный лис, он никому не выдаст свою лежку. Я бы спросил по-другому...

Он вдруг выпучил глаза и быстро-быстро заговорил со старостой на странном, певучем языке здешних жителей. Лицо старосты оживилось, он торопливо закивал и ответил англичанину на том же мелодичном наречии. Капитан распознал только имя «Руми».

— Он говорит, что чаще всего Однорукий появлялся в деревне со стороны Черных Топей. Это гиблое место, болота, через которые даже в сухой сезон опасно ходить. А уж сейчас...

Ланселот оборвал фразу на полуслове. Где-то совсем рядом ударил выстрел. Потом еще один. И еще.

— Похоже, самое интересное мы с вами все-таки пропустили, — усмехнулся Анненков. В каждой руке у него уже было по пистолету. — Хорошо бы успеть в зал до того, как опустят занавес.

14.

Капитан торопился напрасно: когда они выскочили в патио, представление было в самом разгаре. На галерее гремели выстрелы, звенели битые стекла, слышалась отборная солдатская ругань на русском, испан-

ском, а также на неизвестных Анненкову наречиях. Понять, кто с кем сражается, было решительно невозможно — виноградные лозы скрывали детали происходящего лучше всякой маскировки. Где-то на уровне окна спальни Лауры из просветов между плетями винограда валил густой черный дым. «Еще спялят все поместье к чертовой бабушке, — мелькнуло в мозгу капитана. — Вот ведь, называется, в гости заехал...»

Стиллиутер, видно, подумал о том же, потому что, пробегая мимо застывшего в немом изумлении слуги (рот приоткрыт, глаза-пуговицы таращатся на окутанную огнем и дымом галерею), схватил его за плечо, трудноуловимым движением развернул вокруг оси и сильно толкнул в спину с криком:

— Пожарную команду, быстро!

— У вас тут и пожарные свои? — хмыкнул капитан, но ответа не получил — в то же мгновение по мраморной плите патио между ними, взвизгнув, шваркнула пуля. Ланселот огромным прыжком пересек зону поражения и привалился спиной к стене.

— Юрий, сюда! — хрипло каркнул он.

Анненков на бегу с двух рук выстрелил по галерее — пули срезали тяжелую виноградную лозу — и нырнул в спасительную тень.

— Я — в дом, а вы контролируете двор! — крикнул он Стиллиутеру. — На случай, если кто-нибудь решит спрыгнуть сверху.

Ланселот прорычал что-то утвердительное. Выглядел он довольно зловеще — волевой подбородок выдвинут вперед, словно корабельная пушка из люка, крепкие белые зубы оскалены, как у почуявшего драку бойцовского пса. Ствол зажатого в волосатой лапе англичанина «смит-и-вессона» хищно обшаривал пространство патио.

Капитан ударил плечом в дверь, вкатился в прохладу дома. Огромный холл был пуст. Отчетливо дребезжали стоявшие в углу рыцарские доспехи — не иначе как облачение прадедушки Мансио Серра, проигравшего «солнце». Забрало съехавшего набок шлема украшала свежая вмятина — след от залетевшей со второго этажа пули.

— Порвали два баяна, — сквозь зубы прошептал Анненков, перебегая к широкой дубовой лестнице, ведущей наверх. — Ну, ребята, пора прекращать этот балаган...

Бесшумно подняться по лестнице не удалось — разошедшиеся ступеньки предательски скрипели под ногами. Как назло, выстрелы наверху смолкли, и негромкие шаги Анненкова прозвучали во внезапно упавшей на дом тишине, как каменная поступь командора.

— Эй, — раздался сверху голос Стеллецкого, — на лестнице! Не высовывайтесь! Гад за углом засел, всю галерею простреливает!

Анненков извлек из кармана дорожный несессер, открыл, развернул зеркальце так, чтобы было видно, что происходит на галерее. Осторожно поднял футлярчик над головой.

Война в Крыму, все в дыму. В таком дыму если и можно попасть в цель, то лишь с очень серьезной помощью госпожи Удачи. Скорее всего, именно по этой причине перестрелка и продолжалась так долго — противники друг друга не видели и стреляли по большей части наугад. «Что же делать, если в городе нет других развлечений», — нехстати вспомнилась капитану старая американская шутка.

— Ник, — крикнул он по-русски, — вы с кем там воюете?

— С Одноруким, будь он неладен! Рука одна, а палит, сволочь, за целый взвод!

— Расстояние от лестницы до того угла, за которым он прячется?

— Футов пятнадцать... по-нашему, метров пять-шесть. Ты это к чему, Юрка?

Анненков быстро убрал «Потапыча» в кобуру, перекрестился и вновь вынул пистолет.

— Попробую прорваться. Постарайтесь мне в спину не пальнуть, орлы.

— Да ты с ума сошел! Он же тебя в упор застрелит! Юрка, слышишь, не смей!

— С Богом, — прошептал капитан и рванулся вперед, перепрыгивая через две ступеньки. Вскочив на галерею, он тут же принялся стрелять с двух рук, не забывая при этом считать патроны. Если Однорукий и вправду скрывался за углом, то высунуться навстречу такому шквальному огню он просто не посмел. Анненков беспрепятственно достиг места, где галерея поворачивала, огибая угол дома, бросился на пол, перекатился к балюстраде, не прекращая стрелять... Напрасно — никаких врагов за углом не обнаружилось.

— Ушел твой Однорукий, — крикнул он, оборачиваясь. Ник уже спешил к нему, размахивая «смит-и-вессоном». — Только вот куда?

— Спрыгнул? — задыхаясь, спросил Стеллецкий. Капитан покачал головой.

— Внизу Ланс, он его живым не выпустит.

— Тогда вперед! Гутьеррес с Пабло караулят у лестницы, мы его в клещи возьмем!

Настороженно озираясь, они пошли по затененному виноградом проходу. Окна, выходившие на галерею, были забраны ставнями из тонких дощечек, наподобие деревянных жалюзи. Ставня третьего по счету окна болталась на одном гвозде, с механическим стуком удара-

ясь о стену. В раме торчали острые, похожие на кривые клыки, осколки стекла.

Анненков ухватился за ставню, потянул на себя, оторвал.

— Перед окном не становись, — прошипел Стеллецкий. Капитан размахнулся, ударил что было сил оторванной ставней, выбивая засевшие в раме стекла. Потом несколько раз выстрелил в окно, стараясь не высовываться из-за угла.

— Нет там никого, Ник. Может, он специально окно разбил, а сам дальше по галерее ушел.

— Это вряд ли. Толку ему вокруг дома бегать? Ему к выходу прорываться надо...

И, словно подтверждая слова полковника, в глубине дома вновь загремели выстрелы.

— Пошли! — бросил Анненков и перемахнул через подоконник. Дверь, ведущая из комнаты в коридор, была распахнута настежь.

— Alerta! — донесся откуда-то голос Гутьерреса. — Пабло, не высовываться!

Грохот выстрела. Сдавленный стон — так стонут раненые в живот. Капитан выскочил в узкий, темный коридор и побежал по направлению к светлому проему двери. Стеллецкий тяжело топал сзади.

Коридор заканчивался обнесенной балюстрадой площадкой. На ней в луже крови лежал незнакомый Анненкову метис в военной форме. Гутьеррес, став на одно колено, стрелял из своего «бульдога» в пролет лестницы.

— Колдун подстрелил Пабло! — крикнул майор, не оборачиваясь. — Прикройте меня, я иду за ним.

— Я с вами, — крикнул Анненков. — Три ствола лучше, чем один.

Гутьеррес недовольно заворчал, пружинисто вскочил на ноги и бросился вниз по ступеням. Капитан последовал за ним.

— Куда ведет эта лестница?

— Откуда я знаю? Я здесь такой же гость, как и вы.

В следующую минуту Анненков узнал эту лестницу — именно по ней вел его вчера ночью дон Луис. Двумя пролетами ниже за тяжелой дубовой дверью хранятся сокровища коллекции де Легисамо.

— Подземный ход! — вырвалось у капитана.

— Какой еще ход?

— Там, внизу... Дон Луис говорил, что из винных погребов можно по тайному лазу попасть в парк! Колдун наверняка собирается уйти по нему.

— Не успеет! — азартно крикнул Гутьеррес. Он мчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки. — Я его вижу!

«Бульдог» в руке майора трижды плюнул огнем. Анненков успел увидеть мелькнувшую внизу черную фигуру с развевающимися длинными волосами. Раздался короткий крик, потом грохот закрывающейся двери.

— Проклятье! — выругался Гутьеррес. — Я ведь подстрелил его! Точно говорю — подстрелил!

— Не волнуйтесь, — Анненков преодолел последний пролет лестницы, подошел к двери и подергал тяжелое бронзовое кольцо. — Да-леко он подстреленный не уйдет. А дверь мы сейчас откроем...

Он отошел на несколько шагов, поднял «Потапыч» и трижды выстрелил туда, где должен был находиться засов. Из двери полетели щепы.

— Эй, ворюга! — крикнул капитан. — Сдавайся по-хорошему...

— Крепкая дверь, — заметил Гутьеррес, остановившийся на площадке перед последним пролетом. — Я бы на вашем месте не пожалел патронов.

Анненков выстрелил в четвертый раз.

Он не успел понять, что произошло.

Дверь сорвало с петель и швырнуло прямо на него. Под кирпичным сводом подвала бушевало белое пламя. Оглохшего от грохота капитана отбросило назад, и он крепко приложился затылком о каменную ступеньку.

Как ни высоко ценил Анненков боевые качества своего маузера, представить, что все это натворил один-единственный выстрел, было выше его сил.

Впереди что-то тяжело ухнуло, и огромный пласт кирпича и извести обрушился с потолка погреба, погасив огонь. В лицо капитану ударил порыв горячего ветра.

Гутьеррес, пошатываясь, спустился с лестницы, прошел мимо Анненкова и приблизился к завалу.

Капитан попытался подняться, цепляясь за стену. Кто-то подхватил его сзади под локти и рывком поставил на ноги. Анненков обернулся и увидел Стеллецкого. Губы Ника смешно и беззвучно шевелились.

— Не слышу ни черта! — крикнул капитан. — Контузило меня, понимаешь?

От крика в ушах у него словно бы лопнул пузырь.

— Нет, не контузило, — добавил он уже тише. — Просто оглох, когда в лоб дверью получил...

Анненков и Стеллецкий подошли к полуобвалившейся арке, за ко-

торой когда-то располагался винный погреб. Гутьеррес, опустившись на корточки перед завалом, рылся в кирпичных осколках.

— Как обидно, господа! — бормотал он себе под нос. — Кто бы мог подумать, что негодяй решит уйти с таким шумом!

— Смотрите, — сказал Стеллецкий, вытаскивая из-под завала обгоревший кусок пончо. — Похоже, это все, что осталось от нашего друга — Однорукого...

— Откуда он вообще появился? — спросил Анненков, вглядываясь во тьму взорванного погреба. — Неужели все-таки вернулся к Лауре?

— Именно! — Ник потряс закопченной тряпкой. — Мы едва его не схватили, но он, каналья, верткий, как угорь! Жаль, что тайна кристалла умерла вместе с ним...

— А вот и нет! — голос Гутьерреса звенел. — Справедливость торжествует, друзья мои! Смотрите!

Майор поднялся с колен, держа в руках какой-то темный предмет. При ближайшем рассмотрении это оказался мешок из грубой ткани, прожженный в нескольких местах. Сквозь обугленные прорехи виднелось что-то большое и блестящее.

— Вот оно! — Гутьеррес двумя движениями разорвал мешок и извлек на свет его содержимое. — Сокровище дома де Легисамо!

В его ладони покоился крупный, розоватый кристалл, формой напоминавший сердце.

15.

— Нехорошо, очень нехорошо с вашей стороны, сеньор Гутьеррес! — с притворной строгостью заявила Миранда, протягивая майору бокал шампанского. — Лишать нас своего общества сразу же после столь блистательного подвига! Неужели вы не можете задержаться в «Холодной горе» еще на пару дней?

Майор галантно поклонился красавице.

— Сожалею, сеньорита, но я человек военный. Геодезическая съемка района должна быть проведена в срок, установленный Генеральным штабом. Я покину поместье на рассвете. Впрочем, пребывание здесь было столь пленительно, что я с удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством через несколько месяцев, если, конечно, вы по-прежнему захотите меня видеть.

— О чем разговор, дорогой Хорхе! — дон Луис дружески приобнял майора за плечи. — Вы всегда будете самым желанным гостем этого дома, клянусь! Мы так вам обязаны: я, моя жена и моя кузина... Хорхе, теперь вы для нас больше, чем друг — вы член семьи!

У Гутьерреса заблестели глаза.

— Это великая честь для меня, сеньор! Я никогда не забуду ваших слов.

Он поднял бокал с шампанским, отсалютовал им собравшимся в гостиной и сделал большой глоток. Все зааплодировали.

— Дорогой майор, — смушаясь, проговорила Лаура, — скажите, а как вам удалось найти El Cogazon? Конечно, вы уже рассказывали эту историю... но я тогда лежала без чувств и все пропустила.

Девушка была еще очень бледна, вокруг глаз ее темнели круги. Впрочем, Анненков находил, что некоторая трагичность в сочетании с простым черным платьем ей даже к лицу.

— Ну, рассказывать, собственно, нечего, сеньорита. Пока вы лежали без чувств, негодяй Однорукий проник в вашу спальню.

— Дева Мария! — ахнула Лаура. — Но зачем?

— Милая, — нравоучительным тоном заметила Миранда, — есть вопросы, которые лучше не задавать. Особенно мужчинам.

— Думаю, этого мы уже никогда не узнаем, — нимало не смутившись, ответил Гутьеррес. — Возможно, нужно было посмотреть, что он станет делать, но я не хотел рисковать вашей жизнью. Я забыл сказать, что стерег ваш покой, спрятавшись за балдахин. Когда Однорукий подошел и склонился над вами, я выскочил из укрытия и схватил его поперек туловища.

— Вы такой смелый! — прошептала Лаура. — Он же мог вас убить!

Гутьеррес недовольно поморщился.

— Конечно, следовало сразу же ударить его рукояткой револьвера по затылку. Но мне, признаться, показалось нечестным поступать так с калекой... и, как выяснилось, напрасно. Этот калека силен, как ягуар, даром, что у него нет одной руки. Он боднул меня головой в подбородок, потом каким-то чудом вывернулся из захвата и хлестнул по глазам чем-то вроде тонкого ремня. От неожиданности я выпустил его, и он тут же метнулся к двери. Я ничего не видел — дьявольская плеть обожгла глаза, — поэтому выстрелил наугад. На шум прибежал сеньор Стеллецкий, потом к нам присоединился бедняга Пабло... кстати, как он?

— Выкарабкается, — благодушно прогудел фон Корф. — Эти метисы поразительно живучи...

В гостиной повисла неловкая тишина.

— Благодарю, — в голосе Гутьерреса зазвенел металл. — Вообще-то, господин барон, в моих жилах тоже течет индейская кровь.

— Я говорил как естествоиспытатель и врач...

— Прошу вас, сеньор Гутьеррес, продолжайте! — взмолилась Лаура.

— Втроем мы оттеснили мерзавца на галерею. Там в дело вмешался храбрый сеньор Анненков, и Однорукий понял, что ему не уйти. Тогда он решил прорваться в винный погреб, где загодя оставил заряд динамита.

— Но откуда же он взял динамит? — скептически ухмыльнулся фон Корф. — Если я правильно вас понял, это был какой-то индейский знахарь, шаман. Допустим, айяуаску в вино он подмешать мог, но динамит?

— Из лагеря североамериканских геологов, — подал голос Ланселот Стиллуотер. — Бунтовщики выкрали там пять ящиков с динамитом. Большая часть ушла на то, чтобы взорвать мост, через который мы доставляли хлопок в Трухильо, но небольшой заряд Однорукий, видимо, сумел пронести в поместье.

Гутьеррес развел руками.

— Возможно, он хотел всего лишь завалить за собою старый подземный ход, но не сумел правильно рассчитать длину запала. Злодей погиб при взрыве, однако украденный им кристалл, к счастью, уцелел. Таким образом, сеньорита, у этой истории, как видите, счастливый конец.

— Очень трогательно, — шепнул Анненков Стиллуотеру. — Но мне почему-то кажется, что эта история далеко не закончена.

— Что вы хотите этим сказать, Юрий Всеволодович? — вполне осведомился англичанин. — Думаете, у Руми могли остаться сообщники?

Капитан огляделся по сторонам.

— Давайте отойдем, Ланселот.

Их тактического отступления никто не заметил — собравшиеся в гостиной были слишком увлечены рассказом Гутьерреса.

— У меня есть одно железное правило, Ланселот, — сказал капитан Анненков. — Пока я не увидел труп врага, я считаю его живым.

— Вы полагаете, что Однорукий все подстроил? Но зачем тогда было оставлять кристалл?

Анненков внимательно посмотрел на англичанина.

— Вообще-то я предполагал, что вам известно о существовании копии кристалла, изготовленной столичным ювелиром Лазарсоном. Копия эта хранилась у донны Марии и исчезла приблизительно в то же время, что и само сокровище.

Стиллаутер крикнул.

— Меня трудно удивить, но вам это удалось. Я был уверен, что все секреты поместья мне хорошо известны...

— Не все, — жестко перебил его капитан. — Впрочем, я надеюсь, что до окончания расследования вы ни с кем не станете делиться этой информацией.

— Подобное предупреждение излишне, — голос Стиллаутера похолодел. — Значит, вы думаете, Гутьеррес обнаружил копию?

— Уверен. И очень сомневаюсь, что Однорукий погиб при взрыве. Готов держать пари: когда слуги разберут завал, ничего, кроме пончо, под ним не обнаружится.

— Но черт возьми! Почему же тогда мы бездействуем?

— Торопиться уже нет смысла. Руми добился своей цели: после взрыва вы отозвали людей, патрулировавших границы поместья, и он мог беспрепятственно покинуть пределы «Холодной горы». Гутьеррес считает, что Однорукий ошибся с длиной запала, а по мне так наоборот — он рассчитал все превосходно. Обрушившийся свод лишил нас возможности последовать за ним, а Руми, подкинув нам фальшивку, спокойно выбрался из-под земли в парке и ушел вместе с настоящим кристаллом.

Стиллаутер пощипал ус.

— Я слышал, что русские все фаталисты, но не предполагал, что до такой степени.

— Фатализм здесь ни при чем. Я просто не сразу до этого додумался: удар дубовой дверью по лбу не слишком способствует интеллектуальной деятельности. А теперь наша единственная надежда — что Однорукий не станет уходить далеко, пока не дожидется...

В дверях гостиной показалась внушительная фигура фон Корфа, и Анненков замолчал.

— Плетете интриги? — ухмыльнулся барон. — Когда Англия и Россия объединяются, Германии следует насторожиться!

— Ох уж мне этот тевтонский юмор, — процедил сквозь зубы Стиллаутер, когда фон Корф величественно проплыл мимо них и скрылся за углом. — Признаюсь, этот толстяк действует мне на нервы. Исключительно неприятный тип! Между прочим, кристалл пропал в ту ночь, когда он появился в поместье.

— В тот день сюда приехало много гостей, — заметил Анненков. — И я в том числе. Я понимаю, на что вы намекаете, Ланселот, у Руми, скорее всего, действительно был сообщник. Однако далеко не факт, что это наш толстый немецкий друг.

— Вы кого-то подозреваете? — деловито осведомился Стиллиутер.
— Есть конкретные соображения?

— Да соображений-то сколько угодно, — вздохнул капитан. — Но прежде нужно попытаться вернуть кристалл.

— Вы же сами сейчас сказали, что Однорукий ушел!

— Помните, что говорил нам староста? Колдун всегда приходил в деревню со стороны Черных Топей. У него там схрон. Почти наверняка он останется там до завтрашнего утра. А это значит, что у нас впереди целая ночь.

Некоторое время Стиллиутер молчал. Потом сказал, глядя в сторону:

— Соваться в Черные Топи в темноте — верная смерть. Там и днем-то не пройдешь. Если Руми и вправду ушел на болота, мы его уже не поймает.

— Тем не менее я пойду, — отрезал капитан. — Не думаю, что здешние трясины опаснее Мазурских болот.

— Одного я вас не пушу, — сказал Ланселот Стиллиутер мрачно. — Но мне придется предупредить дону Луиса.

— А вот этого не надо! Чем меньше народу будет знать о том, что я отправился ловить Однорукого, тем лучше. Вот что, Ланселот, не изображайте из себя рыцаря. Я прекрасно справлюсь сам, а для вас найдется работа и в поместье.

— Думаете переупрямить девонширца? — хмыкнул Стиллиутер. — Нет уж, пойдем вместе. Пусть однорукий мерзавец испытает на своей шкуре, что такое союз Англии и России!

Анненков вытащил из кармана свой стальной хронометр.

— Сейчас восемь пятнадцать. Ровно в девять встречаемся у конюшен. Болотные сапоги у вас найдутся?

17.

Хуже всего была вонь — сложная смесь ароматов гниющих растений, разлагающейся органики и извергаемых болотом миазмов. Анненков замотал лицо мокрым носовым платком, но тошнотворные запахи пробивались даже через ткань. В остальном же Черные Топи оказались не таким уж адским местом — унылая кочковатая равнина, протянувшаяся до самых предгорий. Правда, любоваться пейзажем капитану пришлось недолго — выглянувшая было луна уже к полуночи спряталась за плотно закрывшимися небо тучами. Это обстоятельство делало поиски почти бессмысленными, и Анненков подумал, что духи здешних мест явно покровительствуют Однорукому.

— Никого мы здесь не найдем, — хмуро проговорил Стиллуотер, когда они выехали на каменистый участок земли, слегка выступавший из болота. — Даже днем бы не нашли, а в такой темноте и подавно.

— В какой стороне ущелье Уанкай? — спросил капитан, поворачиваясь в седле.

— Дайте сообразить... Вон там, к северо-северо-востоку. А почему вы думаете, что он ушел именно в ущелье?

Анненков пожал плечами.

— Не знаю... интуиция. Дон Луис говорил, места там страшноватые, да и Гутьеррес рассказывал про горы костей. Где же еще прятаться злому колдуну?

— Хм... ну, может, вы и правы. Так что — туда?

— Туда, — решительно сказал Анненков и тронул поводья. Низкорослый буланый конек, выбранный для него Ланселотом, послушно потрусил по невидимой в темноте тропе.

Анненков и Стиллуотер почти не разговаривали, так что единственным звуком, по которому можно судить о присутствии другого, было чавканье, издаваемое копытами их лошадей. Когда конек капитана остановился перед заполненной водой бочажиной, чавканье смолкло, и Анненков понял, что остался один.

— Ланселот! — негромко позвал он. — Эй, старина, вы где?

Ночь молчала.

— Ситуация, прямо скажем, хреновая, — сказал капитан сам себе. — Варианта два — либо где-то зади была развилка, и мистер Стиллуотер свернул в темноте не туда, либо он тихо утонул в каком-нибудь омуте. Во второе верить не хочется, так что остается вариант номер один.

Он похлопал конька по холке.

— Вопрос: возвращаться ли нам назад или продолжать поиски в направлении ущелья? Что скажешь, коняга?

Анненков соскочил на мягко спружинившую под ногами кочку и прошел вдоль бочага. Пути дальше не было.

— Ну, Горбунок, вот проблема и решилась. Это не англичанин свернул не туда, это мы с тобой не по той тропке пошли. Что ж, будем возвращаться...

Но вышло только хуже. Буланый брел в темноту, руководствуясь одному ему понятными соображениями, иногда останавливаясь, словно бы раздумывая, не повернуть ли назад. Довольно скоро Анненков потерял всякое представление о том, куда они движутся. Время от времени ему чудилось, что он слышит в ночи голос Ланселота Стиллуо-

тера, и он принимался громко насвистывать «A Long Way to Thipperery», но англичанин не отзывался. В конце концов капитан сообразил, что сбивавшие его с толку звуки издает какой-то обитатель топей, и свистеть перестал.

В бесплодных и бессмысленных скитаниях прошло часа два.

Потом луна неожиданно выглянула в просвет между тучами, и осветила блеснувшие черными склоны исполинских гор. Капитану показалось, что на черном фоне слабо мерцает красная искорка, похожая на отблеск далекого костра.

«А ведь я вышел верно, — удивленно подумал Анненков. — Вон та расщелина — наверняка и есть ущелье Уанкай... Вот только добраться до него будет непросто...»

В холодном лунном свете было видно, что равнина вплоть до самых гор покрыта темными зеркалами стоячей воды. От островка твердой земли, на которой стоял буланный, ее отделяла плотная стена тростника.

— Ладно, Горбунок, — сказал капитан, спрыгивая с седла на землю. — Попасись тут покамест, а я схожу на разведку.

Он вытащил из притороченной к седлу сумки легкие и прочные болотоходы — подарок предусмотрительного Стиллиутера — и натянул их на сапоги. Потопал ногами, проверяя, не сваливаются ли широкие, сплетенные из лозы лапы — и решительно углубился в заросли тростника. Луна, словно дожидавшаяся этого момента, вновь нырнула за тучи, и на Черные Топи упала непроглядная тьма.

То, что в этой тьме Анненков все же наткнулся на схрон Однорукого, можно было бы назвать чудом, если бы только это не было результатом методичного прочесывания участка болот, примыкавшего к ущелью Уанкай. За время поисков капитан успел возненавидеть все на свете. Болотоходы помогали не провалиться в трясину, но этим их полезные функции и ограничивались. Ходить в них было непросто, во всяком случае, с непривычки. Несколько раз Анненков поскользнулся и падал в жидкую грязь, в которой копошилась какая-то невидимая в темноте живность. К предплечью немедленно присосалась крупная пиявка — капитан, кривясь от отвращения, оторвал ее и бросил под ноги. К тому моменту, когда обнаруженная им буквально на ощупь тропа вывела Анненкова к небольшому каменистому островку среди болот, капитан промок насквозь и чесался от бесчисленных укусов мелких обитателей топей.

На островке совсем недавно кто-то был — в круге, выложенном из

крупных камней, чадил заваленный мокрым тростником костер. Именно пробившийся сквозь миазмы болот запах дыма и вывел Анненкова к убежищу Руми.

Капитан, вытащив «Потапыч», внимательно обыскал островок. Кроме затушенного костра и убогого тростникового шалаша, здесь больше ничего не было.

Но Однорукий прятался где-то рядом, Анненков это чувствовал.

«Он услышал, что я иду, и ушел с островка, — решил капитан. — Скорее всего, он двинулся в сторону ущелья — до него совсем рукой подать. Что ж, проверим!»

— Ну, — громко сказал он по-испански, — сейчас я покончу с тобой! Я вижу, где ты прячешься!

То, что догадка его верна, он понял, спустившись по каменистому склону к воде. В темноте вдруг зашлепали удалявшиеся шаги. У Однорукого не выдержали нервы.

— Эй, однорукий дьявол, — крикнул Анненков по-испански, — лучше сдавайся, я тебя все равно живым отсюда не выпущу!

Из темноты донеслось приглушенное ругательство. Судя по звуку, Однорукий опережал капитана шагов на двадцать.

— Я ведь тебя пристрелить могу, как куропатку, — продолжал увещевать противника Анненков. — Ты шумишь так, что на всю округу слышно! Не стреляю, потому что убивать не хочу.

— Лжешь! — крикнул Руми. — Не стреляешь, потому что боишься, как бы я не утонул вместе с Глазом Пачакамака!

— И это тоже, — не стал спорить капитан. — Но если ты отдашь мне кристалл, я отпущу тебя на все четыре стороны, клянусь!

Чавкающие шаги впереди затихли. «Стоит на кочке, осматривается», — подумал Анненков. Хотя вряд ли: чтобы осматриваться в такой непроглядной тьме, нужно иметь глаза совы.

— А куда мне идти без него? — донесся голос индейца. — Мой господин послал меня, чтобы я принес ему сокровище. Если я вернусь к нему с пустыми руками, он скажет: ты, Руми, ни на что не годен, лучше тебе полежать под скалой, подождать, пока на тебя сбросят большой камень. Вот как скажет мой господин, Инкарри.

Пока он говорил, капитан приблизился к нему шагов на пять — во всяком случае, он искренне надеялся, что движется в правильном направлении.

— Извини, Руми, — вздохнул он, поводя перед собой стволом «Потапыча». — Отпустить тебя с камушком я тоже права не имею, сам понимаешь.

Нажал на спусковой крючок — не столько, чтобы попасть, сколько надеясь увидеть силуэт врага при вспышке выстрела. Над топью прокатился громовой раскат. С таким грохотом стреляли, наверное, аркебузы первых конкистадоров.

И ничего. Метнулись в стороны крылатые серые тени — то ли птицы, то ли летучие мыши, — на мгновение высунулись из темноты скрюченные мертвые деревья, торчащие из топей, и мир снова окутала тьма. Если Однорукий и вправду находился где-то там, впереди, то он слишком хорошо прятался.

— У тебя много патронов, Эль Капитано? — как ни в чем не бывало осведомился он, когда эхо выстрела затихло в ночи. Хохотнул противным, скрежещущим смехом.

— Достаточно, приятель. Можешь не считать выстрелы — я всегда таскаю с собой запас.

— Молодец, — похвалил индеец. — Ты был хорошим солдатом у себя на родине?

«Где же он прячется? — лихорадочно соображал Анненков. — Судя по голосу, градусов на двадцать правее того дерева, которое я вроде бы видел прямо перед собой... Но ведь он же не идиот, наверняка схоронился за какой-нибудь кочкой».

— Как я тебе отвечу, Руми? — серьезно проговорил он. — Плохие солдаты не выживают в той мясорубке, через которую я прошел. А хорошие солдаты не проигрывают битву за свою родину.

— Нет, ты хороший солдат, — не согласился Однорукий. — Я видел, как ты убивал моих людей у моста... Но скажи, Эль Капитано: зачем тебе Глаз Пачакамака? Ты хоть понимаешь, что это такое?

Анненков подумал, одновременно пытаясь бесшумно передвинуться в ту сторону, откуда вроде бы раздавался голос.

— Ловушка, — сказал он наконец. От того места, где засел Однорукий, его отделяло не больше десяти шагов. — Это ловушка для душ.

— Правильно, — удовлетворенно проговорил индеец. — Ловушка. И ты в нее попал.

Анненков почувствовал, как под ногами проваливается земля. Невозможно, невероятно — с его болотоходами можно было пройти, не замочив портянки, половину Сиваша, что уж говорить о здешних вымороченных топях — но он все-таки проваливался, падал в неизвестно откуда взявшуюся яму. С мерзким хлюпаньем хлынула туда же, в подземную полость, холодная болотная жижа. Капитан раскинул руки и попытался упасть на трясину крестом, но это удалось лишь от-

части. Левая рука действительно зацепилась за что-то, напоминающее толстый корень, правая, в которой Анненков сжимал маузер, ушла в грязь. Внизу страшно урчало и взревывало. Капитан отчаянно молотил ногами, но теперь болотоходы только мешали. Никакой тверди, на которую можно было встать, внизу не было — судя по всему, Анненков провалился в западню, что-то вроде гигантского короба из ветвей, с которого вовремя сняли крышку. «Вот сейчас снова накроет, — флегматично подумал капитан, — и будет мне в буквальном смысле слова крышка». Чертов индеец его перехитрил. Так действовали полесские мужики, уходя от наступающих армий Гинденбурга: прокладывали по-над топями обманные гати, а сами заманивали немцев, уходя одним им ведомыми тропами. Где-то над самыми бочагами гати неожиданно заканчивались, передовые отряды немцев оставались, на них начинали напирать задние, и под тяжестью скопившихся солдат сплетенные из ивняка гати медленно погружались в трясину.

— Вот и все, Эль Капитано, — сказал Однорукий. Анненков по-прежнему не видел его, но судя по голосу, индеец находился где-то совсем близко, шагах в трех-четырех. — Барахтаешься? Молодец. Мужчина должен сражаться до конца, должен быть сильным.

Анненков судорожно цеплялся за корень — левая рука немела, пальцы, впившиеся в дерево, казались ломкими и хрупкими. Он знал, что стоит разжать пальцы — и он уйдет в бездну с головой. Он повернул голову на звук голоса и немедленно хлебнул вонючей холодной жижи.

— Позволь, я помогу тебе, — предложил Руми. Анненков наконец увидел его: темное бесформенное пятно в окружении таких же пятен тьмы. Но у этого пятна в чернильном сгустке, означавшем руку, что-то смутно поблескивало. Металл.

— Прощай, Эль Капитано, — торжественно проговорил Однорукий, и металл блеснул снова. Наверное, где-то наверху все же пробивался сквозь тучи слабенький лунный свет, потому что иначе этот блеск объяснить было невозможно. Анненков услышал свист и тяжелый, стонущий удар. Корень, за который он держался, вздрогнул и спружинил, а пальцы ощутили прикосновение ледяного металла.

«Мачете! — мелькнуло в мозгу Анненкова. — Он хочет отрубить мне пальцы!»

Руми досадливо крикнул и вновь занес мачете над головой. Было ясно, что на этот раз Однорукий не промахнется.

Капитан разжал пальцы быстрее, чем осознал, что делает.

Мачете с глухим стуком ударило в корень. Анненков выбросил вверх левую руку, в отчаянной попытке перехватить огромный нож. Пальцы скользнули по металлу, сорвались...

Бездна под ногами издала торжествующий рев.

Капитан повалился на левый бок, из последних сил помогая себе ногами. Один из болотоходов, кажется, свалился с ноги, но непонятно было, лучше стало от этого или хуже. Анненков заорал, дернулся, пытаясь вывинтиться из мягкого капкана болота, и все-таки сумел выпростать на поверхность правую руку, сжимавшую маузер. Несколько раз рванул спусковой крючок.

Отдачей от выстрела его вбило в топь с головой. А потом на капитана сверху обрушилось что-то мягкое и тяжелое.

Анненков вцепился в Однорукого свободной рукой, потянул вниз, на глубину — тот почему-то не спешил тонуть, как будто был наполнен изнутри воздухом, — судорожными движениями подмял под себя, и пока индеец не ушел совсем глубоко, выбрался на край западни, используя тело врага, как ступеньку. Выбравшись, он долго лежал лицом вниз, сотрясаясь всем телом, с омерзением выплевывая забившую горло болотную жижу. Потом кое-как поднялся на колени, привалился спиной к ближайшей кочке и принялся чистить маузер, поминутно сплевывая и матерясь.

В таком положении и нашел его на рассвете Ланселот Стиллуотер, осторожно выехавший на утыканную мертвыми деревьями болотистую проплешину, посреди которой зияла наполненная черной, вязкой на вид водой квадратная яма.

— Вы вовремя, Ланселот, — сказал ему Анненков. — И хорошо, что с лошадью. Вербка есть? Отлично. Нам придется понырять.

18.

— Прежде всего, — сказал капитан Анненков, — я хотел бы с вами попрощаться. Вряд ли мне представится такая возможность после того, как я закончу свой рассказ.

— Это еще почему? — подозрительно спросил дон Луис. Он спустился в гостиную в охотничьем костюме, не успев переодеться после проводов Гутьерреса.

— Да, Юрка, что это ты придумал? — поддержал его Стеллецкий. Ник, в отличие от хозяина «Холодной горы», выглядел по-домашнему: мягкие фланелевые брюки, теплый белый свитер из шерсти альпаки. В руках Стеллецкий рассеянно вертел пузатый бокал с виски.

— Расследование завершено, — пожал плечами Анненков. — Боль-

ше мне здесь делать нечего. И я не думаю, что кто-то из вас захочет пожать мне руку.

— Сеньор капитан нас интригует, — тонко улыбнулась Миранда. — Вполне в духе английских детективных романов, которые так замечательно пишет эта... как ее... миссис Кристи.

— О, так даже интереснее! — поддержала ее Машенька. — В этих романах сыщик обязательно собирает всех в одной комнате, запирает двери, а потом объявляет...

Тут она сделала большие глаза, смешно свела к переносице брови и с выражением произнесла:

— Преступник среди нас, господа!

Стеллецкий громко рассмеялся, но смех его прозвучал одиноко.

— Предлагаете закрыть дверь? — без улыбки осведомился Анненков. — В таком случае следует кое-кого подождать; собрались еще не все.

— Так значит, это правда? — быстро спросил дон Луис. — Преступник действительно один из нас?

Прежде чем ответить, капитан немного подумал.

— Нет, — сказал он наконец.

— Тогда зачем вся эта комедия с запиранием дверей? Не понимаю!

— Ваша жена уже ответила на этот вопрос. Так интереснее.

— Ну-ну, — скептически хмыкнул дон Луис. — И кого же мы ждем?

— Ланселота Стиллуотера. И, возможно, еще одного человека. Впрочем, я могу начать свой рассказ и без них. Предлагаю всем наполнить бокалы: история, которую вам предстоит услышать, довольно долгая.

Рассказ капитана Анненкова

С самого начала я допустил ошибку, которая едва не завела все расследование в тупик. Я очень долго не мог поверить, что кристалл горного хрусталя, который прапрапрадед нашего любезного хозяина выиграл в кости, действительно обладает какими-то особыми свойствами. Должен признаться, что я всегда был бóльшим скептиком, чем, например, мой друг полковник Стеллецкий, но даже он в магию кристалла не верил. То, что полковник был лично заинтересован в том, чтобы считать El Corazon простым куском кварца, я понял далеко не сразу.

А ведь разгадка истории лежала буквально на поверхности — достаточно было поверить в магические свойства драгоценности рода де Легисамо. Тогда все сразу вставало на свои места...

Дон Луис неоднократно упоминал, что для эффективного использования талисмана нужны особые способности. Это второй ключ к разгадке, на который, к моему стыду, я тоже не обратил поначалу должного внимания.

Дело в том, что сокровище дона Луиса не выполняло желания в буквальном смысле этого слова. Оно вообще ничего не выполняло — его функция заключалась совсем в другом. И здесь я должен поблагодарить господина барона: без его потрясающих познаний в этой области я вряд ли вышел бы на след.

Я не знаю, правда ли El Corazon создали атланты, как говорит господин барон. Но кто бы это ни был, они создали машину для записи души.

Что представляет собою душа, мы не знаем. Но если вообразить, что это некие колебания волн, подобные звуковым, то их можно будет записать на подходящем для этого материале, в точности так, как Томас Эдисон записал музыку на пластинках для своего фонографа. Мне кажется, что El Corazon и есть такая пластинка, фонограф и еще что-то, для чего у нас пока нет названия. Он воспринимает мелодию человеческой души и сохраняет ее внутри себя. И там, внутри, эта мелодия постоянно звучит, не затихая ни на мгновение. Когда первый владелец сокровища, Мансио Серра де Легисамо, использовал его для выигрыша в карты или кости, он по простоте своей думал, что волшебный кристалл сбивает руку противника или заставляет его идти не с той масти. На самом деле талисман просто записывал мелодии душ тех, кто сидел с Мансио Серра за одним столом. И даже, наверное, не мелодии целиком — потому что, если моя догадка верна, для того чтобы записать полноценную копию души, требуется время, — а только наиболее «громкие» их ноты: азарт, алчность, стремление выиграть любым способом, честным или нечестным... А сам Мансио, желая своим противникам проигрыша, каким-то образом влиял на эти ноты, искажал их звучание, превращал музыку в кабафонию. И вот еще что очень важно — копия души, запечатленная в кристалле, сохраняет связь со своим оригиналом! Поэтому те, кто садился играть с хозяином талисмана, все время проигрывали. Их души поневоле входили в резонанс с колебаниями кристалла, а руки совершали те действия, которые были выгодны Мансио Серра. Если бы прапрапрадед дона Луиса как следует разобрался в свойствах доставшегося ему сокровища, он вообще мог бы не играть в азартные игры — достаточно было посидеть за обедом с каким-нибудь богачом, и тот совершенно добровольно отдал бы ему все свое состояние... Впрочем, под конец он, наверное, все-таки кое о чем

догадался и сам: об этом косвенно свидетельствует история с епископом Сьюдад-де-лос-Рейес и дочкой вице-короля. Однако догадался он или нет, рассказать наследникам о свойствах кристалла Мансио не успел, поэтому всем последующим владельцам сокровища приходилось разбираться с кристаллом самостоятельно.

Вот и выходит, что дон Луис колол королевской печатью орехи. Вместо того, чтобы использовать кристалл там, где он действительно мог пригодиться — в общении с деловыми партнерами, например, — де Легисамо проводил ночи напролет, разговаривая с машиной, которая ничем не могла ему помочь в его бизнесе. Зато El Corazon послушно записывал все движения души самого дона Луиса, так что к моменту его знакомства с Машей Малютиной копия, хранившаяся в кристалле, по сути, ничем не отличалась от настоящего, живого де Легисамо...

— Но как же моя торговля хлопком? — возмущенно фыркнул дон Луис. — Вы же не станете отрицать, что я никогда не добился бы таких превосходных результатов, если бы не El Corazon!

— Должен вас разочаровать, — ухмыльнулся Анненков. — Ваши достижения в бизнесе — исключительно ваша заслуга. Магия здесь абсолютно ни при чем. Я знавал некоторых дельцов в Соединенных Штатах, которые верили, будто их миллионы — результат особо теплого к ним отношения со стороны Господа Бога. Если вам нравится уподобляться этим джентльменам — пожалуйста, но, с моей точки зрения, кристалл никак не может повлиять на котировки акций на бирже.

— А превосходные контракты, которые я заключал с покупателями в Манаусе? — не сдавался дон Луис. — Ведь отчего-то же они выбрали именно мой хлопок!

— Поймите одну простую вещь: El Corazon не работает на расстоянии. Вы всегда брали его с собой на деловые переговоры?

Де Легисамо заметно смутился.

— Нет... я вообще старался не выносить его лишний раз из дому. Поездка в Баию была исключением, поскольку дела требовали, чтобы я задержался в Бразилии надолго.

— Кстати, о Баие. Когда вы ухаживали за вашей будущей женой... вы надевали El Corazon?

Де Легисамо вскочил с кресла, будто подброшенный пружиной.

— Не стоит задавать мне таких вопросов, сеньор капитан! Я хорошо к вам отношусь, но подобное любопытство выходит за рамки приличий!

— А ведь я вас предупреждал, — вздохнул Анненков. — Мало кто из вас захочет пожать мне руку, когда я закончу свой рассказ... Сядьте, дон Луис. Сядьте и постарайтесь вести себя по-мужски. Вы наняли меня для того, чтобы я нашел вашу драгоценность — я это сделал. А теперь, будьте добры, позвольте мне закончить. Хотя вы и не ответили на мой вопрос, я могу предположить, что и во время ухаживаний за сеньоритой Марией кристалл оставался у вас дома. Или в отеле. Это так похоже на вас, дон Луис — прятать свое сокровище от посторонних глаз. И именно поэтому я утверждаю: в том, что Маша Малютина приняла ваши ухаживания и согласилась выйти за вас замуж, нет никакого волшебства. Вы сами очаровали молоденькую девушку, вы сами произвели благоприятное впечатление на ее отца, а те мольбы, с которыми вы обращались при этом к кристаллу, только добавляли новые штрихи к записанному где-то на хрустальных гранях El Corazon портрету вашей души.

В наступившей тишине стало слышно, как прерывисто дышит Машенька.

— Это... правда? — спросила она, пряча глаза. — Юрий Всеволодович, то, что вы сейчас сказали — это правда? Камень действительно никак не мог повлиять на мое решение?

— Если бы ваш муж брал его с собой во время ваших встреч — мог бы. Но он этого не делал. Такой ответ вас устраивает?

— Боже, — еле слышно прошептала Машенька; Анненков не сразу сообразил, что она произнесла это по-русски, — милый божечка, почему, почему я не подумала об этом раньше?

— А что бы это изменило, сеньора? — жестко бросил капитан. — Вы не стали бы мстить мужу? Не стали бы красть El Corazon? Не использовали бы его, чтобы приручить...

— Юрий! — крикнул Стеллецкий, делая шаг по направлению к Анненкову. — Если ты сейчас же не замолчишь, я тебя...

И осекся, увидев в руке капитана огромный «Потапыч».

— О, маузер! — уважительно произнес Отто фон Корф. — Отличное оружие, одобряю ваш выбор, герр капитан!

— Признателен, — слегка поклонился Анненков. — А ты, Ник, держи себя в руках. Я не намерен устраивать здесь голливудский боевик со стрельбой, но если кто-то из вас попытается мне помешать, я буду вынужден защищаться.

Некоторое время в гостиной стояла напряженная тишина. Дамы, как замороженные, широко раскрытыми глазами смотрели на выдающийся ствол «Потапыча», косвенно доказывая тем самым справедливость теории австрийского психоаналитика.

— Не соблаговолите ли объясниться? — откашлявшись, спросил наконец дон Луис. — Вы уверяете, что закончили расследование. Однако вместо того, чтобы предъявить нам преступника, начинаете грозить расправой. Согласитесь, это более чем странно!

— Преступника я вам тоже предъявлю, — усмехнулся капитан. — Но прежде потребую от вас еще немного терпения. Многим из вас будет неприятно услышать то, что сейчас прозвучит. Возможно, кое-кто захочет заткнуть мне рот. Надеюсь, «Потапыч» охладит их горячие головы...

Рассказ капитана Анненкова (продолжение)

О волшебных свойствах кристалла Маша Малютина узнала от своего мужа. А узнав, захотела, естественно, убедиться в них на собственном опыте. Но так как дон Луис всячески противился тому, чтобы Маша носила El Corazon, сделать это оказалось непросто. Впрочем, и не так сложно. Сделать восковой слепок — не проблема для девушки, знакомой с техникой подделки печатей. Ключ от подвала Мария заказала тому же метису-слесарю Хорхе, который ставил замки в двери ее башни. Не думаю, что его молчание обошлось слишком дорого; правда, в конечном счете от метиса все равно пришлось избавиться, но это уже совсем другая история. Что же касается сейфа, то именно Маше не составляло никакого труда разобраться в открывавшей его последовательности цифр. Эти цифры — 9 2 4 2 9 1 8. Двадцать четвертое сентября двадцать девятого года. День, когда дон Луис познакомился со своей будущей женой на приеме во дворце клана Мендоза. Совсем незадолго до этого дня Маше Малютиной исполнилось восемнадцать лет...

Наверное, дон Луис не раз вспоминал при Маше этот день. Да Маша и сама призналась мне, что поначалу они отмечали дату знакомства как своего рода личный праздник. Конечно, это было еще до того, как она узнала постыдную тайну его сватовства...

Итак, Маша сумела добраться до сейфа и открыла его. Вероятно, это произошло в одну из отлучек дон Луиса из поместья. Во всяком случае, у нее было время, чтобы познакомиться с кристаллом поближе. И, разумеется, получше узнать своего мужа.

И это «знакомство» все изменило! Как и подавляющее большинство девушек, Маша любила не столько самого дон Луиса, сколько свое представление о нем. До того как взять в руки El Corazon, Маша видела в муже рыцаря без страха и упрека, блестящего кабальеро, благородного потомка конкистадоров. А проведя ночь наедине с его заму-

рованной в кристалле душой, с ужасом поняла, что вышла замуж за нелюдимого неврастеника, снедаемого болезненной страстью к давно умершей возлюбленной, считающего самого себя стариком, никчемной развалиной, готового воспользоваться любыми средствами, чтобы приворожить приглянувшуюся ему молоденькую девочку... Не думаю, что Маша сразу поняла все, что открыл ей кристалл. Имя Глория, например, ничего ей не говорило, и только годы спустя Миранда рассказывала ей о трагической судьбе первой невесты дона Луиса. Но даже не зная чего-то наверняка, она убедилась, что совершила роковую ошибку, доверившись де Легисамо. То, что произошло в ту ночь, господа, называется «разочарованием». Не имеет значения, что сам дон Луис не сделал ничего, чтобы его молодая жена в нем разочаровалась; такие вещи сплошь да рядом происходят и там, где вовсе нет никакого колдовства. Жена может случайно найти письма своего мужа, адресованные не ей; муж, боготворящий свою супругу, может получить от друзей или шантажистов неопровержимые доказательства ее неверности. Прошлое почти каждого из нас таит множество страниц, о которых мы с удовольствием бы забыли. И всегда существует шанс, что те, кто любит нас, те, кто верит нам, могут наткнуться на эти мрачные, неприглядные страницы...

Суммируя: прикоснувшись к заключенной в кристалле душе своего мужа, Маша почувствовала себя пленницей сумасшедшего. Что было делать? Возвращаться в Баию к отцу? У нее не было никакой уверенности в том, что отец примет ее с распростертыми объятиями. Выдав дочь замуж за преуспевающего хлопкового плантатора, он не только поправил свое финансовое положение, но и стал весьма уважаемой фигурой в обществе Баии. Страшно представить, что случилось бы с его репутацией, если бы дочь спустя несколько месяцев вернулась в родительский дом, пытаясь оправдать свое поведение тем, что ее муж оказался душевнобольным... Нет, этот путь не для нее!

Тогда Маша составила план. Ключевым пунктом этого плана являлась подмена настоящего кристалла на поддельный, который совершенно официально должны были изготовить для нее в столице. Конечно, можно было просто убедить дона Луиса в том, что El Corazon следует отдать ей... теперь, когда она нашла доступ к сейфу, это не выглядело такой уж нереальной задачей... однако Маша не решилась на такой шаг. Возможно, потому, что до конца не представляла себе, какие силы заключены в кристалле. К тому же ей не хотелось, чтобы подозрительный дон Луис знал, что его сокровище больше ему не принадлежит. Так что вариант с подменой выглядел самым разумным. Ко-

нечно, де Легисамо согласился заказать копию талисмана у столичных ювелиров не по собственной воле. Но он слишком привык советовать-ся с кристаллом, а мысль о том, что кристалл может подчиняться ко-му-то еще, в голову ему не приходила.

Остальное, в общем-то, было делом техники.

Получив в свое распоряжение точную копию драгоценности рода де Легисамо, Маша выждала какое-то время и подменила кристаллы. Таким образом, душа дон Луиса оказалась полностью в ее власти, и она не замедлила этим воспользоваться. Неожданное охлаждение между супругами, возведение башенки с отдельным входом — все это результат магии El Corazon. Подсознательно Маша хотела оказаться как можно дальше от своего мужа, но так как бежать ей было некуда, де Легисамо стал гораздо чаще уезжать по своим торговым делам. Талисман не действовал на расстоянии, и поначалу не до конца выгоревшая страсть к жене вспыхивала в доне Луисе всякий раз, когда он оказывался за пределами «Холодной горы». Тогда он возвращался, летя к Маше, как на крыльях... и вновь с размаху бился о стеклянную стену равнодушия. К тому же, возвратившись, он каждый раз убеждался в том, что ожившие было чувства вновь угасали, и эти метаморфозы мучили его больше, чем могли бы изматывать самые ожесточенные скандалы и ссоры. Поэтому дон Луис стал задерживаться в своих поездках подолгу, и Маша столкнулась с новым врагом — одиночеством.

По-видимому, именно тогда она и решила проверить свойства кристалла на моем друге, Николае Александровиче Стеллецком.

Ник Стеллецкий

Юрка был моим другом, мы истоптали плечом к плечу сотни верст во время Великой войны, вместе били германцев и краснопузую сволочь, я выхаживал его, когда он болел испанкой и потел бурым кровавым потом, а он вытащил меня, контуженного, из гиблых топей Сиваша, мы делили с ним коней, оружие и женщин, мы были друг другу ближе, чем могут быть братья... и все равно сейчас я готов был его убить. Он не имел права говорить то, что говорил! Сидя на краю стола, покачивая ногой в тяжелом американском ботинке, держа меня — именно меня! — под прицелом своего маузера, он говорил, говорил, говорил... Бесстрастно, как учили нас в университете мэтры юриспруденции, *sine ira et studio*, размеренным, глуховатым голосом... Боже, как я ненавидел его в эти минуты! Я пригласил его сюда, в «Холодную гору», я сделал все, чтобы гранд дал ему работу, я помог ему выбрать-

ся из того дерьма, в котором он оказался после Нового Орлеана — и чем он мне отплатил? Каждое слово его было точно гвоздь, и гвозди эти он забивал прямо в сердца — мое, Машенькино, гранда... до остальных он, правда, пока не добрался, но и Миранда, и фон Корф сидели неподвижно, боясь пошевелиться, как будто пленные при приближении расстрельной команды. Когда он обвинил Машеньку в том, что она подменила кристалл, мне с трудом удалось подавить в себе звериное желание броситься на него, стащить со стола и избить в кровь. Остановило меня только то, что реакция у Юрки всегда была лучше — прежде чем я добрался бы до его горла, он прострелил бы мне ногу из своего маузера.

Но когда он заявил, что Машенька якобы испытала магию кристалла на мне, я вдруг почувствовал себя, как на фронте, когда безразлично, убьют тебя или нет — главное, что надо идти в атаку, матерясь и крича, расстреливая черные фигуры врагов и захлебываясь ни с чем не сравнимым упоением битвой. Я медленно — почему-то хотелось все делать медленно и красиво — двинулся к нему через гостиную, и плевать мне было на его маузер, меня, как броня, защищала моя ненависть к нему и любовь к Машеньке. И я уже почти подошел к Юрке, когда он лениво, почти нехотя, положил маузер рядом с собой на край стола, взглянул мне в глаза и сказал все тем же сухим, как ветка в осеннем лесу, голосом:

— Остановись, Ник.

И я остановился. Не потому, что перестал испытывать к нему ненависть, вовсе нет. Просто что-то внутри меня, где-то глубоко в мозгу, приказало моему телу замереть с занесенной на весу ногой. Клянусь, это был не я! Я по-прежнему хотел добраться до Юрки, но препятствие, неожиданно выросшее у меня на пути, казалось непреодолимым. Отчасти это походило на то, как если бы я уткнулся в прозрачную, невидимую стену, только вот стена эта была не передо мной, а у меня в мозгу. Лучше я объяснить не могу.

— Теперь вернись на место, — произнес Юрка. Меня бросило в дрожь. Это был все тот же Юрка Анненков, которого я знал тысячу лет, только теперь я почему-то реагировал на его голос, будто дрессированный пес в цирке Дурова. Я побрел назад на негнувшихся ногах, боясь случайно встретиться взглядом с Машенькой.

— Я не гипнотизер, господа, — Анненков поднял руку, предупреждая вопросы. — Это — El Corazon. Лучшее доказательство тому — избирательность воздействия. Если бы я отдал тот же самый приказ господину барону, ничего бы не произошло. К счастью для господина ба-

рона, его душу кристалл еще не проглотил. А вот мой друг Ник уже там, со всеми потрохами.

С этими словами он вытащил из-за пазухи какой-то сверток и небрежно кинул его на стол рядом с маузером. Сверток упал с костяным стуком, и этот звук отчего-то показался мне куда противнее, чем скрип стекла о стекло.

— Что это? — сипло каркнул дон Луис. Он потихоньку выбирался из кресла, двигаясь какими-то рваными, механическими движениями, словно заводная игрушка. Взгляд его был прикован к свертку, как бывает прикован к сочащемуся жиром окороку взгляд голодного бедняка.

— Да, — кивнул Юрка. — Это именно то, о чем вы думаете, дон Луис. Ваше сокровище.

Готов поклясться, что последнее слово он произнес с плохо скрываемым отвращением.

— Дайте, — прохрипел гранд, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. Мой товарищ отмахнулся от него, как от курицы.

— Сядьте на пол, — приказал он, — и скрестите ноги по-турецки.

Со стороны могло показаться, что де Легисамо ударили под колени. Он опустился на ковер и принялся неловко подбирать под себя коротковатые ноги. На лице у него при этом застыло выражение совершеннейшего недоумения.

— Вот оно, ваше сокровище, — повторил Юрка. — Вы проводили с ним много времени, дон Луис, слишком много! Вы разговаривали с ним, делились своими мечтами и желаниями, вы сделали его своим союзником в бизнесе и любви, и в конце концов ваше сокровище вас сожрало. Ваша душа сейчас там, в этом чертовом кристалле, я слышу ее музыку! И пока кристалл при мне, я могу заставить вас сделать все, что угодно. Поверьте, дон Луис, это несложно. И твоя душа, Ник, тоже там. Мария могла добиться своей цели, используя обычные женские чары, но она предпочла помощь амулета. Я не знаю, сумела бы она приручить Ника, если бы не камень. Господа, я знаю моего друга — он не из тех, кто затевает интрижку с женой своего босса, стоит тому отлучиться по делам. Полковник Стеллецкий — настоящий русский офицер, и честь для него не пустой звук. В его грехопадении виновен ваш драгоценный El Corazon — ну и сеньора де Легисамо, разумеется. Она получила то, что хотела — отомстила обманувшему ее мужу, держала его на расстоянии, а себе завела верного рыцаря, готового ради нее на любой подвиг. Ведь так, Маша?

И тут я в первый раз взглянул на Машеньку — осторожно, краем

глаза. Взглянул — и обомлел. Лицо ее застыло белой алебастровой маской, а в глазах была ненависть.

— Вы подлый человек, Юрий Всеволодович, — раздельно произнесла моя любимая. — Я доверилась вам, а вы меня предали.

К моему удивлению, когда Юрка ответил ей, в его голосе звучало смущение.

— Я предупреждал вас, Маша. Я говорил, что если мне придется вытащить из пекла чертову бабушку, я это сделаю. Не моя вина, что вы заварили всю эту кашу вокруг кристалла. Но я никогда не говорил, будто вы одна виноваты в том, что здесь произошло. Позвольте, я все-таки закончу свой рассказ...

Рассказ капитана Анненкова (продолжение)

Владея кристаллом, сеньора де Легисамо чувствовала себя настоящей королевой «Холодной горы». Но наслаждаться тайной властью ей пришлось недолго. В столице вспыхнул мятеж, стоивший жизни генералу Прадо. Молодая вдова генерала, двоюродная сестра дона Луиса, которую Маша видела до того только на свадьбе, переехала жить в поместье.

Конечно же, Маша попробовала приручить Миранду так же, как мужа, Ника и, возможно, Ланселота. Однако у нее ничего не вышло. Почему? Точного ответа у меня нет. Есть только версии. Возможно, Миранда, по сравнению со своим двоюродным братом и Ником, оказалась орешком покрепче. Для создания полноценной «копии» души требовалось время, а его-то Миранда Маше и не дала. Как бы то ни было, коса нашла на камень. Миранда сразу почувствовала, что в поместье творится что-то странное. Ее кузен не обращал внимания не только на свою молодую жену, но и на ее шашни со своим другом и партнером по бизнесу. А Миранда очень хорошо знала, чем заканчиваются подобные треугольники. Однажды дон Луис просто не вернется из очередной деловой поездки или сломает себе шею на охоте, и «Холодная гора» вместе со всей торговлей хлопком достанется Марии и ее любовнику. Такой расклад Миранду, конечно же, не устраивал, и она объявила Марии войну. Типично женскую войну, в искусстве которой она могла дать сто очков вперед своему покойному мужу, гениальному стратегу и тактику по прозвищу Цезарь.

Перипетии этой войны мне неизвестны. Однако известен итог — стороны подписали пакт о ненападении и договорились сотрудничать. По-видимому, Миранда сумела каким-то образом загнать Марию в угол, и та была вынуждена раскрыть ей тайну кристалла. Сначала Ми-

ранда, разумеется, ей не поверила — но, увидев своими глазами, как подчиняются воле новой родственницы дон Луис и Ник, поняла, что наткнулась на невероятное по силе воздействия оружие. Поняла — и предложила Марии сделку. В обмен на молчание Мария должна была одалживать ей кристалл — может быть, речь шла о периоде в несколько дней или даже недель. Миранде El Corazon понадобился для того, чтобы убедить де Легисамо помочь ей в получении наследства Цезаря — двухсот миллионов фунтов стерлингов, лежащих на номерных счетах в швейцарских банках. А чтобы Мария не чувствовала себя жертвой шантажа, Миранда пообещала ей, что как только деньги окажутся у нее в руках, она уедет в Европу вместе с двоюродным братом. Мария же останется в «Холодной горе» с Ником — она ведь, кажется, именно этого и добивалась?

Мария, конечно же, согласилась — а что еще ей оставалось делать? — и даже научила Миранду управлять кристаллом. Все произошло так естественно, что дон Луис и сам не понял, каким образом поменял свое отношение к столь рано овдовевшей кузине. Он принялся готовить почву для переговоров о возвращении денег Цезаря его вдове — и сразу же попал в поле зрения германского посольства. Ваш выход, господин барон.

— Мне скрывать нечего, — ухмыльнулся фон Корф. — Я с самого начала заявлял, что прибыл сюда в поисках артефакта, известного как Ключ Души. Если в вашем свертке именно он, я готов приобрести его у законного владельца за приемлемую цену. Двести миллионов фунтов стерлингов!

И он захохотал, донельзя довольный своей шуткой.

— Совершенно верно, — кивнул Анненков. — Чтобы получить наследство Цезаря, де Легисамо должен был отдать El Corazon. Сам он никогда не пошел бы на такую сделку... но его уже давно никто не спрашивал. Тот кристалл, с которым он продолжал советоваться в подвале, был всего лишь искусной подделкой, изготовленной ювелиром Лазарсоном, а настоящий El Corazon переходил от Марии к Миранде и позволял этим дамам контролировать все происходящее в поместье. Так что дон Луис ответил согласием на щедрое предложение господина барона и пригласил его приехать в «Холодную гору». Он рассудил, что предъявлять претензии Триумvirату куда сподручнее, имея в резерве козырную карту в лице покровителей из Берлина. Вас, Миранда, он в свои планы не посвящал, потому-то вы так бесились, не понимая, какая сила удерживает вашего кузена от беспрекословного подчинения кристаллу. А ведь на самом деле дон Луис отнюдь не

сопротивлялся, просто выбирал наиболее эффективную стратегию для выполнения вашей воли.

— Санта Мадонна, — спокойно произнесла Миранда. — А я-то уж беспокоиться начала: не обманула ли меня моя свояченица?

Она сидела на краешке козетки, необычно строгая и собранная. Роскошные черные волосы были заколоты в пучок на затылке.

— Значит, вы подтверждаете, — не то спросил, не то сказал Анненков. Миранда выразительно пожала плечами.

— Какой смысл отрицать? Я никому не желала зла. Если бы не эта маленькая дрянь, все остались бы довольны...

Миранда Эстефания Гарсия Кордеро, вдова Цезаря

Я так и знала, что маленькая дрянь сдаст нас всех. Жаль, что я не сумела избавиться от нее раньше. Но племянниц обычно не душат во сне подушкой и не травят мышьяком — хотя стоило бы. Я собиралась отправить Лауру в Манаус, в пансион благородных девиц мадам Колиньи, а для этого нужны были деньги, и значит, следовало снова давить на Луиса. Честно говоря, я просто боялась делать это лишний раз — после того, как я заставила его вмешаться в спор за наследство моего покойного мужа, он стал совсем дерганный. Стерва Мари четыре года распоряжалась его душой, нимало не задумываясь о том, как это отражается на его здоровье... но я-то так не могла! Я любила Луиса, пусть и не так, как Цезаря, но все-таки любила. Когда я забрала его у Мари, он был совершенно опустошенный, выпотрошенный, как каплун, которого готовятся набить яблоками к Рождеству. Казалось, надави на него чуть посильнее — и он сломается, сойдет с ума или решится на самоубийство. Мне стоило больших трудов вновь пробудить в нем интерес к жизни, и пусть для этого мне пришлось переступить через себя, нарушать законы земные и небесные, ложиться в постель с собственным кузеном — я ни о чем не жалею! Та сломанная марионетка, которую я обнаружила в «Холодной горе» год назад, никогда не справилась бы с соратниками Цезаря по Триумвирату. Я вылечила Луиса, отогрела его бедное замерзшее сердце, вернула ему радость борьбы и подарила новую цель. Не скрою, иногда мне казалось, что он не слишком торопится решать вопрос с наследством, и я немного подгоняла его... теперь-то я знаю, что он просто хотел подготовить свою атаку на Триумвират как следует. Мой Цезарь бы это понял. Он вообще очень тепло относился к Луису, жалел его, считал непутевым, слишком привязанным к давно умершей Глории... Мне кажется, если Цезарь видит сейчас меня с небес, он не должен слыш-

ком на меня сердиться. Он не может не видеть, что я хотела только добра.

Если бы не Лаура! Она вмешалась в нашу игру, как злой ребенок, который мстит взрослым за недостаточное внимание и, уловив момент, сбрасывает со стола все карты. Я все тянула с ее отправкой в пансион, а эта дрянь тем временем ухитрилась влюбиться в Ника Стеллецкого!

Она ходила за ним, как хвостик, она глядела ему в рот и едва только не вешалась ему на шею на глазах у гостей и слуг. Ник, разумеется, не обращал на нее никакого внимания — он был уже давно накрепко привязан к Мари и ни на кого другого смотреть не хотел. Другая бы на месте Лауры смирилась — но маленькая дешевка оказалась настырной! Она стала следить за Ником, очень быстро выяснила, у кого он проводит ночи, а потом каким-то образом узнала про кристалл. Подозреваю, что ей рассказал о нем ее дружок Однорукий. Почему-то он выделял ее из всех обитателей поместья. Может быть, потому, что они были чем-то похожи — привычкой все время скрываться в тени, бесшумно перемещаться по дому, подслушивать и подглядывать... Когда Однорукий, тихо, как змея, проскользнул в поместье, среди слуг сразу поползли слухи: мол, Руми вернулся, чтобы отомстить хозяину за давнюю обиду. Что за обида, известно никому не было, но ведь для этих бездельников нет ничего слаще, чем чесать языками, особенно перемывая косточки господам. Луис, конечно, ничего не знал — при нем-то старались не болтать, помнили еще, каков бывает хозяин в гневе. Ну и я поначалу не очень верила, а потом столкнулась с ним лицом к лицу, и как раз из-за этой соплячки... Однажды я застала Лауру в своей спальне — как она проникла туда, уму непостижимо. Эта дрянь обладает удивительным даром бесшумно перемещаться по всему дому, закрытых дверей для нее, по-моему, не существует. Но моя спальня — это святыня, заходить туда без моего согласия никому не позволено! Я разъярилась, вытащила соплячку в коридор и там несколько раз ударила ее — несильно, просто, чтобы поставить на место... Лаура отшатнулась, вскрикнула — и тут из темноты бесшумно выскользнул какой-то мерзкий демон. Однорукий! Он зашипел на меня, как разъяренная пума, глаза налились кровью, и, глядя на его дьявольскую рожу, я испугалась. Стыдно в этом признаваться, когда в тебе течет кровь двадцати поколений благородных кабальеро, завоевателей и администраторов, склонявших головы только перед королем. Когда в свои двадцать лет ты уже извела и славу, и власть, пусть даже эти слава и власть были завоеваны твоим мужем.

Но как они смотрели на меня, эти блестящие гвардейские офицеры, когда мы шли с моим Цезарем принимать поздравления от самого Эль Президенте! Я хорошо помню, как все заискивали перед Цезарем, как соратники пытались добиться его благосклонности, подлизываясь ко мне... Пусть в глазах толпы моя власть была лишь отражением того великолепия, что окружало моего мужа, я-то знала, что Цезарь любит меня больше всех на свете! И он сделает все, что я захочу — стоит мне только пожелать. Потому что, когда мы оказывались с ним наедине, за закрытыми дверями, где никто не мог нас увидеть, он переставал быть грозным Цезарем и превращался совсем в другого человека, очень нежного, любящего и боготворящего свою возлюбленную. То есть меня.

И вот я, Миранда Эстефания Гарсия Кордеро, перед которой стоял на коленях могущественнейший человек страны — я испугалась какого-то грязного индейца! Позор! Я взвизгнула и спряталась в своей спальне, дрожа, как замерзшая на горном ветру лама. А когда немного успокоилась, то сделала два важных вывода: во-первых, слухи о том, что однорукий Руми разгуливает по поместью, как по собственному дому, оказались правдой; а во-вторых, Лаура почему-то пользуется его покровительством. Конечно, можно было сложить два и два уже тогда, но я была слишком напугана и слишком зла на Лауру. А ведь Однорукий вернулся не просто так! Он пришел за сокровищем де Легисамо, он пришел, чтобы забрать El Corazon! И с помощью Лауры это ему почти удалось...

Рассказ капитана Анненкова (окончание)

Благодарю, сеньорита. Почти так все и происходило. Только Руми, конечно же, не разгуливал по поместью, как по родному дому — это преувеличение. Он прятался в деревне, в доме старосты, которого запугал до полусмерти, и подбивал тамошних крестьян на бунт. На землях же «Холодной горы» появлялся только в исключительных случаях, опасаясь людей Стиллутера. Встреча, так испугавшая Миранду, была, скорее, случайностью, хотя, возможно, Однорукий специально караулил у дверей ее спальни, пока Лаура обыскивала комнату в поисках кристалла.

Отношения между Лаурой и Руми долгое время оставались для меня загадкой. Потом, однако, я вспомнил рассказ Миранды о том, как Лаура чуть не утонула в болоте и ее спас некий добрый дух. Вчера я убедился в том, что Однорукий знает Черные Топи как свои пять пальцев — и понял, кто был тем самым «добрым духом».

Они действительно очень походили друг на друга — оба одинокие, всем чужие, обреченные прятаться в тени. Шестнадцатилетней девочке нужны приключения, таинственные встречи, игры с переодеваниями — все это появилось в ее жизни после встречи с Руми. Однорукий быстро завоевал расположение Лауры, рассказывая ей волшебные истории и показывая фокусы, на которые был большим мастер. В конце концов Лаура призналась ему в своих чувствах к полковнику Стеллецкому и пожаловалась на то, что дядя Ник совсем не обращает на нее внимания. Тогда-то Руми и посвятил ее в тайну кристалла — сказал, что у донна Луиса есть верное средство, которое поможет Лауре отбить Ника у тетки Марии и привяжет его крепче любого приворотного зелья. Лауре нужно только выяснить, где хранится кристалл, а добыть его Руми поможет...

И Лаура выяснила — вот только пошла по ложному следу. После того, как Миранда спугнула ее, застав в своей спальне, девочка принялась следить за доном Луисом и довольно быстро выяснила, где находится сейф с кристаллом. Дверь в сокровищницу задержала Однорукого ненадолго — он поручил Лауре сделать восковую отливку и заказал ключ тому же злополучному Хорхе, который уже делал эту работу для сеньоры Марии. Кстати, Лаура плохо справилась со своим заданием, отливка вышла неважной, и вряд ли у Хорхе получилось бы изготовить сложный ключ со скользящей осью, но у него, судя по всему, хранилась старая заготовка. Сейчас уже невозможно восстановить все детали — я не знаю, почему Хорхе вдруг решил потребовать двойную плату. Возможно, в качестве компенсации за свою предсудительность. Вышло, однако, совсем не так, как предполагал недалекий слесарь. Руми разозлился и припугнул Хорхе «порчей» — на самом деле, очевидно, просто подсыпал ему какой-нибудь отравы в питье. Насмерть перепуганный индеец был вынужден просить прощения у могущественного брухо и поклялся выполнять все его приказы. Несколько дней спустя Однорукий воспользовался столь опрометчиво данной клятвой...

Дальше все было делом техники. Однорукий смазал замок маслом — я обнаружил в замке следы масла и воска в ту же ночь, когда мы с доном Луисом спускались в подвал — и проник в сокровищницу.

Я окончательно уверился в том, что преступление совершил индеец, когда увидел нетронутые витрины с древним золотом. Как сказал мне Ланселот Стиллутер: «Индийцы никогда не поднимут руку на то, что сделали инки». С точки зрения Руми, хозяин дома оказал древним ювелирам большую честь, поместив их изделия за стекло, на красивый

бархат, под лучи электрических ламп. Господин барон объяснил мне, что золото ценилось инками не как драгоценный металл, а как божественная эманация, которой следовало оказывать соответствующие почести. Поэтому-то Однорукий и не прикоснулся к хранившимся в витринах экспонатам, ограничившись лишь спрятанным в сейфе кристаллом. Держу пари, если бы преступление совершил белый человек, он наверняка бы прихватил с собой пригоршню золотых украшений или, по крайней мере, ту великолепную маску с изумрудами.

Но, черт возьми, даже зная, что кражу совершил Руми, я все равно не понимал, как именно он это сделал! Не понимал, пока Ник не познакомил меня с результатами химического анализа того волокна, образец которого я снял с зеркала в комнатах Лауры. Если помните, господа, и сейф, и зеркало подверглись воздействию одной и той же субстанции. Чем бы ни была эта субстанция, одно несомненно — она плавилась и сталь, и стекло, но при этом не оказывала никакого воздействия на найденную мною нить. Существует известный анекдот о том, как к Томасу Эдисону пришел проситься в ученики некий студент, одержимый идеей создания всеобщего растворителя. Эдисон выгнал невежу, заявив, что если такой растворитель будет разъедать любой материал, его попросту не в чем будет хранить. Так вот, субстанция, которую использовал Руми, чтобы вскрыть сейф и оставить следы на зеркале, безусловно в чем-то хранилась. К счастью, в лаборатории Ника оказалось достаточно реактивов, чтобы определить, что это были за волокна. В здешних горах, господа, растет неприхотливый колючий кустарник, известный ботаникам как *Euphonteria Montagna*, а местным жителям как «сети дьявола». Попавшая в него лама, как правило, не может выпутаться и погибает от голода, поскольку листья и ветви *Euphonteria* несъедобны даже для этого всеядного животного. Зато «сети дьявола» абсолютно невосприимчивы к огню, поэтому иногда из них плетут ограды вокруг домов — считается, что дом, окруженный такой изгородью, уцелеет, даже если пожар охватит всю деревню. Из этого же кустарника инки изготавливали сосуды, в которых хранили свой легендарный «жидкий огонь». Так называлось вещество, при помощи которого мастера инков размягчали огромные каменные глыбы для строительства дворцов и храмов. Многие из этих глыб весом до нескольких сотен тонн имеют десятки выступов и углов, к каждому из которых идеально точно подогнан соответствующий каменный блок. Качество отделки, немыслимое даже для современной техники! А ведь в распоряжении мастеров инков были только бронзовые инструменты — и «жидкий огонь»!

К несчастью для Руми, кристалл оказался подделкой — впрочем, Лаура об этом знать, конечно же, не могла. Наш колдун попал в пикантную ситуацию — все кругом (исключая, разумеется, Марию и Миранду) были уверены, что похищен настоящий El Corazon, в то время как речь шла о краже куска горного хрусталя стоимостью не больше ста долларов. Дон Луис, между прочим, пообещал заплатить мне десять тысяч, если я найду пропавшее сокровище и вора — а между тем сам вор понятия не имел, где это сокровище спрятано. Что было делать бедняге Однорукому? Любой другой на его месте постарался бы скрыться, но Руми был не из таких. По каким-то причинам, известным лишь ему одному, он решил использовать для поисков истинного кристалла меня. Но поскольку он все-таки был колдуном и, стало быть, думал не совсем так, как мы, то решил мне немного помочь. С помощью все того же бедолаги Хорхе, который мог попасть в поместье, не вызывая подозрений, Руми подсунил мне бокал вина с разведенным в нем отваром айяуаски — как видите, Отто, я уже научился правильно произносить это слово! Как мне любезно объяснил господин барон, шаманы в джунглях дают больным выпить этого отвара, а потом слушают их бред и определяют, где прячутся вызывавшие болезнь злые духи и кто навел на их пациентов порчу. Что-то в этом роде собирался проделать и Руми, только я подозреваю, что он хотел использовать меня в качестве сыщика в мире духов. Возможно, впрочем, что он пытался убить одним выстрелом двух зайцев, убирая с дистанции наиболее опасного соперника: впади я в транс у всех на глазах, это самым драматическим образом скомпрометировало бы меня перед доном Луисом. Конечно, мне обеспечили бы надежный уход... и совсем несложно было бы подстроить так, что у моей постели дежурила Лаура. Ей-то я и разболтал бы все секреты, которые открыли мне духи...

— Почему же колдун сам не мог найти кристалл с помощью айяуаски? — недоверчиво спросила Миранда.

— Я тоже задавал себе этот вопрос, сеньорита. В общем-то, это было бы логично. Но еще логичнее — с самого начала использовать айяуаску, не прибегая к помощи Лауры. Если же Руми этого не сделал, значит, очевидно, просто не мог.

— Ничего удивительного, — пророкотал господин барон. — Айяуаскеры испокон веков делились на черных и белых. Белые могут пить айяуаску сами и путешествуют по миру духов в обличье летучей мыши или птицы-нырка. Но таких всегда было очень немного, потому что считается, будто у магов-людей в мире духов есть могущественные

враги. Черные, которых гораздо больше, умеют погружать в транс и отчасти управлять путешествиями других людей. Наш однорукий друг, несомненно, относился к числу черных.

— Вот видите, — пожал плечами Анненков. — Ларчик просто открывался. Вполне вероятно, дьявольский план сработал бы — однако снова вышла промашка, и опять по вине Лауры, которая выпила предназначавшуюся мне айяуаску. В результате на поиски кристалла в мире духов устремилась именно она.

— Ага! — воскликнул фон Корф. — Теперь я понимаю, что означал весь этот *delirium* про бесконечные коридоры и мерцающее в темноте сердце! Девочка искала потерянный Ключ Души!

— Собственно, рассказывать мне больше почти не о чем. Пока я искал El Cogazon, сопоставляя данные перекрестных допросов... простите, я имел в виду, беседуя с различными участниками событий... Однорукий пытался подобраться к Лауре. И в конце концов у него это получилось.

— Как — получилось? — поразились Миранда. — Ведь героический майор Гутьеррес спас нашу девочку из лап негодяя!

Анненков задумчиво поскреб подбородок, на котором уже начала пробиваться жесткая, синеватая щетина, потом наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь.

— Думаю, сеньорита, на этот вопрос лучше отвечать не мне. Если вы потерпите буквально еще одну минуту...

Но так долго ждать не пришлось. Не успел капитан договорить, дубовые двери гостиной с грохотом распахнулись, и в зал не вошел, а ввалился Ланселот Стиллуотер с каким-то мешком через плечо.

— Леди и джентльмены, — объявил он, с трудом переводя дыхание, — прошу простить мой вид... Черт возьми, я давно не охотился на лис, но эта скачка была круче!

Стиллуотер свалил свою ношу на пол и придержал за веревку, туго стягивающую джутовую ткань. Дамы ахнули. Из мешка, гневно сверкая черными, как отверстия оружейных стволов, глазами, торчала голова майора Гутьерреса.

— Майор? — слабым голосом спросил по-прежнему сидевший на полу дон Луис. — Почему вы в таком виде?

Гутьеррес не удостоил его ответом — только брезгливо дернул жесткой щеточкой усов.

— Похоже, он такой же майор, как я вице-король Индии, — усмехнулся Ланселот Стиллуотер. — Когда я его догнал, он ехал в компании дюжины бандитских рож, и могу поклясться, многих из них я уже

видел раньше. Это те самые мятежники, что взорвали мост над Урубамбой, а он у них — самый главный.

— Английская собака! — с едва сдерживаемой ненавистью проговорил лжемайор. — Ты сдохнешь, как и все твои дружки-оккупанты! Сьерра просыпается, англичанин! Когда вас начнут вешать, в сьерре не хватит деревьев!

— Зачем вы влезли в эту игру? — укоризненно спросил его Анненков. — Захотелось пощекотать нервы? Такому человеку, как вы, не к лицу самому бегать с револьвером. Конечно, Однорукий бы один не справился, но вы же могли послать ему на помощь кого-нибудь другого, не так ли?

Пленник не удостоил его ответом.

— Признаться, я не ожидал от вождя мятежа такой неосмотрительности, — продолжал капитан. — Видимо, El Corazon действительно был слишком важен для наследника трона инков. Сокровище наконец попало к Однорукому, но без посторонней помощи он вряд ли сумел бы выбраться из поместья. Благодаря Ланселоту Стиллиуотеру «Холодная гора» превратилась в настоящую мышеловку. Тогда майор Гутьеррес... прошу прощения, тот, кто выдавал себя за майора Гутьерреса... решил, что пришла пора включиться в игру. Он остался дежурить у постели Лауры, а потом устроил настоящий спектакль со стрельбой и погоней. В конце концов героический майор вернул дону Луису его сокровище, чем заслужил его безмерную благодарность. Но что гораздо важнее, после этого триумфа патрули, охранявшие выходы из «Холодной горы», были отозваны, и Руми получил возможность беспрепятственно выскользнуть из поместья вместе с талисманом.

— El Corazon у меня, — бесцветным голосом сказал дон Луис.

— То, что вам вернул Гутьеррес... прошу прощения, я по привычке... это подделка, та самая, которую изготовил Лазарсон и которую вы последние годы хранили в своем чудо-сейфе. Настоящий кристалл остался у Однорукого. Когда стало ясно, что Руми больше никто не ищет, его настоящий хозяин посчитал, что пришла пора покинуть гостеприимное общество.

— Ого, — присвистнул Стиллиуотер. — Значит, я таскал на плече коронованную особу? Что ж, прошу прощения...

— Инкарри? — недоуменно поднял брови Отто фон Корф. — Так это вас генерал Прадо хотел сделать новым Эль Президенте? Это для ваших отрядов он закупал оружие у Круппа?

— Генерал Прадо был великим человеком, — гордо ответил майор.

— Если бы его не убили, страной бы уже правили законные наследни-

ки инков. Но генерал пал жертвой тех, кого он считал своими друзьями, тех, кто лгал ему, строил козни у него за спиной. Оружие, купленное генералом, не дошло до наших солдат. Я был слушателем военной академии, где генерал Прадо читал курс тактики. Из уважения к своему учителю я велел Руми не трогать его женщину, когда стало ясно, что Глаз Пачакамака хранится именно у нее. На этом мы потеряли драгоценное время, и сокровище вернулось к вам, белые собаки.

— Не волнуйтесь, Ваше Величество, — перебил его капитан Анненков. — Оно вернулось ненадолго.

Он соскользнул со стола и, встав боком к собравшимся в гостиной, развернул сверток. На зеленое сукно выпал прозрачный камень размером с куриное яйцо.

— В этой древней штуковине, — сказал капитан Анненков, — заперты души бесчисленного множества людей. Ник, дон Луис, Ланселот, Мансио Серра де Легисамо, половина мужчин из клана Эспиноса... Но это только на поверхности. Там, в глубине, столько безымянных душ, что ими можно заселить целый город. И мне это не нравится.

Он взял лежавший рядом «Потапыч» и, держа его за ствол, поднял над поблескивающим в свете электрических ламп хрустальным сердцем.

— Я отпускаю их на свободу, — сказал капитан Анненков, обрушив тяжелую рукоять маузера на голубоватую поверхность кристалла.

— Нет! — закричал неожиданно тонким голосом дон Луис, протягивая к нему руки. С места он, впрочем, так и не двинулся, как будто невидимые цепи приковывали его к полу.

Раздался громкий треск. El Corazon разлетелся на сотни мелких осколков, с сухим паучьим шелестом посыпавшихся на дорогой персидский ковер. Пока осколки сыпались, в гостиной стояла мертвая тишина.

— Не может быть, — выдохнула наконец Маша. Алебастровая бледность ее лица понемногу сменялась розоватым румянцем. Как будто в Галатею вдохнули наконец искру жизни. — Все кончилось? Это и правда был El Corazon?

— А ты разве не чувствуешь, милая? — строго проговорила Миранда. — Сколько раз я думала, каково же это будет — разбить чертову игрушку... Вот, значит, как...

— Я тоже хотела, — слабо улыбнулась Маша. — Много, много раз хотела... и никогда не могла решиться...

Ланселот Стиллутер кашлянул и слегка покачал головой.

— Бьюсь об заклад, вы не ожидали от наших дам такой реакции,

Юрий Всеволодович. Я лично полагал, что они как минимум попробуют выпарапать вам глаза. В любом случае, вы мужественный человек!

— Что бы вы понимали, Стиллиутер, — с плохо скрываемым презрением произнесла Миранда. — Это был протез, понимаете? Вместо того, чтобы полагаться на свою красоту, на свои чары, на умение кружить голову вам, баранам, мы были вынуждены использовать это... эту подделку!

— Чудовищно непрактичное решение! — перебил ее фон Корф, грузно выбираясь из кресла. — Вы горько разочаровали меня, герр Анненкофф! Я оказывал вам всяческую помощь в надежде, что вы будете содействовать мне в получении этого артефакта! Ключ Души необходим Рейху, необходим партии и лично фюреру! А вы... вы его уничтожили! Впрочем, вы, русские, всегда были варварами! Разрушать — о, это у вас получается превосходно!

— За всех не говори, колбасник, — мрачно бросил Стеллецкий. Он медленно приближался к россыпи хрустальных осколков, бывших некогда драгоценностью рода де Легисамо. — А то ведь мы тоже можем вам кое-что припомнить... как вы нашим краснопузым деньжат подбрасывали, чтобы они в войсках за мир агитировали... здесь небось так же хотели сработать?

Продолжая бормотать, он опустил на колени и погрузил пальцы в затухающий хрустальный блеск.

— Швайне, — негромко сказал господин барон, но Ник его услышал. Несколько мгновений он еще стоял на коленях, перебирая осколки, потом замер. Даже под белым свитером было заметно, как напряглись его мускулы.

— Ага, — удовлетворенно пробормотал он, поднимаясь во весь рост. — Швайне, значит. С пониманием, как говорит Юрка...

И наотмашь, открытой ладонью, хлестнул господина барона по широкому красному лицу.

— О! — поднял брови Ланселот Стиллиутер. — Международный конфликт!

Отто фон Корф, ставший похожим на перезревший помидор, слепо шарил рукой на поясе, пытаясь найти то ли шпагу, то ли пистолет.

— Вы безоружны, господин барон, — подсказал ему капитан Анненков. — Так что советую извиниться — я Ника знаю, он немчуру не любит. Даже драться не станет — ухо откусит, и все дела.

Фон Корф зашипел, как рассерженный индюк, и принялся замысловато ругаться по-немецки, но его уже никто не слушал, потому что в этот момент Лжегутьеррес неожиданно запел высоким и очень чис-

тым голосом. Слов не понимал никто, кроме, возможно, Стиллуотера, но это было совершенно неважно. Как неважным казалось то, что пение это не сопровождается музыкой, и то, что сам певец стоит, завернутый в дурацкий джутовый мешок.

*Сутти куита айсариспа
Кайльяй самуни, Пачамама
Йавар конкор льясучуспа
Чай йа тамуни, Пачамама...*

Имя призывая твое, я направляюсь к тебе, Пачамама; на кровото-
чащих коленях я приближаюсь к тебе, Пачамама; обрывая цветы пан-
ти, я склоняюсь перед тобой, Пачамама... Золотой камень в одеждах
из радуги, звездный цветок, Пачакамак... небесное озеро, серебряный
кувшин, Господин, Который Все Видит, взгляни на нас, Пачакамак,
солнечное тепло, дающее жизнь, детей своих не оставь, Пачакамак...

Инкарри замолк, и в наступившей тишине вдруг громко хлопнула
дверь.

— Дон Луис, — негромко сказал капитан Анненков.

И правда — пока все слушали песню, хозяин поместья куда-то ис-
чез. Даже Ланселот Стиллуотер, недреманное око «Холодной горы»,
осматривался по сторонам с самым недоуменным видом.

— Луисито! — крикнула Миранда, бросаясь к дверям. — Луисито,
mí corazon, постой!

Зацокали вниз по лестнице ее каблучки. Мария беспомощно пере-
водила взгляд со Стеллецкого на Анненкова. В глазах у нее блеснули
слезы.

— Все позади, — сказал ей капитан Анненков. — Все уже прошло,
Маша. Все прошло.

Он засунул маузер в кобуру, одернул пиджак и, не торопясь, подо-
шел к окну гостиной. Из окна открывался чудесный вид на долину —
подстриженные кусты, голубое зеркало пруда, заросли бело-розовых
мальв. От усадьбы к близким горам протянулась прямая, как стрела,
дорога, и по этой дороге, прильнув к шее прекрасного белого жереб-
ца, бешеным галопом скакал всадник в охотничьем костюме.

*Из слез, что я пролил,
Возник источник;
Влагой моей печали
Другие утоляют жажду...*

НАШЕ ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ БУДУЩЕЕ

Марина и Сергей Дяченко недавно закончили работу над сценарием фильма по повести «Обитаемый остров». Поэтому естественно, что свой вопрос к посетителям сервера «Русская фантастика» супруги так же связали с творчеством АБС: «*Мир Полдня*» для человечества...». Ну, а для традиционного комментария к нынешней анкете фантасты выбрали нетрадиционную форму: «маленькая пьеса для двух актеров», как определили этот жанр сами авторы.

В голосовании приняло участие 625 респондентов. Ответы распределились следующим образом:

Когда-нибудь станет реальностью — 40%;

Просто красивая сказка, в которую уже никто не верит — 42%;

Лживая сказка, в которую я не верил никогда — 7%;

А что такое «Мир Полдня» и кто об этом писал? — 10%.

Докладчик: Очевидно, что в опросе приняли участие прежде всего те, кому мир Полдня дорог. Честно говоря, я благодарен тем сорока процентам ответивших, которые по-прежнему верят в грядущее без Терминаторов и Министерства Любви. Потому что я сам, к сожалению, веру в прекрасное будущее потерял. Даже не так. Для меня Полдень отодвинулся во времени так далеко, что его почти не видно, и мой собственный голос оказался где-то в числе сорока двух процентов тех, кто считает Полдень прекрасной сказкой нашего детства...

Голос с места: А теперь признайся, что результаты опроса в двух первых строчках противоречат друг другу. Потому что если «никто не верит», откуда же те 40%, считающих, что Полдень придет? Сорок процентов больше трети!

Докладчик: Я также ожидал, что число скептиков, выбравших третью строчку анкеты, окажется

гораздо большим. Семь процентов недоверчивых — число, которым можно пренебречь...

Голос с места: Почему «пренебречь»? Ты не хочешь составить психологический портрет такого скептика?

Докладчик: Прости, не сейчас. Так исторически сложилось, что для меня мир Полдня — собирательный образ всех счастливых миров описываемого будущего, в котором хотелось бы жить. Подчеркиваю: не альтернативной утопической вселенной. Будущего, которого мы ждали с наивностью Коли, героя Кира Булычёва из повести «Сто лет тому вперед». Незаметно и потихонечку это будущее из-под нас уплыло, как облако из-под заснувшего на нем нерадивого ангела.

Голос с места: Но сорок процентов читателей по-прежнему верят в это будущее!

Докладчик (отвлекаясь): Ты прекрасно понимаешь: это оттого,

что опрос получился узкий, «среди своих». А чужие, вопросом Полдня не озадаченные, просто его проигнорировали. И сорок процентов оптимистов — случайная, ни о чем не говорящая цифра.

Голос с места: Ерунда!

Докладчик (*игнорируя помеху*): Каждому «сегодня» соответствует свое «завтра». Еще лет двадцать назад мы ждали гостей из будущего с радостным нетерпением. Теперь, явись перед нами Алиса Селезнёва, мы в лучшем случае упеем ее в карантин.

Голос с места: А при чем тут мир Полдня?

Докладчик: А вот при чем. По всей видимости, в ближайшие годы нас ожидает второе пришествие любимых героев — на киноэкраны.

Голос с места (*сильно оживившись*): Кино, кино, да? Давай поговорим о фильме Джексона, о «Властелине Колец»! Тоже ведь была колоссальная опасность: поклонники Толкина фильм не примут, средний зритель не поймет...

Докладчик (*строго*): Я говорю о мире Полдня, а не о хоббитах. О том, в какой степени современный читатель и потенциальный зритель понимает и принимает образ светлого, справедливого, абсолютно этического будущего...

Голос с места: Тогда тебе следовало не любителей фантастики опрашивать, а побродить с блоком-тиком в зале среднего супермаркета. Цифирки вышли бы куда более красноречивые...

Докладчик (*с достоинством*): ...этического будущего. Очень скоро

(по киношным меркам) на экраны выберется Максим Каммерер, Мак Сим, герой нашего детства и юности. Вывалится на обитаемый остров планеты Саракш, гораздо больше похожей на нынешнюю Землю, чем родная (несбыточная?) планета Максима. И вот тогда перед нами встанет проблема: а готовы ли мы, нынешние, поверить в такого Мака? И смогут ли создатели фильма объяснить молодому зрителю, откуда он, Максим, взялся?

Голос с места: Судя по результатам опроса, такой проблемы вообще нет. Человек гораздо охотнее верит в хорошее, чем в плохое.

Докладчик: Потому что Полдень — это не просто мир, в котором хотелось бы жить. Мир, где царствует творчество, а средний человек не просто прямоходящ и разумен — он еще и воспитан. Где «внутренняя обезьяна», желающая без напряжения пить пиво и смотреть ящик, загнана (изгнана?) на задворки уважающей себя личности.

Полдень — это Максим и есть. Та самая капля воды, по которой можно судить обо всем океане. Поэтому новое художественное воплощение Мака (на экране!) способно воссоздать — возродить для многих — тот несуществующий теперь мир, в который мы сами потеряли веру.

(Пауза)

Докладчик (*подозрительно*): Ты что же, ничего не скажешь?

Голос с места (*очень тихо*): А давай все-таки верить в лучшее будущее?

Занавес.

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

**ЗАГАДКА
АРТУРА
ГОРДОНА
ПИМА.**

**Антология.
Составитель
А.Гузман**

*СПб.: Азбука-
классика,
2006. — 896 с.
Пер. с англ.
5000 экз.*

Произведения, вошедшие в книгу, образуют самый долгосрочный литпроект в истории. Его невольным инициатором стал Эдгар По, опубликовав в 30-е годы XIX века повесть о приключениях Артура Гордона Пима. Каскад приключений, обрушившихся на героя, прервался на самом интересном месте, оставив Пима и его верного спутника Дирка Петерса в южных морях.

С тех пор многих писателей заботила дальнейшая судьба героя По.

Первым брошенное знамя подхватил Жюль Верн. Полвека спустя он продолжил приключения Пима в «Ледяном Сфинксе». «Отжав» всю мистику, он сосредоточился на привычных ему приключениях с географическими открытиями.

Чарлз Ромин Дейк отправил героев в некое утопическое общество, обнаруженное на открытых Пимом островах, что расположены около Южного полюса.

А вот Лавкрафт использовал Пима как свидетеля по делу существования в Антарктиде загадочной цивилизации Старцев и противостоящих им шоготов — созданий, взбунтовавшихся против создателей, — чтобы в своей фирменной манере напугать читателя.

Завершает коллекцию повесть Чарлза Стросса, являющаяся продолжением не столько истории По, сколько произведения Лавкрафта. Эта блестящая реконструкция событий времен «холодной войны» основана на допущении об использовании соперниками таинственных и зловещих созданий, обитающих подле Хребтов Безумия.

Написанные столь разными авторами, истории объединены не только общими героями, но и общностью интонаций, передающих дух своего времени. Тексты разворачивают перед читателями убедительную и достоверную картину последовательного изменения общественных умонастроений. Успешно состоявшимся можно считать проект не только с литературной, но и с издательской точки зрения. Под одной обложкой все эти произведения вышли впервые.

Сергей Шикарев

Артур БАНЕВИЧ

ПОХОРОНЫ ВЕДЬМЫ

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 445 с.

Пер. с польск.

Е. П. Вайсброта.

(Серия «Век

Дракона»).

3000 экз.

Издательство АСТ продолжает знакомить российских читателей с циклом польского писателя А. Баневича о Чароходце. «Похороны ведьмы» — вторая книга серии. В свое время А. Сапковский «Ведьмаком» пробил для польской фэнтези дорогу за границу, в том числе (даже прежде всего) в Россию. И вот по проложенному пути приходят его «наследники» — во всяком случае, именно как «наследника» Геральта определяет реклама магуна-чароходца Дебрена.

Действительно, вот ходит по отнюдь не историческому (но, кстати, и не по постапокалиптическому, как у Сапковского) средневековью умелец со сверхъестественными способностями, борется с потусторонним злом. Но чудовищ отнюдь не истребляет, причем по принципиальным соображениям. Напротив, он с ними ведет длительные философские и даже душеспасительные беседы. А вот уничтожать он предпочитает как раз истребителей чудовищ, причем особенно не жалуется профессионалов.

В свое время классики фэнтези, начиная с Говарда, породили массу не только подражаний, но ревизионистских «ответов» в свой адрес, а также пародий. Таков и Баневич относительно Сапковского. В чем-то «ответ», в чем-то ревизия, в чем-то пародия, местами отнюдь не беззлая. Что сближает обоих авторов — на сторонний, не польский взгляд, — так это явная, вызывающая местами «польскость». Впрочем, и здесь Баневич иной. Его повести не просто фэнтези, но еще и весьма избыточная политическая сатира. Особенно досталось немцам, с которыми, как известно, у поляков особо «теплые» отношения. А далее по списку: отсылки ко второй мировой войне — на грани кощунства, прозрачные намеки на проблему мигрантов, еврейский вопрос с язвительно-деланной политкорректностью и т. д. и т. п.

В общем, творчество Баневича на любителя. Во всяком случае, это интересный образчик нового формата польской фэнтези, четко делящейся отныне на два периода — до и после «Ведьмака».

Сергей Алексеев

Владимир АРЕНЕВ

МАГУС

Москва: Форум,

2006. — 336 с.

(Серия «Другая
сторона»).

4000 экз.

Книга за книгой выходит у киевлянина В.Аренева. Кажется, совсем недавно был издан роман «Паломничество жонглера», затем в начале года опубликован сборник рассказов «Немой учитель». Не прошло и нескольких месяцев — новая книга. Но это не скороспелые тексты, каждый из них вылежался в столе, накопил терпкость и вкус. Аренев сочиняет литературную фантастику. Здесь эпитет «литературная» не носит оценочного характера. Просто для автора на первом месте по значимости — яркая щедрость стиля, отточенность деталей, богатство интертекстуальных связей. Сюжет как бы прорастает сквозь ткань письма, направляемый не только силой вымысла, но и стилистической изобретательностью.

Италия XV века привлекательна для многих авторов. Символом эпохи стала фигура Леонардо, чей двуликий образ устремлен и в будущее науки, и в прошлое магии и искусства. В «Магусе», правда, изображена Италия фэнтезийная. Здесь тени умерших не только общаются с живыми, но даже нанимают себе телохранителей, а представители «малого народца» пуэрулли не только живут рядом с людьми, но даже заботятся о чести дворянской фамилии. Здесь церковь сама создает орден магусов-законников, расследующих преступления, совершенные с использованием магии. Магус по имени Обэрто при помощи воира Фантина распутывает странное преступление, связанное с кражей фамильных перстней — эта история превращается в многоходовой детектив, где лишь в финале все линии сходятся к главному смыслу произошедшего. Стилистические реминисценции в диапазоне от Эко до Толкина и от «Шерлока Холмса» до «Золотого ключика» подчеркивают самооценку литературной фантазии.

В книгу вошла также повесть «Заклятый клад», написанная с использованием украинских фольклорных мотивов. Мотивы сказок и литературной мистики здесь смешиваются в одном плавильном котле, демонстрируя укорененность современной массовой культуры в многовековой истории восточного славянства.

Сергей Некрасов

Майкл МУРКОК

**ЛОНДОН,
ЛЮБОВЬ МОЯ**

Москва — СПб.:

ЭКМО —

Домино,

2006. — 656 с.

Пер. с англ.

З. Джандосовой.

(Серия

«Интеллектуальный
бестселлер»).

4000 экз.

В представлении массового читателя (во всяком случае, у нас) Муркок — автор очень толстых историко-фэнтезийных романов и сериала о Вечном Воителе. Ну, читатели со стажем еще вспомнят, что он стоял у истоков британской «Новой волны». А между тем Муркок — личность, поражающая своей разноплановостью. Писатель, редактор, антологист, а еще рок-музыкант, художник, общественный деятель и т.д. и т.п. Он и в литературной ипостаси резко выбивается из образа просто писателя-фантаста. Собственно, эксперимент — стиль его жизни.

Новая книга описывает жизнь нескольких лондонцев, чьи судьбы тесно переплелись между собой, и охватывает временной промежуток в несколько десятилетий — с военных 40-х до 80-х годов прошлого столетия. Играя на чужом поле, Майкл Муркок с легкостью перенимает и правила литературной игры.

Действие начинается в лечебнице, где во время сеанса групповой психотерапии и встречаются главные герои. Структура романа намеренно усложнена: несколько сюжетных линий, постепенно соединяющихся в одной точке, отказ от последовательного изложения описываемых событий в пользу фрагментарности. Иными словами, необходимые маркеры для отнесения текста к произведениям мейнстрима в книге присутствуют. Тем не менее в основе лежит все-таки фантастическая предпосылка, заключающаяся в наличии у трех главных героев некоторых паранормальных способностей.

Роман во многом автобиографичен, однако он впитал в себя не столько жизненные перипетии Муркока, сколько биографию Лондона, который является одним из главных героев книги. Это позволяет сравнить роман с «Лондоном» Акройда. Но если Акرويد несомненно более познавателен, то Муркок легко обыгрывает его по выразительности образов и эмоциональному вовлечению читателя.

Для творчества Майкла Муркока «Лондон, любовь моя» — книга необычная и оттого еще более знакомая.

Сергей Шикарев

Ольга
СЛАВНИКОВА

2017

*Москва: Вагриус,
2006. — 544 с.
3000 экз.*

Замеченное многими робкое, но неуклонное сближение мейнстрима и фантастики, наблюдаемое в романах Дмитрия Быкова, Павла Крусанова, Линор Горалик, Сергея Кузнецова и многих других, получает логическое продолжение в новой книге Ольги Славниковой.

В предыдущих романах автора реальность изображалась смещенной, измененной, непривычной, но это общее качество новоевропейской прозы. В «2017» Славникова смело ступает на законную территорию фантастики, но чтобы играть на ней по собственным правилам.

Итак, Рифейский край — читай, Екатеринбург, Средний Урал — в год столетия октябрьского переворота. Хитники, дикие геологи, разыскивающие неведомые месторождения (появляется в книге, кстати, и непременная для уральского пространства Хозяйка Медной горы — «самая богатая женщина в мире», но появляется призрачно. Главный герой, обретающий и теряющий любовь. И всё это на фоне бессмысленной войны всех со всеми, на фоне карнавала, преобразованного в бойню: ряженные белогвардейцы и красноармейцы вступают в нешуточную схватку.

Принципиальная особенность славниковского романа — его борьба с инерционным ожиданием читателя. Само заглавие подразумевает сопоставление с оруэлловским «1984», но это обманка. «2017» — не утопия и не антиутопия. Это, кстати, и не столь модный ныне конспирологический роман. Это роман о поддержке, о том, как будущее не хочет быть самим собой. Более десяти лет отделяют события романа от сегодняшних дней, а технических новинок почти нет. Ну, несколько более навороченные компьютеры и мобильники, еще кое-какие мелочи (например, мельком упоминаемая шестисотдолларовая купюра). Но это — сознательный ход. Одна из героинь романа объясняет главному герою: «Сегодня человечество держит в потайном кармане принципиально новый мир, в котором не способно жить». Время, как самоуправ и деспот, говорит Славникова, сильнее нас, и в этой мысли, конечно, нет ничего фантастического.

Данила Давыдов

Вероника
ИВАНОВА

БЕРЕГ ХАОСА

СПб.: Лениздат,
2006. — 416 с.
(Серия «Боевая
фэнтези»).
10 050 экз.

Жанр, в котором написана книга Вероники Ивановой, уже получившей популярность благодаря нескольким фэнтезийным романам, формально именуется магическим детективом. Однако в детективном тексте обычно превалирует действие. «Берег хаоса» этому условию не отвечает. Напротив, действие развивается неспешно, довольно долго читатель еще не знает, что именно придется раскрывать главному герою. Да и сама обстановка расследования (точнее, нескольких расследований) служит всего лишь подмостками для милого романтического спектакля. Современный автор занялся поэтизацией окружающей реальности, а именно — пестрой жизни Питерского муравейника; лягнул пару раз Москву и москвичей, а родной быт обрядил в одежды абстрактной фэнтезийной действительности. Будильник, магнитофон, интернет, работа в стандартных офисных условиях, политические сплетни, сдача лишних комнат в аренду и т.п. поданы в декорациях эльфийской поэзии, плетения магических нитей... Питер (сценический псевдоним — Нэйвор) переведен в такое состояние, когда можно не замечать нищеты и неустроенности, настолько они облагорожены, настолько они погружены в стихию сказки. Повествование ведется от первого лица, и размышления главного героя, его воспоминания, зарисовки людей, мест и событий составляют несущий элемент романа.

Так что это, скорее, магический недодетектив. И для любителей боевки «Берег хаоса» совершенно бесполезен.

Фэнтезийный мир проработан тщательно, бытовые детали и общественное устройство отличаются не то чтобы простой сбалансированностью, а даже некоторой изысканностью. На такой основе нетрудно будет построить целый сериал.

К числу недостатков книги можно отнести, прежде всего, стилистическую небрежность. Кроме того, сама атмосфера детективно-магического повествования навеяна сериалом Макса Фрая о городе Ехо, и кое-где дистанция... слишком невелика.

Дмитрий Володихин

**Владислав
КРАПИВИН**

**РЫЖЕЕ
ЗНАМЯ
УПРЯМСТВА**

*Москва: Эксмо,
2006. — 640 стр.
(Серия «Отцы-
основатели:
Русское
пространство»).*
5000 экз.

Владислав Петрович Крапивин неоднократно говорил о том, что не делит свои произведения на фантастические и реалистические. Подобная классификация — забота критиков. Но если десятилетия назад, когда патриарх отечественной детской литературы («детской» — в обоих смыслах, как для детей, так и о детях) только начинал восхождение на литературный Олимп, такой водораздел провести было просто — повести и рассказы Крапивина носили ярко выраженные жанровые черты, то нынешние произведения писателя синкретичны. Вопросы мироздания, перемещения во времени, параллельные вселенные соседствуют со вполне земными насущными проблемами. Публицистический мессидж в новых книгах непременно дополнен размышлениями о строении Вселенной. При этом персонажи и места действия остаются «крапивинскими».

Более тридцати лет назад вышел в свет роман (из трех повестей) «Мальчик со шпагой». Роман стал событием в литературной жизни, вышли телеэкранизация и радиопостановка. Не одно поколение зачитывалось книгой о приключениях мальчишек из отряда «Эспада», прототипом которого послужила, конечно, крапивинская «Каравелла». В начале девяностых, когда в стране царил политический хаос, писатель рассказал о дальнейшей судьбе некоторых героев «Мальчика со шпагой» в большом и грустном романе «Бронзовый мальчик». Оба эти произведения были реалистическими. Казалось бы, «Рыжее знамя упрямства», рассказывающее о том, как полюбившимся героям живется во вновь изменившемся мире, также будет реалистическим. Однако на фоне «жизнеописания» детского отряда находится место не только типично крапивинской фантастике о взаимосвязи малого и глобального, но возникает и детективно-фантастический сюжет с пропавшими тетрадами, в которых, возможно, раскрываются тайны мироздания. Этот сюжет не доведен до конца: прозрачный намек на еще одно продолжение.

Роман «Семь фунтов брамсельного ветра», уже издававшийся, также несет в себе элементы фантастики.

Илья Североморцев

**Кирилл
КУДРЯШОВ**

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

*Москва:
Корпорация
«Сомбра»,
2006. — 320 с.
(Серия
«Фантастика»).*
7000 экз.

Роман может показаться очередной вариацией на некогда злободневную тему «мира после ядерного конфликта». Однако такое представление будет ошибочным. Хотя бы потому, что ядерная война в мире Кудряшова продолжается уже несколько лет.

Немногие уцелевшие в ходе военных действий обитают в разрозненных поселениях, между которыми раскинулось Черное Безмолвие — радиоактивная зона, населенная мародерами и мутировавшими животными. Связующая роль в жизни поселений возложена на «бегунов» — людей, загадочным образом адаптировавшихся к высокой радиации и обладающих сверхспособностями.

Несложная сюжетная завязка является катализатором для быстро сменяющих друг друга боевых эпизодов, чередующихся с философскими рассуждениями. Искать логику в развитии сюжета или задаваться вопросами о возможности существования мира, в котором ядерные бомбардировки на протяжении четырех лет ведутся как минимум раз в неделю, читателю книги бессмысленно, а то и опасно. Судить роман приходится не по строгим критериям жанра, требующим достоверности и логичности, да и оценка литературных изысков здесь, пожалуй, столь же неуместна. Кудряшовский трэш на фоне ядерной войны отказывается и от первого, и от второго в пользу нарочито неряшливых и невероятных, но выразительных образов, густо замешанных на массовой культуре и одобренных особым цинизмом. Таких родимых пятен жанра в книге немало. Это и сцены каннибализма, и история о разгроме полутора миллиардов китайцев командой из восемнадцати человек, и населяющие Черное Безмолвие шестипалые медведи и пятиногие лоси и т.д. и т.п.

Корпорация «Сомбра» активно осваивает нишу мистики, хоррора и прочих жанров, играющих на самых чувствительных струнах человеческой души, и ее деятельность по поиску новых имен вызывает, конечно, уважение. При условии удачной селекции из подобного трэш-сора, глядишь, и вырастут цветы российской литературы ужасов.

Константин Максимов

...И ТУТ ВЫХОДЯТ ОНИ, ВСЕ В БЕЛОМ

Сергей НЕКРАСОВ

«А почему на страницах «Если» с острыми, полемическими статьями выступают в основном писатели? Неужели критикам сказать нечего?» — все чаще спрашивают нас читатели. Что ж, публикуемые ниже заметки известного критика вряд ли уступают по эмоциональности писательским выступлениям.

Самонадеянность для Робинзона — не прихоть, а единственный способ остаться в живых. Когда он обнаружил, что находится на необитаемом острове, у него имелся выбор: сдаться на милость ударов судьбы или бороться за выживание. Выбрав последнее, Робинзон должен был надеяться лишь на самого себя. На свои силы, умения, стойкость и ум.

Самонадеянность для литератора — не эпатаж, а единственный способ состояться в профессиональном плане. Когда он обнаруживает в себе тягу к заполнению страниц черными крючками букв, у него тоже есть выбор: писать как пишется, пополнив ряды графоманствующих сочинителей и претендентов на многотомные сериалы, или начать работу над собой, чтобы на месте необязательного желания сформировать литературное мастерство. Выбрав последнее, автор должен надеяться лишь на самого себя. Все самоучители, хорошие книги, корифеи жанра и дотошные рецензенты мо-

гут разве что предоставить ему дополнительный материал для размышлений. Но помочь ему не сможет никто, если он сам не вытащит себя за волосы. Писательство было и остается одиноким делом, что бы там ни говорили про писательские дуэты и пентакли.

И также для любого исследователя самонадеянность — это не фальшивая поза, а единственный способ довести свой труд до завершения. В особенности это касается исследователя воображаемых миров. Когда он видит то, чего не видит никто другой, перед ним имеются варианты выбора: пройти мимо, потеряв или небрежно перекинув идею кому-то еще, или довести это видение до отточенного совершенства, прежде чем выставить работу на всеобщее обозрение. Выбрав последнее, он обрекает себя на годы каторжного труда, который сразу после завершения никому не будет интересен (вспомните, например, издательскую судьбу «Дюны»), и все эти годы он должен будет надеяться

лишь на самого себя — на силу своего видения, на свое литературное мастерство, на собственный ум и эрудицию. Без уверенности в себе осилить подобный путь невозможно.

Впрочем, как и любое другое качество, самонадеянность пристойна лишь в рамках определенной меры. Выйдя за эти рамки, качество преобразуется в своего дурного двойника. Требование личностного суверенитета превращается в разнузданную агрессию, осознанный талант — в демонстративный отказ от существующей культуры, опора на свои силы — в наплевательское отношение к коллегам по цеху, эрудиция — в пренебрежение к читателю... К сожалению, этот список можно еще долго продолжать.

В последние годы самонадеянность становится весьма распространенным качеством в отечественной фантастике — среди тех, кто занимается жанром профессионально. На мой взгляд, это неправильная тенденция, которая способна привести к неприятным последствиям. Изменить ее не в моих силах (и вообще вряд ли по силам кому-то одному), но говорить об этом, полагаю, необходимо. Ведь ясно сформулированная проблема — это уже половина решения.

Тот экономический и цивилизационный слом, который пережила Россия в начале 90-х безжало-

стно прошелся по всем отраслям культуры. Российской фантастике, казалось бы, меньше остальных следует об этом горевать — о таком издательском расцвете, как в последние годы, она при больших-вехах даже мечтать не могла. Однако колесо истории раздавило очень важные и хрупкие вещи, в числе которых — преемственность культурных институтов. И сегодня отсутствие преемственности, утрата культурной традиции приводит часто к тому, что многие вещи делаются «с чистого листа» без малейшего представления о критериях качества (как будто делаются манкуртами — и для манкуртов).

К примеру, качество переводов в начале 90-х значительно упало. Все помнят, как это было: крупные издательства выгребали самодеятельные переводы из архивов ФЛП и запускали их большими тиражами, ставя фамилии никому не известных людей в качестве переводчиков. Привлекали студентов и обнищавших инженеров, за копейки «переводивших» литературные тексты с помощью словаря на 5000 слов. Особенно печально, что эти «переводы» до сих пор продолжают переиздаваться, скупленные на корню нынешними издательскими гигантами. И на их дурном языке воспитываются новые поколения сочинителей... Понятно, что никакое издательство не станет просто так вкладывать деньги в качество перевода. И что трудно удержать—

ся от соблазна заработать дополнительно тысячу долларов благодаря использованию плохого, но уже оплаченного перевода. Однако понятно и то, что оставаться таким положение дальше не может, не должно. Публичное осуждение самонадеянных халтурных изданий, одобрение и поддержка примеров качественного переводного книгоиздания — пусть медленно, но все же будут исправлять ситуацию.

Еще хуже оказались дела в фантастическом литературоведении, где уже очень мало осталось представителей прежней гвардии и где, по большому счету, отсутствует современная инфраструктура — справочники, монографии, энциклопедии, конференции. В результате нарушен механизм воспроизводства знания об истории фантастической литературы, в том числе современной. Разрушен механизм анализа и трансляции художественных смыслов. Это называется напрямую и на литературной критике, пишущей о жанре.

Нередко на невозделанную территорию случайно забредают представители иных миров. Что они видят перед собой? Целину, нетронутое цивилизацией пространство. Не подозревая о том, что за земля под их ногами, какие культурные слои скрываются под поросшими травой курганами фантазий и затянутыми паутиной ложбинами иллюзий, они гордо заявляют об открытии нового

континента. Не признав редких индейцев в пампасах за людей, они водружают свой флаг и начинают по-новому кроить карту страны фантазии.

Самонадеянность выдает в них достойных представителей современной европейской культуры. Следует напомнить, что когда римляне покорили Грецию, Римская империя взяла себе и сохранила все лучшие достижения эллинской цивилизации. Когда же позднее испанские конкистадоры открыли для себя американский континент, они очень быстро разграбили и уничтожили существовавшие на нем государства и культуры, а индейцев обратили в рабов. У некоторых авторов, которые приходят в фантастику из мейнстрима и начинают на пустом месте самонадеянно сочинять собственную версию истории и теории жанра, похоже, были среди предков испанские конкистадоры...

Вот что нужно обязательно помнить: мы с вами живем в постмодернистском обществе. И никуда не деться от того, что доминирующую роль сегодня играют механизмы по производству и трансляции смыслов и ценностей. Если вы не участвуете в этом производстве, то не существуете. Ваше место тотчас займут нахрапистые конкистадоры и обозные маркитантки. Я немного представляю себе, какую историю фантастики они могут написать, и мне не хотелось бы, чтоб она была написана. Я бы предпо-

чел, чтобы этим занимались более компетентные и знающие люди. Очень надеюсь, что не одинок в своих предпочтениях.

Кстати, следует напомнить, что производство символического капитала — это прежде всего производство оценочных суждений. Что плохо и что хорошо, что должно или не должно, какие смыслы следует знать, а какие заслуживают остракизма. Присвоение символического капитала выражается обычно в активизации оценочной деятельности. Но если захват символического капитала ведется напористо и самонадеянно, велика вероятность, что этот капитал не получит широкого признания. Меня, например, не радует экспоненциальный рост наименований жанровых премий: с увеличением их числа значение каждой премии снижается, а репутация фантастических премий в целом становится пренебрежимо малой. Меня также огорчает, что многие концепции, существующие в нашей фантастической критике, неспособны пройти проверку на прочность со стороны мейнстрима — одни из них поверхностны, другие наивно-смешны из-за стремления автора утвердить приоритет фантастики над всей остальной литературой, а третьи имеют значение лишь в рамках определенной тусовки (подчеркну: я не о художественных текстах говорю, а именно о концепциях в литературной критике).

Не готов ответить сразу и развернуто на вопрос «Что делать?». Но убежден: правильный путь тут пролегает через восстановление культурной инфраструктуры. Необходимо искать возможности и издавать монографии, справочники, сборники статей. Необходимо заставлять авторитетных писателей, заявляющих о ненужности литературной критики, публично отказываться от своих слов. Необходимо издать наконец фундаментальный биобиблиографический словарь покойного Игоря Халымбаджи «Сочинители фантазий», уже который год путешествующий по издательствам; отсутствие такого издания — это позор для всей фантастической корпорации.

В общем, следует создавать новые механизмы по производству смыслов и заставлять их работать. Чтобы обмен словами и смыслами шел не только в кулуарах, но еще и через печатные и электронные источники, вовлекая в свою орбиту все более широкую аудиторию.

Вопрос о качестве аннотаций в этих заметках не будет затронут. Однако коротко хочу сказать еще об одном виде самонадеянности, который пока еще мало представлен в фантастической литературе, но примеры которого многим хорошо знакомы. Профессинал, специалист в определенной, узкой области, вдруг начинает интересоваться другими пред-

ментами — и, ничтоже сумняшеся, переносит свои базовые знания и навыки на совершенно новую для него область. Авторитеты, научные школы, концепции — все это выбрасывается на свалку и заменяется собственной универсальной теорией: «И тут выхожу я, весь в белом». Знакомая история, правда?

Ужасы фоменковщины понятны лишь профессионалу, а прелести видны невооруженным глазом. И, главное, уж больно выгодна позиция универсального наукознания с точки зрения аккумуляции потоков символического капитала: и швец, и жнец, и на дуде игрец...

Фантастика как литературный жанр тоже распаивает перед автором немало искушений, и нередко они бывают художественно оправданны. Кто лучше автора, создавшего выдуманный мир, может знать, что к чему в этом мире? Я не сторонник того, чтобы заставлять фантастов сочинять мир в строгом соответствии со школьным учебником физики. Но сочинительство миров открывает соблазн выступать экспертом по всем вопросам мироздания. Кто, как не фантаст, должен быть лучше знаком с мифологией примитивных обществ, квантовой механикой, отечественной историей, теорией систем, коневодством и течением киберпанк?

Однако по большинству вопросов существуют люди, гораздо лучше знакомые с отдельно взятой

темой, чем выдернутый из своего уютного мирка писатель-фантаст, самонадеянно открывающий рот в поисках чего бы еще такого сказать позаковыристей. По большинству вопросов существуют авторитеты, школы, различные подходы и традиции — писателю, который с этим не знаком, советую воздержаться от высказывания экспертных суждений.

Еще Сократ говорил: прежде чем заняться каким-нибудь делом, хорошо бы ему немного поучиться. Если вас интересуют мифы — прочтите несколько книг по антропологии, познакомьтесь с основными понятиями. Если хотите написать рассказ про квантовую механику и не знакомы с этой дисциплиной с вузовской скамьи — найдите популярные книжки, в большом количестве издававшиеся в советское время. Хотите что-нибудь сказать про киберпанк — познакомьтесь для начала хоть с несколькими рассказами Гибсона. А вместо того, чтобы выступать экспертом по неизвестным для вас вопросам, пишите лучше фантастику. Делайте то, что у вас лучше всего получается.

Для кого-то сочинительство — это ремесло, или профессия, или судьба. Но писатель — это не почетное звание. И наличие такого звания само по себе не обеспечивает дополнительного притока символического капитала.

Среди целого ряда проблем, поставленных в заметках С. Некрасова, одна выделяется своей неожиданностью: с точки зрения автора, критические и теоретические выступления нужны не только (а сейчас, может быть, и не столько) читательской аудитории, но и самому писательскому цеху. Вот и спросим у его представителей, так ли это, а заодно предложим оценить состояние нынешней критики и фантастикovedения.

Эдуард ГЕВОРКЯН:

В наши лихие времена критики превратились в специалистов по рекламe (своих друзей—писателей либо же издателей, от щедрот которых кормятся), литературоведов можно сосчитать по пальцам одной руки (левой), а лучшие публицисты все дальше отходят от литературы и, в основном, пропагандируют правые идеи. Речь идет, разумеется, не о мейнстриме с его мизерными тиражами и не о самозабвенной попсе с тиражами запредельными, а о наших с вами пажитях фантастических.

Писатель — организм нежный, его не то что неласковое слово, а косой взгляд обидит. Но денежки считать при этом умеет неплохо: ругают, знают, замечают. Рынок—с... Это раньше за критикой следовали оргвыводы, а еще раньше заклеянный «неистовым Виссарионом» писатель с тоски уезжал в Баден-Баден или там в Рим — писать очередной великий роман XIX века...

Сейчас проще стало.

В бинарной оппозиции «Писатель — Критик» есть своего рода «сингулярность», или, вернее, преформационный аспект — в каждом творце находится эмбрион критика и, наоборот, плох тот критик, который не знает, «как надо» творить прозу. Когда-то критикам было неуместно баловаться прозой: они справедливо полагали, что в таком случае их объективность становится фикцией; а писателям — критикой; те не менее справедливо считали, что она может быть воспринята как: а) сведение личных счетов, б) сведение групповых счетов и в) см. пункт «а».

В последние десятилетия схождение рядов становится фактом очевидным, и дискомфорта от этого никто вроде не испытывает. Очередная переоценка ценностей прошла легко и безболезненно — наподобие касторового масла, скользящего сквозь организм. Собственно, в творчестве — процессе глубоко интимном — и раньше не имелось авторитетов, только в этом стыдно было признаваться. Теперь же пинать мертвых львов — дело модное и прибыльное. И коли все дозволено и никто «ндраву» взаимно не перечит, то критерии качества рассеиваются, как пыльца, при одном лишь молодецком окрике: «А ты кто такой!».

Не то беда, что критические публикации в массе своей превратились в развернутые рецензии, одобренные самодовольным «я так вижу». Не то беда, что писатель полагает критика наместником Мирового Зла на земле. И даже не в том беда, что серьезных исследователей современной фантастики практически не осталось.

Рано или поздно (скорее всего, в ближайшие годы, ждать недолго) все устанет, появится еще пара-тройка журналов, где найдется место всем алчущим самовыражения хоть в прозе, хоть в парапрозе. Число критиков к тому времени возрастет изрядно: кому из тех, кто пробовал себя на литературном поприще, но не достиг успеха, не захочется судить и рядить своих более удачливых коллег...

Но беда в том, что читателю станут глубоко безразличны все эти разборки внутри секты, в которую превращается наш фэндом.

Собственно, это и есть магистральный путь развития художественной литературы в «цивилизованных странах», о котором мечталось в далекие годы. И если мечта обернулась ночным кошмаром — кто виноват?

Дмитрий ВОЛОДИХИН:

Рецензии и критические статьи дают писателю очень мало или совсем ничего. Критики пишут не для писателей, и чем меньше они будут думать о том, какую бы пользу принести автору рецензируемой книги, тем лучше. Критика существует для читателей. Это такая же литература, только взлетает она не с аэродрома собственного воображения критика, а с ВПП чужого текста. Любая критика — субъективный диалог с читателем об определенных литературных нормах, об идеях, об этических установках, об эстетике или особенностях языка. Если читатель не заинтересовался текстом и диалога нет, значит, критик потерпел поражение. А уж какими средствами следует добиваться читательского внимания, каждый решает сам. Критика — в большей степени искусство, в то время как литературоведение ближе к науке.

Если писатель хочет получить какую-то помощь от критика, идеальный вариант — пообщаться приватно, поговорить по душам. А к отзывам в печати и Сети лучше бы относиться с полным равнодушием. Это я уже как писатель говорю. Есть такое обстоятельство писательской карьеры: чужое мнение о твоей работе выносится на всеобщее внимание. Что ж, следует терпеть, смиряться, встречать спокойно и хвалу, и хулу. Любая рецензия, даже разгромная, не повод для огорчения; нервничать надо, когда никаких отзывов нет. Вот тут пора крепко задуматься о жизни и судьбе...

Все сказанное выше относилось и к мейнстриму, и к фантастике. Но у критики, функционирующей в мире фантастической литературы, есть особенности. Во-первых, средний критик-мейнстримовец в большинстве случаев образованнее, профессиональнее, тоньше критика, работающего в фантастике. При этом мейнстримовец, влезая в наш мир, разумеется,

может делать чудовищные ошибки из-за незнания материала... Во-вторых, наше жизненное пространство крайне невелико. Аннотационного вида рецензии, реденькие обзорчики, еще более реденькие послесловия/предисловия. А полноценных критических статей — с гулькин нос, мизер, курам на смех. По сравнению с мейнстримовскими объемами — просто ничто. Полагаю, очень нужен альманах, который был бы свободной трибуной для критиков и литературоведов, занимающихся фантастикой. Чтобы и объем давался приличный, и редакционные требования не давили на ребра. Кроме того, очень нужен семинар, где начинающий критик мог бы получить представление об основах ремесла и просветиться по части истории фантастики.

Нынешний состав постоянно работающих критиков совсем неплох, по моему, но за ним тянется длинный шлейф случайных рецензентов, которым грош цена. «Регулярным» критикам, на мой взгляд, можно поставить твердые четыре балла. Остальным — от кола до двочки. Поэтому простора для развития уйма, было бы желание развиваться.

В прежние времена, при Белинском, в эпоху Серебряного века, да и в советский период, критика имела более высокий статус, чем сейчас. Тогда критик мог стать истинным «властителем дум», персоной из высшего эшелона литературы, из общественной жизни. Сейчас из всех действующих критиков (их в одной фантастике более 40 человек, включая «маргиналов», а в основном потоке — сотни) один Немзер худо-бедно способен играть роль полноценного ньюсмейкера, оставаясь в пределах своего ремесла. Из наших — никто. Поэтому нынешние критики стараются позиционировать себя шире, чем позволяет им профессия. Для того, чтобы расти, им мало совершенствоваться в создании критических текстов, им надо лезть в политику, шоу-бизнес, смежные области журналистики. Сейчас не лучшие времена для критиков во всех отраслях литературы... хотя и не полный провал.

Олег ДИВОВ:

Нынешний цех фантастов живет по законам родоплеменной общины. Все мы в некотором смысле братья-сестры, в разной степени друзья и по большей части соратники. Как настоящие индейцы, мы чтим священных животных, воздвигаем тотемные столбы, носим вампумы. Некоторым особым отличившимся положены именны томагавки.

Понятное дело, у нас есть шаманы.

Здесь и зарыта Большая Дохлая Собака: это шаманы нашего племени. Да, они делают вид, будто способны общаться с духами Редакторов Журналов и призывать Падение Тиражей на головы врагов. Но по сути шаманы — те же родственники, друзья, соратники.

Им нет резона выносить сор из вигвама. Обряды более-менее серьезной критики проводятся без лишних свидетелей и на словах. Ведь обозна-

чение тенденций, прогнозы развития, тревожные кличи — то, чего ждут от критики — почти нереально без пинания священных животных и подкопов под тотемные столбы. Тенденции налицо, прогноз тяжелый, пора бить в бубен, а как это делать, если кумиры нового поколения фантастов, те, по кому ровняют строку и загибают фабулу, ныне здравствующие вожди?

Ты же никому зла не хочешь, шаман. Ты нас любишь, и это взаимно. Ну попробуй выступи перед всем племенем, скажи, что я не туда веду молодежь. Допустим, я тебя пойму. А молодежь может и возмутиться. Кстати, она мне недавно топор вручила с дарственной надписью и кокетливым бантиком.

Получается, чтобы всем убедительно нарезать правды-матки мелкими ломтиками, надо сначала от племени дистанцироваться. Либо никогда в нем не состоять.

Но вот незадача: изгои и «независимые» не занимаются критикой. Их стрелы обильно смазаны трупным ядом, однако тупы. Вспомним легендарного и, похоже, никогда не существовавшего в действительности одинокого воина Арбитмана — его статьи были полны ругани, но почти не содержали конструктива. Если твердить изо дня в день: «Все плохо, вы убожества, ваши читатели идиоты», — охота доброй не будет. Это не критика, это именно шаманство, недаром Арбитман, согласно легенде, выходит из нашего племени.

Иногда законы племени, накладываясь на законы рынка, приводят к полному абсурду. Вот есть у нас Очередной Лучший Журнал Европы. Одна из его задач — информирование широких индейских масс о книжных новинках. Под это отдано много журнальных полос. Каждую новинку положено обшаманить (виноват, обозреть) и поставить ей балл. Ничего не имею против. Закавыка в чём: добрая половина новинок не подлежит не то что рецензированию — прочтению вообще. Их стыдно рекомендовать даже неграмотному индейцу. Однако целый штат шаманов возносит новинкам хвалу и получает за свою ритуальную трясучку какие-то деньги.

А вот наш Лучший Фэнзин Европы. Совсем независимый, поскольку Фэнзин. Не знаю, как сейчас, но год назад там можно было увидеть стоящие подряд обзорные рецензии с упоминанием книг Великого-Вождя-и-Гуру. В первом обзоре было написано, что Великий блистателен и непревзойден, во втором, что его читать — себя не уважать. Типичное шаманство: мы гарантированно призываем дождь с вероятностью пятьдесят процентов.

Но это все понятно, хоть и грустно. Увы, встречается шаманство действительно постыдного сорта — когда хвалебный гимн поется книге «идейно выдержанной», сколь бы бездарно она ни была сделана. Лично мне стыдно за критика, пишущего: «Этот текст безобразен, читается через силу, но идеи его очень правильные и актуальные, ознакомьтесь непременно». Сразу хочется попросить всю эту мечеть парижской богомате-

ри выйти из племени вон. У нас и так полно неумелых книжек, не хватало еще делить их на вредные и полезные... Вспоминается развернутая Вождем Валентиновым дискуссия «Хорошо ли писать о немецких фашистах хорошо?». Один мой коллега решил в пике фашистофилам написать о фашистах плохо. Плохо написал. Что теперь, объявлять его великим воином?

Вне ареала племени тоже есть критика и критики. Где-то за окоёмом, где течет мейнстрим. Но вот беда: наши шаманы компетентны, однако никому не сдались за окоёмом, а мейнстрим-шаманы там авторитетны, зато в предмете ни бум-бум. Пару раз вскрикивал о фантастике Лев Пирогов — почти нецензурно, ибо прочел по ошибке сугубо детскую книжку и решил, что мы так пишем для взрослых. А подвижническая деятельность Ольги Славниковой, грамотно разбиравшей в Толстых Журналах фантастику наравне с реалистической прозой, — как никого не трогала, так и заглохла. Впрочем, племени фантастов это все до тотемного столба, нам ничего не говорят имена Пирогова и Славниковой — как потребителю модной прозы ничего не говорят наши гордые индейские прозвища.

Я сейчас банальность скажу, но сила, как известно, в правде: нет у нас полноценной текущей критики, да и ну ее к Маниту. У нас есть, простите за кривые термины, «информирующее рецензирование», «обзоры разной степени пристрастности», «узкотематическая аналитика» и мелочно-обиженная интернет-ругань. Этого хватит пока. А другого и не выйдет. Ибо серьезный, вдумчивый, компетентный и неангажированный критик, взявшись потрошить текущее племенное творчество, упрется в проблему — кроме банальностей, сказать нечего. А ведь хороший критик не просто анализирует и отражает, он еще создает литературу второго порядка. Он обязан быть небанальным, писать ярко, выдвигать свежие идеи и взламывать заскорузлые стереотипы. Есть сейчас для этого предпосылки? Нет. Мы в фазе мягкой стагнации. У нас полный порядок, и помощи ждать неоткуда. Мы органично вписаны в национальный рынок. Загнали себя в эту яму сами. Очень хочется ребрендинга, но он невозможен без радикальной модификации продукта. Лучшие из наших авторов слишком хороши для основной массы читателей фантастики и недостаточно «свои» для потребителей реалистики. Вот и вся критика. Кто этого не знал? Все индейцы знают. Кто не в курсе, тот не индеец.

Глядя на проблему из вигвама, я ратую за то, чтобы у племени была «высоколобая» критика академического толка. Ее надо возвращать и подкармливать прямо сегодня. Она нам пригодится не завтра, так лет через десять.

Но стоит шагнуть за порог, и я вижу: шаманы опять варят ритуальный напиток. Сейчас надерутся и будут улучшать погоду. Как обычно, с вероятностью пятьдесят процентов.

Время бить в бубен?

«АРТУР КЛАРК ПРИЕЗЖАЛ НЕ К ЧИНОВНИКАМ, А КО МНЕ»

С тех пор как Циолковский заложил основы теоретической космонавтики, минуло уже больше века. За это время было предложено множество самых экзотических проектов достижения космических высот: от построения огромной пушки, способной забрасывать снаряды на Луну, до эскадрильи ядерных звездолетов. Но один проект, появившийся незадолго до орбитального полета Юрия Гагарина, стоит особняком, завораживая масштабом замысла не только писателей-фантастов, но и серьезных ученых. Речь идет о космическом лифте — транспортере, который соединит Землю с высокой орбитой, откуда могут отправляться межпланетные корабли. Эту идею выдвинул и обосновал ленинградский инженер Юрий Николаевич Арцутанов.

— Юрий Николаевич, возвращаясь популярность подобной идеи объясняется прежде всего тем, что американские компании разрабатывают по заказу НАСА первый реальный проект такого лифта. В материалах часто упоминается и ваша фамилия. Расскажите, пожалуйста, как родилась идея лифта?

— Понимаете, сама по себе идея не нова. Веревку или лестницу в небо можно найти в сказках, в мифах. Например, в Библии говорится о том, что пророку Иакову было видение: лестница до неба и ангелы Яхве, спускавшиеся по ней. Барон Мюнхгаузен добрался до Луны по бобовому стеблю, а спулся назад по веревке. Есть рус-

ская народная сказка, в которой старик строит лестницу до самого неба. Есть английская сказка о Джеке и Бобовом стебле. Есть и другие истории. В XIX веке французский романист Андрэ Лори описал проект чугунной трубы от Земли до Луны, но потом сам же его раскритиковал. Потом был немецкий писатель Курт Лассвиц, который придумал антигравитационный лифт на Северном полюсе...

Из ученых первым этот проект обдумывал Константин Циолковский. Но он писал о гипотетической башне до высокой стационарной орбиты, чтобы просто проиллюстрировать, какие физические силы будут действовать на человека, поднимающегося по этой башне

все выше и выше, в космос, до точки равновесия сил притяжения и убегания... С позиций инженера идею просчитал Фридрих Цандер в 1910 году. Он предполагал построить лунный лифт, который облегчил бы высадку космонавтов на Луну и возвращение с нее. Цандер взял самую качественную сталь того времени и посчитал, что диаметр каната у такого лифта будет несколько километров при длине в тысячи километров, то есть на осуществление подобного проекта не хватит всей земной стали.

Со мной история была такая. Мой друг, большой специалист в пластмассах, рассказал как-то, что изготовили очень прочный материал. Обычно величина прочности канатов определяется его максимальной длиной, при которой он начинает рваться под собственным весом. Так вот, для этого материала такая разрывная прочность составляет 400 километров. У меня тогда возникла забавная мысль: на высоте 400 километров сила тяжести меньше, а значит, вес каната тоже меньше, и его можно будет удлинить. Шутки ради начал считать. И в процессе вычислений стало интересно: а какой должна быть прочность каната, чтобы другой его конец довести до области с нулевой силой тяжести, до точки равновесия? Оказалось, что это астрономическая цифра, и реализацию такого проекта осуществить невозможно.

Но раз уж странная идея пришла в голову, то совершенно не-

обязательно делать канат постоянного сечения, а можно, например, равнопрочного сечения — то есть по мере подъема делать его все толще и толще, чтобы он выдерживал не только вес лифта, но и вес всего свисающего вниз каната... Посчитал. И получилось, что связи между атомами в молекулах допускают такую прочность. Значит, теоретически подобный канат может быть создан. Кстати, почти сразу я узнал, что требуемая прочность уже есть — ее обеспечивают так называемые «усы металлов»!

И вот однажды, будучи в Москве проездом, я зашел в редакцию газеты «Комсомольская правда» и изложил свою идею редактору научного отдела. Тот позвонил на кафедру сопромата и спросил: это вообще реально? Профессор ответил: в принципе, да. И уже через неделю, 31 июля 1960 года, «Комсомолка» напечатала статью «В космос — на электровозе». Благодаря этой публикации приоритет в изложении первого инженерного проекта космического лифта Земля—Космос зафиксирован за мной. И за Россией...

— Но настоящая слава к вам пришла много позже — после того, как знаменитый фантаст Артур Кларк описал космический лифт в своем романе «Фонтаны рая». Это случилось в 1979 году, и Кларк проявил уважение, отметив ваш приоритет.

— Я очень благодарен Кларку за популяризацию моей идеи. Здесь

ведь тоже была непростая история. В 1966 году американские океанологи описали проект космического лифта в журнале «Сайенс». Их очень интересовал вопрос прочности канатов — они используют тросовую систему для глубоководных погружений и подъема предметов с глубин. Они провели расчеты и пришли к тем же выводам, что и я. «Комсомолку» они, конечно, не читали и решили, что совершили открытие. А у нас в Ленинграде был такой писатель, специализировавшийся на научно-популярной литературе, Владимир Львов, ныне покойный. Он перевел статью океанологов и принес в «Ленинградскую правду». А редактор ему говорит: это было! Так Львов вышел на меня. И написал статью «Лифт в космос — чья идея?». Статья была переведена на Западе, и океанологи признали, что придуманный ими лифт вторичен. Об этом же написал и Артур Кларк.

— **Благодаря Артуру Кларку лифт стал одной из любимых игрушек фантастов. Его варианты можно встретить в романах, в рассказах, в фильмах и даже в компьютерных играх... Кстати, ведь вы, кажется, лично знакомы с Кларком?**

— Артур Кларк гостил у нас в 1982 году. Он никогда не был настроен особо прокоммунистически, но когда его пригласила редколлегия журнала «Техника — молодежи», решил приехать в Советский Союз. Сначала посетил Москву, а

потом отправился в Ленинград. Его встречала целая делегация из Смольного, ну и меня пригласили. Ехал-то Кларк не к нашим чиновникам, а конкретно ко мне. Так мы и познакомились лично. Кларк — очень благожелательный человек. Но после его визита случилась неприятная история. Вернувшись домой, он написал новый роман из серии «Космическая Одиссея» и посвятил его опальному академику Андрею Сахарову. Кроме того, членам экипажа вымышленного советского корабля он присвоил фамилии знаменитых диссидентов из Хельсинской группы. И этот роман стали печатать в «Технике — молодежи». И тут началось! Главного редактора Захарченко сняли. Членам редколлегии «поставили на вид». Репрессии коснулись даже меня. Мое начальство в прямом смысле преследовало меня за связь с Кларком: наверное, решили, что я такой же диссидент, как Сахаров или Хельсинская группа...

— **Сильно пострадали?**

— Нет, не сильно. Но работы заворачивали долго... Кстати, с Артуром Кларком мы до сих пор в контакте. На праздники он мне присылает открытки с видами Шри-Ланки, где живет сейчас...

— **Давайте вернемся к лифту. Вы работали над развитием этой идеи?**

— Да, конечно. Например, я почти сразу подумал, что нет необходимости привязываться к точке на Земле, а можно сделать враща-

ющуюся тросовую систему — такое гигантское колесо, которое будет забрасывать космические корабли на высокую орбиту. В дальнейшем я рассчитал стационарные и нестационарные лифты для Луны, Марса, астероидов. Можно построить два лифта на Земле и Луне так, чтобы они работали друг на друга, и тогда возможно будет пересылать тысячи тонн груза на наш естественный спутник и обратно с минимальными затратами энергии.

— А какие-то другие проекты были? Не связанные с лифтом?

— О, очень много. Я вообще-то изобретатель и патентую всякую всячину. Что касается астроинженерных сооружений, то я, например, доказал, что сфера Дайсона — такое гигантское сферическое сооружение, которое, по мнению физика Дайсона, должны возводить вокруг своих светил высоко-

развитые цивилизации — не устойчива. И я разработал форму, при которой она будет устойчива.

— Ваш вклад в развитие теоретической космонавтики как-то отмечен государством?

— Нет. Для государства я, по-видимому, не существую. Обо мне вспомнили лишь в связи с тем, что в США разрабатывают новые проекты космических лифтов. Телевидение приезжало. Даже на какую-то конференцию зазывали, но потом опять забыли.

— Как вы думаете, удастся американцам построить космический лифт?

— Думаю, что да.

— И последний вопрос. Над чем вы сейчас работаете?

— Над проектом вечного двигателя...

Беседовал Антон ПЕРВУШИН

Р.С. Экстраполяция роста перевозок на конец века показывает, что грузооборот на трассе Земля—орбита увеличится почти в полтора раза. Однако эксплуатационные характеристики ракет близки к абсолютному пределу, обусловленному законами физики.

Какова же альтернатива? В течение многих веков люди мечтали об антигравитации, нуль-переходах и тому подобных вещах. К сожалению, это всего лишь фантазия. Однако почти одновременно с запуском первого спутника один смелый русский инженер придумал систему, которая сделает ракету устаревшей.

Прошло много лет, прежде чем кто-либо принял всерьез идеи Юрия Арцутанова. Потребовалось два столетия, чтобы наша техника достигла уровня, соответствующего глубине его прозрения...

А.Кларк «Фонтаны рая».

Андрей Саломатов

завоевал премию им. А.Н.Толстого (лучшее произведение для детей и подростков) за фантастическую повесть «Робот-бродяжка». Кроме того, по произведениям писателя снято несколько мультфильмов. «Эволюция Петра Сенцова» (по рассказу «Урок истории») режиссера Андрея Соколова уже получил на двух фестивалях главные призы. Еще один мультфильм, «Знакомые нашей елки», поставил на студии «Союзмультфильм» режиссер Дмитрий Лазарев. В данный момент снимается анимационная экранизация фантастической повести «Боги Зеленой планеты» (режиссер Андрей Соколов, студия «Пилот»).

Премия

им. Филипа Дика, ежегодно вручаемую Филадельфийским научно-фантастическим обществом за лучшие НФ-произведения, выходявшие на территории США в мягкой обложке, в 2006 году получил роман М.М.Бакнера «Военный прибор».

Мюзикл

по мотивам знаменитого фантастического романа А.Беляева «Человек-амфибия» поставлен в московском «Театре под руководством Геннадия Чихачёва». Автор мюзикла — Виктор Семёнов, либретто Михаила Садовского, а режиссером выступил сам руководитель театра. В ролях: Дмитрий Пивоваров, Владлен Михалков и др.

Вышел в свет

первый номер нового фантастического альманаха — литературного приложения к журналу «Знание — сила». Ежеквартальное издание так и называется «Знание — сила. Фантастика» и продолжает традиции знаменитого в среде любителей фантастики журнала, которому в этом году исполняется 80 лет. В первый номер альманаха вошли произведения как известных (А.Громов, С.Синякин, В.Ильин), так и начинающих (И.Письменный, П.Ртищев) авторов, а также не издававшийся ранее рассказ Г.Гуревича.

Сообщение

о том, что компания Warner Brothers приобрела права на экранизацию еще не опубликованного на бумаге первого романа автора-дебютанта Джо Хилла «Коробка в форме сердца», поначалу вызвало недоумение — что это за ге-

Электронные письма

ниальный дебютант? Ларчик открывался просто: Джо Хилл — сын Стивена Кинга...

от Сергея Лукьяненко с предложением поработать в со-авторстве получили десятки российских молодых писателей. Многие мгновенно ответили согласием, не посмотрев ни на дату отправки письма (1 апреля), ни на адрес отправителя, лишь отдаленно напоминающий настоящий e-mail Сергея. Таким образом неизвестный шутник взбудоражил и позабавил сетевую фантастическую общность.

Бесконечные

судебные процессы по обвинению в плагиате серьезно затормозили Дэна Брауна в работе над продолжением знаменитого бестселлера «Код да Винчи». Пока Браун выигрывает один процесс за другим (в охоте за деньгами Брауна принимают участие даже россияне), выход его новой книги, содержание которой держится в глубочайшей тайне, переносится с конца 2006 года на первую половину 2007-го. Рабочее название романа «Ключ Соломона», скорее всего, отвлекающий ход, и настоящее название не будет иметь с рабочим ничего общего.

Россия

выиграла право на проведение в 2008 году Европейской конференции по фантастике («Еврокона»). За это решение проголосовали участники «Еврокона-2006», проходившего в апреле в Киеве (по традиции «Евроконы» устраиваются поочередно — в Восточной и Западной Европе: так, «Еврокон-2007» пройдет в Дании). Российский «Еврокон» состоится весной в рамках самой крупной на территории СНГ конференции «Роскон».

На киевском «Евроконе» во многих номинациях традиционных премий победили россияне. Так, лучшим промоутором Европы назван Владимир Борисов (БВИ); лучшим автором презентации — режиссер Алексей Федорченко за фильм «Первые на Луне»; лучшим журналом стал «Мир фантастики» («Если», завоевавший подобный приз еще в 2000 году, в течение десяти лет не имеет права выдвигаться в этой номинации). Кроме того, Россия при голосовании делегаций поддержала украинское выдвижение в номинации «Лучший автор» — в результате в этой категории победили Г.Л.Олди. Впервые вручались призы

«Гранд–мастер Европы»: это звание получили Гарри Гаррисон и братья Стругацкие.

Супруги Дятченко

стали авторами мюзикла. Музыкально–литературный проект «Дикая энергия. Лана» включает в себя одноименный роман супругов, рассказывающий о синтетическом мире, и зрелищное музыкальное представление, в котором участвует известная украинская певица Руслана, победительница конкурса «Евровидение». Она исполняет главную роль девушки Ланы.

Телесеть

ABC запускает уникальный проект под названием «Мастера научной фантастики». В основу телесериала (пока запланировано 13 часовых эпизодов) лягут произведения какого–либо из классиков НФ — Роберта Хайнлайна, Рэя Бредбери, Харлана Эллисона, Айзека Азимова... Для работы над каждой серией приглашены известные телережиссеры. Первый эпизод — «Страж–птица» — по рассказу Роберта Шекли снимает Майкл Толкин.

В центре

нашей Галактики американские ученые обнаружили странный объект. Это гигантская туманность (диаметр около 80 световых лет) в виде двойной спирали. Ее конфигурация очень похожа на классическое изображение молекулы ДНК. Обнаружить туманность удалось с помощью телескопа «Спитцер». Вряд ли это искусственный объект, считают ученые и высказывают массу гипотез о естественных причинах возникновения загадочного образования с высокоупорядоченной структурой.

Британский

фантаст Нил Гейман решил попробовать себя в роли режиссера. Он поставит фильм «Смерть: Высокая цена жизни» по мотивам одного из собственных комиксов о Песочном человеке. Героиня фильма — Смерть, сестра Песочного человека, повелителя снов, которая раз в 100 лет на один день становится человеком.

Еще один

роман из знаменитого «Дорсайского цикла» (или «Цикла о Чильде») Гордона Диксона готовится к печати в издательстве Tor Books. Неоконченный роман «Антагонист» дописал друг и ассистент писателя Дэвид Вискон.

Агентство F-press

БЕНЕДИКТОВ Кирилл Станиславович

Родился в 1969 году в Минске. Высшее образование получил на историческом факультете МГУ. Первый рассказ «Даргавс, город мертвых» опубликовал в 1990 году в минском журнале «Парус». Написав еще несколько рассказов, К.Бенедиктов почти на десять лет отошел от литературной деятельности. За это время он успел окончить Колледж Европы в Брюгге (Бельгия), несколько лет поработать за границей, в том числе в ОБСЕ. Сейчас живет и работает в Москве.

В 2001 году вышла первая книга фантаста, роман «Завещание Ночи» (2001), за которой последовал роман «Война за «Асгард» (2003), собравший целый букет премий, в том числе «Бронзовую улитку», «Бронзовый Роскон», «Странник» и «Еврокон-2004». У критиков Бенедиктов завоевал репутацию одного из самых ярких представителей «новой волны» отечественной фантастики, его повести и рассказы — частые гости в антологиях и журналах. Лучшие работы автора в «малой форме» составили первый сборник повестей и рассказов «Штормовое предупреждение», выпущенный в 2004 году. А в конце прошлого года вышел новый роман автора «Путь Шута».

ВИНДЖ Вернор (VINCE, Vernor)

Известный американский писатель-фантаст и ученый-математик Вернор Стеффен Виндж (правильно его фамилия произносится Винже) родился в 1944 году в городке Уокеша (штат Висконсин) и после окончания университета и защиты диссертации преподавал математику в Университете города Сан-Диего в Калифорнии.

Первым научно-фантастическим произведением Вернора Винджа стал рассказ «Разобщенность» (1965). С тех пор писатель, все это время не прекращавший своей научной деятельности, опубликовал 17 рассказов и повестей (две из них завоевали премии «Хьюго» и «Небьюла»), а также девять романов. Славу Винджу как мастеру «твердой» science fiction, не чуждому и социальной тематики, принесли две трилогии: первая под общим заголовком «Сквозь реальное время» — «Война — миру» (1984), «Затерянные в реальном времени» (1986, премия «Прометей») и «Неуправляемые» (1987); вторая под названием «Зоны мысли» — «Огонь из бездны» (1992), «Глубина в небе» (1999) и «Конец радуги» (2006). Роман «Глубина в небе» осыпал автора звездным дождем: Виндж получил премию «Хьюго», Премию им. Джона Кэмпбелла, Мемориальную премию им. Джона Кэмпбелла (это не одно и то же) и вторую премию «Прометей».

ДЖАСПЕР Майкл (JASPER, Michael L.)

Американский автор Майкл Л.Джаспер (не путать с другим американским писателем — Майклом Дж.Джаспером) родился в 1977 году в Дайерс-

вилле, штат Айова. После окончания Университета Северной Каролины в Рэлее Джаспер, по его собственным словам, «чего только не перепробовал: работал буфетчиком, учил детишек в школе, красил дома, был занят на стройке, но всему этому предпочел литературную деятельность».

Джаспер взялся за перо еще на младших курсах университета, а в 2000 году принял участие в конкурсе молодых фантастов «Писатели будущего». Первым опубликованным рассказом автора стал «Пятидесятиминутный Ницше» (1996). С тех пор он выпустил более 40 рассказов, в том числе во внежанровых журналах и сетевых изданиях; лучшие произведения вошли в его первый сборник «Стрельба за Будду» (2005). Кроме того, весной этого года читатели увидели первый роман (мейнстрим со сверхъестественными мотивами) — «Мечь сердца». Ныне запланирован выход другого (современная фэнтези) — «В шестнадцать милях от чего бы то ни было».

МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич

Ветеран отечественной фантастической прозы Владимир Михайлов родился 24 апреля 1929 года в Москве, однако после ареста родителей ему пришлось перебраться в Ригу к родственникам, где он прожил до начала 1990-х годов. Некоторое время учился на юридическом факультете Латвийского университета, но закончил филологический факультет того же вуза. После учебы некоторое время работал в журнале «Дадзис», а в 1963 году возглавил самую уважаемую республиканскую газету «Литература ун максал» («Литературная газета»), но спустя несколько лет его сняли с должности «за излишний либерализм». С журналистикой связана и еще одна страница в биографии писателя. В 1980-е В.Михайлов стал главным редактором литературного журнала «Даугава», где активно публиковал фантастику.

Печататься В.Михайлов начал в 1950-х — как поэт и журналист, а в 1962 году в «Искателе» писатель дебютировал с фантастической повестью «Особая необходимость». Первые книги фантаста — «Особая необходимость» (1963), «Люди Приземелья» (1966), «Люди и корабли» (1967), «Ручей на Япете» (1971) — вывели Михайлова в число ведущих авторов «твердой» НФ. Однако подлинную популярность писатель приобрел после выхода ставших классикой романов социальной НФ — «Дверь с той стороны» (1974) и особенно «Сторож брату моему» (1976). Последний положил начало самому известному циклу писателя о капитане Ульдемире (о новом романе цикла «Может быть, найдется там десять?» см. материал А.Синицына в № 5 за этот год). В конце 1990-х именем этого литературного героя астрономы назвали одну из малых планет Солнечной системы. Диапазон творчества писателя простирается от жесткой социальной фантастики до НФ-детектива. За более чем 40-летнюю творческую деятельность В.Михайлов, обладатель

многих жанровых премий и титулов (в том числе — «Паладин Фантастики»), выпустил более 30 книг, в том числе — «Тогда придите и рассудим» (1983), «Один на дороге» (1987), «Не возвращайтесь по своим следам» (1991), «Ночь черного хрустала» (1991), «Восточный конвой» (1996), «Посольский десант» (1996), «Приют ветеранов» (1996), «Вариант И» (1997), «Наследники Ассарта» (1998), «Кольцо Уракары» (2000), «Завет Сургана» (2002), «Медные трубы Ардига» (2004), «Тело угрозы» (2004), «Решение номер три» (2005), «Может быть, найдется там десять?» (2006).

СИНЯКИН Сергей Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

Корр.: В последнее время в своем творчестве вы нередко обращаетесь к истории второй мировой войны. Чем вызван такой интерес?

С.Синякин: Ну, во-первых, не так уж и часто. А во-вторых, характер людей и идей резче проявляется в экстремальных условиях. Война — тот самый экстрим, через который я обращаюсь к людям и идеям и который позволяет резче высветить и обозначить и то, и другое. Мир воображаемый часто влечет за собой искусственность ситуаций и героев, чего я всегда хотел и пытаюсь избежать. Кроме того, мне всегда нравилась история — наука, которую люди переписывают с каждой сменой власти, вследствие чего она становится не менее фантастичной, чем многие антиутопии.

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERICK, Carl)

Американский ученый-физик Карл Фредерик родился в 1963 году и закончил университет с дипломом физика-теоретика (он специализировался в квантовой теории относительности). После этого К.Фредерик защитил диссертацию и работал в НАСА и Корнеллском университете, а в последнее время трудится в небольшой компании, занятой разработкой программного обеспечения.

Фредерик посещал курсы для молодых авторов Odyssey и дебютировал в научно-фантастической литературе рассказом «Исследование жуков», опубликованном в 2003 году в журнале «Analog»; там же и в том же году вышел и второй рассказ Фредерика — «Инцидент с космическими мышками». Оба эти произведения были отмечены на ежегодном конкурсе молодых фантастов «Писатели будущего». С тех пор фантаст-ученый опубликовал 12 рассказов. В настоящее время Карл Фредерик живет с женой, двумя детьми и домашним роботом в сельской местности в окрестностях Итаки (штат Нью-Йорк), предпочитая проводить свободное время за изучением иностранных языков и игрой на шотландской волынке.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 50 рублей за номер, включая стоимость почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В ИЮЛЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖДЕТ ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР:

**«НЕФОРМАТНАЯ» ФАНТАСТИКА В «ЕСЛИ»
ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА И ДЕБЮТАНТЫ ЖУРНАЛА:**

ПОВЕСТИ

Кейдж БЕЙКЕР «Мадам Айгюптос»

Кори ДОКТОРОУ «После осады»

РАССКАЗЫ

**Андрея САЛОМАТОВА, Павла АМНУЭЛЯ,
Владимира БЕРЕЗИНА, Ричарда ЛОВЕТТА**

а также

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгения ЛУКИНА

и наконец

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Василия ГОЛОВАЧЁВА:

экранизация знаменитого супербоевика «Смерш-2»

ЖДИТЕ НОВЫЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

**Подписку на наш журнал с любого месяца вы можете
оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».**

**Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.**

ISSN 1680-645X

06006

9 771680 645003

